

Піанна Карт

Розквітання любові між
ВІКТОРІЯ ХОЛТ

Дітя любові

Конец XVIII века. После смерти короля Англии Карла II борьба между католиками и протестантами вспыхивает с новой силой. Возлюбленный Присциллы - главной героини романа, вовлечен в эти интриги и гибнет на эшафоте, не успев сочетаться с нею браком. Чтобы скрыть рождение ребенка, Присцилла со своей подругой уезжает в Венецию...

- [Холт Виктория](#)

-

Холт Виктория

Дитя любви

Виктория ХОЛТ
ДИТЯ ЛЮБВИ

Анонс

Конец XVIII века. После смерти короля Англии Карла II борьба между католиками и протестантами вспыхивает с новой силой.

Возлюбленный Присциллы - главной героини романа, вовлечен в эти интриги и гибнет на эшафоте, не успев сочетаться с нею браком. Чтобы скрыть рождение ребенка, Присцилла со своей подругой уезжает в Венецию...

ЗАГОВОР

В первые я поняла, что происходит нечто очень странное и загадочное, когда мой отец, до сих пор вроде бы даже не замечавший мое существование, внезапно пришел к выводу, что миссис Филпотс, исполнявшая обязанности моей гувернантки, требуемыми качествами для этой работы более не обладает и должна быть заменена.

Я была поражена до глубины души. Я никогда не думала, что вопрос моего образования когда-либо коснется его. Будь на моем месте мой брат Карл - он на четыре года младше меня, - здесь совсем другое дело! Карл был центром внимания всей семьи: он носил имя отца (Карл - сокращение от Карлтон, чтобы не запутаться, если два одинаковых имени в одном доме), и растили его так, чтобы он походил на отца, который и сам часто говорил, что сделает из Карла настоящего мужчину. Карл должен был великолепно управлять конем, вести охоту, постичь стрельбу из лука и артиллерийское дело. Тот факт, что его латинский и греческий языки немного "хромали" и что преподобный Хеллинг, чьей задачей было обучать его этим премудростям, уже отчаялся в своих стараниях когда-либо сделать из него грамотного человека, - этот факт был не так уж и важен. Сначала Карл должен стать мужчиной, что означало стать похожим на нашего отца настолько, насколько вообще одно человеческое существо может быть подобно другому. Таким образом, когда отец объявил о своем решении, моей первой реакцией стали не вопросы типа "А какой будет новая гувернантка?" или "А что скажет или будет делать миссис Филпотс?", но огромное изумление тем, что его внимание, наконец-то, обратилось и на меня.

Моя мать - очень типично с ее стороны - сразу спросила:

- А что станет с Эмили Филпотс?

- Моя дорогая Арабелла, - ответил отец, - сейчас тебе следует больше заботиться об образовании твоей дочери, нежели о благосостоянии глупой старухи!

- Эмили Филпотс назвать глупой никак нельзя, и, кроме того, выгонять моих слуг лишь по одной твоей прихоти я никогда не стану!

Когда родители вместе, они всегда ссорятся. Иногда создается впечатление, будто они ненавидят друг друга, но на самом деле все по-другому. Когда отец куда-либо уезжает, мать сходит с ума от беспокойства, а когда возвращается, именно к матери первой, даже минуя Карла, кидается отец.

- Я и не говорил, что ее надо увольнять, - сказал отец.

- Поставить на пропитание, как старую клячу? - парировала мать.

- Я всегда с любовью относился к своим лошадям, и моя привязанность к ним отнюдь

не кончается с их "сроком годности", - ответил отец. - Пускай старая Филпотс отдохнет и подремлет немного у очага с няней, Салли Нулленс, которая достаточно счастлива и без всяких младенцев?

- Салли делает много для нас, и дети ее любят!

- Не сомневаюсь, Филпотс сможет помочь ей в этом. Одним словом, как бы то ни было, я решил, что хватит пренебрегать образованием Присциллы. Ей нужен кто-то, кто смог бы научить ее более серьезным вещам и стал бы ей настоящим другом: женщина с хорошим образованием и уравновешенная.

- И где нам найти такой бриллиант?

- Такая особа уже найдена! Кристабель Конналт приезжает в конце этой недели, так что у тебя достаточно времени, чтобы донести эту весть до Эмили Филпотс!

В его словах прозвучали решительные нотки, и мать, очень умная и проницательная женщина, сразу поняла, что здесь всякий спор бесполезен. В ее глазах я прочитала, что Эмили Филпотс действительно научила меня всему, чему должна была, и теперь настало время перевести мою учебу на более высокий уровень. Кроме того, отец поставил ее перед фактом, и она приняла это как должное.

Она расспросила его об этой Кристабель Конналт. "Если я не одобрю ее, эта женщина должна будет уехать", - настаивала мать.

- Она, несомненно, поймет, что хозяйке дома надо угодить, - отвечал отец. - Это приятная молодая девушка: я услышал о ней от Летти Уэстеринг. Она хорошо образована, родом из семьи викария. Сейчас ей пришла пора зарабатывать себе на жизнь, и, я думаю, это хорошая возможность для всех нас.

Затем спор продолжился, но, в конце концов, мать согласилась, что Кристабель Конналт приехать все-таки следует, и взяла на себя неблагодарную задачу тактично рассказать миссис Филпотс о том, что вскоре прибудет новая воспитательница.

Эмили Филпотс отреагировала точно так, как мы и ожидали. Как сказала Салли Нулленс, та была просто "сбита с ног" этим известием. Ах, значит, она больше мисс не устраивает! Мисс нужно более образованную? Увидим, что из этого получится! И она объединилась с Салли Нулленс, которая и сама очень обиделась после того, как мистер Карл был отобран у нее, потому что - как объявил отец не дело, чтоб из мальчика "сделали тряпку" все эти женщины. Кроме того, ее возмущение было усилено тем, что мои родители решили больше не заводить детей - хотя и мать, и отец были еще в том возрасте, когда можно было бы сделать так, чтобы детская не пустовала.

Эмили заявила, что она соберет свои вещи и уйдет, и вот тогда мы посмотрим! Однако вскоре первое потрясение немного улеглось, и она постепенно начала понимать, насколько трудно найти в ее возрасте новую работу. А когда мать доказала ей, что без нее просто пропадет, ибо в Англии не было никого, кто б мог так прекрасно шить, как Эмили, та, наконец, позволила умолить себя и осталась. Так что, обосновавшись в комнате Салли Нулленс и с негодованием бормоча себе под нос мрачные пророчества, она принялась готовиться к новой жизни и приезду Кристабель.

- Будь добра к бедной старушке Эмили! - сказала мать. - Это большой удар для нее!

С матерью мы были ближе, чем с отцом. Думаю, она очень страдала от его безразличия ко мне и изо всех сил старалась компенсировать это. Я нежно любила ее, но так случилось, что к отцу я испытывала более сильное чувство. Я так восхищалась им! Он был сильным и властным мужчиной, почти все трепетали пред ним. Даже Ли Мэйн, который и сам очень

походил на него, и все время, сколько я его знаю, - а знаю я его всю свою жизнь - утверждал, что не боится ничего на земле, небесах или в аду (это были его любимые слова), но даже он остерегался моего отца.

Он правил нашим домом, и даже моей матерью, которая была женщиной не из слабых. Она смело противостояла ему, что в глубине души весьма его забавляло. Казалось, они наслаждались тем, что пререкаются друг с другом. Не скажу, что для мира в семье это хорошо, но то, что они друг другом довольны, было очевидно.

Мы были очень странной семьей; взять хотя бы Эдвина и Ли. Когда мне исполнилось тринадцать, им было уже по двадцать, и родились они с разницей в несколько недель. Эдвин являлся лордом Эверсли и был сыном матери от первого замужества. Его отец, двоюродный брат отца, погиб еще до рождения Эдвина. Он был убит возле нашего дома, что создало ему ореол загадочности и романтики, чего, однако, нельзя было сказать о самом Эдвине. Он просто был мне единокровным братом - не так высок, силен, умен, как Ли, но, возможно, так казалось лишь мне?

Что касается Ли, так он вообще не был нам родственником, несмотря на то, что рос и воспитывался в нашем доме еще с младенческих лет. Он был сыном давней подруги моей матери, леди Стивенс, актрисы, чье настоящее имя было Харриет Мэйн. В рождении Ли крылось что-то весьма позорное. Мать не говорила об этом, а рассказала мне все сама Харриет.

- Ли - мой внебрачный сын, - сказала она мне однажды. - Я родила его в ту пору, когда мне совсем не следовало этого делать, но теперь я рада, что поступила именно так, а не иначе. Я вынуждена была оставить его на воспитание твоей матери, и, конечно, она справилась с этим лучше, чем могла бы я.

Не уверена, что здесь она права. Ее второй сын, Бенджи, казалось, прекрасно себя чувствует, и я сама подумывала о том, какая удивительная мать эта Харриет. Она мне очень нравилась и, будто чувствуя мое восхищение, без которого, откуда бы оно ни происходило, она бы, наверное, и жить не смогла, зачастую приглашала меня к себе в гости. Разговаривать с ней было куда легче, чем с каким-нибудь другим взрослым человеком.

Эдвин и Ли служили в армии: это была семейная традиция. Предки Эдвина прославились на службе короля, а его родители встретились, когда король был в ссылке. Моя мать часто рассказывала мне о временах до реставрации монархии и о своем прерывании в старом замке Конгрив, где она жила в ожидании, когда король вступит в свои права.

Она сказала, что, когда мне исполнится шестнадцать, мне дадут почитать семейные дневники, и тогда я все пойму, пока же я начну свой собственный дневник. Сначала я была напугана этим, но когда действительно начала вести записи, то вскоре привыкла.

Вот и вся наша семья: Эдвин, Ли, я сама, на семь лет младше их, и Карл, на четыре года младше меня. Среди многочисленных слуг - наша старая няня Салли Нулленс и Джаспер, главный садовник, со своей женой Элен, которая исполняла обязанности нашей экономки. Джаспер был старым пуританином, который очень горевал о распаде английской республики и чьим героем был Оливер Кромвель. Его жена Элен, как я всегда считала, могла бы быть очень красива, если б хоть иногда позаботилась об этом. Потом следовала Частити, их дочь, вышедшая замуж за одного из садовников и иногда помогающая матери, когда не была обременена детьми, которых заводила каждый год без перерыва.

До этого времени жизнь людей, подобных нам, во вновь обретшей своего короля Англии протекала гладко. Я была слишком юна, чтобы ощутить удовлетворение,

"разлившееся" по стране с возвращением монархии. В один из уроков миссис Филпотс рассказала мне, что раньше все свободы были столь ограничены, что народ чуть с ума не сошел от счастья, когда с него скинули эти оковы. Страна сбросила с себя тяжкий груз и стала почти нерелигиозной, результатом чего стало легкомыслие, витающее повсюду. Открывать театры - это хорошо, но миссис Филпотс считала, что некоторые пьесы сейчас слишком уж непристойны, дамы ведут себя просто бесстыдно, а эта мода устанавливается двором!

Она была роялисткой и не хотела бы критиковать образ жизни короля, но он и его бесчисленные любовницы, и в самом деле, вели себя неподобающим образом, а стране это пользы совсем не приносило.

Отец часто бывал при дворе: он был другом короля. Оба интересовались архитектурой, а после Великого пожара множество зданий в Лондоне пришлось перестраивать заново. Какое, бывало, поднималось оживление в доме, когда отец возвращался из дворца с новостями о том, что там происходит! Незаконнорожденный сын короля, герцог Монмут, приходился отцу другом, и однажды отец сказал, что очень жаль, что "старина Роули" (прозвище короля) не признал его права: тогда бы был другой наследник на трон, не то, что угрюмый католик, брат короля Карла.

Отец был, что довольно странно для такого человека, как он, ярким приверженцем протестантской веры. Бывало, он говорил, что английская церковь поставила религию на место, по праву принадлежащее ей: "Впустите сюда католиков, и тут же мы получим инквизицию и людей, шарахающихся от малейшего шороха, в точности как во времена Кромвеля! Вот они, две крайности, мы же хотим избежать их!"

Когда речь заходила о возможной смерти Карла и воцарении на троне его брата Якова, он становился серьезным. Каждый раз, когда я слышала его высказывания по этому вопросу, я поражалась его непримиримости. Иногда мать ездила ко двору вместе с ним. Когда брат Карл был еще совсем маленьким, она и слышать не хотела о том, чтобы выйти из дома, но теперь ее ничто не удерживало. Как один раз сказала Салли Нулленс, "за моим отцом надо смотреть в оба глаза", из чего я поняла, что до женитьбы в его жизни сменилось множество женщин. Вот что представлял собой наш дом, когда в него въехала Кристабель Конналт.

Она приехала в один из туманных октябрьских дней. До Дувра ее должен был доставить дилижанс, а уж там сам отец встретил ее в экипаже. Я еще раз подумала о том, как он заботится о моем образовании! Для нее была подготовлена комната, и все слуги просто сгорали от любопытства увидеть ее. Думаю, жизнь их была более чем однообразна, и ее приезд стал настоящим событием, в особенности после того, что случилось с Эмили Филпотс. Последняя же продолжала изрекать в адрес новой воспитательницы столь мрачные пророчества, что, наверное, вся наша прислуга уверилась в том, что Кристабель Конналт окажется настоящей ведьмой.

Карл упражнялся в игре на флейте в моей комнате, и унылые такты разносились по всему дому. Почувствовав огромное желание скрыться куда-нибудь от этой погребальной мелодии, равно как и от давящей атмосферы всего дома вообще, я вышла прогуляться в сад. Вскоре я дошла до того места, где когда-то была беседка и где, как я слышала, был убит первый муж моей матери. Теперь здесь росли лишь цветы, но они всегда были красного цвета. Мать хотела посадить другие цветы, но, что бы там ни было посажено, все выросло красным. Я думаю, это было делом рук старого Джаспера, потому что он твердо был уверен

в том, что люди должны быть наказаны, и нельзя забывать прошлое просто потому, что так удобнее. Его жена говорила, что он настолько добр, что видит зло во всем. Я сомневалась, что это можно назвать добродетелью, и с подозрением относилась к подобному ее проявлению, однако, как мать ни обманывалась, думая, что происшедшее на этой лужайке забыто, память все-таки брала свое, и кроваво-красные цветы Джаспера продолжали цвести.

Пока я стояла у клумбы, до меня донеслись звуки подъезжающего к дому экипажа. Я замерла, прислушиваясь. Раздался голос отца, что-то крикнувшего конюхам, после чего снова наступила тишина: должно быть, они зашли в дом.

Внезапно меня охватила печаль, вызванная ожиданием перемен. Вероятно, Кристабель Конналт окажется очень начитанной, строгой и будет полна решимости обучать меня всем наукам. Эмили Филпотс этого сделать не удалось, оглядываясь назад, на свое прошлое, я поняла, что все ее усилия были весьма бесплодными: и Карл, и я с той хитростью, что присуща всем детям без исключения, мгновенно раскусили это (до того, как Карл начал ходить на уроки к священнику, она и его обучала). Мы очень жестоко обращались с бедной Эмили. Однажды Карл посадил ей на юбку паука и потом долго хохотал над ее испугом, после чего с показной галантностью убрал насекомое. Я ему тогда сделала выговор, объяснив, что этот случай показывает лживость и испорченность его натуры. Карл же сложил ладошки вместе и, возведя очи к небесам, точно как Джаспер, заявил, что все, что он сделал, было сделано во имя старой Филпотс.

Я нарисовала в уме образ Кристабель Конналт. Выросла в семье священника, а значит, религиозна и, конечно, более нетерпима, чем Эмили, к тем обычаям и манерам, что сейчас господствуют во всей стране. Скорее всего, средних лет, ближе к пожилому возрасту, с седеющими волосами и суровыми, ничего не упускающими глазами.

Я содрогнулась и поняла, что еще не раз с тоской буду вспоминать слабохарактерную Эмили Филпотс. Она и Салли Нулленс только и делали, что говорили о вновь прибывшей. Когда я входила в гостиную Салли, я сразу чувствовала витающее в воздухе напряжение. Эти две женщины частенько сживали у камина, придвинувшись поплотнее друг к другу, и о чем-то шептались. Я знала, что Салли Нулленс непоколебимо верит в ведьм и, когда кто-нибудь умирал или заболел странной болезнью, всегда ищет того, кто мог навести порчу. По словам Карла, она всегда с тоской думала о том, что дни колдовства уже давно позади.

- Ты только представь, старая Салли бродит по округе и проверяет прелестных девственниц с головы до ног в поисках отметин, оставленных их возлюбленными демонами!

Может, преподобному Джорджу Холдингу там, где присутствовали латынь и греческий, Карл и казался сущим наказанием, но насчет того, что касалось реалий жизни, он был хорошо осведомлен.

Хотя ему не было еще и десяти, он уже заглядывался на молоденьких служанок и особенно любил посудачить о том, кто чем и с кем занимается. Салли Нулленс говорила:

- Он прямо, как отец, хотя еще из колыбели не успел вылезти!

Преувеличение, конечно, но, сказать честно, Карл и вправду быстро продвигался по тропе настоящего мужчины - факт, лишь радующий отца.

Мои мысли пришли в полное смятение от тех перемен, что принесет с собой приезд Кристабель Конналт.

- Кажется, хозяин доволен тем, что нанял ее, - вспомнила я голос Эмили Филпотс, обращающейся к Салли.

Так как вслед за этим замечанием послышалось презрительное фырканье, которое я

хорошо знала из своего опыта, я приготовилась слушать, потому что это касалось моего отца, а я была буквально одержима им.

- А кто она, хотелось бы мне знать? - продолжала Эмили.

- О, все свои интриги он давно забросил: хозяйка б этого не потерпела!

- Но что-то всегда остается, и я бы совсем не удивилась...

- Стены! - зловеще перебила ее Салли. - У стен имеются уши и у дверей тоже! Есть там кто-нибудь?

Помню, я вошла и сказала, что принесла юбку для верховой езды, которую накануне порвала, и не могла ли Салли заштопать ее, пожалуйста? Та бросила на Эмили многозначительный взгляд и взяла юбку.

- Еще и грязная к тому же! - произнесла она. - Только и осталось, что приглядывать за вами, мисс Присцилла!

Сказано это было очень печальным тоном. Салли всегда беспокоил вопрос, полезна она или нет, и ей постоянно хотелось, чтобы мы напоминали ей об этом. И теперь то же случилось с Эмили Филпотс. Я поняла, что они обе готовы возненавидеть новенькую.

Я взглянула на розы, упорно цепляющиеся за свою жизнь, хотя их летняя пора уже давно миновала, и они напомнили мне этих двух пожилых женщин. Переведя взгляд на дом, я увидела его как бы заново. Эверсли-корт - фамильное поместье! В действительности оно принадлежало Эдвину, хотя управлял всем мой отец и без него все бы рухнуло. Я вдруг подумала, злится ли отец на Эдвина? У Эдвина было все - и титул, и поместье, - но было бы справедливее, если бы все это досталось моему отцу, ибо это он спас наши владения во времена гражданской войны, представляясь приверженцем Кромвеля, лишь бы сохранить наши земли. Эдвина тогда еще и не было. Моя мать звала его "дитя Реставрации": родился он в январе 1660 года, поэтому его прибытие в этот мир всего на несколько месяцев опередило возвращение короля.

Это был величественный старый дом, и, как часто бывает с ему подобными, с годами он лишь похорошел. Через него прошли многие поколения Эверсли: трагедии и комедии разыгрывались здесь, и Салли Нулленс утверждала, что те, кто не смог обрести покой, возвращаются сюда и незаметно бродят по коридорам, но об их присутствии ведомо лишь избранным, например, самой Салли Нулленс.

Таких домов в стране было множество: громадное здание, построенное во времена Елизаветы в традиционной форме буквы "Е": восточное крыло, западное и центр, огромные залы со сводчатыми потолками и широкими дубовыми балками. Некоторые комнаты обшиты деревянными панелями, но в главном зале стены были оставлены в своем первозданном каменном виде и увешаны семейными гербами и оружием, дабы своим видом напоминать следующим поколениям о той роли, что Эверсли сыграли в истории страны. На стене, над огромным камином, было нарисовано генеалогическое древо, которое постоянно дописывалось, так что спустя время оно заполнит все пространство этой огромной стены. Была туда вписана и я - не в главную ветвь, естественно. Там стояло имя Эдвина, и, когда он женится, туда же будут внесены имена его детей. Ли иногда даже сердился его-то имени там не было, в те дни он еще не понимал, почему его обошли стороной. Уверена, это очень повлияло на него, поэтому он так хотел стать выше Эдвина во всех других отношениях. Несколько минут я грустно размышляла о том, что происходит между нами, и вскоре осознала, что зачастую то, что мы переживаем в детстве, оказывает воздействие на всю нашу дальнейшую жизнь.

Но стоя там, у клумбы с розами, к которой я часто приходила и раньше, я хорошо понимала, что просто откладываю ту минуту, когда я должна буду пойти и встретиться с женщиной, которая - как чувствовала я в глубине души - изменит всю мою жизнь.

Переваливаясь с боку на бок, - она снова была беременна - ко мне подошла Частити.

- Мисс Присцилла, ваши родители хотят, чтобы вы познакомились с новой воспитательницей! Ваша мать просила передать, чтобы вы немедленно шли в гостиную!

- Хорошо, Частити, - ответила я. - Иду. - И добавила:

- А тебе следует помнить о своем положении!

- О, мисс, это все так естественно! В уме я подсчитала, что это будет шестой ее ребенок, а она была еще довольно молода, так что у нее было время родить, по меньшей мере, еще десяток.

Я думала о том, какой все-таки злой порой бывает судьба, даря Частити каждый год нового ребенка, тогда как у моих родителей были только Карл и я (не считая Эдвина, первенца матери). Будь у них детей больше, Салли Нулленс не выискивала бы ведьм по всей округе, и Эмили Филпотс пригодилась бы для воспитания младших. Да и сама я не отказалась бы от маленьких братьев и сестер.

- Ты уже видела ее, Частити? - спросила я.

- Не так, чтоб очень хорошо, мисс: ее сразу провели в гостиную. Моя мать послала меня разыскать вас, сказала, госпожа спрашивает!

Я прошла в гостиную: она была там вместе с матерью и отцом.

- А вот и Присцилла! - сказала мать, - Ну, Присцилла, познакомься с мисс Конналт!

Кристабель Конналт поднялась со своего места и направилась ко мне. Это была высокая, изящная девушка, одетая очень просто, но в ее манерах чувствовалась элегантность, которая очень шла ей. На ней был легкий плащ из голубой шерсти, перехваченный на груди брошкой, вполне возможно, что серебряной. Платье из той же голубой ткани и с глубоким декольте, переходящим в туго стянутый серебристым шнурком шов; льняной платок, прикрывавший шею и плечи, свидетельствовал о скромности хозяйки. Юбка тяжелыми складками ниспадала на пол. Капюшон плаща, откинутый на спину, открывал взгляду темные локоны волос, собранных сзади и завитых в вышедшей из моды манере.

Но поразила меня вовсе не ее одежда - этого в большей или меньшей степени можно было ожидать от дочери обыкновенного викария, жалование которого, видимо, было совсем невелико, раз его дочь вынуждена была зарабатывать себе на жизнь подобным способом. Я смотрела на ее лицо.

Она была не то чтобы очень красива, но в ней было своеобразие, и, несомненно, она была совсем не так стара, как я ожидала! Думаю, ей было лет двадцать пять - конечно, для меня это было старостью! Овальное лицо, кожа гладкая, как лепесток цветка, темные, хорошо подчеркнутые брови, крупноватый нос, большие глаза с густыми ресницами, подвижный рот, зачастую выдающий ее внутренние чувства и, как мне предстояло узнать, гораздо чаще предающий ее, чем глаза. Глаза ее порой бывали абсолютно бесстрастны, она даже не мигала, но вот со своим ртом она ничего поделать не могла.

Я была настолько поражена, что все слова мигом вылетели у меня из головы: она оказалась совсем не такой, какой я ее представляла.

- Ваша ученица, мисс Конналт, - произнес отец. Он внимательно наблюдал за нами, а губы его слегка подергивались, что, исходя из моего опыта, означало, что он искренне забавляется ситуацией.

- Надеюсь, мы подружимся? - сказала она.

- Я тоже так надеюсь.

Ее глаза изучали меня. По взгляду ее ничего прочитывать было нельзя, но вот губы слегка дрогнули. Они сжались так, будто ей не понравилось то, с чем она столкнулась, но я сказала себе, что просто поддаюсь влиянию Салли Нулленс и Эмили Филпотс.

- Мисс Конналт делилась с нами планами своей учебной программы, - сказала мать. - Звучит очень интересно! Думаю, Присцилла, тебе следует показать ее комнату, а потом ты познакомишь ее с залом, где у вас будут проходить занятия. Мисс Конналт говорит, что хочет приступить к исполнению своих обязанностей как можно скорее.

- Вы хотели бы увидеть свою комнату? - спросила я, и мы вышли из гостиной. Пока мы поднимались по лестнице, она сказала:

- Очень красивый дом! Какое счастье, что его не разгромили во время войны!

- Мой отец приложил немало усилий, чтобы помешать этому, - ответила я.

- Да? - коротко выдохнула она. Она шла позади меня, и я чувствовала на себе ее взгляд. Это смущало меня, так что я почти обрадовалась, когда мы, наконец, оказались наверху и пошли рядом.

- Как я слышала, вы выросли в семье священника? - спросила я, пытаясь завести разговор.

- Да, в Уэстеринге. Ты знаешь Уэстеринг?

- Боюсь, что нет.

- Это в Суссексе.

- Надеюсь, вам не покажется здешняя погода слишком холодной: юго-восток, да еще рядом с побережьем. У нас здесь постоянно ветер с востока.

- Немножко похоже на урок географии? - ответила она, и в голосе ее послышались смешливые нотки.

Я осталась довольна нашим разговором и почувствовала себя немного спокойнее. Я показала ей небольшую комнату, расположенную рядом с классом. Раньше здесь жила Эмили Филпотс, но теперь она переехала этажом выше, в комнатку рядом с Салли Нулленс. Мать сказала, что новой воспитательнице следует жить рядом с классом, что было еще одним поводом вдоволь поворчать для бедной старушки Эмили.

- Надеюсь, вам здесь будет удобно, - сказала я.

- По сравнению с домом викария - это просто роскошь! - ответила она, обернувшись. Ее взор обратился на полыхающий за каминной решеткой огонь, который мать приказала развести специально к ее приезду. - У нас в доме было так холодно, я даже боялась зимы!

"Кажется, она мне нравится", - подумала я. Я оставила ее, чтобы она смогла спокойно распаковать вещи и помыться с дороги, сказав, что через час я вернусь и покажу ей класс и мои книги, а потом, если она захочет, - дом и сад.

Она, застенчиво улыбнувшись, поблагодарила меня.

- Думаю, я буду очень рада тому, что приехала сюда, - сказала она.

Я спустилась вниз, к родителям: они говорили о новой воспитательнице.

- Очень хладнокровная девушка! - сказала мать.

- Да, несомненно, в ней есть что-то, - ответил отец.

Увидев меня, мать улыбнулась.

- А вот и Присцилла! Ну, моя милая, что ты о ней думаешь?

- Трудно сказать, - уклончиво ответила я.

- С каких это пор ты стала такой осторожной? - вновь улыбнулась мать. Мне кажется, она будет хороша в своем деле!

- Да, воспитание ей было дано примерное, - добавил отец. - Думаю, Белла, ей надо есть с нами за одним столом!

- За одним столом?! С гувернанткой?!

- Но ты же видишь, что она совсем не такая, как старая Филпотс?

- Да, они совсем не похожи, - соглашалась мать, - но обедать с нами?! А если будут гости?

- Я уверен, никто не обратит на нее особого внимания, и она умеет вести беседу!

Нельзя допустить, чтобы девушка ее воспитания питалась в одиночку, запершись в своей комнате! Ведь не может же она обедать с простой прислугой?

- А ты что думаешь, Присцилла? - спросил отец вновь повергая меня в изумление тем, что впервые в жизни спросил моего мнения. Я так смутилась, что не смогла найти какого-либо ответа.

- Пусть она присоединится к нам, - продолжал он, - а там посмотрим, что будет!

Вот слуги удивятся - человек, стоящий лишь самую малость выше их по своему общественному положению, обедает вместе с членами семьи! Да, Нуллэнс и Филпотс будет о чем поболтать! Отчего это вдруг мой отец стал тратить свои силы сначала на мое образование, а потом на всякие удобства для моей воспитательницы? Это было загадкой. Я бы изменила самой себе, если перестала бы ломать над этим голову. То, что с приездом Кристабель Конналт в дом войдут перемены, я знала твердо.

В течение следующих нескольких дней Кристабель была объектом пристального внимания всего дома. Салли Нуллэнс и Эмили Филпотс только и делали, что обсуждали ее, да и другие слуги мало чем от них отличались. Но больше всего времени с ней проводила я и постепенно начинала узнавать ее, что было не так легко сделать, - мое мнение о ней менялось час от часу. То я думала о ней как о самонадеянной особе, то вдруг в ней проскальзывала какая-то уязвимость. Временами мне даже казалось, будто она затаила на нас обиду. Все крылось в ее предательском рте, который, выражая чувства хозяйки, слегка изгибался в уголках.

Но насчет ее эрудиции и способностей к преподаванию сомнений не возникало: преподавший Уильям Конналт, видимо, хорошо позаботился об этом. Она обучалась вместе с сыновьями местного сквайра и, думаю, приложила немало усилий, чтобы держаться с ними на равных.

Кое-что в Кристабель я поняла почти сразу: она хотела быть не просто наравне с кем-либо, но обязательно лучше! Думаю, во многом тому была причиной бедность ее семьи.

Сначала мы стеснялись друг друга, но я твердо решила справиться с неловкостью, в чем действительно преуспела, но в основном потому, что она считала меня невежественной! Как оказалось, мой отец, в самом деле, был прав, и останься я на попечении Эмили Филпотс, я так бы и вошла в мир взрослых молоденькой невежественной леди.

А сейчас все менялось. Мы изучали латынь, греческий, французский языки и арифметику, в чем я совсем не блистала. Но вот в литературе я разбиралась неплохо. Посещения Харриет пробудили во мне интерес к пьесам, и я могла цитировать наизусть целые отрывки из Шекспира. Харриет, несмотря на то, что давно ушла со сцены, увлекалась постановкой небольших пьесок, а все мы, когда гостили у нее, становились в них актерами.

Мне это нравилось, и отсюда у меня появился интерес к литературе.

Но вскоре я стала замечать, что наши занятия английской литературой Кристабель почему-то невзлюбила. Тогда я поняла, что она счастлива лишь тогда, когда может показать, насколько она умнее меня. А ей и не надо было это подчеркивать, ведь это она приехала учить меня. Более того, она была лет на десять старше меня, следовательно, знала больше!

Все это было очень странно. Когда я ошибалась, она говорила со мной весьма серьезным тоном, но ее рот показывал, что она довольна, а когда я делала успехи, она говорила мне: "Прекрасно, Присцилла!", но рот ее сжимался в узенькую полоску, и я понимала, что ей это не нравится.

Меня всегда очень интересовали люди. Я запоминала их слова, изречения и таким образом изучала их. Моя мать, бывало, смеялась надо мной, а Эмили Филпотс говорила: "Если бы ты помнила только то, что действительно полезно, от тебя было бы куда больше толку!" Самые длинные реки, самые высокие горы - все это мне было не интересно, но зато меня привлекало то, как люди мыслят, что происходит у них в голове. Вот почему я очень быстро поняла, что Кристабель скрывает какую-то обиду, и, если бы это не казалось таким абсурдным, я бы подумала, что она направлена против меня!

Отец сказал, что Кристабель может брать из наших конюшен любую лошадь, какая, ей понравится, и ездить верхом вместе со мной. Она была очень польщена этим: она была отличной наездницей, потому что ей разрешали ездить верхом еще в Уэстеринге.

Во время наших поездок мы часто останавливались в какой-нибудь таверне, где пили сидр и ели хлеб с сыром. Порой мы спускались к морю и скакали по берегу. Я вдруг открыла для себя, что если я поспорю, чья лошадь быстрее, и позволю победить себя, Кристабель потом весь день переполняет скрытая радость. Наверное, все это из-за того, что у нее было несчастливое детство и она завидовала мне, что у меня все так безоблачно и нет нужды задумываться ни о чем.

Брату Карлу она пришлась по душе. Он иногда присоединялся к нам во время занятий, что было несвойственно для него: обычно он, едва волоча ноги, брел на учебу в приход. А здесь он даже спросил, какая у Кристабель любимая мелодия, и попробовал сыграть ее, но при первых же звуках его флейты все живое разбежалось.

Сначала Кристабель не выказывала никакого желания рассказывать о своей жизни, но я поставила перед собой задачу войти к ней в доверие, и, когда она, наконец, заговорила со мной об этом, ее слова прозвучали искренне, будто бурному потоку дали, наконец, дорогу. И вскоре я уже отчетливо представляла себе это унылое место - дом священника, всегда холодный и промозглый, выстроенный неподалеку от кладбища. Из ее окна были хорошо видны надгробные камни, а когда она была еще совсем ребенком, прачка рассказала ей, что по ночам мертвые выходят из могил и танцуют, и если кто увидит их, то и сам умрет вскоре.

- И вот я лежала в своей кровати и дрожала, - рассказывала она, - в то время, как меня переполняло желание встать, подойти к окну и посмотреть, танцуют ли они? Я помню ледяные доски пола и ветер, бьющий в окна, а я стояла там, у окна, напуганная и замерзшая, но в постель идти не могла!

- Я бы поступила точно так же, - поддержала ее я.

- Ты даже не представляешь себе, каким было мое детство! Люди говорят, что это хорошо, даже считают, что необходимо испытать нужду, чтобы стать хорошим человеком! Возносят страдания в ранг добродетели!

- У нас тоже один такой есть: старый Джаспер, садовник. Он - пуританин и работал

здесь еще во время войны, когда мой отец притворился сторонником Кромвеля.

- Расскажи мне об этом! - воскликнула она, и я рассказала все, что знала. Она слушала, затаив дыхание, и лишь ее рот слегка изгибался, но красиво, не так, как тогда, когда она описывала холодный и мрачный дом викария.

Иногда мне казалось, что она ненавидит своих родителей.

Однажды я даже сказала:

- Думаю, ты рада, что уехала оттуда? Ее губы сжались.

- Для меня это никогда не было домом, как здесь! Какая же ты счастливая, Присцилла, что родилась здесь!

Мне показались странными ее слова, но она часто говорила странные вещи. Мне были интересны ее рассказы о жизни в доме священника, о том, как разбавляли водой похлебку до тех пор, пока она совсем не теряла своего вкуса; как должны были благодарить за это Бога; как штопали и латали нижнее белье так, что в конце концов от него мало что оставалось; как молились по утрам, стоя на коленях в промерзшей гостиной, а минуты все тянулась и тянулись, превращаясь в часы; как шили одежду для бедняков, которые - как казалось Кристабель - жили лучше них! А потом приходил черед уроков в той же гостиной ледяной в зимнюю пору и раскаленной, как сковорода, летом; как она старалась учиться, потому что это был "единственный способ отблагодарить Бога за то, что Он так милостив к ней"!

О, как ее рот выдавал все эту горечь! Бедная, бедная Кристабель! Я сразу поняла, что было не так в том доме, и дело было не столько в плохой и скудной пище, и не в боли в коленях после молитв, и не в долгих часах учебы - нет, все это было здесь ни при чем! В этом доме не было места для любви, так мне подумалось! Бедняжка Кристабель, ей так хотелось, чтобы ее любили!

Я могла понять ее, потому что в некотором роде испытывала то же самое со стороны отца. Моя мать окружила меня заботой, и потом Харриет: я была ее любимицей, и она этого ничуть не скрывала! Я не могла сказать, что меня не любили, и нельзя было сказать, что отец плохо относился ко мне, - нет, он был просто безразличен, а во мне развилась страсть к нему, я всем сердцем жаждала его одобрения, ласкового взора!

Человеческие создания похожи друг на друга, поэтому я понимала чувства Кристабель, но ее настроение резко менялось, когда она заговаривала об Уэстеринге. С ее слов я хорошо представляла себе эту Суссекскую долину. По всей Англии разбросаны подобные деревушки, и наша тоже очень на нее походила. Церковь с примыкающим к ней и продуваемым всеми ветрами мрачным домиком викария и кладбищем из полуразрушенных надгробий, в местных легендах пропитанных атмосферой чего-то жуткого; маленькие домишки и большое поместье, правящее всей деревней, - дом сэра Эдварда Уэстеринга и леди Летти, дочери графа. О леди Летти Кристабель довольно часто упоминала в своих рассказах. У нее было то, что Харриет назвала бы характером. Я как наяву видела, как она, входя в церквушку, выступает во главе всей семьи Уэстерингов - сэр Эдвард и два ее сына. А вот и сама Кристабель в платье из голубой саржи, вытертом на локтях, - она наблюдает за происходящим своими темными странными глазами, лишь рот ее кривится от чувств, что бушуют внутри. Думаю, всей душой она желала тогда быть одной из Уэстерингов, войти в церковь вместе с этой семьей и занимать место в особом ряду. Леди Летти посматривает в ее сторону. Наконец, Кристабель приседает в реверансе, чтобы выказать свою радость столь высокопоставленной особе. И леди Летти говорит: "А, дочка священника?.. Кристабель, если не ошибаюсь?", ибо не пристало ей помнить имена всяких мелких людишек, - окидывает ее

пронзительным взглядом, кивает или даже дарит улыбку и проходит мимо.

Но именно леди Летти настояла на том, что дочери викария надо учиться верховой езде, и Кристабель смогла ездить на лошадях из конюшни Уэстерингов. "Пусть лошади разомнутся! - прибавляла леди Летти. "Иначе, - как объяснила мне Кристабель, - я бы могла подумать, что это было сделано только ради меня!"

Уэстеринги были благодетелями всей деревни. На Рождество миссис Конналт при помощи Кристабель обычно раздавала всем жителям Подарки. Леди Летти мельком упоминала, что и семья викария может взять себе одеяло и гуся так, чтобы никто не заметил, конечно. "Мы выбирали самого жирного гуся, - сказала Кристабель со своей обычной улыбкой-гримаской, - и самое большое одеяло!"

На Пасху и День урожая Кристабель шла в поместье Уэстеринг, чтобы выбрать цветы, которые садовники потом доставляли в церковь. Часто при этом присутствовала леди Летти, говорила с ней, расспрашивала об учебе. Кристабель очень стеснялась и задавала себе вопрос, почему леди Летти постоянно приглашает ее к себе в дом, а как только Кристабель приходит, настроение леди мгновенно меняется и она старается поскорей избавиться от нее? Леди Летти была большой загадкой, странно, что она вообще интересовалась жизнью деревни, ибо большую часть своего времени проводила при дворе. Иногда в поместье Уэстеринг устраивались балы, и тогда туда съезжалась вся знать Лондона, а однажды даже король приезжал, это было настоящим событием!

- Казалось, что так все и будет повторяться без конца, - говорила Кристабель. - Я замечала, что начинаю быть похожей на миссис Конналт: становлюсь сухой и сморщенной, я превращалась в живой труп! Никакой радости, удовольствие - это грех...

Я подумала, как странно она называет свою мать - миссис Конналт, - будто отвергая родственную связь между ними. Я начинала понимать ее. Она была привлекательной девушкой, с "изюминкой", что называется, чувствовала неумолимую тягу к лучшей жизни, но ее жестоко разочаровывали. Она ненавидела покровительственное отношение со стороны Уэстерингов - и была одинока, потому что некому было любить ее и некому было ей излить свои чувства. Я была рада, что она смогла разговориться, но ощущала эту странную обиду на меня, которая иногда проявлялась, хотя Кристабель и старалась скрыть ее.

Спустя две недели после ее приезда мои родители уехали в Лондон - там, неподалеку от Уайтхолла, располагался наш второй дом, - чтобы присутствовать на нескольких дворцовых приемах.

- Это должно быть так здорово! - сказала Кристабель. - Как бы мне хотелось побывать при дворе!

- А матери это все равно! - ответила я. - Она едет только, чтобы сделать приятное отцу!

- Я бы сказала, она чувствует, что ей следует быть при нем! - Губки ее слегка поджались. - Такому мужчине, как он...

Я была растеряна. Казалось, она не одобряет отца, но я уже видела, что она попала под его влияние: она всегда неловко себя чувствовала в его присутствии. Интересно, почему? Ведь это он привез ее в дом, и раз ей с нами лучше, чем в доме ее отца-священника, значит, она обязана ему всем!

Наши дни превратились в обыденность: утром - уроки, после полудня прогулка пешком или на лошадях, потом - снова учеба. К тому времени уже смеркалось, мы сидели при свечах, и Кристабель обычно спрашивала меня то, что мы изучали утром. Однажды я спросила ее, хорошо ли ей у нас в доме, и она неожиданно сердито ответила:

- Конечно, мне здесь не плохо! Это самый приятный дом, что я когда-либо видела!

- Я рада, - сказала я.

- Тебе действительно повезло! - с горечью промолвила она, и, хотя я не видела ее лица, я была уверена, что при этом она поджала губы.

Однажды днем мы выехали на прогулку, а когда вернулись и проехали через ворота к конюшням, я поняла, что что-то случилось. Я почувствовала висящую в воздухе атмосферу суеты еще до того, как увидела других лошадей. Сначала я было решила, что вернулись мои родители, но потом начала догадываться, и радостное возбуждение охватило меня. Я с трудом дождалась момента, когда можно было соскочить с лошади, и бросилась в дом.

Заслышав голоса, я громко позвала:

- Ли! Эдвин! Где вы?

На лестнице показался Ли. В мундире он выглядел настоящим красавцем. Он был высок, и с его похудевшего лица резким контрастом с темными в мать волосами сверкали прекрасные голубые глаза. Увидев меня, они загорелись настоящим огнем, и я еще раз ощутила вспышку волнения, которым обычно сопровождалась все неожиданные приезды Ли домой. Он скатился с лестницы и закружил меня в своих объятиях.

- Хватит! Хватит! - отчаянно взмолилась я. Он прекратил кружиться и, наклонившись, звонко поцеловал меня в лоб.

- А ты выросла! - сказал он. - Ну, точно выросла, моя прелестная кузина!

Он всегда меня звал так, а когда я начинала протестовать, говоря, что мы вообще не родственники, то сразу же парировал:

- Но нам следовало бы ими быть! На моих глазах из маленькой девочки ты превратилась в прелестного эльфа. Когда ты родилась, то была похожа на маленькую обезьянку, а потом выросла и превратилась в газель, милая кузина!

Ли всегда изъяснялся весьма экстравагантно: для него все выглядело либо прекрасным, либо ужасным. Отца эта черта его характера иногда выводила из себя, а мне нравилась. Дело в том, что в Ли мне нравилось все: он был идеальным старшим братом, и порой мне хотелось, чтобы он в действительности был им. Не то чтобы я не любила Эдвина: Эдвин был мягок и, будь на то его воля, не причинял бы вреда никому, но женщины предпочитали Ли.

Ли уже заметил Кристабель. Она стояла неподалеку, на лице ее после прогулки играл легкий румянец, из-под шапочки выбивались темные локоны. Я представила их друг другу, и он галантно поклонился. Я поняла, что Кристабель оценивает его, и в тот момент мне не хотелось говорить Ли о том, что она - моя гувернантка. Я чувствовала, что Кристабель тяготеет тем, что работает для нас, и предпочла бы, чтобы ее приняли за гостью: ей хотелось немного побыть в роли знатной леди.

- Мы катались на лошадях, - сказала я. - Когда вы приехали? Эдвин с тобой? Мне показалось, я слышала его голос!

- Мы приехали вместе. Эдвин! - крикнул он. - Присцилла спрашивает о тебе!

На лестницу вышел Эдвин. Он был очень красив, даже красивее Ли, хотя не так высок и крепок: мать всегда боялась за его здоровье.

- Присцилла! - Он подошел ко мне. - Как я рад тебя видеть! А где мать? Он повернулся к Кристабель.

- Мисс Конналт, - сообщила я ему, а затем Кристабель:

- Мой брат, лорд Эверсли! Эдвин поклонился. Его манеры, как всегда, были на высоте.

- Родители сейчас в королевском дворце! - ответила я Эдвину.

Эдвин пожал плечами в знак разочарования.

- Но, может быть, они вернутся до вашего отъезда? Вы останетесь здесь еще?

- Неделю, может, больше.

- Три, четыре, - предположил Ли.

- Я так рада! Пойду распоряжусь, чтобы вам приготовили комнаты!

- Не беспокойся, - вставил Ли. - Салли Нуллэнс уже видела нас и сейчас носится по всему дому! Она счастлива, что ее крошки вернулись домой!

- Няни все такие, мисс Конналт, - сказал Эдвин, - не мне вам объяснять! Особенно, когда их птенцы возвращаются в родное гнездо!

Он видел, что Кристабель не по себе, что она чуждается его, и попытался разговаривать с ней. Я видела, что она довольна тем, что ее истинная роль пока еще в тайне, несмотря на то, что вскоре все выяснится.

- Не знаю, у меня не было няни, - вдруг промолвила она.

- Так, значит, вам повезло, и вы избежали этого рабства! - весело заявил Ли.

- Мы просто были слишком бедны! - продолжила Кристабель почти вызывающим тоном.

Я почувствовала себя неловко и вынуждена была объяснить.

- Кристабель приехала сюда, чтобы учить меня. Она из Суссекса, из семьи викария.

- А как дела с викарием у Карла? - спросил Эдвин. - Кстати, где он?

- В саду, скорей всего, играет на своей флейте.

- Бедный мальчик! Да он замерзнет там и умрет!

- По крайней мере, мы избавлены от ужасных звуков, которые он там производит, - сказал Ли.

- Чем вы намеревались заниматься? - спросил меня Эдвин.

- Помыться, переодеться, а там и ужин скоро!

- А мы вылезем из этих мундиров, - сказал Ли и улыбнулся нам с Кристабель. - В них мы смотримся безумно красиво, но у вас будет настоящее потрясение, мисс Кристабель, когда увидите нас без них! Присцилла к нам привыкла, ее я даже не предупреждаю!

Я была очень рада, что Ли пытается включить Кристабель в наш семейный круг. Она напоминала мне ребенка, пробующего воду пальчиком, - и хочется прыгнуть туда, и боязно.

Я окинула Ли и Эдвина с головы до ног оценивающим взглядом: фетровые шляпы с роскошными перьями, свешивающимися набок, искусно шитые мундиры, панталоны по колено, сияющие сапоги, по левую руку - мечи.

- Красавцы! - сказала я, - Но мы знаем, что вас только мундиры и красят, не так ли, Кристабель?

Она улыбнулась и расцвела: значит, нам удалось немного рассеять ее скованность.

- Итак, - сказала я, - мы должны быстро помыться и переодеться! Ужин остынет, а вы знаете, как это не нравится Салли!

- Приказы? - закричал Ли. - Господи Боже, да ты хуже нашего командира! Верный знак, что мы дома, Эдвин!

- Так хорошо снова оказаться здесь, - мягко подтвердил Эдвин.

Тем вечером Кристабель выглядела прелестно! Должно быть, огни свечей придавали ей дополнительный блеск. Мать всегда говорила, что свечи гораздо больше красят женщину, нежели лосьоны или мази. Кроме того, на ней было надето красивое платье: высокий

остроконечный лиф с глубоким вырезом открывал взорам ее привлекательные покатые плечи, не скрываемые теперь ни шарфом, ни воротником; одному локону было позволено небрежно выбиться, и теперь он мягко лежал на одном плече; платье было сшито из бледно-лилового шелка, и под ним была серая сатиновая нижняя юбка. В свое время я поинтересовалась, откуда у нее в скудном доме викария могло появиться такое платье, и узнала, что оно досталось ей от Уэстерингов. По ее словам, это была одна из вещей, "отданных нуждающимся", а когда я увидела его при свете дня, то поняла, что оно стало слишком потертым для того, чтобы им могла пользоваться истинная леди. На мне было платье из голубого шелка, и, хотя я раньше думала, что оно весьма очаровательно, перед платьем Кристабель оно просто терялось.

И Эдвин, и Ли сняли свои мундиры, но я сочла, что они и так очень привлекательны в своих коротких камзолах, украшенных по моде лентами. Камзол Эдвина, правда, немного превосходил одеяние Ли, но только потому, что Эдвин более тщательно следил за модой, чем Ли, у которого, как я подозревала, не хватало терпения возиться с кружевами и лентами, пришедшими на смену пуританским платьям.

Карл по поводу их прибытия пребывал в полном восторге, и за столом не умолкало веселье. Слуги тоже радовались, как было всегда, когда мужчины приезжали домой, и я знала, что мать очень расстроится, если не повидает их. Эдвин и Ли без умолку рассказывали о своих приключениях. Они служили во Франции, откуда недавно вернулись, но, что я запомнила из той ночи и что явилось непосредственной прелюдией к событиям, которые вот-вот должны были разразиться, - это разговор о Титусе Оутсе и Папистском заговоре. Это было подобно увертюре, предшествующей в пьесе поднятию занавеса. Время, проведенное с Харриет, наложило на меня определенный отпечаток, и теперь я считала, что весь мир - и в самом деле одни большие подмости, а мужчины и женщины - лишь актеры да актрисы.

- В Англии появилось какая-то тревога, - сказал Ли. - Такого не было, когда мы уезжали!

- Перемены наступают быстро, - добавил Эдвин, - и когда вы возвращаетесь после некоторого отсутствия, то более явственно ощущаете их, чем люди, которые принимали их понемногу.

- Перемены? - воскликнула я. - Какие перемены?

- Король еще не так стар, - произнес в раздумье Эдвин. - Ему всего лишь пятьдесят.

- Пятьдесят?! - вскричал Карл, - Да он ужасный старик!

Все рассмеялись.

- Так кажется младенцам, мальчик мой, - ответил Ли. - Нет, "старина Роули" еще поживет, он обязан. Жаль, сына у него нет!

- У меня впечатление, что у него их несколько! - сказала Кристабель.

- Увы, зачатых не там, где надо!

- Мне очень жаль королеву, - сказал Эдвин. - Бедная леди!

- Обвинить се в заговоре с целью убить короля было совершенной глупостью! - добавил Ли.

Карл в возбуждении - забыв даже про свой любимый пирог с мясом молодого барашка - подался вперед. Для своих десяти он был слишком умен. Отец всегда хотел, чтобы он побыстрее вырос, что он и сделал: он все понимал - про короля и его любовниц, и про то, где следует рождаться детям, что так оплакивала Салли Нулленс. Она бы хотела продержаться его

в колыбельке до самой свадьбы.

- Да? - с горящими глазами переспросил он. - Она хотела убить короля? У нее был любовник?

- Ну, что ты! - воскликнул Ли. - Мой дорогой Карл, королева - самая добродетельная леди в Англии, исключая присутствующих здесь дам! - Он поклонился мне и Кристабель. - Титусу Оутсу придется самому повеситься, если он как следует не пошевелится!

- Между тем, - сказала Кристабель, - ему все-таки удалось кое-кого повесить!

- Если б только можно было доказать, что король был женат на Люси Уолтер, тогда следующим в очереди на право носить корону очутился бы Джимми Монмут!

- А он этому подходит? - спросила Кристабель.

- Я думаю, он слегка неуравновешен, - поддержала ее я.

- Да, он увлечен женским обществом, а кто им не увлекается? - Ли одарил нас обеих улыбкой. - Даже сам король отдает вашему полу изрядную дань! Но Карл хитер, умен, проницателен и ловок. Когда он вернулся в Англию после долгого изгнания, он сказал, что больше скитаться не намерен, и я уверен, что в этом он был более серьезен, чем когда-либо в жизни.

- Народ любит его, - сказал Эдвин. - В нем легко узнаваемое очарование Стюартов, и многое прощается тем, кто этим очарованием обладает!

Ли поднял мою руку и поцеловал ее.

- Посмотрим, что простишь мне ты, моя очаровательная кузина, за мое непобедимое очарование!

Мы рассмеялись, и стало невозможным более обсуждать что-нибудь серьезно. Да и откуда нам было знать в тот момент, что политика страны сыграет в нашей жизни такую огромную роль?

Кристабель тем вечером блистала. В подаренном леди Летти платье она действительно была настоящей красавицей. Ей льстило сидеть с нами за одним столом, а я с интересом наблюдала, как под совместными усилиями Ли и Эдвина отступает внутренняя неуверенность - или что бы там ни было - и гаснет тлеющий уголек скрытой обиды. Ей хотелось показать, что она обладает большими познаниями в истории нашей страны, чем я, и поэтому она вновь вернула разговор к политике.

- Возможно, что король разведется со своей женой, женится снова, и у него родится сын? - предположила она.

- Никогда, - ответил Ли.

- Слишком ленив? - спросила Кристабель.

- Слишком добр, - возразил Эдвин. - Вы были представлены ему, мисс Конналт?

По ее губам быстро скользнула горькая усмешка.

- В моем положении, лорд Эверсли?

- Если бы вы когда-нибудь встретились с ним, - продолжал Эдвин, - то сразу бы заметили, какой он терпеливый человек. Сейчас мы свободно говорим о нем, а в правление других королей это могло оказаться очень опасным. Услышь он нас сейчас, он бы, несомненно, присоединился к обсуждению своего характера и даже сам бы обратил наше внимание на свои недостатки, и наше обсуждение лишь развлекло бы его, а не раздражило. Он слишком умен, чтобы изображать из себя не то, что есть на самом деле. Не так ли?

- Полностью поддерживаю твои слова, - ответил Ли. - Когда-нибудь силу его ума оценят. Он ведет очень хитрую игру, кое-чему мы явились свидетелями во Франции. Король

Франции уверен, что водит Карла за нос, а я бы сказал, что, скорее всего, все наоборот. Нет, пока Карл - наш король, мы будем преуспевать, и это касается всей нации. Вот почему мы сожалеем о том, что, имея столько сыновей, рожденных на стороне, чему не следовало бы случаться, и которые, кстати, только и делают, что облегчают казну, - при все этом он не смог произвести на свет ни одного сына, который стал бы наследником, и дать тем самым ответ на наболевший вопрос: "Кто будет следующим?"

- Давайте надеяться, что он будет жить еще очень долго, - сказала я, - и выпьем за здоровье короля!

- За здоровье Его Величества! - вскричал Ли, и мы подняли наши бокалы.

Карл постепенно начинал клевать носом, несмотря на отчаянные усилия продержаться. Мать возражала против того, чтобы ему позволяли пить столько вина, сколько он захочет, но отец сказал, что он должен научиться знать меру. Вот Карл и учился.

Кристабель, как и я, выпила совсем немножко, и причиной мягкого румянца ее щек и блеска в глазах явилось вовсе не вино. Я видела, что она с лихорадочным возбуждением наслаждается этим вечером, и мне стало очень ее жаль, ибо подобные вечера были не так уж необычны для нашей семьи. Мы всегда устраивали небольшой праздник, когда мои родители возвращались из дворца или когда я или Карл приезжали откуда-нибудь, где долго гостили. Какой же тоскливой была ее жизнь в мрачном доме священника! Кристабель была гораздо опытней меня в вопросах политики, но, казалось, беспокоилась, как бы мужчины не засомневались в этом.

- Это настоящий религиозный конфликт, - сказала она, - плюс, конечно, политика. Но здесь вопрос не столько в том, имеет ли Монмут право на трон или нет, сколько в том, позволим ли мы католику воцариться в нашей стране?

- Да, - сказал, улыбнувшись ей, Эдвин. - Яков - самый настоящий католик!

- Я слышал, - сказал Ли, нагнувшись вперед и понизив голос до шепота, будто Его Величество заигрывает с этой верой, но, помните, это не должно выйти за пределы этих стен!

Я взглянула на Карла: тот тихонько сопел над своей тарелкой, но Ли был очень безрассуден.

- Это только предположение, - быстро сказал Эдвин. - Король никогда не предаст своих подданных!

- Что он собирается делать? - спросила я. - Признает Монмута или все-таки позволит своему брату-католику занять трон?

- Надеюсь, что он выберет Монмута, - сказал Ли, - ибо случится восстание, если трон окажется в руках короля-католика. Народ не потерпит этого, костров Смитфилда еще не забыли!

- Но там были религиозные гонения с обеих сторон! - сказала Кристабель.

- Но кое-кто будет помнить Смитфилд, влияние Испании и угрозу инквизиции всегда, вот почему "старина Роули" просто обязан прожить еще лет двадцать! Ли поднял бокал. - Еще раз - за здравие Его Величества!

После чего мы перешли на Титуса Оутса, человека, который переполошил всю страну, раскрыв, как он его называл, Папистский заговор. Эдвин рассказал нам, что в свое время Оутс принял сан и получил небольшое содержание, пожертвованное ему герцогом Норфолком, потом у него возникли проблемы с законом, и Оутс вынужден был отойти от дел, после чего стал капелланом на флоте.

- Я уверен, он человек изворотливый, - продолжил Ли, - и раскрытие Папистского заговора сыграло ему на руку!

- Страна была готова к этому, - сказала Кристабель, - потому что народ всегда опасался того, что протестантизм может оказаться под угрозой. А герцог Йорк как наследник престола - и к тому же всякий знает, к чему лежит его сердце, - может послужить причиной народного гнева!

- Точно, - с восхищением улыбнувшись ей, подтвердил Эдвин, думаю, оценив ее ум и взгляды. - Заговор заключался в том, что между католиками якобы существует замысел с целью перебить всех протестантов, как это случилось во Франции в канун дня Святого Варфоломея, - убить короля и посадить его брата Якова на трон, и Оутс весьма в этом преуспел - гнев народный проснулся! Опасная ситуация!

- И клянусь, ни крупницы правды! - добавил Ли.

- Да, это все ерунда! - согласился Эдвин.

- Но ерунда опасная! - сказал Ли. - А теперь посмотрим, чего добился Оутс: пенсион в девять сотен фунтов в год и роскошные апартаменты в Уайтхолле, где он может проводить свое расследование!

- Но как ему это позволили? - воскликнула я.

- По желанию народа! - ответил Ли. - Вот так мудро он восстановил массы против католиков! Я слышал очень неприятные истории и пришел в ужас, когда узнал, что все это правда. Наш друг, сэр Джоселин Фринтон, глава семьи католиков, был арестован в собственном доме, обвинен и казнен!

- Ужасно! - вскричал Эдвин. - Здесь поневоле задумаешься, а все ли в порядке у тебя дома?

- А он участвовал в заговоре? - спросила Кристабель.

- Ах, мисс Конналт! - ответил Ли. - А был ли заговор вообще?

- Но наверняка ваш друг что-то сделал?

- О да! - с горечью произнес Ли. - Подумал не так, как Титус Оутс!

- Для меня всегда было загадкой, - вставил Эдвин, - почему люди, следующие христианской вере, приходят в такое негодование при виде тех, кто следует той же самой вере, но немного по-другому?

Мы помолчали, а потом Ли сказал:

- Ладно, хватит о мрачных вещах! Расскажите лучше, как вы тут живете?

Рассказывать было особенно нечего, и на следующий день, как заявил Ли, все мы должны отправиться к морю, а потом - в "Кабанью голову", где делают лучший в мире сидр. Кристабель напомнила мне, что утром у нас уроки.

- Уроки! - усмехнулся Ли. - Уверю вас, мы приложим все усилия, чтобы завтрашний день стал для вашей ученицы самым познавательным в жизни!

Все громко расхохотались. Тем вечером у нас было очень хорошее настроение.

На следующий день мы и в самом деле поехали в "Кабанью голову". Там мы выпили сидра, который оказался слегка крепковат, и поэтому мы начали громко смеяться по любому поводу. Мы проскакали галопом вдоль берега, причем Эдвин рядом с Кристабель, поскольку он сразу заметил, что она держится в седле не так уверенно, как все остальные: сказывалось отсутствие навыка, ездил верхом она лишь тогда, когда лошадям леди Летти надо было "поразмяться".

На следующий день Ли предложил проехаться в другом направлении, и снова все возражения Кристабель были подавлены, но я заметила, что она была лишь рада.

Дни шли, она расцветала все больше, а причиной тому было, что и Эдвин, и Ли, казалось, забыли, что она, как она сама себя называла, "какая-то гувернантка". Она начала вести себя как гостя и близкий друг семьи. Эдвин и Ли уделяли ей все внимание. Они, как всегда, с нежностью обращались со мной, но именно Кристабель они стремились все время порадовать. Ее глаза под густыми ресницами заблестели, на щеках появился румянец, а рот перестал поджиматься и дрожать и стал более полным и мягким. Перемены, произошедшие в ней, были видны мне невооруженным глазом.

Я беспокоилась, спрашивая себя: "Она влюбилась? В Эдвина? В Ли?" Я была полна тревоги. Ли влюблялся и забывал с легкостью, знает ли об этом Кристабель? Эдвин же был более серьезен в своих увлечениях, но он являлся лордом Эверсли - важное имя, богатые владения и семейные традиции. Я слышала, как мои родители обсуждают вопросы его женитьбы, и знала, что его вынудят избрать себе "подходящую пару", то есть девушку такого же знатного происхождения. В поле зрения уже были две претендентки выйти замуж за Эдвина. Одной из них была Джейн Мерридюю, дочь графа Милчитера, а другой - Каролина Эгхэм, дочь сэра Чарльза Эгхэма. Между семьями проходили кое-какие переговоры, и я догадывалась, что день его свадьбы недалек. Моя мать считала, что Эдвин всегда такой уступчивый - сделает так, как ему велят.

Кристабель была девушкой умной и красивой, не менее, чем Джейн Мерридюю или Каролина Эгхэм, но она родом из бедной семьи, и я понимала, что на роль будущей леди Эверсли шансов у нее никаких нет.

Эта смутная тревога лишь самую малость омрачала радость и веселье тех дней, но затем случилось нечто такое, что я мигом позабыла обо всем.

Прошло уже около недели со дня возвращения Ли и Эдвина. На улице стемнело, но в небесах сияла полная луна, освещая округу тусклым неверным светом. По небу под порывами сильного ветра летели темные облака.

День выдался приятным. Мы уехали на прогулку в глубь леса, где некоторые деревья еще несли на себе остатки листвы. Вскоре все они оголятся, и их нагие ветви будут выписывать на фоне неба сложные узоры. Мы проехали мимо коричневых полей, где слабая полоска зелени указывала на то, что озимая пшеница начала пробиваться на волю. Приближалась зима, скоро Рождество. Цветы уже исчезли, но нам еще попадались веточки можжевельника. Ли встретил их с весельем и процитировал старую поговорку, что, когда появляется можжевельник, пришло время целовать девушек, а можжевельник растет круглый год. Мы увидели лишь несколько цветов, которые останутся на земле до самого последнего дня осени. Доносились грустные трели какой-то птички, черный дрозд взял несколько нот и тут же умолк, будто расстроенный тем, что получилось. И пока мы ехали через лес, я все время слышала дятла, будто он один насмеялся над природой.

"Да, - подумала я, - сегодня воздух весь пропитан предостережением! Зима не за горами, и, возможно, жестокая, потому что в лесу огромное количество ягод - это, как люди говорят, природа заботится о своих питомцах".

Когда мы подъехали к таверне, Эдвин помог Кристабель спешиться, и я заметила, что он задержал ее руку немного дольше, чем требовалось. Эдвин выглядел радостным, но сохранял серьезное выражение лица, Кристабель же вся просто сияла. О да, беда, похоже, приближалась!

Когда мы возвращались домой, я специально потерялась. Это была одна из наших игр: Эдвин и Ли всегда принимались искать меня, пока не настигали, но в этот раз их нигде не было, и я поскакала домой одна. Когда я подъехала к конюшне, никого еще не было. Идти в дом мне не захотелось, я решила поразмышлять над тем, что происходит, и сделать выводы. Так в этот час сумерек я очутилась в саду.

Я думала, что скоро приедут родители: их посещение королевского дворца надолго не затягивалось. Мать не любила подолгу отсутствовать дома, и скоро наступит Рождество, а к нему надо готовиться. Обычно все двенадцать дней Рождества наш дом был полон гостей. Интересно, кто приедет к нам в этом году? Если дома будут Эдвин и Ли, а они будут, они вернулись, значит, мы будем развлекаться с Мерридью и Эгхэмами.

Рождество - это время, наступления которого всегда ждешь с нетерпением. Мы ходим в лес и наберем веток, украсим главный зал; приедут музыканты и артисты, будет горячий пунш и огромные куски жареного мяса; будут и подарки прекрасные сюрпризы и небольшие разочарования; а потом - танцы, игры и прятки по всему дому. С нами будут Кристабель, Эдвин и Ли.

Ах, если б мать была дома, но, с другой стороны, я была рада, что ее еще не было. Я боялась, что, будь она здесь, все бы обернулось иначе. Скорей всего, Кристабель бы отослала назад, в унылый дом викария. Она обрисовала мне его до таких мелочей, что я дрожала от ужаса, а по спине бежали мурашки. Будто бы это я ела безвкусную похлебку и чувствовала настоящую боль в коленях, которые так часто касались пола в молитве. Я действительно принимала большое участие в Кристабель и сейчас боялась, что ей снова могут причинить боль.

Так, в раздумьях, я углубилась в сад, и ноги привели меня к той же клумбе. Мрачное место, но только тем, что связано с ним, а так оно очень красиво. Несколько поздних роз все еще цвели, отчаянно цепляясь за жизнь, которая вскоре все равно будет отнята у них морозами и холодными зимними ветрами. За розами был высажен кустарник, и мне часто казалось, что именно он является причиной всех легенд о призраках, появляющихся здесь. В неровном свете луны он выглядел жутко, и нетрудно было вообразить себе бродящие там привидения, скрытые из виду кустами.

Я стояла среди красных роз, смотрела на дом и думала об отце Эдвина, что был убит на этой поляне. Конечно, всех деталей я не знала, но в свое время, когда мне будет позволено прочесть дневники, я все узнаю. Это случится через два года, когда мне исполнится шестнадцать.

Вдруг я услышала какой-то звук, раздавшийся из зарослей, - шелест листьев, треск ветки. Это вполне мог быть и кролик, забредший сюда случайно, но почему-то я была уверена, что это не так. Я почувствовала, как забилося мое сердце: в зарослях кустарника кто-то был.

Первая моя мысль была о том, что, вероятно, и вправду это место посещается духами, и, столь опрометчиво решив прогуляться здесь после наступления темноты, я смогла убедиться в этом сама.

Сначала я было хотела повернуться и кинуться назад, к дому, но любопытство взяло верх над страхом, и я осталась. Замерев, я глядела на кустарник, мой слух ловил каждый шорох. Тишина... И тьма деревьев скрывает.., что? Облака к этому времени почти полностью закрыли мерцающий диск луны. Внезапно во мне проснулся страх - сверхъестественные силы начинают действовать! Тьма сгустится еще, и страшные руки протянутся ко мне, чтобы

затащить в заросли!

Вот оно опять, это осторожное движение! Я почувствовала, что кто-то наблюдает за мной.

- Кто там? - позвала я.

Никакого ответа.

- Я знаю, что вы там! - крикнула я. - Выходите, иначе я спущу собак!

Я подумала о наших собаках - Касторе и Поллуксе, двух рыжих сеттерах, которые любили всех без исключения, а гавкали и притворялись свирепыми, только когда играли с костью. Тогда чей-то голос произнес:

- Я должен поговорить с лордом Эверсли. Я ощутила огромное облегчение: в конце концов, это был человек, а не призрак.

- Кто вы? - спросила я.

- Прошу вас, пожалуйста, попросите лорда Эверсли прийти сюда. Он у себя, я знаю.

- Если вы хотите видеть его, почему не проходите в дом? - спросила я.

- Вы его сестра... Присцилла? Этот кто-то знал нашу семью, и в его голосе было что-то приятное.

- Я Присцилла Эверсли, - ответила я. - А кто вы? Выйдите и покажитесь!

- Это опасно, - ответил он. - Умоляю вас, говорите потише и, пожалуйста, приведите сюда лорда Эверсли.

Я приблизилась к кустарнику. Это мог быть разбойник, убийца, а возможно, и привидение, но я всегда была безрассудной и никогда не задумывалась над своими поступками, пока не совершала какую-нибудь глупость.

Я снова услышала голос, настойчивый и требовательный:

- Прошу вас, войдите в тень деревьев, так будет безопаснее.

Я ступила на тропинку, вьющуюся меж деревьев, и человек вышел мне навстречу. Он был одет в плащ и черную фетровую шляпу, из-под которой виднелся короткий парик, какой стали носить мужчины после того, как брат короля ввел его в моду. Луна вырвалась из-за полога скрывающих ее облаков и залила своим бледным светом всю округу.

- Я - Джоселин Фринтон, - сказал он. Я ощутила, как внутри меня поднимается волнение, и вспомнила, что я уже слышала это имя раньше. Тогда я поняла, что события, которые мы обсуждали за обедом, близятся, и сейчас меня вовлекает в водоворот приключений.

- Я слышала о вас, - сказала я.

- Они убили моего отца, за мной гонятся! Умоляю... Эверсли здесь, я знаю. Он поможет, я уверен в этом! Сходите и расскажите ему все, но помните.., только Эверсли.., ну, может, еще Ли Мэйну, если он тоже там, но никому больше! Это опасно.., дело жизни и смерти! Если меня схватят...

- Я поняла, - сказала я. - Здесь до утра вы в безопасности: сюда никто не ходит, думают, что здесь обитают духи. Мой брат скоро придет, я передам.

Он улыбнулся, и только тогда я заметила, как он красив. Никогда я не видела таких красивых мужчин и почувствовала огромное желание помочь ему. Я вернулась к дому, где обнаружила, что остальные уже там.

- Куда ты подевалась? - требовательно спросил Ли. - И в чем дело? Ты выглядишь так, будто увидела привидение!

- Зайдем в дом, - сказала я. - Я хочу поговорить с вами, это очень важно. Я видела... Я

кое-что увидела!

Ли сочувствующе обнял меня за талию.

- Так и знал - привидение! - сказал он.

Мы прошли в класс - Эдвин, Ли, Кристабель и я. Как только дверь за нами закрылась, я не сдержалась и выпалила:

- В кустарнике прячется Джоселин Фринтон!

- Что?! - воскликнул Ли.

- Он мертв! - сказал Эдвин.

- Нет, это его сын, за ним гонятся! Когда я приехала, я пошла прогуляться в сад и вдруг услышала, что там кто-то есть. Я крикнула ему и пригрозила собаками. Тогда он заговорил со мной и сказал, что должен увидеться с тобой, Эдвин., или с Ли, потому что хочет, чтобы вы ему помогли. Он сказал, что его отца казнили, и убьют и его, если схватят!

- Боже, спаси и помилуй! - не выдержал Ли. - Это дело рук этого дьявола, Титуса Оутса!

- Что нам делать? - спросила Кристабель.

- Конечно же, надо помочь ему! - ответил Ли.

- Но как? - спросил Эдвин.

- Сначала накормить, а потом найти убежище!

- Вы же не можете прятать его в кустарнике? - подчеркнула я.

- Да, - ответил Эдвин, - но это безумие когда-нибудь кончится! Титус Оутс начинает показывать свое истинное лицо! Уверен, через какое-то время народ восстанет против него!

- Это может произойти и через год, или два, - сказала Кристабель.

- Как бы то ни было, - сказал Ли, который всегда был человеком действия, сначала надо переправить его в безопасное место!

- В библиотеке есть потайная комната: там во время войны отец прятал наши драгоценности! - сказала я.

Эдвин задумался.

- Но если его найдут, повинна в его сокрытии будет вся семья!

- Отец ненавидит папистов, - сказала я.

- Значит, - ответил Эдвин, - страна разделяется? Так всегда происходит, когда случается что-нибудь подобное. Пока Оутс не поднял свою уродливую голову, народ не волновало, как и во что верят другие. Это все из-за споров о престолонаследии и слухов о религиозных воззрениях брата короля...

- Знаем, - нетерпеливо прервал его Ли, - но, между тем, должны же мы что-то делать с Джоселином Фринтоном? Если его схватят, ему конец! Куда нам его девать?

- Мы должны действовать осторожно, - предупредила я. - У нас есть Джаспер! Он обнаружит его, если Джоселин останется в кустарнике, и нет никаких сомнений, какой будет реакция Джаспера. Он считает, что католики - слуги дьявола, он фанатик и поэтому опасен!

- Тогда это не сад и не дом! - подвел итог Ли.

- Я знаю место! - воскликнула я. - На какое-то время оно пригодится. Твой отец прятался там, Эдвин, когда приезжал в Англию в пору республики. Я помню, мать показывала мне это место. Она приезжала с твоим отцом как раз перед тем, как тот был убит!

- Хорошо, - сказал Ли. - Где это?

- Пещера Белого утеса, и она расположена далеко на побережье. Мало кто туда ходит,

это было бы надежным местом для укрытия!

- Пока это лучшее предложение! - одобрил Ли. - А сейчас нам надо действовать побыстрее!

Вдруг он замолк, прижав к губам палец, прислушался, затем тихо подошел к двери и резко открыл ее. В комнату ввалился Карл. Он с довольной улыбкой обвел всех нас взглядом.

- В кладовой - пирог с говядиной! - сказал он. - Я принесу ему ломоть побольше и эля. Никто и не заметит, что что-то пропало!

Мы замерли в изумлении, и тут до нас дошло, как небрежны мы были. На месте Карла мог оказаться любой из слуг, а то и сам Джаспер! Ли нежно подтолкнул Карла.

- А знаешь, что бывает с людьми, которые подслушивают у дверей? - спросил он.

- Да, - парировал Карл. - Они входят и присоединяются к остальным!

Перевезти Джоселина Фринтона в пещеру не составило труда. Ли и Эдвин уехали с ним той же ночью, пока весь дом спал. Но даже если бы и заметили, что они ночью отсутствовали, слуги бы лишь пожали плечами и подумали, что те просто отправились на поиски приключений. Даже Джаспер лишь покачал бы головой да пообещал бы им вслед адского огня.

Карл пригодился на кухне: он славился своей прожорливостью, и, поймай его кто-нибудь за кражей пищи, удивления это бы не вызвало. Кристабель и я приготовили несколько одеял. Все это время мы были крайне осторожны, ибо знали - даже Карл - это приключение может закончиться смертью!

До пещеры Белого утеса было три мили, и Ли с Эдвином вернулись только к полуночи. Кристабель и я не ложились, а ждали их, наблюдая за дорогой из окна спальни. Карла мы заставили лечь в постель, пообещав, что, когда Эдвин и Ли вернутся, мы дадим ему знать.

- Конечно, я не буду спать! - ответил он, но, когда в одиннадцать часов я заглянула к нему, он уже спал мертвецким сном. Он был очень возбужден выпавшим на нашу долю приключением и старался помочь, но я бы предпочла, чтобы он вообще к этому не был причастен. Мы разговаривали с Кристабель.

- Мой отец, который терпим к некоторым вещам, очень резко настроен против католиков. Ему не нравится герцог Йорк. Более того, он считает, что разразится несчастье, взойди тот на трон. Он говорит, народ этого не позволит и будет революция. Отец за то, чтобы наследником стал Монмут.

- А как бы он поступил, если бы обнаружил Джоселина Фринтона в вашем имении?

- Не знаю! Он знал его отца, и наверняка ему было известно, что они католики, но ведь несколько лет назад никого это не заботило. Народ начал волноваться, лишь когда появился Титус Оутс со своим Папистским заговором. Я уверена, случись какой-нибудь конфликт, отец скорее встанет на сторону Монмута, чем брата короля, хотя отец нерелигиозен.

- Да, - согласилась Кристабель, - возможно.

- Не знаю, выдал бы он его властям или нет, но не думаю, что он помог бы ему или одобрил наши поступки. То, что делает Эдвин, - это его личное дело, потому что Эдвин - мужчина, и мой отец не отец ему. Что бы решила мать, я не знаю. Наверное, встревожилась бы очень, потому что мы подвергаем себя опасности. И, понимаешь, есть еще Карл. Отец любит его до безумия, а Карл сам настоял на своем участии.

- Ему это нравится! Для него это просто приключение, и я заметила, что он обожает быть в курсе всех дел!

- Представляю отца в молодости - должно быть, был таким, как Карл сейчас!

- Можешь быть в этом уверена! - В ее голосе прозвучали резкие нотки, напомнив мне прежнюю Кристабель, которую я знала до приезда Эдвина и Ли.

- Тихо! - сказала я. - Кажется, они возвращаются!

Я оказалась права. Мы приникли к окну, замерли и вскоре действительно увидели Ли и Эдвина, въезжающих в ворота. Мы помахали им, и вскоре они поднялись в мою спальню.

- Все хорошо, - прошептал Ли. - Отличное место! Молодец, Присцилла, что вспомнила! Я вспыхнула от удовольствия.

- На завтра он едой обеспечен и хорошо защищен. Думаю, устраивать там пикники ни у кого желания не возникнет!

- Какие пикники в ноябре, да в таком холодном месте?

- Вот насчет холода ты правильно заметила, - сказал Эдвин, - но у него есть одеяла.

- Сколько он сможет оставаться там? - спросила Кристабель.

- Ну, долго он там не протянет, - ответил Эдвин. - Нам надо придумать что-нибудь, пока зима не стала совсем холодной.

- Присцилла беспокоится о том, что сюда вовлечен Карл! - поделилась нашими опасениями Кристабель.

- Да, и я тоже, - согласился Эдвин.

- Он хороший мальчик, - добавил Ли, - но его бьющая через край энергия может выдать нас!

- Утром я с ним поговорю, - решил Эдвин.

- Надо попытаться перевести Фринтона в другое место, и сделать это лучше до возвращения твоего отца, - обратился ко мне Эдвин.

С этим я была полностью согласна.

- Но уже поздно, - сказал Ли, - на сегодня хватит! Кто знает, может, за нами кто-нибудь шпионит? Я не думаю, что кто-либо заметил нас, но все мы должны понять, что это не игра, и нет смысла рисковать по пустякам. Это может кончиться смертью для того юноши и серьезными неприятностями для нас, поэтому ведите себя, как обычно. Сегодня все, что могли, мы сделали, пока что он вне опасности. Завтра мы отвезем ему еще еды. Выезжать на прогулки будем тоже, как обычно, но мы должны быть осторожны.

На цыпочках они вышли из моей комнаты и отправились к себе. Я не могла заснуть. Сомневаюсь, что кто-нибудь из остальных спал той ночью. Ли был прав, когда сказал, что мы оказались в серьезном положении. Я продолжала думать о том юноше: в нем было что-то благородное, что заставило меня помочь ему. Все мои мысли были с ним, в пещере Белого утеса.

Следующим утром мы все вместе выехали на прогулку. На кухне я сказала, что мы едем в лес и хотели бы захватить еду с собой, чтобы не заезжать в таверну. Это выглядело довольно правдоподобно, но необычно: каждый раз мы этой отговоркой пользоваться не сможем. Я лично руководила сбором корзины с едой и даже вздрогнула, когда Элен сказала: "Пищи у вас на целый полк хватит!"

- Но с нами трое голодных мужчин! - напомнила ей я. - Ведь когда дело касается еды, Карл не уступит взрослому! Сама знаешь, Элен, на природе аппетит во много раз больше!

Салли Нулленс, присутствующая при этом и все еще считавшая Карла своим питомцем, заметила:

- Слишком много пирожков он ест, вот что, а ему надо мяса побольше!

Бдительным оком она осмотрела нашу провизию, и во мне зародилась тревога. Я боялась Салли Нулленс, как и Эмили Филпотс. Последняя стала еще более замкнутой, чем когда-либо, потому что с Кристабель обращались, как с членом семьи, - самой ей этого так никогда достичь и не удалось. "И это после всего, что я сделала для этих детей!" - постоянно жаловалась она, и я знала, что она шпионит за Кристабель, надеясь поймать ее на каком-нибудь проступке, и критикует ее по любому поводу. В обычное время это явилось бы объектом для шуток, но сейчас мы не могли позволить себе, чтобы за нами следили.

Однако нам удалось спокойно уехать, и я думала, стоит ли предупреждать Карла об осторожности или оставить все, как есть? Он всей душой был в этом приключении, но в то же время он мог и переусердствовать.

Никогда я не забуду того ноябрьского дня, с туманом, висящим в воздухе, чайками, кричащими над головами, и сильным запахом водорослей, доносимым бризом. Мы спешили, привязали лошадей к скале и спустились к пещере. Стук гальки от наших шагов звонко разносился в воздухе.

Я представила себе затаившегося в пещере Джоселина, гадающего, кто идет. Ли подошел ко входу в пещеру.

- Все в порядке! - крикнул он.

Джоселин вышел, и теперь я могла рассмотреть его лучше, чем прежней ночью. Он был высок и строен, с белоснежной кожей, покрытой легкими веснушками, и светло-голубыми глазами. В улыбке обнажались ровные белые зубы: он был настоящим красавцем. На нем были панталоны испанского покроя, сшитые из светло-коричневого бархата, и кожаные сапоги того же цвета. Камзол (также из бархата) спускался до колен. Он был немного помят после ночи, проведенной в пещере, но Джоселин Фринтон, несомненно, выглядел очень модным джентльменом, который вынужден был уехать в спешке, не успев подготовиться к путешествию.

- Выйди на открытое место, - сказал Ли. - У нас просто небольшой пикник! Мы услышим, если кто-нибудь решит подойти к нам, да и отсюда видно все окрестности. Если потребуется, ты сможешь скрыться в пещере, но, я думаю, это не потребуется.

Мы уселись, и я открыла корзину.

- Не знаю, как и благодарить вас всех! - сказал Джоселин. - Благодарение Богу, что я вспомнил о твоём доме, Эверсли.

- Конечно, - ответил Эдвин, - ты правильно поступил, что приехал. И повезло, что Присцилла забрела в сад!

Джоселин, улыбнувшись, повернулся ко мне:

- Боюсь, я напугал вас?

- Я решила, что вы - призрак, - подтвердила я, - но я всегда хотела увидеть привидение. И я рада, что там оказалась я, а не наш старый садовник.

- Ты ехал из своего дома?

- Из Лондона. Они пришли за мной в дом на Пикадилли, этот грязный Оутс и его люди. Как далеко это зайдет? - спросил Джоселин. - Я никак не могу понять, почему никто не видит, какой он негодяй!

- Ужасно сознавать, как легко люди поддаются призывам к насилию, - с печалью в голосе вымолвил Эдвин. - Порознь они никогда бы не решились на действия, какие предпринимают, становясь толпой.

- Философия может быть весьма полезным занятием, - прервал его Ли, - но сейчас время для действий! Фринтон, это место отлично подходит для временного убежища, но мы должны придумать что-нибудь получше.

- Я уйду из дома и буду охранять тебя! - воскликнул Карл. - Я возьму с собой собак и научу их бросаться на всякого, кто захочет войти в пещеру!

- Знаешь, Карл, я хочу, чтобы ты кое-что сделал, - сказал Ли.

- Что? Что? Только скажи!

- Это очень просто, - ответил Ли. - Ты должен всего лишь повиноваться приказам!

- Так точно, сэр! - сказал Карл. - Ты вроде капитана, Ли? Мы должны поступать, как ты скажешь? И Эдвин тоже? А может, он не захочет, все-таки лорд?

- Мы здесь, чтобы помочь Джоселину! - сказал Эдвин. - Вот о чем сейчас надо думать!

- А я об этом только и думаю, - возразил Карл.

- Карл, - напомнила я ему, - об этом никому нельзя говорить ни слова никому, запомни!

Я взглянула на Ли:

- Мы должны что-нибудь придумать! А если Джоселин придет в дом и представится путешественником, потерявшим дорогу?

- Мы должны будем тут же указать ему правильный путь, - ответила Кристабель.

- А если он придет устраиваться на работу?

- На какую работу? - спросил Ли. - Садовником? Ты умеешь возделывать землю, Фринтон?

- Моим наставником! - закричал Карл. - Все утверждают, что у преподобного Хеллинга я ничему не научусь!

- Это вина твоя, брат, - возразила я, - а вовсе не преподобного Хеллинга! Я думаю, опасно Джоселину приезжать в дом. Мои родители наверняка где-нибудь с ним встречались.

Ли сидел молча, а по губам его бродила задумчивая улыбка. Я знала его очень хорошо и поняла, что, прежде чем рассказать остальным, он хочет как следует все обдумать, и, как бы я ни настаивала, он все равно ничего не скажет, пока сам не решит, что пришло время сделать это.

- Да, ничего хорошего, - протянул Эдвин.

- По крайней мере, - сказал Ли, - здесь ты на какое-то время в безопасности.

Мы перебрали все возможные варианты, но Ли так и не сказал, что придумал.

Надо было найти другую одежду Джоселину, что-то более подходящее для путешествия, если ему придется в спешке уезжать. Один из нас, пока мы не решим, что делать, каждый день будет приезжать сюда с едой. И больше никаких пикников, а то появятся подозрения. Эмили Филпотс уже, наверное, говорит, что мы с ума сошли - придумать такое в это время года, а Салли могла даже послать кого-нибудь за нами, чтобы убедиться, что Карл не снял своей кожаной курточки. Нет, мы должны приезжать поодиночке или по двое, надо быть очень осторожными!

Мы все посмотрели на Ли. Он был прирожденным вожаком: он был более смел и жесток, чем Эдвин. Эдвин всегда очень боялся причинить людям боль, поэтому он всегда слишком осторожничал. Ли всегда шутил насчет старшинства между ними двоими, а он, впрочем, и был старше на несколько недель. Думаю, я восхищалась Ли больше, чем кем-либо из тех, кого я знала, и мне доставляло огромное удовольствие, когда он выказывал ко мне особые чувства.

Мы вернулись в пять часов. Было уже почти темно, и мы въехали в ворота как можно

тише.

Элен посмотрела на пустую корзину.

- Значит, вы прикончили все до крошки? - сказала она.

- Это был самый прекрасный пирог с бараниной, что ты когда-либо готовила, Элен! - сказал Карл.

- Тогда он пропал для вас даром, - возразила она, - Это была не баранина, а голуби!

Еще один знак того, какими осторожными нам надо стать! Салли Нулленс хлопотала вокруг Карла.

- Я надеюсь, что ты не слишком долго бродил по пляжу, Карл? Если ветер продул тебе грудь...

- А мы не ездили на пляж!

- Ты не сидел на пляже? Тогда откуда эти водоросли на курточке? Карл смутился.

- Ну, мы посидели там немного! - Он умоляюще посмотрел на меня.

- Ты, как всегда, все выдумываешь, Карл! Конечно же, мы заезжали на пляж ненадолго!

А затем появился старый Джаспер:

- Кто-то топтался в новых кустах, что я посадил! Чуть не переломали их, безбожники!

Как я была благодарна Богу, что Джоселин сейчас в безопасности и далеко от дома! Я поднялась к себе в комнату, и не прошло и пяти минут, как в дверь постучали. Вошел Ли. Он широко улыбнулся:

- Не следовало мне приходиться к леди в спальню, но ведь это всего лишь моя маленькая сестричка, так что мне простят! Даже старая Филпотс ничего не скажет, могу спорить!

Потом его лицо приняло серьезное выражение.

- Я подумал, что сначала лучше поговорить с тобой!

Волна необъяснимого гнева, нахлынувшая на меня после того, как он назвал меня маленькой сестричкой, сразу утихла, потому что я оказалась его поверенной.

- Кроме того, - сказал он, - ты ее знаешь лучше, чем кто-нибудь из нас..., даже лучше, чем я сам!

- Кого ее?

- Харриет, мою мать.

- Харриет?! Но как она ко всему этому причастна?

- Я подумал, что, может быть, она нам поможет! Она единственная, кто лишь обрадуется возможности рискнуть, а мы очень рискуем, Присцилла! То, что мы натворили, может навлечь неприятности на всю семью!

- А что еще мы могли сделать? - Я вспомнила Джоселина Фринтона - о, как он красив! - и его теплые взгляды, предназначенные в основном мне. Я бы многим рискнула ради него, но понимала, что имеет в виду Ли: мы должны были подумать о семье.

- Я уже все обдумал, но не хотел говорить, не обсудив с тобой. Надо съездить к Харриет и спросить, не сможет ли она помочь нам? Если она согласится, вот что я придумал. Джоселин - актер, которого она знала в Лондоне или еще где-нибудь. Он будет Джоном... Феллоузом или что-то вроде того. Инициалы мы оставим прежними, это может пригодиться. У нее всегда гостит множество странных личностей, которые называются ее знакомыми, и на одного такого "знакомого" внимания никто не обратит, и никому не покажется странным, что он объявился таким вот образом. Она сможет приютить его на долгое время. Может быть, она займет его в тех пьесах, что все время ставит. Он будет в большей безопасности вот так, у всех на виду, чем в пещере, куда мы должны возить еду. Ну, как ты считаешь?

- О Ли, я думаю, это замечательная идея!

- Думаешь, Харриет согласится?

- Уверена! Она обожает интриги и ненавидит нетерпимость! Уверена, что Титус Оутс как раз из тех людей, которых она ненавидит больше всего на свете!

- Я рад, что ты согласилась с моим планом. Я поеду проведать мать, и меня не будет примерно педелю. Можешь не сомневаться, дольше, чем надо, я там не задержусь. Тем временем вы должны будете прятать Фринтона и передавать ему еду. Будьте осторожны: не хотелось бы, чтобы он был здесь, когда вернутся родители. Думаю, что твой отец быстро вычислит, где тут "собака зарыта".

- Чудесная мысль! Уверена, Харриет нам не откажет! Когда ты уезжаешь?

- Сегодня же, нельзя терять ни минуты. Я действительно хочу побыстрее убрать его из пещеры. Ты объяснишь все остальным.

- Не думаю, что мне следует посвящать в это Карла, - сказала я. - Он действует отлично, но ненароком может выдать нас!

- Великолепно! - Он положил руки мне на плечи и поцеловал меня. - Я знал, что могу положиться на мою маленькую сестренку!

- Я уже не маленькая, и не сестра тебе! Он довольно улыбнулся.

- Приму это к сведению! - сказал он.

Через час он уже был на пути к Эйот Аббасу, дому его матери в Суссексе, и все мы молились, чтобы Харриет была дома, а - как она часто любит делать - не укатила в Лондон. Харриет не была домоседкой и не любила жить в деревне: ей нравились удовольствия двора, когда все мужчины восхищались ею, и, более всего прочего, она любила театр. А так как ее любящий до безумия муж, сэр Грегори Стивенс, который, прежде чем унаследовал свой титул и состояние, был наставником у Ли и Эдвина (в Эверсли-корте он и Харриет впервые встретились) всегда поступал, как просила она, очень было возможно, что ее дома не окажется. Если так, Ли придется ехать в Лондон, чтобы повидаться с ней, а это отсрочка еще на неделю.

Прошло несколько дней. Мы договорились, что раз в день один из нас отвозит Джоселину еду, и делали все возможное, чтобы поддержать его дух. Он был безумно благодарен нам, особенно мне, и сказал, что я его настоящая спасительница. Я же ответила, что это Ли все придумал. Мы с нетерпением ожидали его возвращения.

Все эти дни сопровождалась постоянными мелкими тревогами. Карла поймали на кухне, когда он пытался стянуть большой кусок бекона. Элен сказала, что мальчик стал вором, можно подумать, он здесь голодает. Бекон у него отобрали, и я поняла, что впредь острые глазки Элен будут следить за запасом провизии.

Ли отсутствовал уже неделю. Наступил декабрь, и говорили, что зима будет жестокой. Салли Нулленс чувствовала это своими костями, а они никогда не лгали, зловеще прибавляла она. Снега еще не было, но без перерыва лили дожди. Джаспер сказал, что их будет еще больше - приближаются огромные тучи с дождем. Он не удивится, если случится еще один потоп: мир испорчен, и Бог, может быть, захочет снова потопить его.

- Он бы предупредил тебя, - подтрунивала я над ним, - чтобы ты успел подготовить ковчег для спасения праведных, коих будет не так много. Наверное, ты бы один и спасся, Джаспер!

Он лишь посмотрел на меня из-под своих кустистых бровей. Он был уверен, что я буду

одной из первых в очереди на адский костер. "Господь не любит, когда у женщины дерзкий язычок", - сказал он мне. Элен всегда очень переживала, когда я "схватывалась" с ним, но в этот раз она была озабочена таинственным исчезновением рябинового пудинга.

- Они познают отмщение Господне! - сказал Джаспер. - Все они! Титус Оутс еще воздаст некоторым из них по заслугам!

В другое время я бы с этим поспорила, но сейчас поняла, что мы встаем на опасную почву. Я вспоминала эту сцену на кухне по дороге к пещере Белого утеса. Вновь начался дождь, предсказанный Салли Нуллэнс. Она была полна разными приметами.

- Я видела, как кошка умывала морду и уши, - говорила она. - И будь я проклята, если она не лежала, закрыв морду лапой. "Сразу видно, дождь грозит, когда кошка так лежит!" И мои старые косточки сказали мне сегодня утром то же самое. Попомните мои слова, к концу этого дня такой дождь хлынет - света белого не взвидите!

Эмили Филпотс сказала, что и гроза будет, потому что у нее всегда спина болит к грозе, а Джаспер пробурчал:

- Конец света, вот что будет! И разразится он в должное время!

- Снова собрались на прогулку, мисс Присцилла? - спросила Салли, напоминая мне, что когда-то была у меня нянькой.

- Да, поразмяться, Салли.

- Лучше бы вам сегодня никуда не выезжать! Хоть бы они не следили за мной так пристально. Кажется мне или действительно они следят за мной больше обычного? Рассказала ли Элен о набегах на кладовую Джасперу? Если он "сядет нам на хвост", мы пропали.

Так я ехала, погрузившись в беспокойные думы, корзина с едой была крепко привязана к седлу. Интересно, сколько еще будет отсутствовать Ли? Мы скучали по нему, нам необходимо было его руководство.

Я выехала на одинокую полоску пляжа. К моему облегчению, никого не было видно. Я стреножила коня и привязала его под нависающей скалой. Потом я вошла в пещеру. Горела лампа, которую мы привезли Джоселину, и тут я увидела его: он крепко спал. Он выглядел юным и прекрасным, как греческий герой. Без парика, который лежал рядом, он был еще красивее. Его светлые, коротко подстриженные волосы кудрями рассыпались по камню, и он выглядел абсолютно беззащитным. Я испугалась за него. А что если бы кто-нибудь ненароком забрел в пещеру и обнаружил спящего?

Не решившись разбудить его, чтобы не испугать, я на цыпочках вернулась ко входу и тихонько окликнула его. Он привстал и улыбнулся, после чего вскочил на ноги.

- Да это же Присцилла! Вы мне как раз снились! Мне снилось, что вы вошли и смотрите на меня!

- Это так и было. Я испугалась: лампа была зажжена, и я подумала, что кто-нибудь может заметить ее!

- Но я здесь никого не видел с тех пор, как вы привезли меня сюда!

- Летом здесь будет много народа, но к этому времени вы уже будете далеко. Я привезла вам куропатку и кусок поросенка. Думаю, вы можете выйти на воздух, а я буду настороже. Пока что дождь перестал, но скоро он снова польет, я уверена. Выходите, наслаждайтесь воздухом, пока это возможно.

Я разложила еду. Я привезла с собой немного эля, который он с жадностью выпил. Он улыбнулся и сказал:

- Знаете, прошлой ночью я подумал, что даже счастлив, что все так случилось: я познакомился с вами!

- Вам пришлось заплатить высокую цену за это знакомство! - ответила я.

Тогда он взял мою руку и поцеловал.

- Это важнее всего в моей жизни! - произнес он.

- Вы слишком долго находитесь наедине с собой, - возразила я, - и поэтому так думаете. Надеюсь, Ли поможет нам, когда вернется.

- Мы непременно должны встретиться еще раз, когда все это закончится, - я и вы!

- Да! Эдвин говорит, что общественное мнение оборачивается против Титуса Оутса, и, когда народ восстанет против него, всему придет конец! Мы снова вернемся к нормальной жизни, наши семьи будут встречаться! Думаю, мать даже пригласит вас погостить у нас!

- Я приложу все усилия, чтобы это произошло! Я познакомился с вами весьма необычным способом, но предпочел бы встретиться с вами, скажем, на балу. Вы часто бываете при дворе?

- К сожалению, нет. Я бывала там лишь несколько раз. Родители считают, что я еще слишком молода для этого.

- Вы мне такой не кажетесь!

- Сколько же мне лет, на ваш взгляд?

- Семнадцать, это самый лучший из всех возрастов! Я знаю, мне было семнадцать два года назад.

Мне очень польстило его слова о том, что я выгляжу старше моих лет. Все, кто находится в таком возрасте, как я, рады это слышать. Человек с радостью отказывается от своей молодости, имея ее, и, лишь когда ее уже не вернуть, вспоминает о тех годах с болью.

- Может быть, - продолжил он, - это мне бы хотелось, чтобы вам было семнадцать!

- А почему вас так волнует мой возраст?

- Мне хотелось бы, чтобы вы были ближе ко мне!

Мы замолчали, прислушиваясь. Ветер донес до нас далекий звук чьих-то голосов.

- Давайте зайдем в пещеру, - сказала я. - Заберите все с собой. Мы не знаем, кто это может быть!

Поспешно мы собрали остатки нашего пикника, после чего вошли в пещеру и снова прислушались. Он напрягся, мною тоже овладело беспокойство. Я представила себе лицо Джаспера. Я как будто слышала его слова: "Что-то они там замышляют... Из кладовой

пропадает еда, моя жена мне рассказала об этом. Они что-то скрывают или кого-то. Можете быть уверены, кто-то во грехе! В воздухе пахнет грехом больше обычного!"

Джаспер всегда чуял грех. Грех был повсюду, и лишь им, Джаспером, не могли овладеть греховные помыслы.

Голоса все приближались. Я посмотрела на Джоселина и чуть не умерла от беспокойства.

Будь с нами Ли... Но Ли здесь не было, да я и представить себе не могла, что бы он мог посоветовать нам. Стук гальки под чьими-то шагами, и лай собак, нескольких собак!

Мы сидели, прижавшись друг к другу, на жестких камнях пещеры, и внезапно Джоселин взял мою руку. Он поцеловал ее и сжал в ладонях. Я прошептала:

- Кто-то идет по пляжу. Они направляются сюда!

- С собаками, - сказал он.

- Джоселин, вы считаете... Он кивнул:

- Нас предали! О, Присцилла, все кончено для меня, для нас! Но, может быть, они просто гуляют?

"Гуляют! - подумала я. - Зимним днем с нависшими свинцовыми облаками! Гуляют по пляжу с собаками! До ближайшего дома отсюда почти миля. Ли упоминал об этом, когда расписывал, какое это хорошее место для укрытия".

- Давайте зайдем поглубже в пещеру, - прошептала я. Мы забились в одну из ниш, не забыв прихватить вещи с собой. Скала шла, подобно выступу, и, встав на колени, мы не смогли пробраться еще дальше. Мы легли на землю и прижались друг к другу. Джоселин обнял меня, и мы замерли, лежа в этом тесном углублении под нависающей скалой.

Наши сердца громко бились. Шаги звучали все ближе и ближе. Собаки продолжали лаять.

Лицо Джоселина было совсем рядом с моим, губы его прижимались к моей щеке.

- Вам не следовало приезжать сюда, - прошептал он. - Вы...

- Бруно! Бруно! - раздался мужской голос. - Что ты там нашел?

Собаки лаяли. Теперь они были совсем близко. Я ужасно боялась за Джоселина. В те секунды я думала, что никогда уже больше не буду радоваться жизни. Они увезут его и убьют, как его отца. Ближе и ближе. Уже совсем рядом.

- Я непременно должен сказать это, - вымолвил Джоселин. - Это моя последняя возможность: я люблю вас!

Я сжала ему рот ладонью. У входа в пещеру появилась чья-то тень. Это была одна из собак. Она направилась к нам. Я услышала, как кто-то позвал:

- Бруно!

Пес замер над нами. Я вспомнила наших собак и, как можно спокойнее, произнесла:

- Хороший Бруно!

Он гавкнул, после чего повернулся и выбежал из пещеры. До нас донесся смех хозяина.

- Босун, Босун, ко мне! И ты тоже, Бруно! Мы лежали, боясь шевельнуться, руки Джоселина прижимали меня к себе. Мы боялись вздохнуть, и вдруг я поняла, что никто идти в пещеру за псами не собирается. Звук голосов постепенно стал отдаляться.

- Они ушли! - прошептала я. - Они не искали нас, они действительно просто вышли на прогулку!

Мною овладел нервный смех, и я громко рассмеялась, но потом так же внезапно я остановилась.

- А вдруг это уловка? Но они легко могли схватить нас, если бы действительно искали?
Я выбралась из-под скалы и встала. Джоселин последовал за мной.

Я вышла из пещеры. Вдоль пляжа, сопровождаемые собаками, шли двое мужчин. Один из них поднял камешек и швырнул его вперед. Собаки наперегонки помчались за ним.

Все переживания остались позади, но случилось еще кое-что: Джоселин взял мою руку и поцеловал ее.

- Теперь вы все знаете! - сказал он. Я отвернулась и посмотрела на море, серое, с белыми барашками на гребнях волн. Ветром заносило брызги соленой воды далеко на пляж.

- Здесь очень опасно, - сказала я. - Ли скоро вернется.

- Но тогда я вынужден буду уехать!

- Скорей всего, к Харриет.

- Вы часто навещаете ее?

- О да, я ее любимица.

- Я не хочу уезжать, если это означает разлуку с вами!

- Вы должны уехать туда, где будете в безопасности.

Внезапно он поцеловал меня.

- Это было прекрасное приключение! - сказал он.

- Оно еще не закончилось, - напомнила я ему. Мы опустились на гальку, и он сказал:

- Если бы вы были постарше, мы могли бы пожениться!

- Сказали бы, что я слишком молода для этого?

- Люди и женятся молодыми! Когда все закончится, я буду просить у родителей вашей руки! Вы согласны?

- Я знаю людей, которые выходили замуж и женились без их согласия на это!

- Но только не вы! Уверен, вы бы нашли какой-нибудь способ избежать нежелательного союза! О, Присцилла, мне кажется, вы питаете ко мне какие-то чувства и вас не раздражает то, что я с вами так говорю.

- В эту секунду я не могу думать ни о чем, кроме вашего счастливого спасения! Я была ужасно напугана, Джоселин, а вы?

Он некоторое время молчал, после чего промолвил:

- Да, я думал, что пришли за мной, думал, это конец! Когда забрали моего отца, а через какое-то время убили его - они называли это "казнью", а я называю это "убийством", - что-то случилось со мной. Я решил, что бороться с судьбой бесполезно. А когда я лежал и сжимал вас в своих объятиях, то подумал:

"Это - конец, но перед тем, как умереть, я встретил Присциллу, и свело меня с ней все это!" Видите ли, это что-то вроде подарка судьбы!

- Вы философ!

- Возможно, и, если мне суждено умереть, я умру, но если судьба будет благосклонна ко мне и уберезет, тогда я смогу подумать о будущем, и, Присцилла, я хочу, чтобы вы разделили его со мной!

- Вы почти не знаете меня!

- В обстоятельствах, подобных этому, знакомство очень быстро перерастает в дружбу, а дружба - в любовь! Вы многим рисковали ради меня!

- Не я одна!

- Но больше всего я ценю то, что сделали вы! Что бы ни случилось, я никогда не забуду те мгновения в пещере, когда вы лежали, прижавшись ко мне, и сердце ваше наполнялось

страхом, страхом за меня! Я буду помнить эту всю жизнь, но ничего бы не случилось, если бы не было того, что я пережил в недавнем прошлом! За вещи, которые многого стоят, надо расплачиваться!

- Вы, действительно, философ!

- Жизнь сделала нас такими, какие мы есть, и я знаю, что буду любить вас до самой своей смерти! Присцилла, когда все это закончится...

Я почувствовала радость. Слишком многое произошло за такое короткое время: это происшествие и просьба выйти замуж! А мне было всего четырнадцать лет! Дома ко мне относились, как к маленькому ребенку, и Ли обо мне был такого же мнения: маленькая сестренка! Как я обижалась, когда он говорил мне это!

- Присцилла, - продолжал Джоселин, - а вы будете помнить сегодняшний день? Услышит ли этот пустынный пляж нашу клятву?

Я улыбнулась ему. Он был так красив - юноша, к которому жестокая жизнь обернулась своим истинным обличьем, и он принял ее такой, какая она есть, вместо того, чтобы восстать. Я восхищалась им, и, когда он поцеловал меня, я ощутила такое волнение, какого не испытывала никогда в жизни.

Это так приятно - быть любимой! "Он отнесся ко мне, как к взрослой", подумала я про себя, так, будто оправдывалась перед Ли.

- Джоселин, - ответила я, - думаю, я тоже люблю вас! Я знаю, что, если бы они действительно искали вас и забрали бы от меня, это было бы самым большим горем в моей жизни!

- Это любовь, моя дорогая Присцилла! - сказал он. - И она будет расти и сопровождать нас в течение всей нашей жизни!

Мы поцеловались и скрепили наш союз вечной клятвой. Он подарил мне кольцо, которое носил на мизинце: золотое с камнем ляпис-лазури. Мне оно было велико, держалось только на среднем пальце, но даже с него оно соскальзывало.

Трудно было расстаться с Джоселином в такую минуту, но я понимала, что, если хочу вернуться домой до темноты, выезжать надо немедленно. Он очень не хотел, чтобы я уходила, но я напомнила ему, что теперь мы должны быть еще осторожнее.

- И не забывай тушить лампу, когда ложишься спать, - предупредила я. - Это может привести к тебе людей. О, будь поосторожней, Джоселин!

- Хорошо, - пообещал он. - Ведь теперь мне надо думать о будущем!

Ли вернулся тем же вечером. Мы все были безумно рады снова видеть его, и новости оказались хорошими.

Он рассказал нам все за ужином, тщательно проверив перед этим, нет ли поблизости слуг, но все равно говорил очень тихо и требовал от нас того же, постоянно вставая и проверяя дверь.

- Харриет сказала, что примет его, - рассказывал он. - Он будет Джоном Фрисби, актером, с которым она играла в Лондоне. Он может оставаться там, сколько захочет. Она была страшно взволнована и согласилась сразу же. Она сказала, что устает от деревни, но сейчас все будет, как в пьесе! Я сейчас поеду к Джоселину, надо будет раздобыть ему лошадь. Я уже присмотрел одну у торговца в Шоулдене. Сегодня вечером я могу забрать ее и отвезти Джоселину: хочу, чтобы он сразу отправлялся!

- Вам понадобится еда? - спросила Кристабель. - Там, на кухне, уже начали что-то подозревать!

- Нет, - сказал Ли. - У него будут деньги, и он сможет питаться во время своего путешествия. Скоро он будет у Харриет; все, что ему потребуется, - это конь и указания, как туда добраться. Думаю, что мы свою роль уже сыграли!

Я рассказала ему о людях с собаками и о том, как мы перепугались, но ни словом не обмолвилась о нашем разговоре и о том, чем он закончился.

- Да, - сказал Эдвин. - Думаю, было бы рискованно оставаться там еще! Когда он приедет к Харриет, все станет на свои места.

Мы все согласились с ним, и, как только ужин закончился, Ли снова уехал. Я услышала, как один из слуг сказал:

- Ли что-то очень стал скор на подъем.

- Ему надо повидаться со своей леди, наверное. Она скучала по нему, пока он гостил у своей матушки!

- Ну, думаю, что она не очень-то и скучала, пока Ли отсутствовал!

Последовало хихиканье, страшно меня разозлившее, но мне пришлось сдерживать свое раздражение. Мне хотелось сказать, что совсем не к леди поехал он сегодня, но это было бы глупо. Сейчас репутация Ли хорошо послужила нам, но одновременно с этим я чувствовала негодование, что о нем ходит такая слава, и самое обидное, что он ее и в самом деле заслуживал!

Я смотрела в окно и ждала его возвращения. Было около часа ночи, когда он вернулся, но я обязана была знать, как все прошло. Я накинула на ночную рубашку халат и сбежала в холл. Ли тихо открыл двери и вошел. Уже убывающая луна тускло светила сквозь высокое узкое окно.

- Ли! Я хотела узнать...

- Все в порядке! - сказал он. - Я достал лошадь, и сейчас он уже в пути. Если он будет в меру осторожен, ничего плохого с ним не случится. Он ознакомился со своей новой личиной - актер Джон Фрисби едет навестить свою подругу леди Стивенс, которая когда-то с ним играла! Как только он доберется до Харриет, все будет хорошо.

- Слава Богу! - горячо воскликнула я. Халат соскользнул, и я вынуждена была придержать его одной рукой. Ли сказал:

- У тебя новое колечко? Раньше я его не видел: больше смахивает на перстень-печатку, и оно велико тебе!

Я поколебалась и сказала:

- Джоселин подарил его мне после..., после того случая.

- Джоселин?! Я взгляну? Можно? Я сняла кольцо и протянула ему.

- Это печатка: вот крест Фринтонов. Тебе нельзя носить его!

- Почему? - Я отобрала у него перстень. - Он его мне подарил!

- Тогда он, должно быть, сошел с ума! А если бы у тебя его заметили?! Заинтересовались бы, откуда оно у тебя, и что бы ты тогда ответила?

- Я бы сказала, что его мне подарили!

- Когда? Кто? Тебе бы задали все эти вопросы, и что бы ты сказала? Его мне подарил Джоселин Фринтон, когда мы помогали ему бежать от властей? Отдай его мне!

- Не отдам, оно мое!

- Стоит мне только на несколько дней отлучиться, как люди сразу начинают совершать глупости! У него не было никакого права дарить его тебе!

- Он распоряжается своей собственностью, как угодно ему самому! У него есть на это

право!

- Нет, когда это означает, что ты помогла ему. Дай мне кольцо, я верну его Джоселину и скажу все, что я о нем думаю!

- Я сохраню его, - ответила я. - Не бойся, я все понимаю и не буду носить его!

- Так или иначе, оно глупо выглядит на твоём пальчике, и всякий это заметит!

- Я спрячу его!

- И подальше! Как это глупо с его стороны! И чего это он вдруг решил сделать тебе подарок?! Оба вы сошли с ума!

Я молчала. Возможно, это действительно был момент помутнения, происшедшего у нас в головах.

Мы были слишком переполнены чувствами. Я была уверена, он никогда бы не сказал того, что сказал, если бы не пришли эти люди с собаками и не испугали бы нас так. Я сжала кольцо в руке.

- Хорошо, но будь осторожна, - сказал он. - Между слугами ходит много сплетен.

- Я буду осторожна, Ли, правда. Я рада, что ты сказал мне об этом. Я сейчас же спрячу перстень! Я сделаю все, все что угодно, лишь бы ему ничего не грозило!

- Согласен, он приятный молодой человек. Интересно, что из него сделает Харриет?

Он улыбнулся, вспомнив свою очаровательную мать.

- Ну, пора тебе ложиться спать, - сказал он. - Можешь вздохнуть с облегчением: наше опасное приключение подошло к концу!

Но он ошибался: все только начиналось!

НА ОСТРОВЕ ЛЮБВИ

Когда Джоселин уехал, как будто камень упал с нашей души, потому что мать написала, что она с отцом возвращается, и мы были уверены, что, будь Джоселин еще здесь, один из них точно бы заметил, что происходит нечто необычное.

Карла предупредили, чтобы он следил за своими словами, но, поскольку он знал, что все уже закончилось, его внимание теперь переключилось на нового сокола, которого он приобрел и сейчас обучал с помощью одного из лесничих. Разговоры Карла крутились только вокруг этой птицы.

Ли показал письмо, которое получил от Харриет. В Эйот Аббасе все хорошо, писала она. Ей пришлось отложить свой визит в Лондон, о котором она и Грегори подумывали. С Бенджи все в порядке. Он просто влюбился в нового гостя мужчину, с которым она несколько лет назад играла. Он еще молод и, естественно, играет только роли подростков и никогда еще не выступал как настоящий взрослый актер, бедный мальчик, но он весьма забавен, и с ним весело. Он хорошо вошел в семью, и она не знает, долго ли он у нее будет гостить. Она счастлива принимать его, да Ли и сам знает, как ей нравятся гости, когда они приезжают к ней в деревню. Грегори слегка простудился и все время спрашивает, когда кто-нибудь из нас соберется навестить их...

Ли довольно похлопал по письму:

- Ей можно доверять. Той ночью ко мне в спальню пришла Кристабель. Она выглядела прелестно в своем волнении.

- Присцилла, мне хотелось бы поговорить с тобой, - сказала она. - Прости, что прихожу в такое время, но мне хотелось, чтобы мы были одни. Ты не возражаешь?

- Конечно, нет! - ответила я. Она опустилась в одно из кресел.

- Я заметила кольцо у тебя на пальце, - сказала она. - Где оно сейчас?

- Ли заставил меня спрятать его. - Я не стала ей говорить, что, когда ношу платя с высоким воротником, оно висит у меня на шее, на цепочке.

Она подняла брови, и таинственная улыбка заиграла на ее подвижных губах.

- Это кольцо подарил тебе Джоселин? Я кивнула.

- Я думаю, он влюблен в тебя!

- Почему?

- Это было весьма очевидно, и потом в тот день, когда произошел этот случай с собаками, он наверняка сказал тебе что-то?

- Я знаю, это прозвучит очень глупо, но он просил моей руки...

Она понимающе улыбнулась.

- Это очень романтично! - произнесла она. - Я могу понять тебя, потому что...

Теперь пришла моя очередь выслушивать ее. Она выпалила:

- Ничего подобного раньше со мной не случилось! Я постоянно думала, смогу ли я вернуться в тот дом священника, а теперь.., теперь я должна остаться здесь! Я должна присоединиться к вашей семье!

- Что ты имеешь в виду? Ты ужеходишь в нашу семью! Все мы смотрим на тебя как на верную подругу, особенно после того, что мы вместе пережили!

- Это странно, но все это: опасность, дружеская поддержка... С нами что-то произошло!

- С тобой, Кристабель?

- Да, со мной и с Эдвином!

- Ты хочешь сказать, вы любите друг друга?

- Я люблю его!

- Тогда и он тебя тоже любит! О, как же я это не заметила?! Это же так очевидно!

- Так же очевидно, как с тобой и Джоселином!

- О, Кристабель, ты выглядишь такой счастливой!

- Я и в самом деле счастлива! Это так много значит для меня! Дело не только в Эвине: любить его, знать, что и он меня любит! Есть еще много другого... Ну, может, мне не следует об этом думать, но если бы ты росла в тех же условиях, что и я...

- Я понимаю, но все изменится. Все станет другим для тебя, но главное - у тебя есть Эдвин! Он уже говорил с тобой? Просил твоей руки?

- Он высказывал мне свою любовь уже тысячу раз! Да, он говорил мне это!

Эдвин совсем не такой, чтобы относиться к этому легкомысленно, подумала я, он не Ли. Если Эдвин влюбился, это должно быть серьезно. Я ни разу не слышала, чтобы слуги хихикали над ним, как над Ли.

- Я так рада за тебя! - сказала я. - Ты будешь как бы моей сестрой! Теперь тебе не придется думать об отъезде. О, Кристабель, я так рада, что ты приехала к нам!

- Это был перелом во всей моей жизни! - Она радостно засмеялась, совсем, как ребенок. Она была уже не той девушкой, что приехала в наш дом несколько месяцев назад. Создавалось впечатление, будто стена, которую она возвела вокруг себя, чтобы скрывать свои чувства, начинает рушиться. - Господи, как я была напугана, когда приехала сюда! - продолжала она. - Я помню, как мы сидели внизу и я разговаривала с твоими родителями... - Незаметная тень пробежала по ее лицу. - Как ты думаешь, твои родители одобряют выбор Эдвина?

В этом я не была уверена: я помнила разговоры о Мерридю и Эгхэмах. Отношение моих родителей к Кристабель сначала заставило меня серьезно задуматься. Отец, казалось,

беспокоился, как она приживется у нас, и был очень внимателен к ней, выказывая ей, по моему, больше внимания, чем это было необходимо. Мать в отличие от него всегда была очень тактична со всеми, кто приезжал к нам в дом, но мне показалось, она приняла ее с подозрением, и я неоднократно замечала, что она задается вопросом, почему мой отец привез ее к нам?

Нет, я ничего не могла ответить на ее вопрос, но и не хотела тревожить Кристабель, поэтому сказала:

- Я уверена, они хотят Эдвину только счастья, да и сам Эдвин уже почти взрослый!

Ее мой ответ, похоже, удовлетворил, и следующие полчаса наш разговор крутился вокруг опасного приключения, что выпало на нашу долю, после чего мы посмеялись над нашими напрасными страхами и поздравили друг друга с удачным исходом.

Но после ее ухода я почувствовала, что мое радостное настроение постепенно стало улечиваться. Я подумала, какие будут последствия для нас обеих:

Кристабель и Эдвин, который еще не достиг совершеннолетия и которому, скорее всего, придется столкнуться с протестами родителей, и я, влюбившаяся в беглеца, который сейчас скрывался под вымышленным именем.

Мои родители вернулись домой, и, как это обычно происходило в таких случаях, по этому поводу был устроен пир. В результате дом наполнили запахи вкусных пирогов и жареного мяса. Элен хлопотала без конца, проникнувшись своей значительностью. Пришла помочь даже Частити, и все закрутилось.

Мы собрались в зале, чтобы поприветствовать их, - я, Карл, Эдвин, Ли и Кристабель, стоящая позади остальных. Мать горячо обняла меня. Отец небрежно скользнул по мне взглядом, зато внимательно изучил Карла. Все мы немного беспокоились за Карла, хотя и предупредили его, чтобы он был поосторожнее. Но его мысли занимал лишь сокол! Да, появился еще один новый интерес - у собаки Поллукс скоро должны были родиться щенки! Я ощутила, как во мне вновь оживают старые обиды. Отец выглядел так прекрасно, он так отличался от всех остальных мужчин, я действительно гордилась им! Каждый раз, когда я встречалась с ним после долгой разлуки, мне так хотелось получить от него хотя бы единственный одобрительный взгляд, чтобы хоть капельку интереса он проявил ко мне. Но нет, этого никогда не происходило: он знал, что я его дочь, помнил мое имя, но, думаю, даже не знал, сколько точно мне лет, - зато знал все о Карле!

Первыми его словами были:

- Кажется, сын подрос на несколько дюймов!

- На один с половиной, - сказал Карл. - Можешь проверить по буфету!

Он говорил о буфете в классной комнате, на котором всю жизнь отмечали его рост. Там были метки роста и других мужчин нашей семьи - Эдвина и самого отца, так как оба они росли и воспитывались в Эверсли. Мечтой Карла было перерасти отца, порой мне казалось, что и отцу хочется того же. Я почувствовала обиду, что девушкам уделяется тут столь малое внимание, и была почти рада, что участвовала в том, чего бы он, по моему мнению, не одобрил.

- Это хорошо! Скоро станешь таким же высоким, как и я! - сказал отец.

- Я буду еще выше, - похвастался Карл. Такое нравилось отцу, и он одобрительно похлопал брата по плечу. Мать взяла меня под руку. Она всегда старалась поддержать меня и загладить явное пренебрежение отца, но лучше бы она притворялась, будто вообще не замечает этого.

Теперь, когда они вернулись, жизнь в доме вновь вернулась в прежнюю колею, и я поняла, как трудно было бы нам прятать Джоселина, будь они тогда рядом с нами. В тот день я надела на шею перстень, а вечером, надев платье, открывающее шею и руки, сняла кольцо и аккуратно спрятала его в ящик, под белье.

Спускаясь по лестнице, я встретила мать, и она начала рассказывать мне о новых прическах, которые сейчас носили при дворе.

- Сейчас в моде распущенные локоны, прикрывающие лоб. Не думаю, что это тебе пойдет, но мне понравилась одна прическа, когда волосы, перехваченные лентой, окаймляют лицо. Ту прическу с локонами называют "сердцеедка", подразумевая, что она очень кокетлива. - Она повернулась ко мне и тронула мои светло-каштановые волосы, которые были очень густыми, но, к сожалению, не вились.

- О, - сказала вдруг она, - что это у тебя за след на шее? А, понимаю, это от цепочки, но я не видела не тебе сегодня цепочку?

- Я.., я.., э.., она была на мне, - сказала я, надеясь, что не покраснела при этом.

- Но, дорогая, я действительно не видела ее!

- О, я надевала ее.., ненадолго!

Вот еще одно доказательство того, что надо быть осмотрительной. Она могла начать сомневаться и тогда бы поняла, что я ношу цепочку под платьем. А зачем девушке надевать золотую цепочку и не показывать ее при этом?

За обедом отец рассказал нам о том, что делается при дворе. Монмут, казалось, был уверен в том, что заставит своего отца признать его как наследника.

- Что будет лучше всего, - сказал отец. - Тогда этот Йорк уберется обратно, где ему и место!

- Ты говорил с королем об этом? - спросил Эдвин.

- Я? Мой дорогой друг, Карл не будет слушать ни меня, ни кого-либо другого! Мне бы посоветовали - обернув, конечно, все в шутку, - заниматься своим делом, и, кто знает, может, вскоре король охладел бы ко мне? Нет, Карл знает, что делает, и никто ему перечить не посмеет. Сейчас он настаивает на том, что никогда не был женат на Люси Уолтер и, следовательно, Монмут внебрачный сын!

- В этом случае, - сказал Ли, - нашим следующим королем станет Яков.

- Некоторые будут не согласны с этим, ибо это означает католицизм.

- А что Титус Оутс?

- Он все еще в Уайтхолле, против него много голосов. Он явно не самый популярный человек в стране!

- Как ты думаешь, если он выйдет из фавора, преследование католиков прекратится? - спросила я.

Отец повернулся ко мне, и всем своим телом я ощутила его холодный оценивающий взгляд. Я вновь почувствовала горечь: как бы мне хотелось, чтобы он посмотрел на меня с интересом! Он пожал плечами.

- Карла это совсем не интересует. Он самый терпеливый человек на земле и не любит суетиться по пустякам.

- Тогда почему же он ничего не предпримет? - нетерпеливо воскликнула я.

- Слишком ленив, - сказал Ли, - но он уберет королеву! Оутс уже, наверное, точил на нее топор.

- Он настоящий зверь! - вырвалось у меня.

- Все пройдет, - сказала моя мать. - Так всегда бывает.

- Да, - горячо подтвердила я, - но тем временем за людьми охотятся, их убивают! Это жестоко!

- Ходят слухи, что король и сам католик, - вставила Кристабель.

За столом на несколько секунд воцарилась полная тишина. Потом отец промолвил:

- Он никогда открыто этого не признавал. Он слишком изворотлив и умен. Он знает, народ этого не примет, а король не должен разочаровывать своих подданных. Но следующим на престол должен взойти твердый протестант. Этим человеком должен стать Монмут!

- Но герцог Йорк никогда не позволит этого, - сказала мать. - И, кроме того, не думаю, что мы поступаем разумно, говоря о вещах, о которых нам ничего не известно. Мы получили длинное письмо от Харриет. Она пока остается в деревне, у нее гостит какой-то забавный молодой человек, актер.

- У Харриет всегда гостят забавные молодые люди, и неизменно - актеры, холодно сказал отец. Он не любил Харриет, а она невзлюбила его: он был одним из тех немногих мужчин, которые не хотели восхищаться ею.

- А когда вам, юноши, снова на службу? - обратился он к Эдвину и Ли.

- Ждем указаний, - ответил Ли. - Думаю, уже недолго осталось.

- Расскажите нам, чем вы здесь занимались, пока нас не было, - сказала мать.

Возникла неловкая пауза, которую прервал громкий смех отца.

- Похоже, Белла, - сказал он, - что они здесь что-то натворили!

Мы все дружно рассмеялись, по-моему, довольно фальшиво, после чего я сказала:

- Мы ездили верхом, один раз даже устроили пикник...

- Удачную погоду вы выбрали, - посочувствовал отец.

- Ну, это был особый пикник! - воскликнул Карл.

И тут же на нем скрестились предупреждающие взгляды четырех пар глаз. Он потупился.

- Вообще-то, конечно, ничего особенного, - пробурчал он. - Так, пикник как пикник.

- Да, совсем ничего особенного, - сказала мать. - В ноябре!

И я снова подумала, как повезло, что нам удалось переправить Джоселина к Харриет до их возвращения!

Слуги в таком доме, как наш, - шпионы. Им известно, чем мы занимаемся каждую минуту. Они очень строго относятся к распорядку дня, и стоит нам хоть чуточку отклониться от правил, как это сразу подмечается. Я проходила мимо комнаты Салли Нулленс, когда вдруг услышала ее беседу с Эмили Филпотс, и, как я сразу поняла, речь шла о Кристабель. Я, обуреваемая стыдом, подошла послушать.

- Какое бесстыдство! Кем она себя здесь считает? Попомни мои слова, разве я не говорила сразу, только она появилась, что знаю эту породу? Искательница приключений - вот и все! - Это была Эмили Филпотс.

Потом вступила Салли Нулленс:

- Так, значит, она наострила коготки на моего лорда Эдвина? Быть такого не может! Каким милым ребенком он был - не то, что Ли. И если это в самом деле так...

- Так, знаю я, за кем она охотится! Мнит себя леди Эверсли! Да если такое случится, я не сниму траур до самой могилы! Так и поступлю, Салли, точно говорю тебе!

- Что-то здесь не то! Если ее привезли сюда для того, чтобы...

- Да что ты говоришь! Не похоже это на него, так беспокоиться об образовании Присциллы. Он никогда на нее внимания не обращал!

- Вот это правда! Помню, как он расстроился, когда она родилась. Он-то мальчика хотел, но когда Карл появился, гордый ходил, как пес о двух хвостах! А теперь он привез сюда ее! И что это он так в ней заинтересован? Неужели, ты, действительно, думаешь, что...

- Именно, Салли, так и думаю!

- И что он скажет, когда его подружка захочет выйти замуж за лорда Эдвина?

- А ему что? Он же Эдвину не отец! Посмеется, и только!

Я хотела войти и надавать им оплеух. Злобные старухи, да как они посмели говорить такое о Кристабель и моем отце! Какая глупость! Никогда бы не поверила, что Кристабель - любовница отца, как выдумывают эти две старые карги! Но я сдержалась и тихо удалилась, больше подслушивать мне не хотелось.

Вечером, после того, как все разошлись по своим комнатам, я принялась с беспокойством размышлять над тем, что пришлось мне услышать. Я думала, есть ли в этом хоть крупица правды? Я не могла поверить в такое о Кристабель и отце. Узнай я, что у него есть любовница, я бы не очень удивилась, но я была абсолютно уверена в том, что он слишком уважает мою мать и слишком увлечен ею, чтобы привезти такую женщину в свой дом. Салли и Эмили - просто две завистливые старухи, чья злоба питается обидой. Впрочем, я их понимала: время, когда они были полезны, миновало, и теперь они ненавидели весь мир.

Я была полна страха за Джоселина и гадала, что же будет? Сколько он сможет оставаться у Харриет? Его пребывание там - лишь временное решение наших проблем.

Я достала из ящика цепочку, на которой висело кольцо. Сняв его с цепочки, я надела перстень себе на руку и залюбовалась им. Да, это кольцо сразу же бы заметили. Ли был прав. И дело было не только в искусно вызолоченном кресте, вытравленном на ляпис-лазури, - внутри перстня было выгравировано имя семьи. Стоило только поближе рассмотреть его, как все становилось ясно.

Я прижала кольцо к губам, вспомнив пещеру и чувство, пронизавшее его голос, когда он сказал, что любит меня. Я вспомнила это, когда стояла в зале, а отец не обратил на меня никакого внимания. Как и Кристабель, как Салли Нулленс и Эмили Филпотс, как всем остальным людям в этом мире, мне очень хотелось быть любимой!

Послышался стук в дверь, и голос матери мягко позвал меня:

- Присцилла!

Я торопливо сдернула с пальца перстень и вместе с цепочкой запихала обратно в ящик. Мать вошла, и по ее глазам сразу стало понятно: ее что-то беспокоит.

- Еще не раздета? - нежно улыбнулась она. - Ты мне так нравишься в этом платье! Кружева на нем такие мягкие, нежные. Оно очень идет к твоим глазам! Правда, немного коротковато, надо сказать Частити, чтобы она надставила его. Ты растешь! - Она поцеловала меня. - Присцилла, я хочу поговорить с тобой!

Мое сердце затрепетало. Думаю, когда человек хранит какой-нибудь секрет, эта постоянная тревога неизбежна.

- Хорошо, - сказала я.

- Не бойся, сядь. У тебя все в порядке? Такое впечатление, что ты немножко... Я со страхом взглянула на нее.

- Немножко что?

- Нервничаешь! Ты уверена, что все хорошо?

- Да, у меня все в порядке.

- Ну и прекрасно! Это весьма деликатное дело, не знаю, чем все кончится...

- Что.., что за дело? - слабо выдавила я из себя.

- Эдвин и Кристабель Конналт! Между ними что-то есть! Это надо прекратить!

- Почему? - спросила я.

- Это очень неприлично!

- Но раз они любят друг друга...

- Милая Присцилла, не будь такой наивной!

- Верить в любовь - значит быть наивной?

- Конечно, нет! Но эта гувернантка...

- Мамочка, она гувернантка, потому что надо же чем-то зарабатывать на жизнь. У нее хорошее образование, и она ничем не отличается от всех тех, кто приезжает сюда! Если Эдвин любит ее...

Лицо матери напряглось. Это было очень непохоже на нее - подобная строгость, и особенно забота об общественном мнении. Но я ее понимала. Она с подозрением относилась к Кристабель и к тому, как отец ввел ее в наш дом. Если бы оказалось правдой то, что Кристабель и мой отец - любовники, сразу становилось понятным, почему мать не хотела, чтобы она выходила замуж за ее сына. Сама я ни на секунду не верила в это, зная Кристабель, но лишь я одна была твердо уверена в этом, тогда как слуги думали иначе. А раз мать что-то подозревала, значит, и она в это верила?

- Это необходимо прекратить, - сказала она. - Она должна уехать!

- Куда она поедет? Ты даже не представляешь себе, что у нее дома, она рассказывала мне! - И я попыталась обрисовать моей матери кое-что из того, что рассказывала мне Кристабель. Моей целью было доказать ей, что просто невозможно, чтобы Кристабель была замешана во что-нибудь подобное - с моим ли отцом, с кем-нибудь еще.

Но мать, которая обычно, решив что-нибудь, твердо стоит на своем, меня не слушала. Я поняла, что она для себя уже все решила, - Эдвин на Кристабель не женится! Но решать надо Эдвину, а не ей, что я ей и сказала.

- Эдвин излишне чувствителен! - сказала моя мать. - И он всегда слушался меня.

- Это будет зависеть от того, что считает он, - возразила я. - Я знаю, он любит тебя нежно и всегда будет слушать, но, видишь ли, здесь дело касается Кристабель!

- Значит, дело зашло даже дальше, чем я опасалась, а ведь они знакомы друг с другом совсем недолго...

- Да, но то, что случилось... - Я вовремя прикусила язык. О, как бы рассердился Ли и как легко выдать тайну!

- А что случилось?

- Я имею в виду то, как Эдвин и Ли вернулись: в мундирах они смотрелись просто прекрасно, и все это было довольно романтично... - Весьма неубедительно я замяла этот вопрос.

- Я хотела проверить то, что мне рассказала Салли Нулленс.

- Так это дело рук Салли Нулленс! Болтливая старуха!

- Ты несправедлива к Салли. Она любит Эдвина, беспокоится о нем и не хочет, чтобы он попал в лапы авантюристки! И он еще слишком молод, чтобы жениться!

- Ему скоро исполнится двадцать один!

- Присцилла, милая моя, ты все еще витаешь в облаках! Эдвин несет имя великого рода, и он должен найти себе пару, соответствующую его положению в обществе!

- Я очень удивлена, слыша от тебя такие речи! Никогда не думала, что ты можешь быть такой жестокой и тщеславной!

- Я сделаю все, что в моих силах, чтобы Эдвин не женился на Кристабель Конналт! - твердо заявила мать.

- А с отцом ты это обсудила? - спросила я. Ее бросило в жар, и тогда я все поняла. Она в самом деле верила сплетне о том, почему отец привез Кристабель в нашу семью. Это доказывало, что даже сейчас мать не очень доверяет ему! Она холодно произнесла:

- Это твоего отца не касается: Эдвин ему не сын! Но тут она увидела, как я страдаю, и ее настроение изменилось. Она снова стала той любящей матерью, которую я всегда знала.

- Милое дитя, не расстраивайся ты так! Мне не следовало беспокоить тебя, но я подумала, что тебе известно больше, чем остальным, а у нас с тобой секретов друг от друга нет!

Я не ответила: слишком фальшиво бы прозвучало мое "да". О, насколько легко мне было в детстве!

- Забудь, - сказала она, - скоро Рождество, нам надо что-то придумывать! Я схватила ее руки в свои.

- Пожалуйста, не отсылай ее! - взмолилась я. - Она погибнет там... Этот дом викария... Он так жалок, холодный..., мрачный... Пожалуйста, не прогоняй ее!

- У тебя доброе сердце, Присцилла! Верь мне, я сделаю все возможное, чтобы не повредить ни Кристабель, ни Эдвину.

Я бросилась в ее объятия, и, как всегда, она меня утешила. Я подумала: "Она привыкнет к Кристабель, и все будет хорошо".

Мать поцеловала меня и пожелала спокойной ночи. Когда она ушла, я села к трюмо и посмотрелась в зеркало. Интересно, заметила ли она перемены во мне? Может быть, для нее я была все той же маленькой девочкой - густые прямые волосы, слегка продолговатые карие глаза, маленький носик, широковатый рот, лицо, обязанное своей привлекательностью в основном той энергии, что кипела внутри меня. Но я видела отличие: в глазах появились таинственные искорки, которых раньше не было, новая твердость в линии губ. Да, последние недели изменили меня, и это было заметно, стоило только поближе присмотреться.

Я сняла платье - оно действительно было уже мало. Надев ночную рубашку, я вспомнила о перстне и цепочке, которые в спешке затолкала в ящик.

Я открыла шкаф. Вот цепочка, но кольца нигде не было видно!

Но оно должно быть там! Я вытащила все из ящика, но ничего не нашла.

Я же положила его туда, когда пришла мать! Я как будто обезумела: встав на колени, ощупала весь пол. Ничего!

Может, лучше поискать днем? Оно, наверное, просто выпало у меня из рук, тогда как я думала, что положила его в ящик? Я так спешила, и это единственное объяснение. Снова и снова я перебирала содержимое ящика. Ни следа перстня!

Наконец, я оставила попытки найти кольцо и с беспокойством на душе легла спать. Но заснуть я не могла: я была слишком расстроена приходом матери и потерей перстня.

Поднялась я, едва занялась заря, но, как я ни искала, перстня найти не смогла...

Во всем доме царил покой. В саду я заметила, как мать о чем-то серьезно

говорит с Эдвином. Немного позже я увидела, что она отправляет посланца. Интересно, куда?

Мне никак не давала покоя пропажа перстня, но об этом я никому не говорила, так как была уверена, что еще найду его, - куда же он мог деться из моей спальни?

Снова и снова перерывая спальню, с каждым разом я все больше отчаивалась.

Кристабель тоже нервничала. Она заметила отношение к ней матери. И четыре дня спустя, как я потеряла кольцо, Эдвин и Ли получили предписание возвращаться в свой полк. Я была уверена, что это дело рук матери, и послание, что она отправила с нарочным, было криком о помощи, адресованным одному из ее влиятельных друзей при дворе.

Они уехали. Публично Эдвин так и не признался в любви к Кристабель и перед отъездом выглядел ужасно несчастным. По его глазам я поняла, что он колеблется и думает о тех невзгодах, что мать призвала на его голову. Я уверена, она предложила ему расстаться на время с Кристабель, чтобы он мог трезво оценить свои поступки: Эдвина было так легко убедить! То, что он искренне привязан к матери, я всегда знала: он никогда не будет счастлив, если расстроит ее чем-нибудь. И, когда он уехал, не попросив у Кристабель руки, зная Эдвина, я поняла, что он уже никогда этого не сделает! Бедняжка Кристабель! В ее глазах появилось отчаяние. Теперь она была еще более несчастна, чем до приезда Эдвина!

Готовиться к Рождеству мы начали довольно спокойно. В это время года у нас обычно гостила Харриет или мы у нее. В этом году она, однако, извинилась и написала, что приехать не сможет, - я была уверена, что из-за Джоселина. Когда Харриет играла какую-либо роль, она вкладывала в нее всю свою Душу.

Из Лондона приехали друзья родителей. Им нравилось проводить Рождество в деревне, поэтому весь день проходил в охоте и веселье. Однако их все-таки постигло разочарование: зима была не так холодна, чтобы покататься на коньках. Еда исчезала горами, были танцы и игры - в общем, все было, как обычно. Кристабель участвовала в этом наравне со всеми, будто она была нашей гостьей или членом семьи, и, держу пари, многие так и думали.

Приехали Мерридю вместе с Эгхэмами. Мать объяснила им, что так уж получилось, что Эдвин и Ли не могут быть с нами, - так жаль! Этот лорд Карлсон, генерал, отослал их по какому-то поручению, и как раз перед праздником! Вот уж она выскажет ему свою "благодарность", когда представится случай! Но я все поняла: она действительно поблагодарит его при встрече!

Спустя два или три дня после Рождества я зашла в комнату Кристабель: я подумала, что слишком печальной она выглядела этим вечером.

- Я решила проверить, все ли у тебя хорошо, - сказала я.

Она болезненно улыбнулась мне.

- Хорошо не будет никогда, Присцилла! - ответила она. - Мне следовало бы понять - было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой!

Я попыталась успокоить ее. Иногда мне хотелось, чтобы Эдвин и Ли не приезжали вовсе. Будь здесь в то время мать, она бы заметила растущую привязанность Эдвина к девушке и сделала бы что-нибудь заранее, не доводя до трагедии.

А затем я вспомнила о восторге, что я испытала, когда Джоселин надел на мой палец свой перстень, и о страданиях, что я перенесла, когда потеряла его. Теперь мне казалось, что он завалился за шкаф, а его мне не отодвинуть слишком тяжело. Это была последняя надежда. Во всяком случае, перстень там в безопасности, ибо до весенней уборки никто двигать шкаф не будет. А к тому времени гонения на католиков закончатся, и уже не будет иметь никакого

значения, кто увидит кольцо! Так я успокаивала себя.

А потом я получила письмо от Харриет:

"Моя дорогая Присцилла!

С последней нашей встречи прошла, кажется, целая вечность. Я очень хочу, чтобы ты приехала и погостила у меня пару недель, можешь привезти с собой и эту милую Кристабель, о которой ты столько рассказывала мне в своих письмах. Я знаю, твоя мать возражать не будет. Мы устраиваем небольшой спектакль. Джон Фрисби - тот молодой человек, что гостит у меня сейчас, - просто прекрасен в своей роли, а одну из ролей я оставила специально для тебя. Я думаю, что ему вскоре придется уехать, а мне бы, очень хотелось, чтобы ты познакомилась с ним. Приезжай, дорогая Присцилла! Я пишу твоей матери..."

Милая Харриет, самая красивая женщина, которую когда-либо я видела! В молодости она, должно быть, была просто неотразимой, и, когда однажды я сказала ей об этом, она рассмеялась и возразила:

"Милая, никогда я не была столь неотразима, как сейчас! Я набралась опыта, и, думаю, искусство достаточно вознаградило меня!"

И правда - она накладывала грим с ловкостью непревзойденного художника, и лицо ее мигмом менялось, сверкая красотой, которая с годами обычно исчезает.

С ее стороны было привычно так, без оглядки, с головой кинуться в эту авантюру. Я даже ревниво подумала, не влюбился ли в нее Джоселин, подобно остальным мужчинам?

Я пошла к матери и показала ей письмо Харриет.

- Конечно, ты должна съездить к ней, - сказала она. - Это пойдет тебе только на пользу. В последнее время ты неважно выглядишь, будто что-то тебя грызет. Милая моя, не переживай ты так за Эдвина: все обернется к лучшему, вот увидишь!

Она мягко поцеловала меня, а я, в свою очередь, крепко к ней прижалась. Мною овладело искушение во всем признаться ей, описать мои тревоги по поводу пропавшего перстня и объяснить насчет Джоселина. Но это было бы глупо: представляю, как разъярился бы Ли, поступи я подобным образом. Поэтому я ничего не сказала, а лишь обняла ее.

- Харриет и ее представления! - продолжала она. - Интересно, что будет в этот раз? Помню, задолго до возвращения короля в Англию мы ставили "Ромео и Джульетту"... Я думаю, действительно ли она успокоилась или просто делает вид? Конечно, Грегори обожает ее, но она всегда собирала коллекцию мужчин!

- Мне она тоже очень нравится!

- Конечно, ты поедешь к ней и.., да.., захвати с собой Кристабель! Ей это тоже пойдет на пользу:

Харриет умеет ободрять людей! Интересно, кто этот ее новый актер? Как я уже говорила, Харриет всегда удавалось устроить так, чтобы мужчины вились вокруг нее стаями!

Она похлопала меня по руке. Мною овладела буря чувств: жалость к Кристабель, тревоги по поводу утерянного кольца, стыд за обман моей возлюбленной матери и, кроме того, ко всему этому примешивалось волнение скоро я снова встречу с Джоселином!

В Эйот Аббас мы прибыли в середине января. Это был великолепный дом, который получил в наследство от своего старшего брата Грегори Стивенс. Вокруг раскинулись прекрасные места - природа здесь была более пышной, нежели в Эверсли, ибо сюда не доходил этот холодный восточный ветер, от которого мы так страдали.

Дом располагался в холмистой местности, примерно в миле от моря, так что из верхних окон можно было увидеть блеск его волн. Оттуда же был виден и остров, известный под именем Эйот, от которого дом и получил свое имя. Когда-то он был очень большим - там даже был монастырь, который разрушили во времена разброда. Но теперь время брало свое, и на поверхности острова виднелись лишь руины монастыря. Мы несколько раз плавали туда. Остров всегда казался мне местом странным и загадочным, было в нем что-то сверхъестественное. И, конечно же, по всей округе ходили слухи об огоньках, временами появляющихся там, и загробном звоне колоколов.

Эйот Аббас был уже довольно стар: его построили во времена Елизаветы здание в виде буквы "Е", большой центральный зал, крыло западное и восточное, по краям, естественно, башенки из красного кирпича, чудесно гармонирующего с яркой зеленью сада. У этой земли еще сохранилась первозданная красота, так как за ней не слишком ухаживали. Неподалеку был фруктовый сад, куда мог пойти каждый, кто жаждал уединения. Во время моих посещений Харриет я любила приходить туда с какой-нибудь книгой и сидеть под своей излюбленной яблоней. С Эйот Аббасом у меня связаны многие счастливые минуты. Харриет, подобно королеве, правила всем домом, а остальные вели себя так, будто для них величайшая из радостей жизни - служить ей. Грегори, казалось, так и не мог оправиться от потрясения, когда она согласилась выйти за него замуж. Бенджи постоянно поддразнивал ее, но было видно, как сильно он ее обожает, хотя она никогда особо о нем не заботилась. Ему было одиннадцать лет, и ни от каких запретов он не страдал, может, именно поэтому он так радовался жизни!

В этой семье никогда не случалось недомолвок, не было никакой натянутости в отношениях. Харриет никогда не отличала детей от взрослых, слово "возраст" было под запретом: о нем она предпочла забыть, что всех нас очень устраивало.

Когда мы подъехали, слуги уже ждали нас. Они приняли наших лошадей, сняли с них сумки, и мы вошли в дом. Харриет дома не было. Она поехала прогуляться со своим гостем.

- Вы свою комнату знаете, мисс Присцилла? - сказал Мерсер, слуга Харриет, работавший у нее еще в ту пору, когда она выступала в театре. - А мисс Конналт я поселю в соседней.

- Хорошо, Мерсер, - ответила я. - Я отведу мисс Конналт наверх.

По лестнице мы поднялись к нашим комнатам. Харриет, став хозяйкой Эйот Аббаса, все перестроила, а основными цветами, которые она выбрала, стали алый, пурпурный и золотой. "Харриет надо поручить подбирать цвета для королей", так отреагировала на это моя мать.

Моя спальня была выдержана в пурпуре: пурпурные занавеси на кровати, пурпурные коврики на полу, пурпурные шторы. В комнате же Кристабель преобладали голубые и лиловые оттенки. Я заметила, как Кристабель потрясена богатством окружающим ее, и видела, как ей льстило, что обращаются с ней не как с воспитательницей. Это много для нее значило, особенно после того, что произошло между ней и Эдвином.

Мерсер принес нам воды помыться с дороги, что мы и сделали, после чего переоделись, а к тому времени вернулась и Харриет. Я сразу услышала ее голос. Так было всегда - будто звуки труб должны приветствовать ее прибытие.

Я выбежала из комнаты на лестницу. Она была уже в холле, а рядом с ней, еще более красивый, чем я могла представить себе, стоял Джоселин. Несколько секунд, замерев на месте, я рассматривала их. Меня захлестнуло чувство радости.

А потом Харриет заметила меня:

- А, мое милое дитя! Присцилла, любовь моя, немедленно спускайся! Я хочу поприветствовать тебя и представить Джону Фрисби!

Я кинулась вниз по лестнице. Она закружила меня в своих объятиях, а я крепко прижалась к ней. В своей амазонке она выглядела настоящей красавицей. Платье было бледно-серого цвета, а шею украшал темно-голубой шарфик, под цвет глаз. "Никогда и ни у кого не видела я таких глаз, как у Харриет, - сказала однажды мать. - Думаю, в них-то и кроется секрет ее очарования". Глаза были необыкновенно красивы - темно-голубой оттенок, густые черные ресницы и такие же, умело подчеркнутые, темные брови. Ее волосы, вьющиеся и пышные, были почти смоляного оттенка. На этом контрасте и строилась красота Харриет - голубые глаза, черные волосы и белоснежная кожа, к тому же прямой тонкий нос и идеальные белые зубы. Но все-таки ее бьющая через край энергия, ее игра страстей и любви, которую она без оглядки дарила каждому, кто бы ни пожелал, именно это сделало ее такой, какой она есть, - женщиной, которой прощалось все, что никому другому никогда бы не сошло с рук!

- Харриет - нечто большее, чем сама жизнь! - говаривала мать. - Ее нельзя судить по обычным меркам!

И это было правдой. Она постоянно что-то замышляла, она была эгоистичной, но одновременно и щедрой. Ее очарование служило ей залогом жизни, ее способностью выпутаться из любой неловкой ситуации, обойдясь самой малой ценой, и, более того, оно давало ей интерес к жизни и постоянное возбуждение. Она жила, не задумываясь о будущем, с жаром, и все, кто находился вокруг нее, мигом втягивались в этот водоворот. Рядом с Харриет невозможно было хмуриться, и поэтому вокруг нее постоянно крутилось множество людей.

Оба ее сына были рождены вне брака. Ли родился, когда она была еще не замужем. Его отцом был первый муж моей матери, и, лишь благодаря очарованию Харриет, моя мать, которая была безумно влюблена в своего мужа, теперь не испытывала к Харриет никакой ненависти. Посчитав Ли обузой, Харриет отказалась от него, когда ему было всего несколько месяцев от роду, оставив его на воспитание моей матери! Спустя несколько лет Харриет вновь вошла в семью Эверсли, выйдя замуж за дядю отца, который был намного старше ее! И тогда она родила Бенджи, но, как оказалось, он был сыном Грегори Стивенса, который в ту пору был в доме воспитателем! А когда ее муж умер, и Грегори получил титул и состояние, она вышла за него замуж! Бенджи сменил свою фамилию с Эверсли на Стивенс, и Харриет стала любящей женой и матерью.

Я боялась даже взглянуть на юношу, что стоял рядом с ней. Я сказала:

- Харриет, ты, как всегда, прекрасна!

- Спасибо, милое дитя! Познакомься с моим другом, Джоном Фрисби! Джон, это моя..., ну, в общем, родственные связи здесь весьма сложны, и мне бы потребовались перо и огромный лист бумаги, чтобы объяснить! Но я все равно нежно люблю ее, и мне хотелось бы, чтобы вы познакомились поближе!

Ее прекрасные голубые глаза смеялись, когда Джоселин взял мою руку и поцеловал ее. Мы улыбнулись друг другу, и я торжествующе подумала:

"Ничего не изменилось! Все так, как было! Он все еще любит меня!" И я почувствовала себя безумно счастливой.

По лестнице спускалась Кристабель, и я заметила оценивающий взгляд Харриет.

- О, а вот и мисс Конналт! - сказала я. - Кристабель, это леди Стивенс!

Харриет была очаровательна, и я увидела, как Кристабель вспыхнула от удовольствия, что ее так принимают.

- Добро пожаловать, моя дорогая! - сказала Харриет. - Я обожаю, когда у меня в доме много молодежи! Присцилла мне много о вас рассказывала, а теперь познакомьтесь с Джоном, он так желал встретиться с вами!

А потом Харриет наклонилась ко мне и прошептала:

- Все отлично! Ты хорошо играешь! Нам надо сохранять осторожность, сама знаешь, слуги постоянно подслушивают.

- Да, - в ответ прошептала я. - Спасибо, Харриет, спасибо тебе!

Она пожала мою руку.

- Ну, как с вами здесь обращались? Мерсер доставил вам все необходимое? Я подумала, что тебе захочется, чтобы мисс Конналт была рядом с тобой!

- Это было очень мило с вашей стороны, - произнесла Кристабель.

- Ерунда, я была рада услужить вам! Мерсер накрыл стол? Вы, должно быть, проголодались?

- Не очень, - ответила я. - В "Кабаньей голове" мы ели пирог и запивали сидром.

- Ну да, разумеется, но все равно сегодня мы поедем пораньше. Джон, сходи на кухню и вели нести на стол все, что есть! Мы обедаем в шесть!

Джоселин поклонился. Его нежный взгляд был устремлен на меня, в глазах плясали искорки возбуждения.

- Пойдемте, мои дорогие! - сказала Харриет. - Я хочу убедиться, что вы хорошо устроились!

Она прошла к моей комнате и пропустила нас вперед, после чего вошла сама, закрыла дверь и прислонилась к ней. Теперь ее настроение поменялось, глаза возбужденно поблескивали.

- Теперь мы можем поговорить! Нам надо быть более осторожными - эти слуги повсюду! От них есть польза, но в подобной ситуации они могут причинить массу неприятностей. - Она повернулась к Кристабель:

- Дорогая моя, я так рада, что вы приехали! Я знаю, какую роль вы сыграли во всем этом, вы и эти милые юноши - Эдвин и Ли. Уверена, всем заправлял Ли: он прирожденный лидер! Огромную помощь оказал мне и Грегори. Кто бы поверил, что он когда-нибудь будет в таком участвовать? - И снова к Кристабель:

- Мой муж - самый добрый из всех мужчин! Ему нравится вести простой и незатейливой образ жизни, а я втянула его в одно из самых неприятных дел! Милый Грегори, он так хорошо отнесся к Джоселину! Но вы, наверное, горите нетерпением узнать, как поживает наш общий приятель Джон?

- О да, пожалуйста! - вырвалось у меня.

- А я тут болтаю! - Она вновь прислонилась к двери, всем своим видом напоминая королеву заговоров, какой, несомненно, и в самом деле была! О, как она любила играть! - А теперь слушайте меня внимательно, милые! Джона ищут! В этом доме вы должны обращаться к нему не иначе, как Джон Фрисби, запомните! Грегори недавно побывал в Лондоне. Этот гнусный Оутс сейчас напуган, так как видит, что его власти приходит конец, но он полон решимости не упустить ни одну из своих жертв. Он и его люди вне себя от злобы, что наш друг ускользнул: Оутс питает к Фринтонам особую злобу. Он заполучил отца и хочет стереть с лица земли всю семью, что означает, во-первых, сына. Наш Джон Фрисби в

большой опасности!

Я затаила дыхание и прижала руки к груди. Харриет мягко улыбнулась и продолжала:

- Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, и разделяю твое беспокойство! Сейчас в этом доме никаких подозрений пока не возникло, в этом я уверена, но, если что-то приведет людей Оутса сюда, я совсем не уверена, что наша маскировка выдержит тщательный досмотр!

- Но, Харриет, что же нам делать?

- Не сомневайся, сидеть сложа руки я не собираюсь! Я кое-что устроила и думаю, что смогу переправить Джоселина во Францию. Это единственный выход из положения! Сейчас мы ведем переговоры и надеемся, что к концу этой недели корабль для него подготовят. Я хотела, чтобы ты приехала и увиделась с ним до отъезда!

- Харриет, - воскликнула я, - ты просто прелесть!

Я была так взволнована, что не смогла сдержать своих слез и кинулась в ее объятия. Она коснулась моих волос, и я услышала, как она сказала Кристабель:

- Эта крошка всегда была моей любимицей! Ее мать столько сделала для меня - такого не забывают!

И это мне очень помогло. Я улыбнулась, потому что знала, какой у нее сейчас вид, - конечно, как всегда, она играла! Я часто задумывалась, как определить, какие из произнесенных ею фраз действительно что-то значат для нее? Но это было невозможно, это была Харриет, и я искренне восторгалась ею.

- Теперь, - сказала она, когда почувствовала, что сцена слегка затянулась и что я совладала со своими чувствами, - мы должны быть расчетливыми. Ты не должна слишком увлекаться Джоном Фрисби, но, с другой стороны, и полностью игнорировать его тебе тоже нельзя. Ты должна выглядеть заинтересованной, но не слишком, сохранять осторожность, но не выказывать ее!

- Думаю, мы вас поняли, леди Стивенс, - сказала Кристабель.

- Зовите меня Харриет, моя дорогая, так делают все. - Она повернулась ко мне. - Я знаю, твоя мать считает, что я самое непоследовательное создание на земле, и, может, это и так, но это не мешает людям любить меня, как ты думаешь?

- Я думаю, ты самая милая женщина во всем мире, - с жаром ответила я, - и тебя любят все без исключения!

- Вот, видите, как Присцилла льстит мне?! - улыбнулась она Кристабель. Ничего, это лишь показывает, как она меня любит.

- О, Харриет, дорогая, милая Харриет, как нам отблагодарить тебя за все, что ты для нас сделала!

- Я вынуждена была сделать это, иначе Ли захотелось бы узнать причину моего отказа! Знаете, Кристабель, я побаиваюсь моего мужественного сына!

- Не могу поверить в то, чтобы вы чего-нибудь могли испугаться, - ответила Кристабель.

- Ну, - сказала Харриет, - хватит мне сидеть здесь! Вам надо переодеться, а потом мы пообедаем без особых церемоний. К обеду как раз вернется Грегори, он договаривается насчет Джона. До тех пор пока все это не закончится, Джон может оставаться во Франции, а ждать, как уверяет Грегори, осталось недолго: он клянется, что через год об этом все забудут. В общем, когда будете готовы, спускайтесь. - Она повернулась к двери и прошептала:

- Не забудьте, чуть речь пойдет о Джоне Фрисби - предельная осторожность! А теперь я пойду и шепну парочку предупреждений на ушко ему самому. Когда он смотрел на тебя, он

похож был на влюбленного Ромео. Романтичная и прекрасная картина для созерцания, но в данных обстоятельствах - крайне нежелательная!

Она вышла, оставив нас с Кристабель вдвоем.

- Какая красивая женщина! - воскликнула Кристабель. - Я никогда в жизни не видела ничего подобного!

- И никто не видел! - ответила я. - Таких, как Харриет, больше на всей земле не сыщешь!

Каким прекрасным был тот вечер! Его я запомню навсегда. Мы обедали в маленькой комнате, которая обычно играла роль столовой в тех случаях, когда в доме было не много гостей. Свет зажженных свечей падал на гобелены с изображением сцен лесной жизни, висевшие на обитых деревом стенах, и все вокруг приобретало таинственные очертания.

Вернулся Грегори. Он был полным спокойным мужчиной, и создавалось впечатление, будто он до сих пор удивлен подарком судьбы, что дала ему возможность жениться на такой ослепительной женщине, как Харриет. Он всей душой и телом принадлежал ей. Я уверена, никогда бы он не осмелился переправлять во Францию человека, за которым гонятся по пятам, не будь на то воли Харриет. Он был человеком, живущим по строгому кодексу правил, от которого никогда не отступал, и так прошла бы вся его жизнь, не повстречай он Харриет. Он стал ее любовником, когда она вышла замуж за Томаса Эверсли, и плодом их любви был Бенджи. Сам он страшно испугался бы, окажись один в такой ситуации, но Харриет приказывала, он же выполнял.

Я часто размышляла, почему она вышла за него замуж? Но она любила его так, как вообще могла любить, и брак оказался удачным. И теперь она втянула его в это дело, которое могло навлечь неприятности на весь его дом, однако он с радостью исполнял все, так как просьбы исходили не от кого-нибудь, а от самой Харриет!

Он сидел на одном конце стола, а Харриет вместе с нами расположилась на другом. Справа она посадила Джоселина, а слева - меня, так что мы сидели как раз друг напротив друга и могли обмениваться жаркими взорами.

Пока слуги вносили различные блюда и прислуживали нам, разговор крутился вокруг королевского двора. По словам Грегори, король везде появлялся только с королевой. Это было его ответом тем, кто обвинил ее в участии в Папистском заговоре с целью убить мужа.

- Очень милая и добрая леди! - сказал Грегори. - Было настоящей глупостью обвинять ее в чем-либо подобном! Разве она не была ему хорошей и верной женой?

- И к тому же в приданое она принесла ему Бомбей и Танжер! - воскликнула Харриет. - Ах, Грегори, тебе я ничего такого подарить не смогла!

- Ты подарила мне себя, - галантно ответил он, - а больше мне ничего не нужно!

Она послала ему воздушный поцелуй. Интересно, хранит ли она ему верность? Я знала, что она была женщиной, которая, ни секунды не колеблясь, заведет себе любовника просто из прихоти, но она устроит все очень осторожно, чтобы не причинить Грегори боль. Харриет невозможно было не простить, однако сейчас пока что просить извинений ей было не за что.

Грегори говорил о театрах, о том, кто, где и что играет.

- Нелли Гвин не заменишь, - сказал он. - Есть люди, которые сильно жалеют о том, что король увидел ее и забрал со сцены.

- Сомневаюсь, что Нелли согласилась бы с этим утверждением, - вставила Харриет. - Да, она обладает большим даром, но не думаю, что он предназначался театру! То, как она смеялась, танцевала... Так или иначе в один прекрасный день какой-нибудь знаток женщин

заметил бы ее! Мне она нравилась, да и все ее любили - за исключением тех, кто ее ревновал. И любят до сих пор, несмотря на столь удачно сложившуюся судьбу, любят за то, что она никогда не разменивалась по мелочам.

- Она просит короля организовать в Челси королевский госпиталь для старых солдат-калек, - сказал Грегори. - Говорят, что это его заинтересовало. Она всегда просит больше за других, чем за себя!

- Редкое достоинство, - заметила Кристабель.

- И достойное восхищения, - добавил Джоселин.

- Мы, актеры, многим обязаны ей, - сказала Харриет, многозначительно подмигнув Джоселину.

- О да! - согласился тот. - Помню... Быстрым взглядом Харриет заставила его замолчать.

- Ох уж мне эти подслушивания у замочных скважин! - прошептала она мне. Я должна следить за всем, что здесь говорится о театре! Хуже ремесла ему я и выбрать не могла. Хорошо, я хоть сказала, что он играл еще в детстве, но ожиданий не оправдал.

А Грегори тем временем продолжал:

- Нелли и Монмут не ладят друг с другом.

- Еще бы! - подтвердила Харриет. - Она думает, что он нацеливается на трон, а даже сама мысль об этом ей невыносима, ибо это означает смерть Карла.

- Нелли дала Монмуту прозвище и теперь зовет его "принц Перкин", - говорил Грегори.

- Намек на Перкина Уорбека, который претендовал на трон, не имея никаких прав, - пояснила Харриет.

- А он ответил ей тем, что при всех посетовал, как это его отец может выносить постоянное присутствие этой неотесанной деревенщины, в ответ на что Нелли напомнила ему, что его мать, Люси Уолтер, была не более образованной! Как видите, они то и дело ссорятся между собой, хоть оба стоят за протестантство!

- Насколько я знаю, она сама называет себя "протестантской шлюхой". Извините меня, леди, - улыбнулась Харриет Кристабель и мне, - но двор далеко не так чист, и мы вынуждены прибегать ко всяким грязным словечкам, описывая его. Да, точек зрения здесь много, и могу поспорить, что, когда король действительно умрет, снова начнутся беспорядки. Так что, за здоровье Его Величества!

Разговор и далее продолжался в том же духе, но я больше всего хотела услышать новое о Джоселине, а это, естественно, за столом обсуждать было нельзя. И все так же Харриет не позволяла мне оставаться с ним наедине. Она считала, что все идет хорошо: никто не подозревает, что Джоселин совсем не тот, за кого себя выдает, и никто в доме - не считая Грегори и ее самой - не знает, что я и Джоселин уже встречались.

- Несколько недель тому назад мы плавали на Эйот, - сказала она. - День тогда выдался просто прекрасный - спокойный и тихий. Джон великолепно управлял лодкой. Да ты и сам мог бы доказать это, Джон, покатав леди на лодке! Так что, если завтра выдастся хорошая погода...

- Я бы с удовольствием поехала, - сказала я, сверкнув глазами, так как поняла, что Харриет выискивает нам предлог для встречи.

- Ну что ж, будем молиться, чтобы погода завтра не испортилась, - сказала Харриет. - А я вам приготовлю корзину со всякими лакомствами. Там, в развалинах, есть такие местечки, что порой вам может показаться, будто призраки монахов глядят на вас оттуда, но не думаю, что они появятся днем, ты как считаешь, Грегори?

Грегори ответил, что сильно сомневается, появятся ли они и ночью, но, судя по местным преданиям, все так и происходит.

Я с нетерпением ждала той минуты, когда смогу остаться с Джоселином наедине, смогу поговорить с ним, обсудить будущее. Интересно, куда он отправится после того, как попадет во Францию? Но я понимала, насколько опасно для нас оставаться вместе чересчур долго и говорить обо всем этом в доме. Я должна была себя вести так, будто раньше никогда не была знакома с Джоселином, а это было нелегко.

Когда я вернулась в свою комнату, я была слишком взволнована, чтобы сразу лечь и заснуть. Я надела халат и начала расчесываться, когда в дверь мою постучались в первый раз. Это была Кристабель.

Она вновь стала той же Кристабель, какой она была по приезду в Эверсли. Сияющая девушка, мелькнувшая перед моим взором, снова скрылась за маской: те же ничего не выражающие глаза, тот же предательски подвижный рот.

Она опустилась на кровать.

- Могу я поговорить с тобой? - спросила она.

- Да, конечно.

- Это был такой день - и странный, и волнующий. Я думаю, Харриет - самая необычная женщина из тех, кого я видела. Она обладает совершенной красотой, и она так обаятельна! Пока я наблюдала за ней, я поняла, что в ней есть все, чего не хватает мне. После того как я познакомилась с ней, я, наконец, осознала, что я - не что иное, как неуклюжая простушка!

- По сравнению с Харриет мы все такие!

- Нечестно, что у некоторых... - Ее рот, несмотря на отчаянные попытки помешать этому, чуть скривился. Она продолжала:

- У некоторых людей еще с самого рождения есть все, а у других...

- С Харриет было совсем иначе. Она выросла в бедной семье! Мать как-то сказала, что она - внебрачная дочь странствующего музыканта и деревенской девушки! А может, Харриет сама сочинила эту сказку? Как бы то ни было, я точно знаю, что пробилась она в свет с самых низов!

- Незаконнорожденная?! Харриет?!

- По словам моей матери. Я все точно узнаю, когда прочту дневники матери, но Харриет действительно всегда получала все, что бы ни пожелала!

- Еще бы, у нее такие глаза!

- Да, но не в этом дело, а в силе ее личности, в ее энергии! Я думаю, она прекрасна: она может быть абсолютно бессовестной, но каким-то образом ей все прощается! Мне кажется, нет такого человека, который не смог бы простить Харриет: когда-то, давным-давно, простила Харриет моя мать. Правда, не отец: он другой...

Я замолкла, и Кристабель сказала:

- Значит, завтра мы с Джоселином едем на Эйот?

- Да, - ответила я. - Там мы сможем спокойно поговорить. Он скоро уедет! Харриет столько для нас сделала!

- О, Присцилла, какая ты счастливая! Все оборачивается для тебя лишь хорошей стороной! Я часто размышляю о твоей жизни: ты родилась в великолепном доме, твоя мать любила тебя, старая Салли Нуллэнс хлопотала вокруг, а затем эта романтическая любовь, и все идет прекрасно для тебя!

- Но он должен уехать во Францию! Его жизнь в опасности!

- Все будет в порядке, потому что это твоя жизнь, а некоторым с рождения не везет!

Волнение от встречи с Джоселином, моя радость по поводу поездки сюда несколько омрачились. Она напомнила мне об уехавшем Эдвине и о том, что причиной его отъезда стала моя мать, - в этом я была абсолютно уверена. Да, несчастливо все складывается для бедной Кристабель, так как Эдвин никогда не пойдет против родительских запретов! Он хотел пройти по жизни, не ввязываясь ни в какие передраги. Эдвин не любил разочаровывать людей, думаю, он скорее предпочел бы разочароваться сам.

- Я пойду, - сказала Кристабель. - Ты, наверное, устала. Будем надеяться, что завтра выдастся хороший денек.

Я не стала удерживать ее. Минут через пять ко мне в спальню вошла Харриет. Она выглядела просто очаровательно в своем легком голубом капоте, обшитом по краям кружевами.

- Еще не спишь? - сказала она. - Я так и думала: слишком много переживаний! Я так рада, что ты успела приехать до отъезда Джоселина! Это даст вам немного времени побыть вместе. Двое влюбленных! Это ведь твоя первая любовная интрига? А мать знает?

- Нет, я даже не представляю, что бы она сказала?! Она считает меня еще ребенком!

- Милая Арабелла! Ее всегда было так легко обмануть! Она не понимает меня, но я многим ей обязана. Моя жизнь переменилась, когда я прибыла с трупой бродячих актеров в тот замок, где она жила в изгнании, но ты об этом еще узнаешь. Я обзавелась первым любовником, когда мне было столько же лет, сколько и тебе, может, чуть помоложе. Я жила тогда в большом доме - моя мать была экономкой у старого сквайра, который буквально поклонялся ей, и один из его друзей "положил на меня глаз". В нем что-то было, и, хотя он казался мне ужасно древним, он мне нравился. Конечно, все было не так романтично, как с твоим дорогим Фрисби, но он меня многому научил и в любовном деле, и в жизни, и я всегда буду благодарна ему!

- Как это похоже на тебя, Харриет! - сказала я. - Ты всегда все понимала! Видишь ли, все произошло так неожиданно!

- Так часто бывает!

- Мы были в пещере...

- Я знаю, он рассказывал мне. Джоселин боготворит тебя! Я хорошо знаю, что такое быть юной и влюбленной! Ты должна пройти все, милое дитя!

- Харриет, ты думаешь, мы сможем пожениться?

- А почему бы нет?

- Мои родители посчитают, что я еще слишком молода!

- Девушки иногда выходят замуж в твоём возрасте, разве не так? Так чем ты отличаешься от других?

- Мой отец... Она рассмеялась:

- Твой отец в точности, как все другие мужчины! Могу поклясться, в твоём возрасте он уже изрядно напроказил! Такие, как он, твердо уверены в том, что для мужчин существует один закон, а для женщин - совсем другой, а уж дело за нами - доказать им, что это не так! Я всегда вертела мужчинами!

- Я не думала о свадьбе серьезно..., пока что, но, думаю, что мы могли бы обручиться?

- Остерегайся помолвок, ибо за ними идет разрыв! Но сейчас нам надо подумать, как вытащить его из этой страны, - это прежде всего!

- И когда, Харриет?

- До конца этой недели. Грегори уже почти все подготовил. Скорее всего, через пару дней, поэтому пользуйся моментом! На Эйоте вы сможете спокойно поговорить: там, кроме чаек да привидений, никого больше не водится! Кристабель будет сопровождать вас, но вы отошлите ее посмотреть руины.

- Она с радостью поможет нам: она тоже принимает живое участие во всем этом.

- Расскажи мне о Кристабель! Я рассказала ей все, что знала.

- Так значит, это отец привез ее в дом? - На губах ее играла легкая усмешка. - А что сказала мать?

- Она посчитала, что Кристабель подходит на роль воспитательницы.

- Ах, Арабелла! Ну, Присцилла, я думаю, открою тебе один секрет - мисс Кристабель завидует тебе неспроста!

- Завидует? Мне?!

- Я чувствую это! Откуда она приехала, говоришь? Из Уэстеринга? Отец ее был священником?

- У нее было очень несчастливое детство!

- Вполне возможно... - сказала Харриет. - Ну, моя дорогая Присцилла, пора спать! Спокойной ночи!

Она нежно поцеловала меня.

Спала я плохо. Я была слишком взволнована и с таким нетерпением ожидала следующего дня, что не могла думать ни о чем другом.

На следующее утро я встала на рассвете. В воздухе висела легкая дымка тумана, а ветер, что бушевал ночью, утих. Мы договорились, что выезжаем в полдень, и Харриет сказала, что корзину с едой нам подготовят к этому времени.

Я боялась, что, находясь возле Джоселина, я не выдержу и выдам свои чувства, поэтому изнемогала от нетерпения, ожидая того часа, когда мы, наконец, вырвемся из этих оков и сможем свободно поговорить друг с другом.

Спустя несколько минут после того, как пробило одиннадцать, я поднялась в комнату подготовиться к поездке. Выглянув в окно, я вдруг заметила, как Кристабель говорит с одним из садовников. Они смотрели на небо, и я поняла, что предметом их обсуждения является погода. Я очень переживала за то, чтобы ничего не помешало нашей поездке, ведь вскоре Джоселин пересечет Ла-Манш и тогда, кто знает, когда я увижусь с ним снова?

В половине двенадцатого в комнату вошла Кристабель.

- У меня ужасно болит голова, - сказала она, - с самого утра. Я надеялась, что все пройдет, но боюсь, стало лишь хуже.

Я почувствовала смутную тревогу. Она имеет в виду, что слишком плохо себя чувствует для поездки? И опасения мои вскоре подтвердились, ибо она продолжала:

- Присцилла, ты не будешь возражать, если я...

- Ну конечно, если ты себя плохо чувствуешь, можешь не ехать, - быстро проговорила я. Ее лицо приняло озабоченное выражение.

- Вот, сейчас... - слабо произнесла она. Это было впервые, когда она сказала, что не совсем здорова. - В прошлом у меня случались головные боли, продолжила она, - Ужасные, ослепляющие боли! Я думала, что, когда вырасту, все станет на свои места. Последний приступ случился год назад. Мне пришлось лежать в затемненной комнате, пока не прошла боль.

- Иди к себе и сейчас же ложись, - сказала я.

- Но это такая жертва с твоей стороны: ты же хотела поговорить с Джоселином!

- Я в любом случае поеду!

Она была поражена, да, признаться, я и сама себя удивила. Еще буквально несколько дней назад я была уверена, что никогда не останусь с молодым человеком наедине. Я вспомнила наш с Харриет разговор: Харриет бы поехала, она знала, как жить. Если я упущу эту возможность остаться с Джоселином наедине, возможно, я буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Я твердо решила ехать.

Джоселин был безумно рад этому, что можно было видеть по его сияющему лицу. Он с корзинкой в руках подошел ко мне, и вместе мы направились в сторону берега моря.

- У меня не хватает слов, - сказал он, - но ты знаешь, что я сейчас чувствую!

- Я чувствую то же самое.

- Столько надо рассказать!

- Подожди, пока не приедем на остров.

- Но сейчас нас никто не слышит!

- Я чувствую себя так, будто мы в постоянной опасности, пока мы находимся здесь, - ответила я.

Мы сели в лодку. Остров был еще виден, но горизонт был затянут дымкой.

Джоселин начал мерно грести, и меньше чем через полчаса днище лодки царапнуло песчаный берег острова. Неясные его очертания в этом сероватом свете действительно наводили на мысли о привидениях.

Джоселин взял мою руку и помог мне сойти на берег, после чего он крепко прижал ее к себе и поцеловал. Я украдкой оглянулась по сторонам, и он весело рассмеялся:

- Присцилла, здесь никого, кроме нас, нет!

- Я так боюсь за тебя!

- Но мы здесь, и одни!

- Я боюсь того, что вскоре должно произойти! Он вытащил лодку на берег, и мы начали подниматься вверх по склону к развалинам аббатства.

- Вскоре я уеду во Францию, - сказал он, - но там я буду в безопасности! Ты должна поехать со мной!

- Мне никогда этого не разрешат.

- Я обсудил это с Харриет. Мы могли бы пожениться, и тогда ты бы смогла поехать со мной!

- Мои родители никогда не согласятся на это!

- Я хотел сказать, мы поженемся, а уже после скажем им об этом!

Мое счастье смешалось с печалью. Мать так расстроится, если я буду действовать тайком. Сложно было объяснить Джоселину, насколько мы с ней близки: между нами установилось особое родство, и причиной тому отчасти был мой отец со своим безразличием. Я понимала, что ее жестоко обидит, если я соглашусь на тайный брак, ибо это означает, что я выбрасываю ее из своей жизни.

Я покачала головой.

- Я хочу объяснить тебе, почему это будет лучшим выходом для нас! произнес Джоселин. - Я говорил с Харриет об этом.

- И Харриет считает, что нам надо пожениться?! - воскликнула я. - Она действительно говорила, что мы должны поступить так без согласия моих родителей?!

- Харриет - чудесная женщина! Она поступала подобным образом всю свою жизнь, но скажи, видела ли ты когда-нибудь такую счастливую женщину?

- Думаю, ей просто везло.

- Она просто была смелой! Она брала от жизни все, что хотела, и довольствовалась этим.

- Не всегда человек может взять то, что хочет, надо подумать и о других!

- Но нас только двое.

- А мать?

- Она наверняка уже строила планы насчет твоей будущей семейной жизни. Я думаю, сейчас союз между нашими семьями она сочла бы неудачным, но это сумасшествие вскоре закончится, и, могу сказать тебе, у Фринтонов есть, чем гордиться!

- О, Джоселин, если б мы только могли!

- Надо поговорить об этом! Прекрасно, что нам удалось остаться наедине!

- У Кристабель приступ головной боли, иногда она очень страдает от этой болезни.

- Милая, добрая Кристабель! Она знала, как я жажду остаться с тобой наедине!

Мы подошли к останкам того, что раньше, видимо, являлось стеной. Мы перешагнули через нее, и перед нами раскинулся величественный вид - громадные стены, когда-то возведенные монахами, теперь лежали в руинах, но все же от аббатства осталось достаточно, чтобы человек мог воссоздать его в своем воображении. Останки каменных арок, сквозь которые теперь виднелось серое небо, навевали мысли о пышности и великолепии этого здания: то там, то здесь торчали каменные плиты. Некоторые из них до сих пор сохранили свой первозданный вид, а сквозь другие уже пробилась трава. Мы наткнулись на какую-то комнатку с массивной деревянной дверью, которая устояла перед многолетним натиском ветров и соли, хотя крыши ее давным-давно не стало. Узкие проемы окошек одиноко

смотрели в море.

- Когда я приехал сюда в первый раз несколько дней назад, - сказал Джоселин, - я был очарован! Я еще подумал, что здесь хорошо прятаться, поэтому облазил все. Например, очень хорошо можно устроиться здесь. Правда, если поднимется сильный ветер, в этих незастекленных окнах будет страшно свистеть, но так было задумано еще столетия назад: монахи жили жизнью спартанцев и холода не боялись. - Он повернулся и обнял меня. - Ну вот, - сказал он, здесь ты чувствуешь себя в безопасности? Мы одни на этом острове, ты и я! Эта мысль волнует меня. Казалось, прошла целая вечность, Присцилла, и временами я сомневался, что снова увижу тебя!

Внезапно я вспомнила о кольце, и меня пробрала холодная дрожь. Я должна была немедленно признаться, и я рассказала ему, как все получилось.

- Ты уверена, что оно за этим шкафом?

- Больше ему негде быть, а шкаф отодвигают раз в год: он очень тяжелый.

- А когда ты найдешь его, ты будешь его носить?

- Да! Раньше я боялась, потому оно и потерялось! Ли сказал, что оно может дать почву всяким подозрениям, и, кроме того, на перстне выгравировано имя вашей семьи!

- Да, оно переходит из рук в руки уже несколько поколений, вот почему мне захотелось подарить его тебе!

Я была так рада, что он не обратил особого; внимания на пропажу кольца, что дала себе слово, что отброшу все свои страхи и буду наслаждаться этим днем в открытую.

- О, Джоселин! - воскликнула я. - Разве не прекрасно быть здесь только вдвоем! Он нежно поцеловал меня.

- И знать, что у нас впереди еще добрых паря часов! - добавил он.

- Сейчас чуть больше полудня, - сказал я. - А чем мы займемся?

- Обследуем остров и будем говорить и говорить! Затем перекусим и снова поговорим, а я буду все время смотреть на тебя! Мне хочется еще раз увидеть, как ты улыбаешься: когда ты это делаешь, у краешка рта появляется крошечная морщинка! Я обожаю твои волосы, как они падают тебе на плечи! Они совсем не похожи на эти мерзкие кудряшки "сердцеедки", что вошли сейчас в моду при дворе. Мне нравятся твои карие глаза, и я постоянно думаю о том, насколько же их цвет красивей, чем голубой!

- Ты относишься ко мне с предубеждением, - сказала я. - Мне кажется, тебе все это нравится только потому, что принадлежит мне!

- А я этого и не отрицаю, - ответил он.

Я думаю, тогда мы оба были немного напуганы теми чувствами, которые разбудили друг в друге. Я была рада просто находиться рядом с ним, но никак не могла забыть, что его разыскивают и что наше бегство лишь временно. Меня страшно взволновала мысль о свадьбе. Все это казалось таким невероятным, хотя почему бы и нет? Ведь обстоятельства исключительны. Я прислушалась к печально скрипучим крикам чаек. Казалось, будто они предупреждают меня, что времени осталось не так много.

Если он поедет во Францию, сказала я себе, я могла бы уехать вместе с ним, особенно если мы поженимся. Но могу ли я вот так бросить мою семью?

Ах, если бы Ли был здесь, чтобы я могла посоветоваться с ним! Эта мысль очень странно подействовала на меня, ведь, когда я была еще совсем маленькой девочкой, в глубине души я поклялась что, когда вырасту, выйду замуж за Ли.

Мы обошли руины аббатства, нашли исповедальню и залу для чтения.

- А это, должно быть, часовня, - заметил Джоселин, но, думаю, на самом деле его не очень интересовали эти развалины. Нас обоих охватила буря чувств наконец-то мы остались наедине! Мне хотелось лишь одного - прижаться к нему и защитить.

Если б сейчас корабль мог подойти прямо к Эйоту и отвезти нас обоих во Францию!

На этом одиноком островке царила таинственная и странная атмосфера. День выдался на диво спокойным. Ключки тумана, висевшие в воздухе, даже не двигались. Их серые и призрачные силуэты странной формы виднелись повсюду.

- А вон церковная колокольня, - показала я. - Я бы ничуть не удивилась, если бы сейчас колокола зазвонили и мы увидели мрачные фигуры монахов, бредущих на молитву.

- Сейчас не то время суток, - резко сказал Джоселин, и я вспомнила, что он католик, - это было еще одной причиной, почему моя семья была бы против: отец был убежденным протестантом. Не то чтобы он был очень религиозен: религия служила ему одной из форм политики. Я уверена, он был бы не доволен, выйди я замуж за одного из членов известной католической семьи, а то, что мой избранник еще и в опасности, еще больше взбесило бы его.

Странно, но я думала о нем ничуть не меньше, чем о матери. Я представляла, как говорю ему: "Тебе никогда до меня не было никакого дела. Какая разница, за кого я выхожу замуж?" И в словах этих крылась горечь. Меня всегда волновало то, как он ко мне относится, было небезразлично это мне и сейчас.

- Где мы расположимся на пикник? - спросил Джоселин.

Я весело рассмеялась.

- Кажется, этой зимой я развлекаюсь на пикниках гораздо чаще, чем в летнюю пору!

- Я никогда не забуду тот пикник у пещеры: ты и я! - сказал он.

- А я никогда так не пугалась, как тогда, когда этот пес вошел в пещеру!

- Но вместе с тем ты была счастлива, - ответил он. - Я понял, что тогда ты любила меня!

- Я это тоже поняла: опасность раскрыла мне глаза.

- Присцилла, ты еще так молода! Он повернулся и поцеловал меня, на устах его горели нежность и страсть.

- Пойдем в ту комнату? Скорее всего, она служила им помещением для переписки рукописей. Я принесу из лодки одеяла, и мы расстелим их на плитах, а потом мы что-нибудь перекусим.

- Звучит заманчиво, давай так и поступим! Мы рассмеялись, после чего я расстелила скатерть и достала пирожки с говядиной и сидр, чтобы утолить жажду.

- Вот это да! - сказала я. - Да здесь еды на троих! Наверное, здесь доля и Кристабель?

- Как это мило с ее стороны - оставить нас вдвоем! - сказал Джоселин.

- Ты думаешь, она специально так подстроила?

- Да, - ответил он.

Я задумалась: в этом я была не уверена. Мы прислонились к стене комнаты, и сквозь остатки крыши я стала наблюдать за туманом.

- Какое странное место! - произнесла я. - Слуги говорят, что по ночам здесь можно заметить огоньки.

- Слуги всегда говорят что-нибудь подобное. Тебе страшно?

- С тобой - нет!

- Очень рад слышать это. Тебе никогда больше не придется бояться, Присцилла, пока рядом с тобой я. Я - твоя защита!

- Ты меня успокаиваешь! Попробуй этого пирога, очень вкусно.

- У Харриет хороший повар.

- У нее все самое лучшее!

- Мы должны быть очень благодарны ей: она столько для нас сделала!

Я согласилась с ним. Затем мы поговорили о нашем первом знакомстве и о заманчивой возможности свадьбы. Мне уже приходилось слышать о бегстве девушек со своими возлюбленными. Однажды случился большой скандал, когда девушка убежала с мужчиной, который был двадцатью годами старше. Он оказался авантюристом, но было слишком поздно, и семье не удалось помешать их браку. Девушке было всего лишь четырнадцать.

Четырнадцать было и мне, и я собиралась выйти замуж хоть и не за искателя приключений, но за изгнанника. Но я ничего не могла поделать: я была влюблена и собиралась начать новую жизнь. И одновременно мне было горько, так как своим поступком я глубоко обижала мать. Что касается отца, то пусть себе бушует, сколько его душе угодно... Правда, ничего такого не случится, скорее всего, он пожмет плечами и скажет: "Ну, это же Присцилла!"

Мы были так счастливы - мы говорили, строили планы на будущее, хотя про себя я пыталась понять, чувствует ли он сейчас то же, что и я? Чувствует ли, что во всем этом есть что-то неземное и что вряд ли наши замыслы когда-нибудь сбудутся?

Мы вернемся домой, скажем Харриет, что хотим пожениться. Она найдет нам священника, и мы присягнем перед ним, а потом подплывет корабль и переправит нас во Францию. Против нас поднимутся голоса, но через какое-то время все увидят, какой негодяй этот мерзкий Титус Оутс, и мои родители поймут, что бесполезно горевать над уже свершившимся.

- Когда моя мать была еще маленькой девочкой, ей пришлось уехать во Францию, - рассказывала я Джоселину. - Вот странно! Будто история повторяется!

Мы продолжали беседовать о том, что будем делать, когда поженимся. Мы вместе объедем прекрасные земли Франции, а затем вернемся и будем жить в его доме, в Девоншире, в самом прелестном графстве Англии. Нигде больше трава не была столь зелена, и нигде больше не было столь рыжей почвы, что означало плодородие, сливки там были жирнее, а говядина - вкуснее!

- Ты станешь госпожой всего Девона, моя милая Присцилла, когда выйдешь за меня замуж! - сказал он.

Так мы сидели, рука его обнимала меня, я же крепко прижималась к нему, и мы промечтали целый час или даже больше. Вдруг я заметила, что вокруг нас сгустились сумерки. Однако больше трех часов дня быть не могло, а значит, до захода оставалось еще больше часа. Грегори предупреждал нас, чтобы мы вернулись до наступления сумерек, поэтому уехать с острова нам надо было не позднее половины четвертого.

- Как вдруг стемнело! - сказала я. - Наверное, уже позднее, чем нам кажется?

Я поднялась на ноги и тут же ощутила холодную промозглость воздуха.

- На море туман, - сказал Джоселин, и, когда мы вышли из комнаты, оказалось, что он прав.

- Ты только посмотри! - с испугом воскликнул он вдруг, - В нескольких футах от нас уже ничего не видно!

Я подошла к нему, и он обнял меня.

- Нам даже лодку будет не найти, - продолжал он.

- Надо попробовать, - ответила я.

И сразу же споткнулась о выступающий камень. Слава Богу, Джоселин успел подхватить меня и не дал упасть.

- Нам надо быть очень осторожными, - предупредил он. - Ты могла пораниться.

- Ты спас меня, Джоселин!

- Я всегда буду рядом с тобой, чтобы спасти тебя, клянусь!

Я взяла его руку и приникла к его груди. В самом воздухе, казалось, витает зловещее предупреждение. Все вокруг было окутано мрачным туманом, и застывшие серые руины были, как будто из потустороннего мира. Ни ветерка, ни плеска волн: будто Джоселин и я очутились на другой планете.

Поняв, наконец, в какую ситуацию попали, мы в страхе переглянулись. На ресницах и бровях Джоселина появились капельки росы, и снова на меня нахлынул шквал чувств, потому что лишь теперь я осознала, в какой опасности он сейчас, и что время, проведенное на острове, поистине драгоценно для нас обоих, так как, если враги схватят его, эта белокурая голова очень быстро слетит с плеч. Я никогда не расспрашивала его о том, как умер его отец, я не хотела знать этого. Я хотела забыть о том, что это произошло, и заставить его забыть об этом.

- Что нам делать? - спросила я.

- Мы ничего не можем сейчас сделать. Лучше вернуться назад: у нас есть одеяла и какое ни есть укрытие. Мы даже не представляем себе, далеко ли этот туман простирается, потому что сидели в четырех стенах.

- А может, нам попытаться выбраться отсюда на лодке?

- Мы можем не найти ее, и помнишь, как минуту назад ты поскользнулась? Тропинки почти не видно, мы не знаем, куда идти. Нет, безопаснее остаться здесь, пока не спадет туман. Даже если мы и найдем лодку, глупо пытаться достичь берега: нас может унести в море.

Конечно, он был прав. Мы вернулись назад, в стенах было значительно теплее. Мы опустили на одеяла, и он обнял меня.

- Богиня судьбы сопровождает нас, - сказал он. - Мы здесь одни, вдали от всего мира, отрезаны от него покровом тумана. Присцилла, ты не находишь, что это заманчивая перспектива?

- Да, конечно, но я думаю, что будет дальше?

- Но все знают, где мы, и поймут, что произошло. Они не будут волноваться за нас. Думаю, в доме понимают, что у нас достаточно здравого смысла остаться здесь и переждать туман.

- Но это может затянуться надолго, Джоселин.

- Вряд ли: скоро поднимется ветер и развеет туман.

- Интересно, сколько сейчас времени?

- Еще день.

- А сколько мы проговорили?

- Это имеет какое-нибудь значение? Мы сели поближе друг к другу и прислонились к одной из стен. И снова мы заговорили о нашей свадьбе, которая состоится сразу после того, как мы вернемся на землю. В этом тихом месте, посреди странных клубов тумана, казалось возможным все.

Мы не знали, сколько времени, но мы понимали, что уже вечерет, ибо становилось все

темнее, и даже тумана уже не было видно, но мы ощущали его сырой и пробирающий до костей. Похолодало, и Джоселин еще крепче прижал меня к себе.

- Представь, что нам придется провести здесь всю оставшуюся жизнь? сказал он, - По-моему, не так плохо.

- Но как мы выживем?

- Мы могли бы построить дом, выращивать овощи и зажили бы простой жизнью, как Адам и Ева!

- Это мало похоже на Эдем.

- Пока ты здесь, земля эта кажется мне раем!

Это был разговор двух влюбленных. В нем не было никакого смысла, однако он действовал успокаивающе, и что-то неизбежное было в этом тумане. Мы очутились в плену у сил природы, и нельзя было винить нас за это, что мы провели эти часы вместе. Я думаю, что уже тогда в сердца наши закралось отчаяние, страх перед тем, что жизнь окажется совсем не такой легкой, какой мы ее себе нарисовали.

Мы доели остатки еды. К тому времени совсем стемнело, а туман еще более сгустился. Нас окружала полная тишина. Странно было находиться возле моря и не слышать его рокота.

Спустилась ночь, и стало еще холоднее. Джоселин расправил одеяло, и мы легли на него. Другое одеяло он накинул сверху, после чего заключил меня в свои объятия. Думаю, то, что затем произошло, было неизбежно: мы были молоды, и в нашей крови кипела страсть.

- Мы будем вместе до конца жизни! - сказал Джоселин. - Мы женаты, милая Присцилла, ты и я! Что нам всякие церемонии? Когда вернемся, мы поженимся по-настоящему, сразу же. Мы все расскажем Харриет, и она поможет нам. Ты поедешь во Францию вместе со мной!

Я поверила этому, потому что хотела верить. Я сопротивлялась немного, с самого начала. Мне не давали покоя мысли о матери: если бы я могла выкинуть их из головы! Но когда я вспомнила об отце, почувствовала вызов: что он для меня вообще сделал, зачем мне о нем сейчас думать? Но я все же думала о нем и про себя ликовала: я выйду замуж, больше не будет висеть на его шее "бесполезная девчонка!"

Джоселин пылко поцеловал меня.

- Присцилла, милая Присцилла! - говорил он. - Знаешь, что такое блаженство? Это окутанный туманом остров, на котором лишь ты и я!

И там, на этом острове, мы познали настоящую любовь. Я была смущена, взволнована и счастлива до безумия одновременно. Я чувствовала себя так, будто все, чем я была раньше, осталось далеко позади. Я больше не была дочерью Карлтона Эверсли, я стала женой Джоселина Фринтона.

Я проснулась от мягкого прикосновения солнечных лучей: наступило утро. Мои руки и ноги занемели от холода, Джоселин еще спал. Я взглянула на него, и во мне вновь проснулась нежность. Без парика он выглядел таким юным и беззащитным. Я вдруг подумала: "Теперь я понимаю, почему мужчины носят парики: они придают им важности! Без него Джоселин выглядит просто красивым мальчиком!"

Я наклонилась и поцеловала его. Он крепко обнял меня и прижал к себе.

- Моя Присцилла! - пробормотал он.

- Уже утро, - ответила я. - Туман почти развеялся. Он сел.

- Значит, все закончилось... - Он нежно посмотрел на меня. - Любовь моя, продолжил он, - мы будем вместе всегда?

- Это очень долго! - ответила я. - О, Джоселин, я так боюсь!

- Не волнуйся! Я все твердо решил и все сделаю. Теперь нас двое, моя дорогая! Ты даже не представляешь себе, что это значит!

- Представляю, потому что одна из этих двоих - я.

Он поцеловал меня.

- Мы должны ехать, - сказала я.

- Еще немножко!

- Посмотри, солнце восходит: нас будут ждать.

- Еще несколько минут! - молил он, не выпуская меня из своих объятий. Невеста моя! - сказал он. - Скажи, что ты ни о чем не жалеешь.

- Я ни о чем не жалею!

- Мы расскажем Харриет, она нам поможет. Теперь она обязана помочь нам!

- Она и так сделала все, что в ее силах! Я знаю, что она скажет: будьте решительнее, рискните, берите все, что хотите, а если что-то выйдет не так, как вы надеялись, не горюйте! Я думаю, это - ее девиз!

- И он хорошо ей послужил! Дорогая, давай останемся здесь еще чуть-чуть?..

Я лежала рядом с ним, а его руки крепко обвивали меня. Нас объединяла страсть, смешанная с каким-то отчаянием, будто дневной свет говорил нам, что мечты, навеянные туманом, легко исчезнут при свете дня.

Я встала.

- Мы должны ехать, - сказала я. - Нас будут искать. Все узнают, что нас целую ночь не было дома!

- А может, и нет: Харриет позаботится об этом. Я покачала головой:

- Пойдем, Джоселин, хватит откладывать. Мы перенесли одеяла и корзину в лодку. Где-то в глубине души мы надеялись, что ее не окажется на месте, и у нас появится предлог продолжить нашу идиллию на острове. Но лодка стояла там же, где мы ее оставили. Джоселин спустил ее на воду, и несколькими мгновениями спустя мы плыли к берегу.

Причалив, он помог мне сойти, привязал лодку, и мы зашагали по направлению к дому. Но не успели мы отойти от берега, как увидели Кристабель, бегущую нам навстречу. Ее глаза, как всегда, были бесстрастны, зато рот выражал целую бурю эмоций.

- Пойдемте скорее! - сказала она. - Случилось несчастье! Где вы пропадали?

- Моя милая Кристабель, вы что, не видели тумана?

- Вам не следовало вообще ехать, ведь прямо сейчас надо уезжать! Харриет и Грегори вне себя от беспокойства: корабль ждет вас, он прибыл сюда рано утром. Почему вы не приехали сразу? Туман ведь рассеялся с восходом солнца, все безумно волнуются!

Мы побежали к дому. Когда мы вошли, к нам спустился Грегори.

- Слава Богу, вот и вы! - сказал он. - Враги идут по вашему следу, Джоселин! Вы должны немедленно уезжать, они могут прийти в любую секунду!

В зал с видом главной героини какой-нибудь приключенческой пьесы вошла Харриет.

- Мой мальчик, - с чувством промолвила она, - вы должны немедленно отправляться! Вы должны были уехать еще на восходе. Нельзя терять ни секунды!

- Я быстро соберусь и переоденусь, - ответил Джоселин.

- Ваши вещи уже собраны, - ответила Харриет, - ждут вас одного, а переодеться вы

можете и во Франции!

- Вы должны побыстрее уйти из дома, - произнес Грегори, - или заберут нас всех! Харриет права: нельзя терять ни секунды! Вот, ваши вещи здесь, в этой сумке. Поспешите на берег! Липовую бухту вы знаете? Там стоит корабль. Садитесь и уезжайте как можно быстрее!

- Я должна ехать... - начала было я.

- Ты пойдешь со мной, мое дитя! - ответила Харриет. - Ты вся продрогла: туман - опасная штука, а ты провела на воздухе целую ночь. Ступайте, мальчик мой, и да хранит вас Господь!

Вот так все и произошло. Джоселину пришлось направиться напрямиком к кораблю, и ехать он должен был один. Но там, в бухте, уже поджидали его враги. Они схватили его, когда он пробирался на борт корабля. Один из слуг рассказал нам, что руки его были связаны, и он ехал на лошади посреди окруживших его солдат. Они возвращались в Лондон.

Недели, что последовали за этими событиями, оказались самыми печальными в моей жизни, ибо, как вскоре выяснилось, я никогда не смогу стать женой Джоселина. Суд был краток, а приговор приведен в исполнение почти безотлагательно. По их словам, его вина была очевидной, иначе почему бы еще он бежал? Меня мучили кошмары. Мне снилось, что я стою там, у эшафота, голова Джоселина лежит на плахе; я видела кровавые руки палача, поднимающие над толпой эту голову, теперь отделенную от тела, которое я так любила!

Я была в шоке. Такое отчаяние, какое испытывала я, не испытывал никто и никогда. Джоселин мертв! Никогда я больше не увижу его! Никогда не упаду в его объятия! О, как я хотела оказаться тогда рядом с ним, чтобы меня забрали вместе с ним и чтобы я рядом с ним умерла, потому что жизнь без него потеряла для меня всякий смысл!

Как быстро все меняется! Я была так счастлива, я мечтала о том, как вместе мы поедем во Францию, будем безмятежно жить там в счастье, а потом вернемся сюда мужем и женой. Никогда больше не снизойдет ко мне покой: я потеряла своего возлюбленного, моя жизнь кончена, никогда мне не быть снова счастливой!

Я не могла есть. Спала я урывками, но даже тогда меня мучили кошмары. И опять я оказывалась на месте казни, и голос громом отдавался у меня в голове: "Смотрите, вот голова предателя!"

Он не был предателем, он бы простым, добрым и хорошим человеком, человеком, которого я любила! Я думала: "Моей жизни пришел конец. Никогда я больше не буду счастливой".

Харриет очень нежно относилась ко мне. Все эти недели она присматривала за мной. Она не позволила мне вернуться домой. Постепенно мне стали известны все детали случившегося, и, естественно, то, что я была повинна в его смерти, ничуть не облегчило моих страданий. Тайну раскрыла Харриет.

- Ты должна знать, как они нашли его, - сказала она. - И не вини себя во всем, ты подарила ему самую большую радость на свете, которой только может один человек поделиться с другим! Я знаю это: ты любила его, а он тебя, поэтому не отчаивайся. Со временем все пройдет, так всегда бывает. Ты помнишь тот перстень, что он подарил тебе после того, как вы обручились?

- Кольцо! - воскликнула я. - Да, да, этот перстень! Он лежит там, под шкафом. Я сохранию его!

- Мое дитя, ты больше никогда не увидишь его!

- Что ты имеешь в виду, Харриет?

- Он вовсе не под шкафом!

- Значит, его нашли? Но этого не может быть - я искала повсюду!

- Твоя мать рассказала мне, как все случилось. Она вытащила платье из шкафа и отдала его Частити, чтобы та его перешила. Частити взяла его с собой и пошла на кухню, чтобы перемолвиться словечком со своей матерью. Как я себе представляю, платье было перекинуто у нее через руку, а в кружевах застряло кольцо!

Я чуть не упала в обморок от отчаяния. Ну почему мне не пришло в голову обыскать платье? Почему Я была так глупа, так небрежна и позволила себе обмануться, подумав, что кольцо завалилось за шкаф!

- В это время в кухню заглянул Джаспер, - продолжала Харриет.

- О нет! - вскричала я.

- Увы, но это правда! Он схватил перстень - он считает все эти безделушки воплощением порока - изучил его, увидел крест и имя внутри, затем вспомнил, как из кладовой пропадала пища.., и все стало на свои места! В доме он никому не сказал, что намеревается делать: он отвез перстень в Лондон и обратился к Титусу Оутсу!

- Я ненавижу Джаспера! - воскликнула я. - Ненавижу его черную фанатичную душонку!

- Он сказал, что исполнял свой долг! Конечно, теперь ты можешь догадаться, что произошло потом. Тебя сразу заподозрили. Родители твои ничего не знали, так как Джаспер действовал, не сказав никому ни слова. Люди Оутса разузнали, куда ты уехала, и это привело их сюда. Поспрашивав соседей, они выяснили, что здесь гостит молодой актер по имени Джон Фрисби. Его описание совпало с описанием Джоселина!

- Они приехали прямо сюда, Харриет?

- Нет, потому что у меня есть несколько влиятельных друзей, которым не хотелось, чтобы к этому делу привлекали и меня. Поэтому они схватили его, когда он уезжал, и таким образом о нашем участии в деле даже не упоминалось! Думается мне, что к этому приложил руку и твой отец. Ты еще ребенок, и поэтому они не могли обойтись строго с тобой, в особенности когда твой отец - один из лучших друзей короля! Милая Присцилла, эта трагедия потрясла тебя? Ты потеряла своего первого возлюбленного, но ты должна усвоить - жизнь продолжается! Ты так молода, ты даже не совсем поняла, что такое любить!

- Нет, Харриет, это я уже познала! Она взяла мои руки и испытующе посмотрела на меня.

- Мое бедное дитя! - промолвила она и мягко обняла меня. - Присцилла, я всегда тебе помогу! - сказала она. - Ты не должна отчаиваться!

- Я никогда не забуду того, что именно моя беспечность вывела их на него!

- Во-первых, Джоселину не следовало тебе дарить этот перстень! Он сам в этом виноват! И, Присцилла, спустя время тебе придется вернуться домой, они ждут тебя.

- Харриет, если бы я могла остаться здесь, с тобой! Дома.., они знают?

- Конечно, там знают о том, что он подарил тебе кольцо!

- Мой отец будет сердиться.

- У него тоже бывали приключения, он делал, что хотел. Так же поступила и ты. А что касается помощи беглецу, ты же не одна ему помогала, верно? Ли, Эдвин, я - все мы участвовали в этом деле!

- О, Харриет, ты такая хорошая! Она рассмеялась.

- Ну, кое-кто с тобой в этом утверждении был бы не согласен. Вряд ли мне подходит такой комплимент - "хорошая женщина", но я знаю, как жить, как наслаждаться жизнью! Я не люблю неприятностей и не хочу, чтобы они случались и с другими! Вполне возможно, это хороший способ прожить жизнь - так что, может быть, я действительно не так уж и плоха.

Я приникла к ней. Теперь к моему отчаянию примешивался еще один страх: страх возвращения домой, но я поняла, что должна пережить и это.

Мне скоро пятнадцать, и у меня уже был возлюбленный. Что в этом такого? Останься он в живых, он стал бы мне мужем. "Теперь я никогда не выйду замуж, подумала я. - Я уже вышла замуж за того, которого любила, и буду любить его вечно!"

Кристабель очень помогла мне тогда. Казалось, после случившегося со мною несчастья она еще больше привязалась ко мне. Скорее всего, те жестокие годы в доме викария и слабость Эдвина теперь, когда она сравнивала свою судьбу с моей, казались ей не такими уж и печальными.

За день до того, как мы должны были уезжать в Эверсли, я спустилась в сад прогуляться. В воздухе висел легкий туман, напоминая мне о том дне.

Один из садовников копал землю, и, когда я подошла ближе, он облокотился о лопату и посмотрел в мою сторону.

- Доброго денька вам, мисс Присцилла! - сказал он.

Я тоже поздоровалась.

- Я слышал, вы покидаете нас, мисс.

- Да, - ответила я.

- М-да, жаль, - продолжал он. - Здесь многим из нас хотелось бы увидеть, как Титус Оутс сам испробует вкус своей микстуры! О да, страшно это было! Если б только тогда не выпал этот туман, вы бы вернулись тем же днем, и ваш джентльмен к их приезду был бы далеко за морями! Но, мисс, почему вы поехали, я же вас предупреждал?

- Предупреждали меня? О чем?

- Я прожил в этих краях всю свою жизнь, а это почти как пятьдесят лет. Я могу сказать, какой выдастся день, и никогда не ошибался, ну, может, раз-два. Я тогда сказал, что перед заходом будет густой туман, если только ветер не налетит, что вполне могло случиться, - о ветрах ничего точно сказать нельзя. Но ветра не предвиделось - туман-то с моря наступал, и весь Эйот должен был быть в тумане. "Не ездите сегодня туда, мисс!" - сказал я тогда.

- Ты мне ничего не говорил, в тот день мы не встречались!

- Да нет, то была другая мисс! Она тоже собиралась ехать, если я не ошибаюсь? Вас трое должно было поехать? Мэри сказала, что корзину она готовила на троих!

Так значит, он сказал это Кристабель!

- Да, теперь я понимаю: не надо было нам выезжать! - сказала я. - До свидания, Джим.

- И вам того же, мисс. Надеюсь, мы еще встретимся, когда наступят времена посчастливее.

Я прошла в дом. Я ломала голову, почему же Кристабель не предупредила меня, что в этот вечер будет туман? Как странно! Ну конечно, у нее же тогда были ужасные головные боли! Наверное, потому она и забыла, но ведь именно поэтому она и не смогла поехать? И значит, мысль о том, что мы все-таки едем, должна была напомнить ей о тумане!

Все это казалось столь странным, что я немедленно разыскала Кристабель и спросила об этом. Она вся вспыхнула, а рот ее скривился.

- Меня и саму мучает совесть! - призналась она. - Я действительно встретила тогда

Джима, и он упомянул о тумане! Но моя голова разрывалась от боли на части. Я вспомнила об этом только тогда, когда вы не вернулись. Это я виновата...

- Теперь уже смысла нет переживать, - сказала я. - Все свершилось: он мертв, я потеряла его навсегда!

- Но если бы вы не поехали на остров, он бы уплыл вовремя!

- Да, и если бы я не потеряла перстень... Если бы я тогда не приняла от него этот подарок... Сколько "если", Кристабель! И что нужды в терзаниях? Все кончилось, возврата нет, я потеряла его!

Когда я вернулась в Эверсли-корт, отец отсутствовал, но, думаю, у моей матери камень с сердца свалился. Да, она беспокоилась, переживала, но в то же самое время ее глубоко потрясло, что без ее ведома я ввязалась в такую опасную историю.

В первый же день она подыскала предлог, чтобы остаться со мной наедине, и захотела услышать подробную историю о том, что произошло. Но я пребывала в таких расстроенных чувствах, что сначала мне трудно было говорить. Я только и делала, что повторяла:

- Я любила его, я любила его, а теперь они убили его!

Она обняла меня так, как обнимала в ту пору, когда я была совсем девочкой, но это еще больше усилило мое отчаяние. Это было так, будто она считала, что все можно легко поправить, - "сейчас поцелуем, и все пройдет", - как это случалось, когда я падала и больно ушибалась.

- Дорогая Цикла! - прошептала она. - Ты так молода, еще так юна!

Мне захотелось вырваться из ее объятий и сказать ей: "Я не маленькая девочка, я выросла! И в пятнадцать лет некоторые становятся взрослыми - так вот, я одна из таких! Я любила, я жила, и больше я не ребенок!"

А она продолжала говорить:

- Все казалось таким романтичным! Думаю, он был очень мил! И то, как он добрался сюда, он не имел права приезжать сюда!

- Он искал Эдвина: тот был его другом.

- Эдвину не следовало прятать его!

- А что нам было делать? Выдать его жестокому Титусу Оутсу?

Она замолчала и погладила меня по голове.

- Твой отец очень недоволен, ты же знаешь его чувства!

- Мне он особых чувств никогда не выказывал, - сказала я, - только безразличие!

- Моя милая крошка...

- С тобой бесполезно говорить, - не сдержалась тут я. - Ты не понимаешь: Джоселин приехал сюда, мы помогли ему и мы этого не стыдимся! И в следующий раз поступим точно так же - все до единого! Еще он и я влюбились друг в друга, и мы хотели пожениться!

- О, моя дорогая! Но все кончено, теперь нам надо помочь тебе забыть об этом!

- Ты действительно думаешь, что когда-нибудь я смогу это сделать?

- Да, любовь моя! Я знаю, что ты сейчас испытываешь.

- Ничего ты не знаешь! О, как бы мне хотелось, чтобы ты перестала говорить об этом!

Мне нечего сказать тебе, ты меня не понимаешь! Харриет...

- Ну конечно, Харриет понимала все прекрасно!

- Харриет была очень добра ко мне!

- И укрыла его у себя, и послала за тобой! От Харриет можно было ожидать чего-нибудь

подобного: она совсем не думает о других!

- Я не согласна!

- О, она очаровала тебя, как и всех остальных! Я уверена в этом!

- Харриет с пониманием отнеслась ко мне! Я никогда не забуду того, что она для меня сделала! Мама, пожалуйста, оставь меня! Я хочу побыть одна!

Ее укоризненный взгляд пронзил меня до глубины души, и я кинулась к ней в объятия. Она ничего не сказала, лишь прижала к себе, и все стало, как прежде.

Карл был очень расстроен тем, что произошло. Это стало первой его настоящей печалью. Он просто хмуро посмотрел на меня и произнес:

- Они не имели права поступать так с Джоселином!

Я было отвернулась, но он подошел, взял меня за руку и крепко сжал ее.

- Если бы там был я, - сказал он, - я бы не позволил этому случиться! Тебе надо было сказать мне, что он у тети Харриет.

- Ты бы ничего не смог сделать, Карл, ничего!

- Я ненавижу Титуса Оутса!

Странно, конечно, но Карлу лучше удалось утешить меня, чем матери.

Вернулся отец. Он был очень холоден со мной и в первый вечер даже не разговаривал. Но на следующий день, когда я вышла прогуляться в сад, он последовал за мной.

- В хорошую переделку вы попали! - сказал отец.

Я вызывающе взглянула на него.

- В каком смысле? - спросила я.

- Ты знаешь, о чем я говорю: об этом вашем романтическом приключении! Глупцы, целое скопище глупцов, а ты в особенности! Принять в подарок перстень-улику, а потом оставить его, чтобы другие полюбовались! - Ты не понимаешь! - возразила я.

- Да здесь и понимать особенно не требуется, чтобы разобраться во всем! Приезжает симпатичный юноша, и ты решаешь, как здорово будет прятать его, кормить, а потом принять от него в подарок перстень с крестом и именем, выгравированным на нем. А он между тем подозревается в заговоре, угрожающем жизни короля!

- Ты прекрасно знаешь, что никакого заговора не было и все это было подстроено одним из твоих друзей, этим Титусом Оутсом!

Он схватил меня так, что я даже вскрикнула от боли. Его руки стиснули меня как клещи.

- Он не относится к числу моих друзей! - сказал он. - Я презираю этого человека, но у меня хватает здравого смысла не принимать тех, против кого он выдвигает свои обвинения. Кто может сказать, кто будет следующим? И, клянусь Господом Богом, на месте этого следующего могли оказаться мы! Ты могла ввергнуть в пропасть всю нашу семью! Отвести их подозрения от тебя было совсем нелегко, могу тебя уверить, а все беды случились из-за шалости слабоумной девчонки!

- Это была не шалость, - вырвалась я из его хватки, - и предоставь мне возможность повторить все снова, я бы поступила точно так же!

- Я чувствую, у меня будет, что сказать, всем остальным, когда я увижусь с ними в следующий раз! Если они хотят рисковать своими жизнями, это их личное дело, но им не следовало бы втягивать в это глупую девчонку, которая могла причинить неприятности своим безалаберным поведением, вот что я тебе скажу!

- Значит, во всем ты винишь меня одну?

- Если ты приняла в подарок его перстень, то, по крайней мере, могла бы спрятать его

как следует!

- Это была случайность! Он громко расхохотался.

- Ну да, конечно! А теперь кое-что к твоему сведению: если ты попробуешь снова связаться в подобную глупость, не рассчитывай, что я опять вытащу тебя оттуда!

- Я удивлена, что ты вообще побеспокоился о чем-либо!

- Это было необходимо, чтобы спасти всех нас! Я повернулась, кинулась в дом и заперлась у себя в комнате. Никогда в жизни не чувствовала я себя такой несчастной. Если бы он сказал мне хоть одно нежное слово, если бы он позаботился обо мне! Но он лишь показал мне, что, будь я одна в этом деле, он бы и пальцем о палец не ударил, чтобы спасти меня.

Он смотрел на меня с оттенком презрения, и я подумала, почему все мужчины, которые, подобно ему, увлекаются женщинами, - а кое-кто говорит, что увлекаются они даже слишком, - почему у них не найдется капельки любви для своей собственной дочери? Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что на самом деле случилось между мной и Джоселином? Уверена, он был бы в ужасе. Однако, судя по тому, что я слышала, в молодости у него много было подобных историй. Но то, что было естественным для него и тех, кто разделял с ним это удовольствие, было неприменимо к его дочери, что было весьма странно, ибо во всем остальном он отличался логичностью.

Минуло несколько дней, и вскоре я поняла, что у меня будет ребенок! Это мгновенно вывело меня из оцепенения - об этом я не подумала. Моя боль, словно щитом, закрыла меня от всего остального мира, а теперь я столкнулась с настоящей проблемой. Если это действительно так, что мне делать? Матери я ничего говорить не хотела и даже представить себе не могла, какой будет реакция отца на это известие. Будь дома Ли или Эдвин, я могла бы довериться им, но они были далеко, я даже не знала, где.

Внутри меня все кипело. Я не знала, рада ли я или нет тому, что случилось. Меня то переполнял восторг, то вдруг кидало в дрожь от тягостных предчувствий. Ребенок - результат той ночи, что провели мы на окутанном туманом острове! Наша "брачная ночь", как называл ее Джоселин, а наша свадьба должна была состояться сразу по возвращении на берег.

Во мне произошла некая странная перемена. Мной овладела беспечность, что было очень необычно, учитывая сложность проблемы, встающей передо мной.

Было ощущение, будто Джоселин говорит со мной из могилы, в которую уложили его бедное искалеченное тело.

А потом я поняла: этому суждено было случиться!

Я попробовала решить, что делать? Мне нужна была помощь, но не хотелось, чтобы об этом знала мать, а что касается моего отца... При одной мысли об этом у меня по спине пробежала дрожь! С Кристабель посоветоваться я не могла: с тех пор, как мы вернулись, я избегала ее. Я продолжала ломать себе голову, почему она не сказала мне, что ехать на остров опасно, и так и не сумела убедить себя, что она просто забыла. В случившейся трагедии она сыграла немалую роль, а я сомневалась во всех, даже в самой себе.

Конечно, существовала еще Харриет! Я написала ей, тщательно избегая упоминания о беременности, но женщина ее склада без труда могла обо всем догадаться. Я должна увидеться с ней, писала я в письме, поговорить с ней, ибо не могла больше посоветоваться ни с кем. Может, она пригласит меня к себе?

Ее ответ доставили через пару дней. Мать зашла ко мне в комнату, держа в руке письмо.

- Это от Харриет, - сказала она. - Она хочет, чтобы ты навестила ее! Она считает, что это пойдет тебе на пользу. Ты поедешь?

- О да! - с жаром ответила я. - Мне бы очень хотелось на некоторое время уехать отсюда!

Она с грустью взглянула на меня, а я сердито продолжала:

- Думаю, отец лишь порадуется тому, что я исчезну с глаз долой!

- О, Присцилла, тебе не следует так говорить! Ты перевозбуждена, дорогая!

- Но мне очень хотелось бы уехать! - твердо произнесла я.

Я видела, какую боль причиняю ей, и мне было ее жаль. Она обняла меня, но я осталась неподвижной, ничем не выдавая свои чувства. Она вздохнула и сказала:

- Кристабель поедет с тобой.

Я не возражала, хотя предпочла бы поехать одна.

В Эйот Аббасе Харриет тепло приветствовала меня.

- Я думала, что ты больше не захочешь возвращаться сюда, - сказала она. Я опасалась, что тебя будут одолевать воспоминания!

- Я должна была приехать, - ответила я. - И я хочу вспомнить..., вспомнить каждую минуту!

Харриет обнялась с Кристабель, но не думаю, что та вызывала в ней особую приязнь, хотя Харриет была прекрасной актрисой, поэтому утверждать здесь что-либо было нельзя.

Я знала, что долго ждать не придется, вскоре мы останемся одни, и Харриет не обманула моих ожиданий. Спустя минут пять, как я вошла в свою комнату, туда же вошла Харриет. Кристабель она дала комнату этажом выше, что, без сомнения, было сделано с умыслом: Харриет создала нам возможность поговорить без помех.

Она тихонько вошла, в глазах ее играли задумчивые искорки.

- Ну, рассказывай, милая моя, расскажи мне все!

- У меня будет ребенок! - сказала я без предисловий.

- Я так и думала! Так, Присцилла, теперь нам надо обдумать наши действия! Есть люди, которые могли бы помочь!

- Ты имеешь в виду - избавиться от ребенка? Но я не хочу, Харриет!

- Я так и представляла себе твой ответ! Ну, и что ты намереваешься делать? Что скажут твои родители?

- Они будут в ужасе! А отец будет презирать меня!

- Да, это уж точно! Послужив причиной многих неприятностей подобного рода, сам он будет возмущен до глубины души, когда узнает, что дочь его пошла по его же стопам! Так всегда с мужчинами! Но что это мы о нем? У нас есть свои проблемы! - Это было очень характерно для Харриет - говорить сразу о "нас", и в этом было ее очарование. По крайней мере, она не была шокирована и собиралась прийти мне на помощь. Я почувствовала, что на моих глазах проступили слезы, а она, увидев их, нежно погладила меня по руке и сказала:

- Ты твердо решила сохранить ребенка? А ты подумала, что это будет значить? Видишь ли, теперь это дело со смертью Джоселина не заканчивается, он навсегда останется с тобой в вашем ребенке! А у тебя есть еще собственная жизнь: она только началась! Ты должна спросить себя, действительно ли ты хочешь того, чтобы этот ребенок остался с тобой на всю оставшуюся жизнь? От него можно еще избавиться: я знаю, как это можно сделать, но медлить с этим нельзя! Даже сейчас это может оказаться опасным! Но если ты решишь...

- Я не могу, я хочу ребенка! Это уже повлияло на меня: я больше не чувствую себя так, будто умерла вместе с Джоселином!

- А кто-нибудь еще знает об этом? Кристабель, например?

- Нет, никто!

- Так, значит, сейчас эта тайна известна лишь нам, тебе и мне? Я кивнула.

- Ты могла бы пойти к своей матери и все рассказать ей? Она бы посоветовалась с отцом, и они бы решили либо отослать тебя куда-нибудь, где втайне ты родила б ребенка, после чего либо усыновили бы его, либо выдали тебя замуж за какого-нибудь молодого человека, согласившегося бы на такие условия, и притворились бы, что роды были преждевременными. Конечно, никто этому не поверит, но приличия будут соблюдены! Устраивает тебя какой-нибудь из вариантов?

- Я бы не согласилась бы ни на то ни на другое! Она улыбнулась мне:

- Ты очень решительная девушка, Присцилла! Я понимаю твои чувства! Когда у меня появился Ли, я такого не испытывала. Видишь ли, таким, как я, живется легче: я плюю на приличия, и все думают, что я испорченная женщина. Но я много думала о тебе: я никогда не забуду твоего милого, искаженного болью личика, когда ты слышала о смерти Джоселина. Я знала о том, что случилось на острове: по лицу молоденькой девушки легко определить, когда у нее появляется возлюбленный! Я увидела это в твоих глазах и порадовалась за тебя: он был очаровательным мальчиком, а юная любовь так прекрасна! Ты вкусила жизни, ощутила ее сладость, а потом и горечь, но это жизнь, моя дорогая!

- Ты собираешься помочь мне, Харриет?

- Ну конечно, я помогу тебе! Я всегда любила тебя, и мне очень нравится твоя мать. Я очень плохо поступила, когда сбежала с любовником, бросив маленького Ли - моего собственного ребенка - на нее! Но тогда у меня не было другого выхода: ее родители считали меня обыкновенной авантюристкой, то же думали обо мне и Эверсли! Тогда они еще не знали, что Ли принадлежит роду Эверсли! О, все так запутано, но, может, когда ты прочтешь об этом, ты поймешь, и тогда тебе может многое не понравиться: я покажусь в весьма дурном свете.

- Я всегда буду любить тебя, какой бы тебя ни выставляли!

- Храни тебя Господь, милое дитя, но давай станем серьезными и мудрыми! Это нам сейчас совсем не повредит, ибо проблема не из легких.

- Харриет, что делать?

- Когда я получила твое письмо, меня посетила одна идея. Как я уже говорила, я сразу догадалась, перед какой проблемой ты стоишь. Ты готова обмануть свою мать?

- Я не понимаю, Харриет!

- Если узнает мать, значит, все станет известно и отцу, а мне кажется, этого тебе как раз не хотелось бы?

- Я боюсь этого больше всего на свете!

- Но ты очень близка ему, Присцилла!

- Я?! Близка ему?! Да ему наплевать на меня!

- Наверное, поэтому ты так волнуешься из-за него: ты хочешь, чтобы он любил тебя, тебе всегда этого хотелось! Ты восхищаешься им, это тот тип мужчины, которым восхищаются все женщины: сильный, безжалостный, мужественный..., настоящий мужчина, если ты понимаешь, что я имею в виду! Могу уверить тебя, с моим тихим и любящим Грегори жить гораздо легче! Я на себе испытала влияние твоего отца на женщин - он их

притягивает, он мне не безразличен. О, пойми меня правильно, я не строю в отношении его никаких планов! Да, я хотела бы побороть его, переиграть! Мне нравится, что его дочь за помощью обращается ко мне и что я всегда в курсе того, что происходит, тогда как он остается в полном неведении!

- Я понимаю тебя и думаю, ты разбираешься в наших с ним отношениях куда лучше, чем кто-либо, даже лучше меня самой! Я бы не смогла вынести того, что он узнает о происшедшем со мной: он такой человек, который просто пожмет плечами, узнав, что у меня был любовник, но взъярится, когда прослышит, что у меня от него ребенок! Мне очень не хотелось бы, чтобы он знал!

- Тогда мой план может подойти тебе, но он может и не сработать, потому что слегка безумен! Это - интрига, а ее надо планировать и осуществлять очень осторожно! Особенно люблю проводить интригу в действие! Да, если все пойдет, как надо, следующий год обещает быть очень и очень интересным!

- Ты заставляешь сгорать меня от любопытства!

- Все очень просто: матерью ребенка стану я, а не ты!

- Но разве это возможно?!

- Пока не уверена, надо будет еще подумать. Грегори, конечно, будет в курсе всего, иначе ничего не получится, ведь отцом-то будет он!

- Харриет, что ты говоришь?!

- Не будь одной из тех, которые видят угрозу во всем, даже не обдумав, есть ли возможность успеха или нет? Тебе надо будет много времени проводить со мной! А почему бы и нет? Я скажу всем, что тебе надо сменить обстановку, ты не совсем хорошо себя чувствуешь, ты угасаешь с каждым днем. И я увезу тебя с собой на несколько месяцев: мы отправимся во Францию или Италию... В общем, ты и я отправляемся в путешествие! Это то, что нам нужно! А когда мы уедем, я напишу твоей матери и расскажу ей, что Грегори и я пребываем на вершине счастья, потому что у нас будет ребенок! У меня, которая уже полностью уверилась в том, что дети мне давно заказаны. Ты же будешь моей спутницей во время всех этих месяцев ожидания. В положенное время мой ребенок родится, и мы вернемся в Англию!

- Харриет! Какая прекрасная идея!

- Все должно получиться, если мы хорошо разыграем свои карты, что мы и сделаем, можешь не бояться! Я сыграла столько ролей, сыграю и эту, но тебе тоже надо будет постараться!

- А когда мы вернемся в Англию, что будет?

- Ребенок будет жить в Эйот Аббасе, а ты будешь навещать его как своего собственного, а я буду смеяться и говорить всем, что, кажется, крошка Грегори или Харриет - кто бы там ни был - дал тебе новую цель в жизни! Ты будешь приезжать в гости и гостить у меня, и никто ничего не узнает, пока ты сама этого не захочешь!

Я подбежала к ней и обняла ее.

- О, Харриет, ты всегда придумываешь самые невероятные планы!

- Но все они срабатывают - срабатывает и этот. Сейчас, думаю, самая сложная часть. Тебе придется вернуться в Эверсли, а затем мы начнем действовать. Я не хочу, чтобы ты там задерживалась надолго: у вас все слуги - шпионы, а о твоём состоянии не должен знать никто. Никто, запомни! Так должно быть и дальше: никому не говори!

- Я подумала о Кристabelle. Если я поеду с тобой...

- Кристabelle ехать нельзя: чем меньше людей знают тайну, тем она надежнее!

- Но она боится, что ее отошлют назад!

- И надо будет подумать насчет нее: я не вполне доверяю ей! То, как она появилась в вашем доме, выглядит весьма загадочно, и, кроме того, с ней обращаются не как с гувернанткой, верно ведь? Пока ей ни слова! Это - секрет, твой и мой! Я начну разрабатывать план действий, а пока что ты должна быть очень осторожна. Слуги не должны догадаться, особенно эта ваша семейка: безумец Джаспер, его глупая жена да добродетельная дочка... Всегда будь настороже и ничего не доверяй бумаге! В нужный момент я попрошу тебя приехать навестить меня, а предлог я найду!

Ее глаза заблестели от предвкушения.

- Я чувствую себя гораздо лучше! - сказала я. - Как прекрасно знать, что ты всегда рядом!

- Мы сделаем это! Я так волнуюсь, я уже чувствую себя беременной! О, с каким нетерпением я жду этого ребенка! И, милая Присцилла, помни: ты не одна!

Меня тоже охватило волнение. Это было самое лучшее из того, что мне довелось пережить с той поры, как погиб Джоселин.

Пока я гостила у Харриет, мы, не переставая, говорили о наших планах, но вскоре пришла пора ехать домой, и я вернулась в Эверсли.

ИНТРИГИ В ВЕНЕЦИИ

Когда я вернулась, мать сразу заметила перемену, произошедшую во мне, и, думаю, ее задело то, что Харриет смогла каким-то образом успокоить меня, тогда как ей это не удалось. Однако она рада была увидеть, что я очнулась от своего безразличия ко всему окружающему, но, в отличие от Харриет, так ничего и не поняла: она видела во мне лишь девочку.

Несколько дней спустя она пришла ко мне в комнату, держа в руке письмо от Харриет.

- Харриет уезжает, - сказала она. - Друзья предложили ей пожить в своем палаццо в Венеции, и она пробудет там несколько месяцев!

Я опустила глаза. Я знала, что за этим последует.

- Она очень любит тебя, Присцилла, и предлагает взять тебя с собой!

- Взять меня с собой? - Мой энтузиазм прозвучал фальшиво: трудно было притворяться перед матерью.

- Вот, послушай, что она пишет:

"Я, наверное, рассказывала тебе о семье Карпори, с которой познакомилась много лет назад, когда еще играла в театре. Графиня всегда была моей подругой, а теперь она предложила мне погостить в их палаццо в Венеции. Я уже навещала их однажды - очень милое место! Им хотелось бы, чтобы я пожила немного в их доме, пока они отсутствуют.

Грегори считает, что это хорошая мысль. Какую-то часть этого времени он проведет вместе со мной. Там будет тихая размеренная жизнь, я так мечтаю об этом. А сейчас мне хотелось бы, попросить тебя об одной услуге. Не могла бы ты отпустить со мной нашу дорогую Присциллу? Может, это не очень разумно с моей стороны - просить тебя об этом, но я, действительно, думаю, что смена обстановки - это то, что ей сейчас крайне необходимо! Недавно она перенесла большое потрясение, и я очень волновалась за нее. Боюсь, несчастье тяжело сказалось на ней. Может, эта поездка будет как раз тем, что ей требуется? Не могла бы ты предложить ей это? Конечно, возможно, что мое предложение не понравится ей, и тогда, пожалуйста, не заставляй ее: мне хотелось бы, чтобы она сама все

решила..."

Она прервалась и взглянула на меня. Запинаясь на каждом слове, я выдавила:

- Венеция? Палаццо?

Мать нахмурилась. Я знала, она желает мне только добра и сейчас, должно быть, гадает, права ли Харриет и поможет ли мне путешествие оправиться от того удара, который, как она догадывалась, тяжело отразился на мне.

- И.., надолго? - спросила я. Мать снова глянула в письмо.

- Здесь ничего не говорится, но, думаю, не меньше, чем на несколько месяцев. Сомневаюсь, чтобы она решилась поехать в такую даль на пару недель. И она пишет, что потом Грегори вернется в Англию, и она на некоторое время останется там одна. Ну, как ты думаешь, Присцилла?

Я помолчала: я не должна была показывать свое желание. Потом медленно я произнесла:

- Я.., не знаю. Это так...

- Неожиданно, - закончила за меня мать. - А чего еще можно было ожидать от Харриет? Снова помолчав, я сказала:

- Наверное, мне следовало бы уехать куда-нибудь...

Она кивнула.

- И ты так же увлечена Харриет, как и она тобой? Если она вообще может любить кого-нибудь, кроме себя!

Я вынуждена была встать на защиту Харриет.

- Она всегда по-доброму относилась ко мне.

- У нее особый дар! Но ты действительно хочешь поехать?

- Да, я была бы не против. Мне хочется увидеть Венецию, говорят, там очень красиво. Мама, а Кристабель?

Она слегка нахмурилась:

- Хотя ты и уезжаешь, тебе надо продолжать свои уроки!

- Мне бы хотелось поехать одной, - сказала я.

- Посмотрим, что скажет отец, - ответила она. Я почувствовала горечь во рту.

- О, ему все равно, что я буду делать! Клянусь, он будет рад избавиться от меня!

Мать заметила, что я начинаю сердиться, поэтому лишь покачала головой, поцеловала меня и ушла.

Отец согласился с тем, что мне следует поехать в Венецию с Харриет, но с одним условием: Кристабель поедет со мной, на что я с тоской заметила, что, кажется, его больше заботит благополучие Кристабель, нежели мое.

Я не стала спорить, лишь подумала, как мне повезло, что у меня есть Харриет, и порой меня даже бросало в холодный пот, когда я думала о том, что бы я делала, не окажись ее с этим совершенно невероятным планом. Но это была Харриет, и поэтому все не казалось таким уж невозможным, хотя ни у кого другого ничего подобного бы в жизни не вышло.

Наступил конец февраля. Мне постоянно приходили письма от Харриет с так называемыми "планами". Я была уверена, ей нравилось писать эти послания, полные всяческих намеков, которые были понятны только мне одной. В интригах заключался смысл ее жизни.

Из Эверсли мы уезжали в конце марта. "Очень удобное время, - писала она, имея в виду то, что существование моего ребенка, зачатого в середине января, до этого времени можно

будет сохранить в тайне без особого труда. - Будет весна - время, когда начинают цвести деревья и травы. Там мы пробудем все лето, которое, не сомневаюсь, будет очень приятным для нас, под лучами солнца, более гостеприимного, нежели наше английское".

- Кажется, - сказала мать, - ты действительно с нетерпением ждешь этой поездки?

- Говорят, Венеция - это прелестный город, и я бы хотела побывать там.

Она осталась довольна. Я знала, она думает, что я начала забывать этот, как она его называла, "неудачный эпизод" своей жизни. Кристабель, в свою очередь, тоже была взволнована предстоящим путешествием. Казалось, она напрочь позабыла - но я-то прекрасно помнила, - что ей тоже надо было как-то справляться со своим собственным "неудачным эпизодом".

Я беспокоилась, что рано или поздно ее придется посвятить в нашу тайну. Пока я ей ничего не сказала, я хотела еще немного подождать и посоветоваться с Харриет.

Пришли очередные известия из королевского дворца. Титус Оутс утрачивал свое влияние. Он совершил большую ошибку, заговорив о герцоге Йорке в пренебрежительном тоне, намекая, что следующей жертвой станет именно он.

- Он круглый дурак, - сказал отец, - если думает, что король отдаст ему на растерзание собственного брата! Оутсу следовало бы понять, что он ступает на весьма опасный путь, еще тогда, когда он попытался очернить королеву. Король недвусмысленно намекнул ему на это, мне кажется, что этот человек действует более чем безрассудно и скоро за это поплатится!

Я желала этого всем сердцем, но при этом чувствовала горькую обиду, что это слишком поздно, и моего счастья уже не вернуть. Однако я находила успокоение в том, что этот злобный человек, послуживший причиной горя многих семей, уже сейчас видит конец той власти, которую так неосторожно отдали ему в руки. Казалось невероятным, что парламент мог назначить герцога Монмута отвечать за его безопасность, лорду Чемберлену доверить вопросы его размещения, а государственному казначею - следить за тем, чтобы ему всегда доставлялось все необходимое. Я слышала, что при нем постоянно находятся трое слуг, и два-три джентльмена в знак преданности неустанно дежурят при нем и борются за честь держать ему таз во время мытья.

Но как это обычно случается с такими людьми, он зашел слишком далеко, и против него стали выступать. Отец привез домой памфлет, написанный сэром Робертом Эстренжем, и возмущался тем, как долго еще наша страна собирается позволять Титусу Оутсу пить слезы вдов и сирот.

- Этот человек нажил себе множество врагов! - сказал отец. - Нужен только предлог, чтобы все восстали против него!

Как бы мне хотелось, чтобы это восстание все-таки произошло и этого человека, наплодившего столько горя, призвали за его грехи к ответу. Но Джоселина это бы не вернуло!

В конце марта мы были готовы ехать к Харриет. Было решено, что перед тем, как отправиться в Италию, несколько недель я погощу у нее.

Я попрощалась с матерью, которая была очень опечалена тем, что я уезжаю. Она поняла, что я только рада предложению уехать, а отсюда следовало, что с Харриет мне было лучше, чем с ней. Я чуть было не сорвалась и не рассказала ей истинную причину всего, но вовремя прикусила язык.

День нашего отъезда выдался чудесным. Утро сверкало всеми цветами радуги, хоть и было холодно. В воздухе чувствовалась весна, и в душе я ликовала. Я чувствовала, что внутри

меня зреет новая жизнь, и хотя то, что ждало меня впереди, и было сопряжено с многочисленными трудностями, я ни капли не сожалела о том, что произошло. Лишь мой ребенок мог возместить мне все, чего я лишилась, и я с нетерпением ожидала его рождения.

Я взглянула на Кристабель, которая ехала рядом со мной: на лице ее светилась радость. Такой я ее не видела с тех самых пор, как она поняла, что Эдвин не собирается идти против воли родителей и предлагать ей руку и сердце. Похоже, и она потихоньку расставалась со своей печалью.

Харриет встретила нас бурными приветствиями, которыми она, впрочем, встречала всех гостей, но которые всегда были искренними. Она взяла меня за руку и многозначительно пожала ее: мы были заговорщицами.

Вскоре мы очутились в своих комнатах - в тех же, что занимали в прошлый наш приезд, и спустя пять минут в мою комнату вбежала Харриет. Глаза ее возбужденно поблескивали.

- Дай-ка мне полюбоваться на тебя! Ничегошеньки, совсем ничего не видно! Она склонила голову набок. - За исключением, может, безмятежного вида, который, как говорят, приобретают все матери, ждущие ребенка. Мое милое дитя, у меня такие планы! Все уже готово. Грегори разыграет свою роль, как сможет: он не самый лучший актер, но я буду всегда рядом, если он вдруг забудет что-нибудь. Твоя же часть задания будет самой сложной..., ну, не считая моей, но я то уже перепробовала всякие роли!

- Но это будет необходимо лишь до тех пор, пока мы не приедем в Венецию?

- Нет, этот обман должен длиться от начала и до самого конца! Это действительно игра, маскарад! Никогда нельзя быть уверенной в том, что может произойти, жизнь полна неожиданностей! Допустим, ты переходишь Гранд-канал по мосту Риальто и вдруг натыкаешься на кого-то, кого знала дома:

"Моя дорогая Присцилла, здравствуй! Как хорошо ты выглядишь. Могу поклясться, что ты очень поправилась!"

Я не выдержала и рассмеялась: Харриет разыграла роль назойливой и злобной сплетницы.

- "Дома всем будет так интересно услышать о том, как мы встретились и как ты выглядишь! - продолжала она. - Поняла, что я имею в виду? Нет, мы все сыграем, как следует, а это означает, что прежде всего здесь нужна осторожность.

- Ты думаешь, что нам удастся скрыть мое состояние от всех до самого конца?

Она кивнула.

- Я разработала несколько очень интересных нарядов. В Венеции они будут последней модой, потому что я буду носить их! И все будут считать, что они сшиты специально для того, чтобы скрывать мою беременность, о которой я буду говорить на каждом углу!

- Харриет, ты чудо!

- Моя крошка, это будет моя самая удачная роль! Жаль только, никто не поймет, как замечательно я сыграю ее! Ирония судьбы, дитя мое!

- Не знаю, что бы я без тебя делала! Я думала об этом, пока ехала сюда! О, Харриет, что бы я делала без тебя?

- Ну, всегда есть какой-то выход из положения, но я рада, что рядом и могу помочь тебе! Вообще, во мне хорошего довольно мало. Ты мне нравишься и всегда нравилась, и я задолжала твоей матери за то, что она присматривала за Ли! Кое-что я задолжала и твоему отцу за его презрительное отношение ко мне и его отказ быть мне другом, поэтому мне доставляет огромное удовольствие, что его дочери я ближе, чем он сам! У меня много

причин - некоторые из них, как это часто бывает, слегка недостойны, но, я думаю, что все-таки главной из них является моя любовь к тебе! У меня никогда не было дочери, а мне следовало бы иметь ее. Дочь для меня значила бы то же, что сын - для отца, что Карл - для твоего отца, например. Видишь ли, мне хотелось бы, чтобы она была похожей на меня, как говорится, сделанной по моему образу и подобию. Это тщеславие присуще всем женщинам и почти превосходит тщеславие мужчин. Но вернемся к делу, ведь есть еще Кристабель!

- Отец настоял на том, чтобы она поехала со мной: я должна продолжать свои занятия! Она кивнула.

- У него свой интерес к Кристабель... - Ее рот скривился в презрительной улыбке. - Ну что ж, она здесь, с нами: либо она едет, либо нет - надо решать! Она догадывается о чем-нибудь?

- Если и догадывается, то этого не показывает. Харриет немного помолчала, после чего задумчиво произнесла:

- Проблема! Я не доверяю ей.

- А я понимаю ее: у нее было несчастливое детство, а потом она надеялась, что Эдвин женится на ней. Это ожесточило ее!

- Меня раздражают люди, которых смогла озлобить жизнь! Если им не нравится положение, которое они занимают, почему бы им не попробовать изменить его?

- Не все обладают твоей изобретательностью, Харриет, не говоря уже о твоей красоте и очаровании!

- Ты умеешь польстить. Конечно же, ты права, и нам не следует слишком жестоко обходиться с Кристабель, которая, к сожалению, не обладает "моим умом, красотой и очарованием!"

- А это означает, что ей придется все рассказать! Харриет пожала плечами.

- Подождем, пока не приедем в Венецию, и постараемся потянуть время как можно дольше - скажем ей в самый последний момент!

Предстояло долгое путешествие, но нас ждали новые страны, поэтому мы об усталости не думали. Мы пересекли Ла-Манш и, проехав через всю Францию, прибыли в город Базель. У Харриет во Франции было множество друзей, ибо перед тем, как присоединиться к моей матери в замке Конгрив, она долго ездила по стране, и большинство ее друзей были актерами. Некоторые из них теперь разбогатели, и мы часто останавливались в больших замках. Порой мы гостили там дня по два. Грегори сопровождал нас и был добр и внимателен, что очень помогало, так как иногда путешествие начинало утомлять и раздражать нас. С нами ехали двое слуг, поэтому защитой в случае чего мы были обеспечены.

Перед отъездом из Англии Харриет написала моей матери письмо, в котором сообщала, что, похоже, в скором времени у нее будет ребенок. Перед тем, как отослать, она дала мне прочитать его.

- "Конечно, моя дорогая Арабелла, ты, понимаешь, я совсем в этом не уверена, но материнские чувства во мне сейчас поистине бушуют. Грегори, мой милый дурачок, тоже вне себя от счастья. Будь я хоть чуточку поумнее, я, скорей всего, отменила бы это путешествие, но, ты же меня знаешь, я всегда была взбалмошной особой".

- Вот так, - сказала она, запечатывая письмо. - Первый шаг сделан.

В замке неподалеку от Базеля я посвятила в нашу тайну Кристабель. Мне пришлось это

сделать: я стояла возле трюмо, как вдруг потеряла сознание.

Через пару минут все прошло. Кристабель помогла мне добраться до кровати и с беспокойством наблюдала за мной, пока я лежала без сознания. А когда я открыла глаза, то поняла, что она обо всем догадалась.

- Ты поняла? - спросила я.

- Последние две недели я все думала, права ли я или все-таки ошибаюсь?

- Ты догадывалась?!

- Ну, та ночь, когда вы остались на острове... - Она пожала плечами. Были признаки...

Но, Присцилла, тебе ни в коем случае не следовало ехать сюда!

- Вот именно, из-за моего положения я здесь и нахожусь!

- Ты имеешь в виду, что Харриет...

- Да, эта мысль принадлежит Харриет! Она первая узнала об этом: я обратилась к ней, потому что не знала, что делать.

- Я могла бы помочь!

- Каким образом?

- Ну, я что-нибудь бы придумала...

- Весь этот план - дело рук Харриет, и у нее есть деньги, чтобы привести его в исполнение. Она сказала моей матери, что это она беременна, и, когда ребенок родится, она возьмет его себе и будет заботиться о нем, а я постараюсь почаще приезжать к ней. Это была прекрасная идея!

- О, моя бедная Присцилла!

- Не жалея меня! Я любила Джоселина, на самом деле любила его! Мы должны были пожениться, это было бы так замечательно! Но то, что случилось...

- Мне было так жаль тебя, Присцилла! Я понимала, что ты тогда ощущала. Видишь ли...

- Да, я знаю: ты и Эдвин.

- По крайней мере, - напомнила она мне с гримаской, - Джоселин не бросил тебя! Мне показалось, что ты не хотела, чтобы я ехала с тобой...

- Просто мне не хотелось, чтобы в этом деле участвовало больше людей, чем необходимо.

- Но ты же знала: я хочу быть рядом с тобой!

- Спасибо тебе, Кристабель.

Она выглядела почти счастливой, будто ее обрадовало то, что произошло. Может быть, она тоже чувствовала, что ей надо уехать из Эверсли?

В палаццо Карпори мы прибыли в середине мая. Я и раньше слышала, что Венецию величают "жемчужиной" и "королевой Адриатики", но совсем не ожидала встретить здесь подобную красоту и очарование. Переночевали мы в Падуе, а в Венецию въехали днем, и вот она раскинулась пред нашими взорами во всем своем великолепии... Это островки-лагуны, соединенные каменными мостами, в то время как бесчисленные ярко раскрашенные гондолы с гондольерами плавно скользят по водам каналов или поджидают пассажиров, причалив к берегу-мостовой. Город будто сошел с картинки книги сказок: повсюду - золотые огни; солнце, казалось, рассыпало по воде горсти бриллиантов, а дома и дворцы походят на зачарованные замки.

Харриет отреагировала на наши восторги самодовольной улыбкой. Она пребывала в прекрасном расположении духа, и отчасти причина крылась в так называемом "плане",

который выглядел настолько невероятным, что Харриет была абсолютно уверена, что никто, кроме нее, ни за что не взялся бы за его выполнение. Она твердо намеревалась довести все до успешного конца.

Грегори, Харриет, Кристабель и я сели в гондолу и направились к палаццо. Все остальные последовали за нами в карете с багажом.

Наш гондольер немного говорил по-английски, но в его устах этот язык приобретал необычный музыкальный оттенок, и он явно хотел испытать на нас его действие. Он, не отрываясь, смотрел на Харриет, и в глазах его сияло неприкрытое восхищение, что было ей по душе, хотя, один лишь Бог знает, сколько подобных восхищенных взглядов видела она за свою жизнь! Обращался он только к "белла синьора" и, пока наша гондола стрелой летела под мостами, всячески выказывал свою радость нашему приезду.

Венеция была самым прекрасным городом в мире!

- Смотрите, белла синьора, вот Риальто. Карпори скоро. Очень красивый палаццо! Графиня - очень красивая леди! Она пользоваться моей гондолой..., иногда. Очень добра!

Конечно же, этим намекал он на то, что рассчитывает на подобную доброту и с нашей стороны, и я была уверена, свое он получит! Харриет никогда не скупилась на тех, кто служил ей.

- Карпори близко площадь Святого Марка! Предоставьте мне, я покажу.

Гондола причалила, и мы оказались прямо перед палаццо. В солнечных лучах дворец казался большим праздничным тортом. Он блестел и переливался всеми цветами радуги, и я чувствовала себя так, будто ступила из реальности в волшебный мир.

Граф, который вместе со своей женой являлся владельцем этого прекрасного дворца, вероятно, был человеком большого достатка. По углам здания были небольшие башенки, а в центре, сквозь ряды арок, проглядывала длинная открытая галерея. Стены ее были выложены мрамором нежно-розового оттенка. За галереей виднелся большой зал с изысканными фресками на стенах и потолке. Полы были вымощены голубым мрамором.

У Кристабель дух захватило от изумления, и я ее понимала: такого и я себе представить не могла.

На следующий этаж вела широкая лестница, и из окон выстраивалась бесконечная аркада, огибающая все здание.

При входе мы были встречены слугами, во главе их стоял мажордом. Джузеппе - так звали мажордома - был важным мужчиной с блестящими черными глазами и учтивыми манерами. Он хлопнул в ладоши, и слуги умчались исполнять его приказы, в то время как сам он засуетился вокруг нас.

Комнаты для нас были уже готовы. В моей располагались очаровательная кровать с шелковыми занавесями и другая прекрасная мебель. На противоположном конце комнаты находилась дверь, ведущая на галерею, куда я сразу же вышла полюбоваться видом на канал.

Вскоре ко мне присоединилась Харриет, в ее глазах плясали возбужденные искорки. Она зашла взглянуть, произвела ли на меня впечатление ее ловкость, с которой она подыскала нам такие апартаменты.

- Все так роскошно! - воскликнула я.

- А чего же ты ожидала? Ты думала, что я привезу тебя в лачугу?

- У тебя хорошие друзья!

- О да! Однажды я оказала графине большую услугу. Тогда она была веселой девушкой, правда, немножко полноватой - судьба многих из нас, даже я вынуждена следить, чтобы не располнеть! - а ей нравилась хорошая еда, моей милой подруге. Ее звали Мари Гиссар, а родом она была из Франции. Она была не то чтобы красива.., но обладала каким-то очарованием. Мужчинам Мари нравилась, и сама она была к ним неравнодушна. У нее было множество любовников, и она порхала, как бабочка. Но у "бабочки" мигом проявился незаурядный ум, когда рядом с ней появился граф Карпори! Он был настроен серьезно, ему нужна была жена, а в Мари тогда был влюблен Андре - забыла его фамилию, - и Андре твердо решил, что Мари будет принадлежать ему одному! Понимаешь, но тогда она теряла своего графа! Андре готов был убить, кого угодно, включая себя и ее, от него ждали больших неприятностей! Но, точно все рассчитав, я "перехватила" Андре! В результате Мари смогла распрощаться со старой жизнью и выйти замуж за графа. Она стала графиней, теперь у нее двое сыновей, но она никогда не забудет, что для нее сделала ее милая подруга Харриет! Поэтому, когда я сказала ей, что мне на какое-то время надо уехать из страны, сразу в мое распоряжение было предоставлено это палаццо. "Живи здесь, сколько хочешь", - написала мне Мари. У них палаццо по всей Италии: самое любимое находится во Флоренции, где-то есть еще одно, не говоря уже о замках в других странах! Это было ее благодарностью за то, что я помогла ей когда-то, а Мари никогда не забывает своих друзей.

- О, Харриет, у тебя была такая интересная жизнь!

- Очень может быть, милое дитя, что и твоя жизнь будет не менее богата на всяческие приключения! Вообще-то, начинаешь ты неплохо, а?

Я невольно рассмеялась вместе с ней, и, хотя мой смех и прозвучал немного грустно, это было все же лучше, чем плакать. Во мне все так перемешалось, что я была совсем не уверена в том, что на самом деле я сейчас чувствую.

Первые недели в Венеции были похожи на сон. Я думаю, Кристабель ощущала то же самое. Мы никогда не видели ничего подобного этому городу, где основным средством передвижения служила лодка. Мы довольно быстро привыкли пользоваться гондолами, тем более что в палаццо были свои собственные лодки и гондольеры, в любое время суток они были готовы доставить нас, куда бы мы ни захотели.

Временами я почти забывала, почему я здесь, так очаровывала меня красота этого места. Но что поразило меня больше всего, так это повсеместное использование мрамора и порфира, благодаря которым город слыл одним из самых красивых в мире. Я узнала, что все эти материалы были специально привезены из многих стран: зеленый порфир - с горы Тайгет, красный и серый - из Египта, алебастр - из Арабии, белый мрамор - из Греции, а красный - из Вероны. Был даже голубой мрамор, мрамор цвета янтаря и множество других сортов с пурпурными вкраплениями.

О, как я наслаждалась этими неделями! Я часами стояла на мосту Риальто и глядела на воды Гранд-канала. Я гуляла по площади Святого Марка, ее красочная мозаика очаровала меня. Я постоянно задерживалась у дворца дожа, забывая обо всем при виде его великолепия, смотрела на самый печальный мост на свете мост Вздохов и размышляла о тех пленниках, что выходят из дворца дожа и на пути через мост к своей тюрьме бросают прощальный взгляд на этот прекрасный город.

Вокруг располагалось множество маленьких лавочек, чем-то напомилавших мне пещеру Алладина. Там я находила прелестные вещицы из стекла и эмали, там продавались кольца и броши из драгоценных и полудрагоценных камней, там были ленты и кружева завораживающих цветов. Торговали там тканями и туфлями, искусно вышитыми различными узорами. На какое-то время Кристабель и я полностью забыли о своих несчастьях.

Все случилось прекрасным солнечным днем, когда наш гондольер отвез нас на площадь Святого Марка, где я и Кристабель решили осмотреть местные лавки. Я покупала себе туфли, и продавец разложил предо мною на прилавке несколько пар. Я никак не могла выбрать: то ли брать туфли из черного шелка, вышитые цветами лиловых оттенков, то ли остановиться на темно-коричневых с голубыми цветами. Внезапно я подняла глаза и увидела какого-то мужчину, пристально наблюдающего за каждым моим движением. Я не могла даже сказать, почему, но мною овладело предчувствие чего-то зловещего.

Он был чуть выше среднего роста и исключительно красив. Одетый в панталоны, украшенные кружевами и голубыми лентами, он выглядел очень элегантно. Его камзол был слегка расстегнут - вероятно, чтобы выставить на обозрение белую блузу с манжетами и изысканный шарф. Пуговицы блестели драгоценными камнями, а на шляпе, надетой поверх темного парика, победно раскачивалось голубое перо.

Вспыхнув, я быстро перевела взгляд обратно на туфли, поспешно отложила в сторону черную с лиловым парю, но, пока рассчитывалась, все время ощущала на себе внимательный взгляд мужчины.

При выходе мы столкнулись с ним лицом к лицу. Он услужливо отступил в сторону, пропуская нас, и низко поклонился. Проход был очень узким, и мне пришлось пройти совсем близко, поэтому я хорошо разглядела его лицо. Взгляд его был устремлен прямо на меня, и в нем сквозило что-то вроде восхищения, но в то же время выражение его лица было наглым, бесцеремонным, что вряд ли можно было считать комплиментом. В глубине его глаз пряталось наглое высокомерие.

Выбравшись, наконец, на улицу, я с облегчением вздохнула и обратилась к Кристабель:

- Я бы хотела вернуться в палаццо.

- Так быстро? - спросила она. - Я думала, ты хотела сделать еще несколько покупок.

- Я устала, лучше поеду обратно домой. Мы сели в гондолу. Пока мы плыли по каналу, я снова заметила человека, который заходил в лавку. Он стоял и глядел нам вслед.

Возможно, через несколько дней я бы про него забыла, ибо в этом городе часто встречались наглые молодые люди, всегда готовые строить глазки привлекательным девушкам. Как многие утверждали, Венеция - это город интриг и приключений, и мне самой иногда казалось, что над его каналами и проулочками реет какой-то зловещий ореол. Даже в самых тихих деревушках Англии жизнь может быть подчас очень жестокой, но здесь меня не покидало ощущение, что несчастье может разразиться внезапно, когда его никто не ждет.

Стоял ранний вечер, потихоньку сменивший сумерки. Я отдыхала, на этом настояла Харриет. Она сказала, что я не должна забывать о том, что меня ждет впереди. Я уступила ее настояниям и весь день провела в постели, читая, думая о ребенке или грезя о том, что для меня припасла будущая жизнь.

Затем я поднялась и переоделась в длинное свободное платье. Это тоже было частью плана Харриет - ввести в наш гардероб наряды свободного покроя и сделать это задолго до того, когда они действительно понадобятся.

Я причесывалась, как вдруг почувствовала внезапное желание выйти подышать свежим воздухом. Закат в Венеции безумно красив, я никогда не уставала любоваться этим зрелищем. Но стоило мне только выйти на галерею, как я увидела его, мужчину, что стоял у лавки. Он сидел в гондоле, тихо покачивающейся на волнах канала прямо напротив палаццо, и смотрел наверх.

Я почувствовала, как холодный пот выступил у меня на лбу. Все было так, будто это он пожелал, чтобы я вышла и увидела его! Он ничем не показал, что заметил меня, и, разумеется, я этого ждать не стала. Как только я поняла, кто это, я тут же скрылась в комнате. Сердце мое бешено стучало. Он знал, где я живу!

Я снова начала расчесывать волосы. Чего я так боюсь? Этого я не знала, но я действительно была очень напугана.

Харриет была вне себя от волнения. Мы получили приглашение на бал-маскарад в палаццо Фалиеро. Сама герцогиня, буквально влюбившаяся - впрочем, как и все остальные, - в Харриет, просила ее об этом. Она и Грегори непременно должны были присутствовать на балу и привезти с собой двух девушек, которых та опекает. Харриет дала согласие, даже не посоветовавшись с нами.

- Я рассказала герцогине о моем интересном положении. Она была в полном восторге! - сказала нам Харриет. - Она посоветовала мне самую лучшую из повивальных бабок, ту, что помогала ее собственному отпрыску войти в этот мир. Я пока присмотрюсь к этой женщине, так как мне надо еще разработать последнее действие нашей пьесы, которое, конечно же,

будет самым опасным!

- Харриет, - сказала я, - иногда мне кажется, что лучше бы мы поехали куда-нибудь, где поспокойнее. Это бы значительно все упростило!

- Глупости, - ответила она. - Самый лучший способ сохранить тайну - это делать вид, будто ты ничего не скрываешь, и держаться у всех на глазах! Отправься мы в какой-нибудь отдаленный уголок, мы бы мигом привлекли к себе всеобщее внимание! В таких тихих местечках у людей много свободного времени, которое им некуда девать, и они постоянно шпионят друг за другом! Здесь же, моя дорогая, все заняты собственными делами: сегодня герцогиню весьма позабавила моя беременность, однако завтра она уже и забудет о ней, потому что ее больше будет заботить новый любовник. Я слышала, они толпами за ней увиваются. Можешь мне довериться: я знаю, что делаю!

- Я верю тебе! Мне не следовало спрашивать тебя об этом!

Она поцеловала меня.

- А теперь, моя милая, что мы наденем сегодня на бал? Думаю, нам представляется отличная возможность продемонстрировать новую моду: свободные греческие одеяния! Эти итальянцы до сих пор носят стянутые корсеты, но мы вернемся к греческому стилю, который так прекрасно все скрывает! Нам следует очень тщательно подбирать тона, ибо в этом стиле на первом месте ткань! Я буду в темно-синем шелке цвета павлиньего пера: он идет к моим глазам! А ты, моя милая.., тебе я подобрала нежно-розовые оттенки! Да, еще Кристабель. Но, дорогая, она не обладает твоим очарованием, в ней постоянно присутствует эта горечь, от которой она никак не может избавиться. От этого страдает вся ее привлекательность, а она у нее, несомненно, имеется! Для нее - зеленый цвет.., зеленый - цвет зависти!

Сколько было радости и волнующих минут, когда мы перебирали ткани всевозможных оттенков. Специально по нашему заказу были сделаны черные маски из великолепного шелка, и мы с нетерпением стали ожидать бала. Раз или два на улицах я наткнулась на того человека, чье присутствие наполняло меня дурными предчувствиями. Он появлялся, когда мы выходили за покупками, но, так как он, казалось, не обращал на нас никакого внимания, я выкинула его из головы. Еще один раз, правда, я снова заметила, как его гондола покачивается прямо перед палаццо, но вскоре забыла об этом.

За несколько дней до назначенного бала нас ждал большой сюрприз: в Венецию приехал Ли. Когда он прибыл, меня и Кристабель в палаццо не было. Мы делали очередные покупки и, когда вернулись, обнаружили, что Харриет, горя нетерпением, ждет нас.

- Ли здесь! - воскликнула она. - Я отослала его поискать вас, и он поехал на Риальто.

- Мы были на площади Святого Марка!

- Знаю, поэтому и послала его на Риальто. Я хотела сначала поговорить с вами: Ли не должен знать, почему мы здесь находимся!

Я понимала, как будет сложно не проговориться обо всем Ли. Мы с ним всегда были предельно откровенны друг с другом.

- Тебе надо быть осторожной, Присцилла, хотя он ничего и не заподозрит, если все мы будем держать язык за зубами. - Она твердым взглядом окинула Кристабель. - Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще знал о ребенке, кроме нас и Грегори. Чем меньше народа посвящено в эту тайну, тем лучше! Ли можно доверять, но у него горячая голова, и я знаю, как его это расстроит. Он очень привязан к тебе, Присцилла! В общем, я сердцем чувствую, что это надо держать от него в секрете!

Мы клятвенно заверили ее, что будем вести себя очень осторожно, однако на душе у

меня было беспокойно.

Вскоре к нам присоединился Ли. По его словам, он обыскал всю Венецию в поисках нас. Он обнял меня и легонько приподнял, оглядев со всех сторон.

- А ты.., расцвела!

Харриет мягко улыбнулась нам.

За обедом Ли сказал нам, что в Венеции он пробудет только неделю. Он уже потратил часть своего отпуска, заехав в Эверсли, где ему и сказали, что мы в Венеции, а ведь ему предстоит еще обратная дорога. Эдвин страшно завидовал ему. Бедняга Эдвин, он не смог выбраться!

- Ты сможешь побывать на бале-маскараде, - сказала Харриет. - Уверена, герцогиня ужасно расстроится, если ты не придешь с нами: она всегда с радостью приветствует молодых людей!

Ли счел это весьма забавным. Еще он рассказал нам, что этот негодяй Титус Оутс стал скрытным и не показывается на людях и что, возможно, вскоре удача повернется к нему спиной. Он совершил огромную глупость, задев герцога Йорка, который был гораздо более могуществен, нежели бедная королева, которая могла надеяться только на благородство своего супруга.

Особая осторожность потребовалась от меня, когда я осталась с Ли наедине, хотя так чудесно было снова ощутить его присутствие рядом! С ним я всегда чувствовала себя в безопасности и тянулась к нему из-за этого. В прошлом я часто посвящала Ли в свои проблемы, и он был всегда рад помочь мне найти правильное решение. А теперь все должно было держаться от него в тайне!

Мы стояли на галерее и смотрели на лодки, неторопливо проплывающие мимо нас по каналу, когда Ли сказал мне:

- Ты не должна терзать себя из-за Джоселина Фринтона! Я знаю о перстне!

Слова застряли у меня в горле, и дыхание перехватило. Эти простые слова с беспощадной ясностью вернули мне мои воспоминания.

Он похлопал меня по руке, как частенько делал, когда я была еще маленькой девочкой.

- Ему не следовало дарить его тебе, но все уже кончено! Я рад, что ты с Харриет: сейчас она одна может помочь тебе.

- Она столько всего сделала для меня! Не знаю, смогу ли я когда-нибудь расплатиться с ней...

- Моя дорогая Присцилла, друзья меньше всего ожидают друг от друга какой-то благодарности. Харриет хочется, чтобы ты справилась с этим, и ты все переживешь!

- Да, Ли...

- Конечно, - продолжал он, - все было так романтично, а ты еще очень молода!

- Я так не считаю, - скупно произнесла я.

- Но это действительно так! И я рад, что ты поехала с Харриет в Венецию. Да, кстати, она тебе уже рассказала?

- Рассказала что? - неуверенно переспросила я.

- У нее будет ребенок!

- О! - слабо вырвалось у меня.

- Она очень радуется этому, по ее словам, дождаться не может. Должен сказать, я был удивлен: никогда не думал, что у Харриет такая тяга к материнству! Ах, эта Харриет! Все будут потрясены этим известием! Кстати, я ездил навестить Бенджи в его новой школе. Он

говорит, что во время каникул хочет приехать повидаться с вами!

Я почувствовала мрачные опасения. Дело становилось все опаснее и запутывалось больше, чем я рассчитывала.

- Я рад, что ты с ней, - продолжал тем временем Ли. - Ты выглядишь обеспокоенной? С Харриет будет все в порядке: она выживет, где угодно!

- Я рада, что ты поедешь с нами на бал, - произнесла я.

- Веселье в Венеции? Вот тебе не следовало бы туда ехать, ты еще не доросла до балов!

Это был его любимый конек! Он обращался со мной так, будто я была вечным ребенком. Интересно, что бы он сказал, если б узнал правду? И хотя мне очень было не по душе, что нам приходится таиться от него, но глубоко в душе я была счастлива, что Ли ничего не известно!

Наступила карнавальная ночь. Как это было романтично - плыть вниз по каналу к палаццо Фалиеро в наших развевающихся одеяниях и масках! Главный зал палаццо был освещен горящими факелами. Мраморные стены - розовато-лиловые, зеленые и золотые - создавали впечатление, будто ты очутился в сказочном дворце. Канал напротив палаццо был запружен лодками, а в воздухе звучала музыка.

Казалось, вся Венеция собралась здесь, на этом маскараде.

Официального приема гостей не было, ибо подразумевалось, что все будут неузнаваемы под масками, что только добавляло веселья. Ровно в полночь все соберутся в одном зале и снимут маски, и, как сказал Грегори, тогда наверняка окажется, что некоторых сюда и не приглашали.

Ответ со стороны Ли был весьма кратким:

- Присцилла, ты должна держаться рядом со мной! Я действительно считаю, что ты еще слишком молода для подобных вечеров!

- Чепуха! - возразила Харриет. - Здесь ничего особенного нет! И, кроме того, Присцилла уже вышла из детского возраста!

- Ли будет звать меня своей маленькой сестренкой, даже когда мне будет пятьдесят лет!
- ответила я.

Он наклонился и прошептал мне на ухо:

- Тогда я намереваюсь называть тебя как-нибудь иначе!

Мы вышли из лодки и смешались с гостями. Мягкий свет и музыка пьянили. С галереи палаццо в воде были видны отражения горящих факелов, и только тут я ощутила, какой долгий путь я проделала с тех пор, как покинула Эверсли.

Ли был рядом. Мы танцевали... Но вокруг было слишком много людей, и танцевать в такой толпе мог только очень опытный танцор.

- Не знаю, зачем ходят на подобные балы, разве что познакомиться с кем-нибудь? - сказал Ли.

- Может, и тебе следует заняться этим? - предложила я.

- Я буду присматривать за тобой!

- Не стоит из этого делать проблему!

- Мое милое дитя, неужели ты действительно думаешь, что я бы оставил тебя здесь одну?! Уверяю тебя, здесь крутится столько темных личностей: искатели приключений, грабители, соблазнительницы всех мастей, и я, например, не уверен, что ты сможешь обойтись без моей помощи. Ты показала себя...

- Ты имеешь в виду Джоселина? - перебила я его.

- Но, - мягко произнес он, - ты еще так молода!

Я хотела закричать на Ли: "Хватит разговоров о моей молодости! Я скоро стану матерью!" Вот бы я его ошарашила!

Он начал стеснять меня. Не знаю, как Ли, но раньше я с ним всегда была счастлива, мне так хотелось, чтобы он ценил меня, как ни с кем, с ним я чувствовала себя в абсолютной безопасности. А сейчас я смеялась, когда танцевала с ним, и была благодарна ему - и в то же самое время ощущала какую-то неловкость за то, что он так настаивал на своей заботе обо мне. И меня раздражали его постоянные намеки на возраст, и мне очень хотелось рассказать ему о том, что я уже не ребенок!

В комнате рядом с залом были установлены столы со всевозможной снедью изысканные закуски, вина и фрукты - на случай, если гости проголодаются. Ли и я взяли по бокалу вина и вышли на галерею. Опустившись на стулья, мы молча стали наблюдать за огоньками в воде и гондолами, одновременно прислушиваясь к шуму веселья, доносившемуся из зала.

- Здесь спокойнее, - сказал Ли. - Мне так жаль, что послезавтра придется покинуть тебя!

- Как Эдвин? С ним все в порядке?

- Ты имеешь в виду это дело с Кристабель? Это было абсолютно невозможно!

- Почему?

- Она не пара ему!

- Ты хочешь сказать, что она недостаточно богата? Или не того происхождения?

- Ничего подобного! Кристабель - странная девушка, она постоянно хмурится, я не понимаю ее. Эдвину нужна девушка, которая обладала бы более живым нравом. Сам он очень спокойный и тихий человек, и ему нужна девушка, которая была бы его полной противоположностью!

- А он любил Кристабель?

- Она ему нравилась! Но, я думаю, он жалел ее, Эдвином всегда движет жалость!

- Считаешь, что это была только жалость?

- Наверняка!

- Что проку от такой жалости, если потом становится еще хуже? Она была так несчастна...

- Лучше побыть несчастной пару месяцев, чем мучиться всю жизнь!

- О, как бы мне хотелось, чтобы он тогда не уделял ей столько внимания!

- Моя дорогая Присцилла, как часто мы произносим одну и ту же фразу, - как бы я хотел...

- И даже ты? - спросила я.

- Даже я...

Мы снова вернулись в зал, Ли не отходил от меня ни на шаг. Не знаю, что тогда на меня нашло. Может, все это случилось из-за того, что я увидела какую-то пару, обнимающуюся в темном углу. Мне казалось, что многие пришли сюда, чтобы насладиться приключением, благо маски гарантировали полную неизвестность.

Я почувствовала внезапный порыв доказать Ли, что вполне способна сама о себе позаботиться.

В зале царил такая теснота, что мне удалось потихоньку ускользнуть от Ли. Я пробилась сквозь толпу и вернулась на галерею. Там никого не было, и я, решив остаться тут, задумалась о необычности всего, что произошло со мной, но тут кто-то коснулся моей

руки, и я обернулась, ожидая увидеть Ли. Передо мной стоял человек в маске. Я вскрикнула от удивления, и тогда незнакомец на мгновение приподнял свою маску и тут же ее опустил. Но мне хватило и этого краткого мига: это был тот самый мужчина, которого я видела в лавке на площади Святого Марка и который потом следил за моими окнами с канала!

- Наконец-то мы встретились, - промолвил он. Несомненно, он был чистокровным англичанином, как и я.

- Кто вы? - спросила я. Он прижал к губам палец.

- Позвольте мне пока остаться вашим таинственным почитателем, - ответил он.

- Но зачем?

- О, просто потому, что это делает нашу встречу гораздо более интересной. Все любовные интриги замешаны на тайнах!

- Я не понимаю вас, - холодно произнесла я и направилась обратно в зал.

- Не так быстро, неуловимая леди! - прошептал он. - Я желаю поговорить с вами!

- А я желаю вернуться в зал!

- Сначала выслушайте меня.

- Я бы предпочла вернуться!

- Иногда даже таким очаровательным леди приходится поступать так, как это угодно другим!

Я начала тревожиться. Этот человек вызвал у меня опасения, когда я впервые столкнулась с ним. Теперь же я поняла, что мои дурные предчувствия имели под собой почву.

Он крепко схватил меня за руку, что лишь еще раз свидетельствовало о его дурных намерениях. Я попыталась вырваться, но его рука только крепче сжала мою, и я поняла, что я в опасности.

- Уберите руки! - приказала я.

Он шагнул ближе ко мне. От него пахло изысканными духами - мускусом или сандаловым деревом. Пальцы его украшали несколько перстней, а на шарфе блестели драгоценные камни.

- Это приказ? - спросил он.

- Да, - ответила я.

- Очаровательно! - усмехнулся он. - Но сейчас приказы отдаю я!

- Вы говорите загадками, сэр, но я не испытываю желаний знать ответы.

- У вас, милая леди, острый язычок. Мне нравится, когда женщины обладают характером. Главное, конечно, красота, затем они должны нежно любить меня, но я совсем не против, если у девушки есть чем ответить: это вносит необходимое разнообразие!

- Вы говорите чепуху!

Он схватил меня в объятия и прижался ко мне жесткими губами. Я оттолкнула его.

- Как вы смеете?! - негодуя выдавила из себя я.

- Я очень смелый джентльмен! Послушайте: у меня есть одно очень приятное местечко, вам там понравится. Я вас сейчас туда отвезу!

- Вы, должно быть, сошли с ума?

- Да, я безумно люблю вас! Вы так молоды, а юность так волнующа! Я обожаю общество юных дам!

Я попыталась убежать, но он крепко держал меня. Он был весьма силен и ловок, и, несомненно, опытом в делах, подобных этому, он уже обладал. Я даже не могла

сопротивляться, и после нескольких секунд безмолвной борьбы ему удалось проташить меня через галерею, вниз по ступенькам, к самому каналу.

- Ли! Сюда, быстрее! - закричала я.

Прямо у моих ног причалила гондола. Внезапно меня подняли, и я очутилась в руках человека, который до этого ждал в лодке.

Все произошло так быстро, что я даже не успела понять, что в самом деле меня похищают. Я закричала, но мои призывы о помощи потонули в шуме музыки, доносящейся из палатки. Мимо проплыла пара гондол, но, казалось, никто не обратил особого внимания на вырывающуюся девушку, которую увозили явно против ее воли.

Мой похититель тоже спрыгнул в гондолу.

- Готово, Бастиани! - крикнул он, и мы отплыли. Я снова позвала на помощь, но его рука плотно зажала мне рот.

- Слишком поздно, пташка! - сказал он. - Теперь ты попалась! О, какой надменной ты была: ни улыбки для меня! Ну, теперь я тебя заставлю улыбаться! Есть, знаешь ли, некоторые способы, а небольшое сопротивление мне даже по нраву, но только сначала!

Судьба моя была очевидна. Меня пронизали страх и гнев на самое себя. Какой же я была глупой! Ли был прав: я действительно ребенок, не способный позаботиться о себе! Я хотела проучить Ли, и какой жестокий урок получила сама!

Но я буду сопротивляться, я не поддамся этому человеку! Ему еще надо будет вытащить меня из гондолы и доставить в свой ужасный дом. Это у него так легко не выйдет, я буду бороться изо всех сил!

Мы покинули широкие воды канала. Заметно стемнело. Мы проскочили под мостом, и я услышала, как гондольер что-то сказал.

- Едем, едем! - приказал мой похититель.

Гондола мчалась, рассекая плавно катящиеся воды. Я снова позвала на помощь, но рука тут же крепко зажала мне рот.

Гондола остановилась. Мой похититель выскочил и ждал на берегу, чтобы подхватить меня. Я упорно сопротивлялась, не желая выходить. В этот момент мимо нас проплыла какая-то гондола. Я не видела, как она причалила, потому что меня крепко держал гондольер. Я была безумно напугана, ибо знала, что долго так не продержусь.

Внезапно из темноты вынырнула какая-то тень и бросилась на похитителя. Тот обернулся, и я услышала, как он вскрикнул. В его голосе смешались злоба и боль. Я увидела силуэты двух борющихся мужчин, потом снова раздался крик, и один из них скатился в воду канала.

Гондольер от неожиданности выпустил меня и попытался было спастись бегством, когда строгий голос приказал ему:

- Стоять!

Я почувствовала, как во мне поднимается радость, ибо этот голос принадлежал Ли. Гондольера, казалось, сковал ужас. Мужчина, который пытался похитить меня, снова взбирался на гондолу, но Ли протянул мне руку, и я прыгнула в его объятия. Он не промолвил ни слова, и через несколько секунд мы в его гондоле, на которой он гнался за нами, быстро плыли вниз по каналу.

Я с опаской оглянулась и увидела, как моего неудачливого похитителя затаскивает в лодку его сообщник.

- О, Ли! - воскликнула я.

Он обнял меня и приказал гондольеру доставить нас в палаццо Карпори. Мы так ни о чем и не говорили, пока не приплыли назад в палаццо, лишь тогда он произнес:

- Слава Богу, я заметил тебя!

- Ты видел, как он тащит меня?

- Да, я искал тебя. Слава Богу, я успел вовремя!

- Я так испугалась, Ли!

- Не удивительно. Я же говорил Харриет, что тебе не надо идти на этот бал: ты еще слишком неопытна для подобных штучек. Эти люди, в общем, ты все равно не поймешь. Здесь собрались негодяи всех сортов и видов!

- А кто был этот человек?

- Я знаю его репутацию! К моему стыду, он относится к нашим землякам и еще дома был замешан во всякого рода скандалах! Он был другом графа Рочестера, а ты понимаешь, что это означает? Похищение молодых дам стало одним из их любимых занятий! Шею бы ему сломать, но я думал только о том, как увезти тебя!

- О, Ли, ты так помог мне! - Я обвила руками его шею, - Если б тебя там не было...

- Но я был там! Тебе нечего бояться, пока я рядом, но как получилось, что ты потеряла меня?

- Это я во всем виновата!

- Черт! - вырвалось у него. - Я поговорю с Харриет: хватит с тебя балов-маскарадов! Я не хочу, чтобы ты посещала эти рассадники порока, особенно без меня!

Он нежно поцеловал меня, и мне страстно захотелось поделиться с ним всем, что со мной случилось, рассказать о моей любви к Джоселину и почему я здесь, но теперь секрет принадлежал не только мне. Им владела еще Харриет, а именно она настояла на том, чтобы ничего не говорить Ли.

Ли рассказал мне, что этого человека зовут Бомонт Гранвиль и что он игрок, мот и развратник.

- Он промотал все свое состояние и теперь находится на континенте в изгнании. Он похитил наследницу знатного рода, а ей было всего четырнадцать лет! Он надеялся жениться на ней, потому что ему нужно было ее состояние. К счастью, ее отец вовремя подрос, и ему пришлось побыстрее убираться из страны.

- О, Ли, как мне повезло, что ты оказался там!

- Мною овладевает настоящая радость, как только я подумаю о том, от чего избавил тебя!

- Но я не богатая наследница!

- Он любит развлекаться с молоденькими девушками, а наследницы ему нужны для свадьбы! Присцилла, ты даже не представляешь себе, какими испорченными бывают люди в этом мире! Сегодня ты получила хороший урок! А где Кристабель? Ведь это она должна присматривать за тобой!

- Но ты взял эту обязанность на себя, и она благоразумно не стала перечить. Но нас будут искать, когда придет час снять маски.

- Харриет догадается, где мы: я сказал ей, что увезу тебя, если народу будет слишком много.

Я с благодарностью улыбнулась. Вот в такие минуты мне нравится, когда обо мне заботятся.

- Ты перенесла большое потрясение, - сказал Ли. - Это было тяжким испытанием для

тебя.

Я вспыхнула. Если бы он знал о моем состоянии, был бы он так уверен в моей невинности? Но милая и нежная любовь с Джоселином так разительно отличалась от того, что произошло сегодня ночью!

- Ты не ранен? - спросила я.

- Пустяки, царапина! Я напал сзади, и он почти сразу очутился в воде! Думаю, это немного охладит его. Жаль, что он так легко отделался!

- Были бы неприятности, а так с ним все в порядке. Я видела, как он залезал в лодку.

- А теперь, Присцилла, слушай меня внимательно: в этом городе ты должна быть предельно осторожной. Запомни: это тебе не Эверсли! Я поговорю с Харриет и Кристабель, без них на улицу даже не высовывайся! Как жаль, что я должен уезжать!

- Я запомню все, Ли. Но я вела себя очень храбро. С того момента, как я увидела его, я пыталась убежать. Он меня так напугал...

- Дьявол! Боюсь, в нынешние дни при дворе таких, как он, множество! Король слишком мягок с подобными людьми: они остроумны, они забавляют его, а он прощает их грешки! Но как бы то ни было, Бо Гранвиль теперь не забудет, что значит посягать на мою маленькую сестричку!

- Ли, я тебе не сестра!

Он весело рассмеялся и поцеловал меня в лоб. Я снова обвила руками его шею. Он внимательно оглядел мои запястья и сказал:

- Смотри, у тебя на руке синяки. Да я мог бы убить его за это! А сейчас пора тебе ложиться спать, уже поздно!

- Время маленьким девочкам ложиться на свои кровати? - грустно спросила я.

- Да, пойду скажу, чтобы тебя отвели в комнату. Спокойной ночи, Присцилла!

- Спокойной ночи, Ли, спасибо тебе!

- Я всегда буду рядом! - сказал он. Я ушла, внутри меня бушевала буря. Пришел слуга и принес теплого вина. Я выпила и вскоре заснула.

Утром я проснулась довольно поздно, впрочем, как и все остальные. Харриет я не видела до самого полудня.

Я никому не сказала о происшествии прошлой ночи, не с кем было говорить об этом: такое впечатление, что тем утром дом просто вымер. Когда все-таки появилась Харриет, она рассказала мне, что Ли был уже в палатце, когда она, Кристабель и Грегори вернулись в три часа утра.

- Он доложил мне, что увез тебя сразу после полуночи! - скорчила гримасу она. - Он считает, что не пристало маленьким девочкам находиться там в такой поздний час!

Ли уехал следующим утром. Он был очень расстроен и не хотел уезжать. Он беспокоился о том, что мы остаемся в Венеции, и Харриет сказала мне, что он пытался уговорить ее вернуться в Англию.

- Он считает, что это ненормально - рожать ребенка здесь! Он искренне убежден - как всякий добропорядочный англичанин, - что никто, кроме англичан, не умеет принимать роды. Интересно, как, он думает, растет население остального мира? Хотя должна признаться, что в обычных обстоятельствах и я предпочла бы рожать ребенка дома. Но это будет весьма забавно - родить ребенка в Венеции! - Харриет, по ее словам, входила в роль и вела беседу так, будто она действительно носила ребенка. Даже когда мы оставались

наедине, она все равно продолжала играть. Сначала это слегка смущало, но потом я привыкла.

Вскоре после отъезда Ли мы решили побывать у герцогини и лично поблагодарить ее за тот вечер, но когда мы вышли из гондолы, поднялись по ступенькам на галерею и прошли в главный зал палаццо, воспоминания нахлынули на меня с такой силой, что я даже вздрогнула. Я оглянулась, чтобы посмотреть, заметили ли Харриет, Кристабель или Грегори перемену во мне, но если они и заметили, то не подали виду.

Герцогиню занимали последние сплетни. Первый вопрос, который она нам задала: "Вы слышали? Это что-то невероятное! Знаете ли вы, что этот испорченный Бо Гранвиль в Венеции? Очень привлекательное создание, устоять перед ним просто невозможно, но - о! - как он испорчен! И в миле от него нельзя чувствовать себя в безопасности. У него привычка вынюхивать самых прелестных девушек, и он сам не свой до девственниц".

- Они сводят его с ума. Да, мои дорогие, будет очень интересно узнать, кто же все-таки это сделал? Общее мнение - какой-нибудь муж или любовник. Одним словом, теперь наш Бо совсем не выглядит таким симпатичным, как раньше! Вы уверены, что ничего не слышали?

- Нет, - ответила Харриет. - Нам ничего не известно!

- Его избили до полусмерти! Говорят, напали в его же собственном доме, пришлось вызывать врачей. Думаю, теперь на некоторое время он позабудет о девушках. Весьма забавно! Говорят, естественно, что он сам во всем виноват. И, конечно же, это чистая правда! Рано или поздно этому суждено было случиться. Интересно, как это на него подействует? Но, могу поклясться, что, когда он поправится, будет так же развратничать, как и раньше!

- Да, это будет весело! - согласилась Харриет. - Герцогиня, мы очень вам благодарны за то, что вы доставили нам такое удовольствие. Мне говорили, что подобного не видел никто уже многие годы даже в самой Венеции, не говоря уже о других городах.

- Если бал и удался, то этим я обязана лишь вам, мои дорогие!

- Увы! - вздохнула Харриет. - Теперь я буду жить гораздо более спокойной жизнью. К тому меня вынуждает необходимость, моя дорогая герцогиня! Но мы не горюем об этом, не правда ли, Грегори?

Грегори сказал, что это огромная радость для них обоих, но он будет строг со своей женой и будет запрещать ей изнурять себя.

- Какой заботливый у вас муж, моя дорогая! - с легкой завистью проговорила герцогиня.

- Я не хочу сделать что-нибудь, что может прийтись ему не по нраву, ответила Харриет и нежно взглянула на Грегори.

Кристабель молчала, она тогда была очень неразговорчива. Она невнятно поблагодарила герцогиню, которая, впрочем, сама не выказала к ней большого интереса.

Когда мы вернулись в палаццо, ко мне зашла Харриет.

- Ты поняла, что это был Ли, не так ли? - спросила она. - Он рассказал мне о том, что произошло: он был в ярости, не смог сдержать себя и дал понять Бо Гранвиллю, что того ждет в будущем, если он еще раз посягнет на тебя! Он вернулся туда прошлой ночью, чтобы свести счеты!

- Да? - еле выдавила я из себя.

- Я рада, что он уехал: уверена, Бо Гранвиль мог и отомстить! Ли очень хотел, чтобы мы уехали отсюда. Естественно, я не могла объяснить ему, почему это невозможно, но он дал мне и Грегори особые наставления. Думаю, Гранвиль уедет из Венеции, как только сможет:

он чувствует себя униженным, а этого он не любит.

- Это все так ужасно!

- Есть еще кое-что: Грегори знает, что произошло, и опасается, что это могло причинить вред тебе!

- Вред?

- Да, ребенок и все такое прочее! Он считает, что нам надо обследовать тебя. Это довольно трудно, но я согласна с ним. Герцогиня посоветовала одну повивальную бабку из бедных. За хорошее вознаграждение она готова будет послужить нам верой и правдой. На время осмотра ты станешь леди Стивенс: мы поменяемся именами. Это будет для нас небольшой репетицией!

Но все мои мысли целиком и полностью были заняты Ли: я гадала, чем же кончится это дело, поэтому о встрече с повивальной бабкой не волновалась.

Харриет разыграла все как по нотам. Она слегка подгримировала мое лицо, сделала пару морщинок, и я стала выглядеть гораздо старше. Сама же она взяла роль юной девушки и вела себя прекрасно. Кристабель и Грегори помогали, чем могли. Меня осмотрели и тут же сообщили, что все идет нормально и рождения ребенка следует ожидать в намеченные сроки. Харриет была вне себя от счастья не только из-за результата осмотра: ее обрадовало, как мы выдержали наши роли.

- Можешь быть уверена, - сказала она повивальной бабке, - мы будем строго следовать твоим советам и с нетерпением ожидать времени, когда ты придешь принимать малыша леди Стивенс!

Наступало последнее действие пьесы, разыгранной Харриет. Ли уехал, а Бо Гранвиль, должно быть, благополучно оправился от нападения, ибо месяцем позже нам сообщили, что он покинул Венецию.

- Он не вернется, - сказала Харриет. - Сомневаюсь, чтобы ему когда-нибудь снова захотелось посетить Венецию! Я надеялась, что так все и будет. Теперь я должна была вести размеренный и спокойный образ жизни.

То лето было прекрасным. Было жарко, но из-за нашей миссии мы жили тихо и почти никуда не ездили. Харриет и я много времени проводили вместе. У меня появилось желание шить для ребенка одежду, чем я и занималась под руководством Кристабель. Харриет мягко улыбалась при виде нас, и, я думаю, она, которая так любила веселье и развлечения, все-таки находила удовольствие в таком добровольном изгнании. Ведь она играла роль, и как играла!

Днем она отдыхала, медленно ходила по палаццо и обсуждала симптомы беременности с Катариной, главной служанкой, у которой самой было пятеро детей. Было нетрудно обмануть ее, потому что, если Харриет и попадала в какое-либо затруднение, она сразу же притворялась, что это лишь из-за ее плохого знания итальянского языка.

Грегори должен был ехать в Лондон, в королевский дворец, но никак не хотел уезжать, однако Харриет настояла. Теперь его присутствие было не так уж необходимо, ибо он уже дал свое "благословение" на беременность жены, чем, как говорила Харриет, очень помог и сделал все гораздо более правдоподобным. Договорились, что он вернется как можно быстрее, к тому времени уже родится малыш, и мы все сможем поехать в Англию.

- Мы должны вернуться до Рождества, - сказала Харриет. - Ребенок родится в середине октября, а к началу декабря он уже достаточно подрастет, чтобы выдержать это путешествие!

В августе Грегори уехал. Через два месяца должен был родиться мой ребенок, и мне

стало трудно скрывать свое положение. Те свободные платья, что мы носили, очень помогли, но все равно я старалась находиться либо у себя, либо у Харриет и никуда не выходила. Но, думаю, у Харриет гораздо лучше получалось изображать из себя беременную, чем у меня делать вид, будто со мной ничего такого и в помине нет.

Но все-таки это были счастливые месяцы. Я никогда себя так не чувствовала: я была безмятежной и думала только о ребенке. На время я позабыла о Джоселине и его смерти, я позабыла ужас, который пережила на балу у герцогини. Все куда-то исчезло, осталась только искорка жизни, что тлела внутри меня и давала о себе знать каждый день. Я с таким нетерпением ждала моего ребенка!

Я даже не особенно задумывалась о том, что будет после того, как он родится. Я знала лишь одно - он будет рядом со мной всю мою жизнь. Я думала, что я всем сердцем любила Джоселина, но это дитя я любила так, как не любила никого и никогда!

Мне нравилось сидеть с Кристабель и говорить о себе как о будущей матери. Она очень грустила. Бедняжка Кристабель! Как бы ей хотелось иметь своего собственного ребенка! В один прекрасный день это свершится, говорила я ей, на что она довольно горько ответила:

- Если со мной произойдет то же самое, что с тобой, у меня не будет доброй подруги, чтобы помочь в беде!

Это прозвучало так, будто она обиделась, что Харриет согласилась претерпеть такие муки, чтобы помочь мне. Но Кристабель очень нежно обращалась со мной и много делала для меня. Она сшила прекрасные детские вещи, и я ценила их даже больше тех, что накупила Харриет. Однажды Харриет послала в лавку и попросила принести ей товары для детей. Она выбирала в своей спальне, где гордо возлежала на постели. Я присутствовала при этом, сидя рядом на стуле.

- Положите вещи на кровать, - приказала Харриет, - так, чтобы я могла видеть их: о, вот это очень красивая штучка! Вы же понимаете, синьора, как это бывает, я чувствую, что уже должна лежать в постели. Вскоре придет мое время!

Продавщица сочувственно кивнула и сказала, что леди Стивенс должна быть очень осторожной и когда ожидается появление малыша на свет?

- В октябре. Дождаться не могу!

- Ожидание так утомляет, - сказала женщина. - У меня тоже двое детей.

- Неужели? У меня тоже два мальчика, знаете ли. Конечно, я уже не так молода, как тогда, когда родились они!

- Леди Стивенс всегда останется молодой, - последовал ответ.

Харриет довольно улыбнулась и тут же потратила целую кучу денег на покупки.

- А кто будет, как вы думаете, - мальчик или девочка? - спросила продавщица.

- Ну, вы же знаете, как все бывает! Кто-то хочет мальчика, кто-то девочку, а когда дитя появляется на свет, оказывается, что его-то вы больше всего и хотели, неважно, мальчик это или девочка. Разве не так?

Женщина согласно кивнула. Так они продолжали болтать, и я, прекрасно зная, что чувствует женщина, будущая мать, не могла не поздравить Харриет с изумительным представлением.

Дни шли. Наступил сентябрь. Было еще очень тепло. Теперь я совсем не выходила: я чувствовала, что лучше этого не делать. За меня ходила Кристабель, ей нравилось ходить в лавки и покупать все, о чем я просила.

Я занималась уроками, как и ожидала от меня моя мать, и мне казалось нелепым, что

чь-нибудь мать может оказаться в таком положении, как сейчас моя. В июле мне исполнилось пятнадцать.

Я настаивала, чтобы Кристабель побольше выходила. Одна из подруг герцогини - некая Франческа Леопарди - очень подружилась с ней, и их зачастую можно было видеть вместе. Франческа попросила разрешения, чтобы Кристабель могла ездить в гости к ней, которое Харриет немедленно дала. Кристабель как-то даже провела там целую ночь, что, как мне показалось, пошло ей на пользу, потому что после этого она заметно расцвела. Я думала, что это произошло потому, что, наконец-то, кто-то заинтересовался ею ради нее самой, а не потому, что она была вместе с нами. Но, по правде говоря, я не очень много места отводила Кристабель в своих мыслях, потому что меня занимал мой ребенок, и Харриет, конечно, поддерживала меня, полностью войдя в свою роль.

Но в начале октября Харриет впервые за все время начала сомневаться и вести себя нерешительно. Я была молода, это был мой первый ребенок, и внезапно она начала бояться того, что что-нибудь может случиться. Однако она в совершенстве продолжала играть свою роль, но теперь очень хотела, чтобы повивальная бабка переехала жить в палаццо, а это означало конец всем притворствам.

Харриет много говорила об этом. Наконец, она поехала повидаться с повивальной бабкой и вернулась назад, лучась от счастья.

- Моя дорогая Присцилла, она живет в настоящей лачуге, а значит, с ней можно договориться - деньги! Она должна будет держать все в секрете, и можно не притворяться перед ней, что я беременна. Ей хорошо заплатят за то, что она приедет в палаццо и поживет здесь, пока не родится дитя. Если мы доверим ей наш секрет - что нам все равно придется сделать - и предложим ей по ее меркам совершенно фантастическую сумму денег, если она согласится хранить нашу тайну, я уверена, что она нас не подведет!

- Ты думаешь, ей можно доверять?

- Попролам - угрозы и подкуп! Уверяю тебя, против этого никому не устоять!

- Харриет, ты так добра ко мне! Все эти месяцы ты провела здесь, в уединении...

- И наслаждалась каждой минутой! Моя дорогая, я так хочу помочь тебе выбраться из этой беды! Это трудная роль, но она того стоит!

Я подошла к ней и поцеловала, что доставило ей большое удовольствие. Харриет нравилось, когда ей демонстрировали любовь.

- Ты мне как родная дочь, Присцилла! - сказала она. - Мне всегда хотелось дочку, и ты мне стала родной. Я очень тесно связана с Эверсли, когда-то я даже принадлежала к их семейству, поэтому хватит разговоров насчет того, кто кому должен! Как я уже говорила тебе, я многим обязана твоей матери, и я плачу свои долги. Но теперь я пошлю за повивальной бабкой и поговорю с ней, ты будешь присутствовать при этом!

Так она и поступила, не откладывая дело в долгий ящик.

- Ибо, - как она сказала, - я не успокоюсь, пока эта женщина не переедет сюда! Я хочу, чтобы она была под рукой, когда потребуются ее услуги!

Повивальная бабка оказалась полной женщиной с бледным лицом и живыми черными глазами. Одета она была в залатанное платье и старый плащ, который когда-то принадлежал богатому человеку и, видимо, был подарен ей одной из ее пациенток. Ее звали Мария Кальдори, и она была матерью пятерых детей, что, как сказала Харриет, свидетельствует о ней только с хорошей стороны, ибо это прекрасно, когда человек знает свое ремесло, так сказать, из первых рук!

Харриет отвела ее в мою комнату и плотно притворила дверь.

- А теперь, - сказала она, - я хочу сказать кое-что важное. Если тебе хорошо заплатят, чтобы ты держала все в тайне, ты исполнишь свое обещание? Женщина с изумлением посмотрела на нее. Щеки ее залились краской. Тогда Харриет назвала сумму, которая заставила ту побледнеть.

- Но за это придется тебе потрудиться!

- Я не буду делать ничего противозаконного! - сказала женщина, задрожав.

- А здесь и нет ничего противозаконного! Все, о чем тебя просят, это ничего и никому не говорить, и за свое молчание ты получишь эти деньги!

- Но что это, моя госпожа? Прошу вас, скажите мне.

- Сначала я хочу, чтобы ты пообещала нам, что будешь молчать! В том, что тебя просят сделать, ничего зазорного нет, это будет даже добро! Ты просто должна молчать как рыба, да никто и не задаст тебе никаких вопросов!

- Это связано.., с ребенком, госпожа?

- Сейчас ты получишь половину, - сказала Харриет, будто не замечая вопроса, - и половину после того, как все закончится! Но сначала я хочу, чтобы ты поклялась именем Божьим и Святой Девы, что ни в коем случае и никому не расскажешь то, о чем узнаешь в этом доме!

- Клянусь, госпожа! В моей профессии порой бывают тайны, и я никогда никого не подводила!

- То же от тебя требуется и сейчас! Ты, может быть, думаешь, что после того, как тебе заплатят и мы уедем, ты сможешь все рассказать? Но если ты так поступишь, ты нарушишь свое слово и будешь наказана! Тебе известно, что произошло с одним английским джентльменом не так давно? Ты когда-нибудь слышала такое имя - Гранвиль?

Женщина задрожала. Я увидела, что на ее лбу выступил пот.

- Слышала, госпожа! Он был очень плохим, и с ним случилось...

- То же самое случится и с тобой, если ты не оправдаешь нашего доверия, но я знаю, этого не будет: ты слишком умна! И ты зарабатываешь эти деньги, тем более, что за всю свою жизнь ты не зарабатывала больше. Ну, твой ответ?

Женщина взяла крестик, который носила на шее, и поклялась на нем: ничто на земле не заставит ее выдать тайну! Это было очень драматично - очередная сцена Харриет, и разыграла она ее как по нотам.

- Я верю тебе, - сказала она, - а дело это сейчас покажется тебе очень простым! В прошлый раз, когда ты приходила сюда, ты осматривала не меня, а эту молодую леди! Это у нее должен родиться ребенок, но по ряду определенных причин нам не хотелось бы, чтобы стало известно, что ребенок ее! И все, что от тебя требуется, это ухаживать, заботиться о ней, ввести этого ребенка в мир, по возможности не причинив матери никакого вреда, и держать свой язык за зубами!

Облегчение разлилось по лицу повивальной бабки.

- Госпожа моя, - сказала она, - это ничто, это такая малость...

И тут же она запнулась, испугавшись, что после того, как она признала это легким делом, плату ей понизят.

- Я сохраню вашу тайну, - спустя некоторое время продолжила она. - Таких секретов множество встречается в моей работе! Я ничего не скажу. Все будут думать, что ребенок родился у вас, моя госпожа! О, моя госпожа.., и синьора... - Как бы извиняясь, она

посмотрела на меня. - Часто бывают такие тайны!

- Не сомневаюсь: в твоей профессии секрет на секрете, но не забывай, что за эту тайну тебе хорошо заплатили, и помни, что в Венеции ты долго не проживешь, если предашь нас! А теперь ты свободна и можешь приступать к своим обязанностям.

Харриет оставила меня наедине с Марией Кальдори, которая тщательно расспросила меня, обследовала, после чего объявила, что моим состоянием она более чем довольна.

- Может, недели через две, - сказала она, - а может, и раньше! Дети сами выбирают время.

Харриет устроила так, чтобы я могла спать в ее комнате, и приказала внести туда еще кровать. Но ее заняла сама, а меня уложила в свою большую, в которой и суждено было родиться моему ребенку.

Марию Кальдори разместили в соседних покоях, чтобы она могла быть постоянно рядом. Я думаю, ей и самой нравилось участвовать в этом заговоре, и, когда к нам приходили гости, я, как правило, уходила, оставляя их заботам Харриет и Марии, и Харриет сказала, что та очень неплохо играет свою роль.

- Я, конечно, поддерживаю ее, - сказала она, - но, должна признать, она и так ведет себя довольно уверенно!

Кристабель была очень добра ко мне и следила, чтобы я ни в коем случае не уставала. Никогда я не видела ее такой заботливой, как тогда. Много времени она проводила и с Франческой, и снова я не могла надивиться произошедшей в ней перемене.

Погода все еще была теплой, а я не очень хорошо переносила жару. Так как и никуда не выходила, мне нравилось сидеть на галерее и наблюдать за каналом и его жизнью.

Однажды я задержалась там вечером, тогда-то я и увидела проплывавшую мимо гондолу. Светила яркая луна, поэтому я до мельчайших деталей могла разглядеть гондольера, но все мое внимание было обращено на пассажира. Когда они проезжали мимо, он взглянул на палаццо, и я увидела его лицо.

Это был Бомонт Гранвиль! Меня охватил ужас. Я встала, резко повернулась и ушла в комнату. И тогда я почувствовала безумную боль: мой ребенок вот-вот должен был родиться!

В последующие несколько часов я совершенно забыла о Бомонте Гранвиле. Все мои мысли были заняты ужасной болью, которая терзала меня. Я уверяла себя, что вскоре избавлюсь от этой боли, и у меня будет ребенок, о котором я так мечтала.

Говорят, что роды были не трудными, но мне показалось, что прошла вечность, прежде чем я услышала крик ребенка. Меня охватил дикий восторг: я стала матерью! Это все, о чем я тогда могла думать! Никогда я не была так измучена, но и так счастлива!

Все это время у моей кровати находилась Харриет - милая, добрая Харриет.

- Все хорошо, дитя мое, - шептала она. - Изумительная маленькая девочка, наша девочка...

Девочка! Этого мне хотелось больше всего на свете. Я умоляюще подняла руки.

- Сначала сон! - приказала Харриет. - Это то, что тебе сейчас больше всего необходимо. Так сказала Мария Кальдори, а Мария была просто чудесна. А теперь отдыхай, мое дорогое дитя, а мы тем временем подготовим нашу маленькую шалунью к встрече со своей мамой!

Я было хотела протестовать, но слабость взяла верх, и я заснула. Когда я проснулась, был уже полдень. Ко мне тут же подошла Харриет и поцеловала меня.

- Ты была замечательна! А теперь ты, наверное, хочешь взглянуть на нашего маленького

ангелочка? Мария - настоящая тигрица: она чуть не бросается на меня, когда я подхожу близко. Можно подумать, что это ее ребенок! Мария, дай мне ребенка!

Харриет поднесла мою крошку к постели и положила мне на руки. Я почувствовала слабость от счастья: никто и никогда не был столь важен для меня, как эта розоволицая крошка с редкими волосиками и кнопочкой вместо носа. Она хныкала, но, когда я взяла ее на руки, она тут же успокоилась, и что-то вроде улыбки отразилось на ее лице. О, как я любила ее! Я изучила ее крошечные пальчики и пришла в восторг от маленьких ноготочков.

- Она - просто идеал, - проворковала Харриет. - Конечно, легкие могли бы быть у нее и послабее, но Мария в восторге даже от ее воплей! Говорю тебе, она испортит девочку!

Я лежала и прижимала дочь к себе. Это была моя дочь, плод любви к Джоселину! Тогда я подумала:

"Ради этого можно отдать все!"

Харриет и я очень долго выбирали девочке имя. Наконец, мы остановились на Карлотте. Разглядев девочку, мы решили, что она будет темноволосой, и, кроме того, у нее самые прекрасные на свете голубые глаза.

- Будто бы, - сказала Харриет, - она знала о том, что ей придется стать моей дочерью, а значит, и глаза должны были быть почти того же цвета, что и мои!

Глаза у Харриет были редкого фиолетового оттенка, и она всегда ими гордилась. "Интересно, - подумала я, - у Карлотты будут такие же или нет?"

Харриет взяла все заботы на себя. Мария Кальдори получила деньги и уехала, перед этим снова заверив нас в своей преданности и вечной благодарности: никогда ни один человек не узнает от нее, кто в действительности мать этой девочки!

За привилегию стать няней девочки боролась вся женская половина дома. Харриет остановила свой выбор на пожилой женщине, у которой было трое детей.

Кристабель выказала огромный интерес к ребенку, девочка просто очаровала ее. Кристабель опять удивляла меня: я даже не думала, что она так любит детей.

Прошло несколько недель. Заботы о девочке поглотили меня целиком, и я страшилась того дня, когда нам придется покинуть Венецию, что означало, что Харриет заберет Карлотту себе, а я вернусь в Эверсли.

- Я скажу твоей матери, что ты так помогла мне и что я не создана для материнства, так что ей придется почаще отпускать тебя ко мне.

- Харриет, ты так мила, но все равно я подолгу не буду видеть ее!

- Мы что-нибудь придумаем, - сказала Харриет. Как ни странно, Карлотте удалось околдовать Харриет, которая признала, что до этого маленькие дети совсем не привлекали ее. Может быть, все те усилия, что мы приложили, придали девочке дополнительное очарование?

По словам Харриет, из нее вырастет настоящая красавица.

- Ты только посмотри на эти глазки! Как они блестят! А этот восхитительный нос-кнопочка... Все, как надо, и, уверена, она сама это знает! Ты посмотри, как она уверенно настроена!

- Харриет, - упрекнула я, - ты, и в самом деле, как будто одержима этим ребенком!

- Но она действительно достойна этого! Она неоднократно уже говорила о том, что детскую в Эйот Аббасе надо будет отремонтировать.

- А почему бы не привезти к нам старую Салли Нулленс?

- Она старая сплетница!

- Там сплетничать будет не о чем, а по словам твоей матери, она изумительно обращается с детьми!

- Может, это и хорошая идея! - сказала я. - Когда мы были маленькими, мы очень любили ее!

- Все, значит, старая Нулленс! С меня уже хватит этого города. Он довольно романтичен, если у вас плохо развито обоняние: уверена, в эти каналы сбрасывают весь мусор, какой только есть в городе! Не хотелось бы мне остаться здесь на зиму, и, думаю, пора нам собираться.

Конечно, она была права. Когда в Венецию в конце октября вернулся Грегори, он тоже пал жертвой очарования нашей малютки. С тем, что нам немедленно надо возвращаться домой, он был согласен: еще немного, и мы можем угодить в полосу холодов.

Но я была абсолютно уверена, что настоящей причиной нашего поспешного отъезда стала Харриет, которая именно теперь, когда ребенок родился и все трудности начальной стадии нашего плана остались позади, начала уставать от той однообразной жизни, что мы вели здесь, и решила как можно скорее вернуться в Англию.

Так с некоторым сожалением я начала готовиться к отъезду. Пока я упаковывала вещи - Кристабель помогала мне в этом, - я вдруг вспомнила ту ночь перед рождением Карлотты и Бомонта Гранвиля, проплывающего в гондоле. Как ни странно, но в суматохе последних недель я совершенно забыла об этом случае.

- В ту ночь, когда у меня начались схватки, я испытала страшное потрясение, - сказала я Кристабель. - Мне показалось, что я видела Бомонта Гранвиля!

- Бомонта Гранвиля? - повторила она, как будто пытаюсь припомнить, о ком идет речь.

- Того человека, который пытался похитить меня! Того, которого до полусмерти избил Ли!

- Ты уверена в этом?

- Ну да, я хорошо разглядела его! Он проплывал мимо в гондоле и смотрел на палаццо!

- Ты, должно быть, ошиблась. Неужели ты думаешь, он вернулся после того, что произошло? Ты тогда очень волновалась, ожидала ребенка каждую минуту, и, я думаю, это просто был кто-то, очень похожий на него!

- Вполне возможно, - согласилась я и подумала, что, может быть, так оно и было.

ЦЕНА ЖИЗНИ

Кристабель и я вернулись в Эверсли как раз к Рождеству 1682 года. Две недели я провела у Харриет, но больше оставаться не могла. Разлука с моей крошкой была невыносимой, хоть я и знала, что лучше Харриет о ней никто позаботиться не сможет.

Я считала, что Карлотта - исключительный ребенок. Кристабель порой улыбалась, когда я заговаривала об этом, но Харриет всей душой была со мной согласна. Карлотта, в самом деле, с неослабевающим вниманием следила за всем, что происходило вокруг нее, обладала силой воли и была готова кричать до посинения, пока не получала того, что хотела.

В те две недели, что я гостила у Харриет, я не отлучалась от нее ни на секунду, но понимала, что пришла пора уезжать. Разлука с дочерью была той ценой, которую я должна была платить за свои поступки.

Мать тепло приветствовала меня.

- Как ты могла так надолго бросить нас?! - укоризненно сказала она. Ну-ка, дай-ка я на тебя посмотрю. Ты похудела и подросла!

- Милая мамочка, неужели ты думала, что я навсегда останусь ребенком?

- Уехала и бросила нас! Теперь, когда ты дома, наверное, ты будешь скучать по другим странам? Думаю, Харриет снова уже куда-то собирается, она всегда любила бродить по свету. Но как забавно получилось с ребенком! Могу поклясться, она совсем не обрадовалась, когда поняла, что с ней приключилось!

- Харриет очень любит Карлотту. О, мама, она самая прелестная крошка на свете!

- Было бы странно, если б это было не так, - Харриет такая красавица! Если дочь хотя бы наполовину пойдет в мать, она будет звездой королевского двора!

- Из нее вырастет настоящая красавица, я уверена!

- Она, кажется, совсем очаровала тебя. Как хорошо, что ты, наконец, вернулась!

Я хотела было согласиться с ней, но тут же запнулась: лишь с Карлоттой я чувствовала себя вполне счастливой.

Я сказала матери, что Харриет предложила, чтобы Салли Нулленс переехала в Эйот Аббас присматривать за ребенком.

- Прекрасная мысль! - ответила она. - Салли с ума сойдет от счастья! С тех пор как Карл покинул детскую, она бродит повсюду, будто пастушка, растерявшая своих овец!

- Может, мне стоит сходить и сказать ей об этом прямо сейчас?

- Беги, зачем утаивать столь радостное известие?

Я поднялась в комнату Салли Нулленс. Все осталось по-прежнему, так, как было при моем отъезде. Она сидела и смотрела на чайник, который уже начал посвистывать и вот-вот должен был закипеть. Рядом с ней сидела Эмили Филпотс. Обе с изумлением воззрились на меня, и я подумала, что они еще постарели с тех пор, как я видела их в последний раз.

- Будь я проклята, если это не мисс Присцилла! - сказала Эмили.

- Вернувшаяся из дальних краев, - добавила Салли. - Никогда не могла понять, почему люди так стремятся туда да еще тащат с собой маленького ребенка! Ведь это может плохо подействовать на его ранимую душу! Язычники, одно слово!

- Не сомневаюсь, Салли, что вскоре ты сделаешь из этого ребенка прилежную маленькую христианку! - сказала я.

Намек, прозвучавший в моих словах, заставил ее наострить уши. Затаив дыхание, она взглянула на меня. Дети для Салли Нулленс означали то же, что поклонники - для юных девушек.

- Леди Стивенс спрашивала меня, не хочешь ли ты на время перебраться в Эйот Аббас присмотреть за девочкой? - быстро произнесла я. - Мне показалось, что это хорошая мысль!

Кончик носа Салли слегка порозовел. Я услышала, как она прошептала что-то наподобие "милая крошка".

- Ты едешь, Салли?

Этот вопрос можно было и не задавать. Я видела, что в уме она уже нянчит ребенка, но притворилась, будто никак не может решиться.

- Девочка, говоришь?

- Самая красивая девочка в мире, Салли!

- Никогда мне не нравились красотки! - буркнула Эмили Филпотс. - Они слишком много себе позволяют!

По тому, как скривилось ее лицо, я поняла, что Эмили терзает страшная зависть. Она уже видела перед собой мрачное будущее, когда у нее не останется даже Салли, которой раньше хоть пожаловаться можно было. Внезапно мною овладела жалость к ним обеим. Я подумала, как, должно быть, это грустно - быть старой и никому не нужной!

- Но девочке в скором времени потребуется и воспитательница! - сказала я.

- Это верно! - быстро согласилась Эмили Филпотс. Лицо ее залилось краской. - Детям нужна направляющая рука задолго до того, как они начинают ходить!

- Уверена, леди Стивенс будет просить тебя приехать в Эйот Аббас вместе с Салли!

- Нет, никогда! - сказала Салли и энергично закачалась в своем излюбленном кресле-качалке. - Опять эти маленькие детишки?

- Ну что, я могу писать леди Стивенс о твоем согласии, Салли? - спросила я. - В этом же письме я упомяну про то, что с тобой приедет миссис Филпотс.

В комнате воцарилось полное счастье: носы заблестели, глаза "очутились на мокром месте", а кресло-качалка радостно закрипело.

Жизнь превратилась в сплошную муку: я только и делала, что подсчитывала дни и прикидывала, когда я снова смогу поехать в Эйот Аббас. Я не могла ездить туда слишком часто: даже при том, что я соблюдала осторожность, уже поползли сплетни.

Харриет придумала, как я могу почаще видаться с Карлоттой, - она сама приезжала к нам и подолгу гостила. Салли Нуллэнс уже приступила к выполнению своих обязанностей няньки, и Эмили Филпотс тоже была там, хлопоча над одеждой девочки и вышивая ее самыми изысканными рисунками.

Вскоре Карлотта поняла свою важность. Когда она лежала в колыбельке, перебирая ножками и довольно улыбаясь, она напоминала королеву, принимающую своих придворных, и время от времени милостиво поглядывала на раболепствующую толпу, что с восхищением взирала на нее. Бенджи стал ее преданным рабом, он считал прекрасным - иметь маленькую сестричку и был ужасно рад тому, что его мать снова вернулась домой. Грегори тоже любил Карлотту до безумия, и я иногда думала, что Харриет действительно заставила его считать ребенка своим. Сама же Харриет продолжала играть роль гордой матери, а Салли Нуллэнс молодела с каждым днем и одновременно становилась все более агрессивной по отношению к нам, заявляя, что она "никому не позволит мешать милой крошке", и отгоняя нас от ее колыбельки. Самое странное, что она будто что-то чувствовала, поэтому никогда не выгоняла из детской меня. Она говорила, что я похожа на картину старинного художника, когда нянчусь с девочкой. По ее словам, мисс Карлотта привязана ко мне всем сердцем. Кроме того, в комнате всегда сидела Эмили Филпотс, постоянно проверяя, чистое ли белье в кровати.

- Когда-нибудь они разорвут девочку на части, - сказала Кристабель.

Карлотта же принимала все это поклонение как само собой разумеющееся. Лишь отец едва взглянул на нее. Интересно, что бы он сказал, если б узнал, что она его внука? Только однажды он соизволил отозваться о ней:

- Она будет в точности, как ее мамочка! - сказал он, и это прозвучало совсем не как комплимент, ибо между ним и Харриет были весьма натянутые отношения.

Так наступило лето. Я пыталась снова вести ту же жизнь, что была до "приключения". Кристабель и я вновь приступили к нашим занятиям, но мысли мои всегда были в Эйот Аббасе, с моей крошкой. Кристабель тоже казалась рассеянной, к ней снова вернулся грустный вид, и из ее горьких отзывов я заключила, что она разочаровалась в жизни.

Однажды она сказала:

- Что будет со мной, когда я стану не нужна, чтобы учить тебя?

- Ты можешь оставаться со мной, сколько захочешь, - ответила я.

- И превращусь в очередную Салли Нуллэнс или Эмили Филпотс?

- Такой ты никогда не станешь: ты и я - подруги!

Она отвернулась, но я успела заметить, что ее губы скривились в жалкой улыбке, которая всегда так расстраивала меня. Несмотря на ее отчужденность, мы все-таки были близки друг другу. И, кроме того, она знала обо мне больше, чем кто-либо в этом доме.

В тот год произошло многое, и моя мать очень беспокоилась. Со времени Папистского заговора, который показал, что конец нашей мирной жизни совсем близок, она не находила себе места. Я догадывалась, что она волновалась за отца.

Он был очень сильным мужчиной и не любил держать свое мнение при себе. Он был воспитан убежденным антикатоликом, а так как престолонаследником являлся Яков, герцог Йорк, который не делал секретов из своих симпатий, мать чувствовала, что может разразиться большое несчастье. Кроме того, отец был большим другом герцога Монмута, а мать всегда говорила, что этот человек был рожден неудачником.

Монмут, сын Карла II и Люси Уолтер, являлся самым колоритным мужчиной королевского двора сразу после отца. Он был красив, чего нельзя было сказать об его отце, и обладал большим шармом, но зато он был лишен изворотливости и хитрости, что были присущи Карлу, хотя был строг, беспощаден и достаточно храбр.

Король нежно любил его, и, пока Карл был жив, Монмуту прощались многие проступки, хотя его окружение изрядно боялось, что в один прекрасный момент он зайдет слишком далеко. И тем летом, казалось, так и случилось.

Было вполне понятно, что мать смотрела на дружбу отца с таким человеком, как Монмут, с волнением. Отец не столько был предан ему самому, сколько тем идеалам, которые тот защищал. Он говорил, что не затем пережил Республику и поддерживал роялистскую партию, чтобы потом власть перешла к какому-то изуверу-католику, который сразу после своего воцарения разожжет по всей Англии костры инквизиции. Когда речь заходила на эту тему, он сразу приходил в ярость, и я заметила, что мать, которая во всех других случаях ввязывалась с ним в словесную битву, теперь стала необычно молчалива. А когда мы впервые услышали о заговоре "Ржаного дома", она чуть не слегла от охвативших ее мрачных предчувствий. Это был глупый заговор, изначально обреченный на неудачу. Цель его заключалась в том, чтобы убить короля и его брата, когда они будут возвращаться с Ньюмаркетских скачек. Дорога пролегла мимо одинокой усадьбы, неподалеку от Ходдесдона, в Хертфордшире. Это поместье было известно по имени "Ржаной дом", и от него заговор и получил свое название. Домом владел некий Румбольд, который являлся одним из главных заговорщиков.

Но в тот раз судьба была настроена решительно против них. Во-первых, в Ньюмаркете, где остановились король и его брат, случился пожар, и они решили, что лучше вернуться в Лондон. Таким образом, они проехали мимо "Ржаного дома" задолго до того, как заговорщики ожидали их. Во-вторых, было найдено письмо, адресованное лорду Дартмуту, в котором во всех подробностях излагался этот план.

Только начало утихать волнение после Папистского заговора, который угас сам собой, подобно отсыревшему костру, как народу подкинули другую тему для разговоров. Заговор "Ржаного дома" с огромным воодушевлением обсуждался по всей стране. Был издан специальный указ о поимке подозреваемых, согласно которому нашедшему и доставившему кого-нибудь из подозреваемых полагалось вознаграждение в сто фунтов.

Вот тогда мать и начала беспокоиться еще больше. Она боялась, что отец мог быть

вовлечен в заговор и что кто-нибудь, соблазненный такой громадной суммой, может предать его. Я слышала, как они обсуждали это.

- Говорю тебе, - сказал отец, - я не причастен ко всему этому! С какой стороны ни посмотреть, это было глупое дело, обреченное на провал. Кроме того, неужели ты думаешь, что я бы согласился на заговор, целью которого было убийство Карла?

- Я знаю о твоей привязанности к нему и о том, что он тоже любит тебя...

- И все равно считаешь меня способным на убийство того, кого я люблю?

- Но я знаю и о твоей привязанности к Монмуту, и о твоей мечте видеть его на троне.

- О, Белла, ты меня удивляешь! Я хочу, чтобы Монмут взошел на престол, но только потому, что иначе им завладеет Яков! То, чего я добиваюсь, есть наилучший вариант для нашей страны! Для тебя, для меня, для всех нас... Но если Карл останется на своем месте еще десять - двадцать лет...

- Я не могла поверить в то, что ты бы причинил ему вред!

И они, обнявшись, вышли в сад, на этот раз не скрывая свою нежную привязанность друг к другу.

Но, погружившись в мысли о моем ребенке и постоянно думая лишь о том, как устроить так, чтобы мы побольше времени проводили вместе, я мало внимания уделяла этим разговорам. Как только я узнала, что отец в этом не участвовал, я сразу обо всем забыла: была попытка покушения на жизнь короля, виновные призваны к ответу, и на этом все закончилось.

Однако было очень странно узнать, что никакой тайны из этого заговора и не делали. Как выяснилось, ряд очень влиятельных, богатых и знатных людей участвовал в нем: например, лорд Говард Эскрик и лорд Уильям Рассел. Полетели головы, и вновь мою мать стали терзать мрачные предчувствия.

Вскоре на устах всех появилось и имя Монмута. Как обычно, ко всему этому король выказывал очень слабый интерес. Мой отец сказал, что его больше интересуют любовницы, чем покушения на его жизнь. Все его отношение заключалось в одной фразе: заговор провалился, так чего ж теперь волноваться? Король ненавидел конфликты и старался жить со всеми в мире, он наслаждался остроумными беседами и обществом красивых женщин больше, нежели судом над своими врагами.

- Он такой человек, - сказал отец, - который не задумывается о смерти. Скорее всего, небеса он считает неким Уайтхоллом, где нет ни заговоров, ни утомительных разногласий. Ему требуется лишь удовольствие, которое он находит в женщинах, окружающих его.

- Но, говорят, что, например, в делах с Францией он может быть весьма хитер и изворотлив!

- Верно, - ответил отец. - Он направляет французского короля, куда ему хочется, и, что самое забавное, умеет убедить его, что тот руководит сам. Настоящее искусство! Карл ловок, Карл умен, но, кроме того, он еще и ленив и посвящает себя лишь женщинам. Ничто другое его более не интересует! Если б только он переменял свое решение и признал Монмута...

- А что теперь? - спросила моя мать. - Монмут же участвовал в этом...

- Джимми никогда бы не согласился на убийство своего отца, в этом я абсолютно уверен!

- Но как он это докажет?

Монмут действительно сумел убедить короля в том, что, хоть ему и было известно о существовании заговора, на убийство отца он никогда бы не пошел. Поверил ли ему король

или нет, никто точно сказать не мог. Никто не мог с точностью утверждать и то, что Монмут ради спасения престола не готовился стать отцеубийцей. Одно лишь было известно определенно - Карл не мог заставить себя казнить собственного сына, хотя тот вполне мог быть предателем.

Конечно, король не мог полностью забыть произошедшее, и результатом этого явилось изгнание Монмута из дворца. Когда мы услышали, что он уехал в Голландию, мать с облегчением вздохнула. Отец лишь посмеялся над ней. По его словам, она напоминала старую курицу, квохчущую вокруг своего семейства. Но, несмотря на все эти споры, они были близки друг другу, и мне нравилось видеть их такими.

Но, оказалось, что два человека, что жили неподалеку от нас, участвовали в том заговоре. Они неоднократно навещали нас в прошлом, будучи близкими соседями, и все мы испытали глубокое потрясение, услышав о том, что они под арестом. Одним из них был Джон Эндерби, живший со своей женой и сыном в поместье под названием Эндерби-холл, и совсем рядом с нами жил Жермен Хилтон из Грассленд Мэйнора.

Разговоров было много. Вне всяких сомнений, их собственность должна была быть конфискована и продана другим. Я хотела было воззвать к чувству справедливости, но мать запретила мне это делать.

Я повиновалась ей, но с тех пор часто думала об этих людях.

Они исчезли, и лишь дома их остались стоять, со временем принимая все более и более заброшенный вид.

Карлотте шел уже второй год, с каждым днем она становилась все красивее, а ее характер давал о себе знать. Ее изумительно голубого цвета глаза посветлее, однако, чем у Харриет, - привлекали внимание каждого, и я порой удивлялась тому, что все в один голос твердили, как все-таки она похожа на свою мать. Харриет это очень забавляло.

- Карлотта отлично справляется со своей ролью! - сказала она. - Этой девочке на роду написано быть актрисой, запомни мои слова!

К тому времени интерес Харриет к крошке уже пошел на убыль, да никто, собственно, и не ожидал от нее самоотверженного погружения в воспитание ребенка, не зная даже о том, что ребенок этот был не ее. Но у дверей детской, как сказочный дракон, несла стражу Салли Нуллес, грозя каждому, кто осмеливался приблизиться к ее ненаглядной. Теперь Салли стала совсем другой, и не верилось, что когда-то она была вечно недовольной старухой, просиживающей у закипающего чайника, что-то сердито ворча себе под нос. Теперь жизнь для нее вновь обрела смысл. То же самое случилось и с Эмили Филпотс. Карлотта была не обычным ребенком: она явилась их спасительницей, они молились на нее. Я знала, что Салли как хорошая и опытная нянька не допустит, чтобы ребенку был причинен вред. У Эмили были правила, которым должен был повиноваться каждый, но в то же время ради этой девочки она могла пожертвовать всем.

Карлотта не могла попасть в лучшие руки, и мне следовало успокоиться, но как я тосковала по ней в часы разлук и как мечтала о том, чтобы она стала навсегда моей!

Перед Рождеством Харриет и Грегори приехали к нам в Эверсли, поэтому моя крошка снова была со мной, что было прекрасно. Но Харриет опять предупредила меня, что я ни в коем случае не должна показывать вида, будто Карлотта что-то значит в моей жизни.

- Это может натолкнуть кого-нибудь на ненужные размышления, - сказала она. - Кроме всего прочего, это был весьма нетипичный поступок с моей стороны поехать в Венецию

специально для того, чтобы родить там ребенка. Постарайся держать себя в руках!

Я поняла, что она имела в виду, когда услышала, как моя мать сказала:

- Из Присциллы получится хорошая мать. Вы только посмотрите на нее с Карлоттой!

Можно подумать, что настоящая мать вовсе не Харриет, а она!

Да, теперь я поняла, как права была Харриет: я ступала по опасной тропе.

Рождество выдалось исключительно холодным, и отец сказал, что в январе мы все поедem в Лондон.

Из королевского дворца пришло несколько приглашений, которые нельзя было проигнорировать. Сказав это, он с задумчивым видом посмотрел на Кристабель и на меня, и я подумала, что он больше не считает меня ребенком. Может быть, я наконец созрела, что, я думаю, было неизбежно, особенно если учесть тот факт, что я была матерью. Мне было шестнадцать лет, и в июле должно было исполниться семнадцать. Я видела его насквозь, и хотя, как и прежде, он был равнодушен ко мне, но все-таки он вспомнил о своих обязанностях отца, что означало - пришло время подыскивать мне подходящую пару. Сама эта идея выглядела для меня отталкивающей. Она ужасала меня! Как я могу выйти замуж, не сказав мужу о своем ребенке?! Меня снова начали мучить тревожные предчувствия.

Это была самая холодная зима на памяти всех живущих. С начала декабря стояли сильные морозы, и, когда мы прибыли в Лондон, оказалось, что он превратился в другой город. Темза настолько промерзла, что торговцы устроили на ее льду настоящий базар. Это изменило лик нашей столицы, и все вновь прибывшие были немало изумлены. Жители же города уже привыкли к этому и ходили за покупками - да и просто на прогулку - только на реку.

Вокруг царило веселье. Холода дали повод к праздникам. Такой погоды никогда не было и, в этом никто не сомневался, больше никогда не случится. Лед был тверд, как камень: от Вестминстера к Темплю даже пустили кареты, а иногда на льду разводили костер.

Некоторые пуритане - а их было множество - объявили, что так холодно и будет, пока все мы, за исключением самых праведных, не замерзнем до смерти. Бог уже насылал чуму и великий огонь, и это еще одно его предупреждение.

Вокруг бродили угрюмые перевозчики: холода лишили их ремесла. Многие из них поставили свои лавки и превратились в торговцев.

- Что хорошо одним - плохо другим, - последовал философский ответ со стороны моего отца.

Мать, Кристабель и я часто наведывались на Темзу за покупками. Торговцы были веселы и бодры, но нам приходилось быть очень осторожными во время этих прогулок по льду. Все ждали оттепели, но лед был крепок, и морозная погода держалась уже так долго, что вряд ли все быстро бы растаяло, даже если бы неожиданно потеплело.

Там, на льду, мы и познакомились с Томасом Уиллерби, полноватым мужчиной средних лет. Он стоял у одного из прилавков и пил горячее вино. На льду Темзы многие торговали спиртными напитками, ибо в такую погоду на них был большой спрос.

Так получилось, что, когда мы проходили мимо, Кристабель поскользнулась и толкнула Томаса Уиллерби. Вино выплеснулось ему в лицо, и его красные струйки полились вниз по изысканному плащу.

Кристабель была в ужасе.

- Мой дорогой сэр, - воскликнула она, - мне так жаль! О ,Боже! Это я виновата! Ваш плащ испорчен!

Когда я взглянула на него, оказалось, что этот Томас Уиллерби обладает весьма приятной наружностью.

- Моя милая, - сказал он, - не переживайте! Вы ни в чем не виноваты: это все лед!

- Но ваш плащ... - вступила в разговор мать.

- Пустяки, леди, сущие пустяки!

- Если вино немедленно не смыть, могут остаться следы!

- Значит, моя милая леди, так тому и быть. Мне очень не хотелось бы, чтобы эта леди... - он приветливо улыбнулся Кристабель - ..беспокоилась о каком-то плаще. Она ни в чем не виновата. Как я уже сказал, во всем повинен этот скользкий лед!

- Вы так добры, - тихо вымолвила Кристабель.

- И теперь я прошу вас ни о чем не беспокоиться!

- Вы должны зайти к нам домой, - сказала мать, - я настаиваю! Там я прикажу застирать плащ, или мы посмотрим, что можно с ним сделать.

- Милая леди, вы так добры!

Было очевидно, что он с удовольствием принял это приглашение. Мы отвезли его в наш лондонский дом, который находился неподалеку от дворца Уайт-холл, и там мать заставила его снять плащ и приказала слуге принести один из тех, что принадлежали отцу. А пока нам подали вино и пирожки, которые мы называли винными - они были начинены пряностями и подавались горячими прямо с очага.

- Слава Господу! - сказал Томас Уиллерби. - Я бы сказал, будь благословен тот день, когда вы поскользнулись на льду!

Вскоре к нам присоединился отец, которому тут же рассказали о столкновении. Ему очень понравился Томас Уиллерби, он уже слышал о нем. Не тот ли он лондонский торговец, который десять лет назад приехал из деревни и за это время успел прославиться своей деловой хваткой?

Томас Уиллерби был тем человеком, который любил хорошие компании. Он был совсем не прочь поговорить и о себе. Да, он тот самый Томас Уиллерби, заверил он отца. Год назад он понес тяжелую утрату: он потерял свою нежно любимую жену. К огромному сожалению, у них так и не было детей. Ну, а теперь он подумывает удалиться от дел: он сделал приличное состояние и хотел бы поселиться где-нибудь в сельской местности, неподалеку от города... Может, он даже займется сельским хозяйством. Все, что ему требовалось, - это подходящий дом.

Они немного поговорили о сельских делах, и, конечно же, не обошлось без упоминания о заговоре "Ржаного дома". Оба сошлись на том, что для Англии день смерти короля станет поистине днем всеобщей печали, ибо наследников, за исключением брата короля и одного из его незаконнорожденных сыновей, не было. Томасу Уиллерби совсем не хотелось видеть нашу страну в лапах папистов, и в этом его мнение и мнение отца полностью совпадали.

К тому времени, как доставили его вычищенный плащ, мы, казалось, стали большими друзьями, и отец предложил Томасу Уиллерби взглянуть на два дома, которые находились неподалеку от нашего Эверсли-корта. Это были Эндерби-холл и Грассленд Мэйноу, которые были конфискованы, когда их владельцев схватили по обвинению в заговоре. Отец считал, что эти поместья должны попасть в хорошие руки, а Томас Уиллерби решил, что непременно должен поехать и взглянуть на них.

До самого февраля оттепели так и не было. Затем ларьки исчезли с реки, и лед начал трескаться. К тому времени Томас Уиллерби купил Грассленд Мэйноу, который находился всего лишь в полумиле от нас. Отец был очень доволен, что получил в соседи такого человека, и выказывал по отношению к нему дружеские чувства.

Томас часто навещал нас и очень радовался этим встречам, но, как мне казалось, особенно его привлекала Кристабель. Он, несомненно, был очень доволен случаем, что ввел его в круг нашей семьи.

Мой отец, естественно, был одним из тех, знакомства которых ищут: богат, влиятелен при дворе, близкий друг короля и герцога Монмута, хотя последний после своего изгнания не пользовался особой популярностью. А Томас Уиллерби был не из тех, что выдвинулись в высшие слои общества. Он приехал в Лондон в погоне за фортуной, и, работая в поте лица и прославившись своей честностью, разбогател. Пользуясь уважением со стороны тех, кто был рожден в более избранной среде, нежели он сам, он был весьма рад тому, что и в Эверсли его принимали как друга.

Он и Кристабель стали часто встречаться. Кристабель считала себя некрасивой, хотя, не вбей она себе это в голову, все бы думали о ней как об очень приятной девушке. Но Томас Уиллерби заметил ее красоту, и однажды она пришла ко мне, светясь от радости.

- Присцилла, я должна поговорить с тобой, - сказала она. - Случилось нечто изумительное!

Я взмолилась о том, чтобы она не тянула, а говорила побыстрее.

- Твой отец послал за мной, сказал, что Томас Уиллерби просил моей руки и что он дал на это свое согласие! Присцилла, я выхожу замуж за Томаса Уиллерби!

- А ты..., любишь его?

- О да! - пылко ответила она. - Люблю! Я обняла ее.

- Тогда я рада за тебя!

- Я не заслуживаю этого счастья, - сказала она.

- Кристабель, конечно же, ты его заслуживаешь!

Она покачала головой.

- Видишь ли, теперь справедливость восстановится...

Я не совсем поняла, что она имеет в виду. Кристабель поколебалась немного, после чего продолжила:

- Теперь он это признал, и тебе следует все знать! Я это подозревала, еще когда приехала сюда...

- О чем ты говоришь, Кристабель?

- Я не дочь Конналтам! Моим отцом был твой отец, а моей матерью - леди Летти!

- Кристабель!

- О да, - сказала она, - когда-то давно они вступили в связь, несчастным последствием которой явилась я! Твой отец тогда был женат на своей первой жене, и было немыслимо - ты сама это прекрасно знаешь, - чтобы леди, которая была не замужем, родила вдруг ребенка! Поэтому я была рождена втайне, подобно твоей Карлотте, а потом отдана на воспитание Конналтам и возвращена как их собственная дочь! Леди Летти назначила им пособие, и они вернулись в свой дом с новорожденным ребенком.

- Моя дорогая Кристабель! - Я обняла ее и поцеловала. - Тогда мы - сестры!

- По отцу, - поправила она меня. - Но ты была признана, принята, рождена в браке - в этом разница!

Я тут же вспомнила о Карлотте и пообещала себе, что с ней такого не случится: она будет пользоваться всеми правами.

- А ты это знала, Кристабель?

- Я догадывалась! Наш отец иногда приезжал к Конналтам, чтобы взглянуть на меня. Я это чувствовала! И леди Летти тоже проявляла интерес к моей судьбе. Она часто присылала мне вещи - хотя предполагалось, что все это исходило не от нее. А когда я приехала сюда, со мной начали обращаться не как с гувернанткой, но в то же самое время и не как с членом семьи! Вот тогда я все и поняла!

- Если бы ты сказала мне об этом раньше!

- А если бы ты случайно проговорила? Меня бы тут же вышвырнули из дома!

И тут я все поняла - и эту горечь, и эти приступы подавленности! Бедная Кристабель!

- Странно, - сказала она. - Нас - тех, кто был рожден так, как я, - нас называют детьми любви, однако очень часто именно любви нам больше всего и не хватает!

"Вот и Карлотта тоже, - подумала я, - мое дитя любви!" Но у Карлотты будет все, об этом я позабочусь!

- Так чудесно вдруг обрести сестру! - сказала я.

- Я ужасно ревновала тебя! Мне очень стыдно!

- Ничего, я понимаю. Теперь ты уже не будешь ревновать?

- О нет, нет! Теперь у меня ни к кому не будет ревности! Томас избрал меня такой, какой я была! Я всегда это буду помнить!

- Я думаю, он очень хороший человек, Кристабель, - сказала я.

- Да, - ответила она, - О, Присцилла, я так счастлива!

По словам отца, откладывать свадьбу не было никакого смысла, поэтому она состоялась спустя несколько дней. Кристабель цвела, она была счастлива. Все свое время она посвятила обстановке Грассленд Мэйнора, но не забывала навещать и нас, хотя была вся в заботах о своей семейной жизни. Она только и делала, что говорила о Томасе Уиллерби, что меня

очень поражало: раньше она всегда казалась такой холодной и не показывала своих привязанностей. Никогда и ни в ком другом не наблюдала я такой разительной перемены. Конечно, ее муж тоже был счастлив с ней, и никто не сомневался, что брак этот будет очень счастливым.

Спустя какое-то время она приехала в Эверсли и по секрету сообщила мне, что у нее будет ребенок. Теперь у нее было все для полного счастья. С гордостью она продемонстрировала мне потом свою детскую, а Томас, как заметил Карл, все это время глядел на нее, будто она была Девой Марией.

Я с большим удовольствием наблюдала за их счастьем, и теперь пришла моя очередь испытывать уколы ревности. Я подумала, как все было бы, если бы Джоселин и я поженились я бы открыто готовилась к рождению ребенка, вместо того чтобы участвовать в этом нелепом фарсе! Более того, долгое время я не могла видеть мою девочку, поэтому особо радоваться своей судьбе мне не приходилось.

В декабре у Кристабель родился ребенок. Мать и я поехали в Грассленд и присутствовали при его рождении. Мы должны были успокаивать Томаса, который очень переживал. Его привязанность к Кристабель была такой нежной и искренней, что я подумала, какую замечательную шутку сыграла с нами судьба в тот день, когда мы пошли на Темзу.

Роды были долгими и трудными. Но, несмотря на это, в положенное время мы услышали крик ребенка. Радость, отразившаяся в тот момент на лице Томаса, глубоко тронула меня. Мы замерли в ожидании. Наконец, появилась повивальная бабка.

- Мальчик! - сказала она. В комнате воцарилась тишина. Томаса переполняла радость, и он не мог вымолвить ни слова. Потом сказал:

- А моя жена?

- Очень устала, она не может принять вас пока что...

В ее голосе послышалось предупреждение, и меня пронзил страх. Я взглянула на Томаса и увидела, как радость его постепенно угасает.

- Это был тяжкий труд, - сказала мать. - Когда она отдохнет, все будет в порядке.

В течение следующих нескольких дней все переживали за здоровье Кристабель: ее охватила лихорадка. Отец послал к ней нашего доктора, еще он привез в Грассленд Мэйноу одного из королевских врачей. Я была рада, что он так поступил: это доказывало, что он испытывает к своей дочери какие-то чувства.

Моя мать и я больше времени проводили у Кристабель, чем в Эверсли-корте. Вместе мы ухаживали за ней и обрадовались, когда увидели, что постепенно дело идет на поправку.

- Скоро она выздоровеет, - сообщила я Томасу.

Он схватил меня и крепко прижал к себе. Я была очень тронута и одновременно с тем удивлена, что Кристабель может пробудить в человеке подобную привязанность.

Что касается ребенка - его окрестили тоже Томасом, - то он благополучно рос, даже не подозревая о той трагедии, которая чуть было не разыгралась после его родов. Доктора сказали, что Кристабель должна быть очень осторожной и ни в коем случае в течение нескольких лет не рожать детей.

Рождество пролетело незаметно, и приближался Новый год. Маленькому Томасу мы подыскали хорошую кормилицу, и неприятностей он пока что никаких не доставлял. Он был хорошеньким и очень сильным малышом, к великой радости его родителей.

Больше всего в жизни Кристабель не хватало того, что сейчас она в полной мере обрела, - любви. Теперь она и сама научилась любить других, и я никогда не встречала женщины, которая была бы больше счастлива своей судьбой, чем Кристабель.

Отец признался матери, что Кристабель - его дочь, на что она ответила, что уже давно об этом догадывалась и теперь хочет сделать для нее как можно больше, чтобы заставить ее забыть о годах, проведенных ею в доме викария.

Однажды в холодный январский полдень, когда северный ветер с яростью штурмовал стены замка и так приятно было сидеть перед камином, Кристабель пришла ко мне.

- Как все-таки странна эта жизнь, Присцилла! - обратилась она ко мне. Всего год назад у меня не было ничего, будущее казалось мрачным, я страшилась его. А потом вдруг все изменилось: ко мне пришло счастье, о котором я даже никогда не мечтала!

- Такова жизнь, Кристабель. Думаю, это был хороший урок: никогда не следует терять надежду!

- Но и обольщаться, наверное, тоже не стоит.

- Я согласна. Когда мы счастливы, мы должны жить полной жизнью и не задумываться о будущем!

- Ты так думала, когда была на том острове с Джоселином?

- Я тогда об этом не думала: просто я была счастлива любить и быть любимой! Я приняла тот миг без малейших раздумий!

- Но каковы были последствия!

- Я ни на что на свете не променяла бы Карлотту! - ответила я.

- Присцилла, боюсь, я так испорчена...

- О чем ты говоришь?

- Я не заслуживаю всего этого!

- Конечно, заслуживаешь, иначе бы это тебе не принадлежало. Неужели ты думаешь, что Томас полюбил бы такую женщину, которой ты себя считаешь?

- С ним я совсем другая! Я полюбила его сразу, когда столкнулась с ним на льду! У нас есть маленький Томас, муж так счастлив! Он всегда хотел иметь детей, а теперь у него есть сын! Он говорит, что не может поверить, что все это досталось ему из-за какого-то скользкого льда!

- Ну, все так и получилось! И теперь все, что тебе надо, - это принять свое счастье!

- Что я и собираюсь сделать! Я постараюсь ни в коем случае не испортить его!

- Тогда не говори ничего, даже не думай.

- Но я не могу наслаждаться счастьем в полной мере, пока ты не простишь меня!

- Простить тебя? За что?

- Я завидовала тебе, думаю, иногда даже ненавидела тебя! Ты была так добра ко мне, но я ничего с собой не могла поделать! Ты мне нравилась, но во мне был какой-то барьер. Это было ужасно! Это заставляло меня желать тебе вреда!

- Что ты говоришь?!

- Я чувствовала себя изгоем, никому не нужным ребенком, чье существование доставляет одни лишь неприятности... Быть оторванной от своих родителей, Присцилла, - это разбивает сердце малыша! Я никогда не ощущала на себе родительской любви: у Конналтов ее просто не было! Они были худшими приемными родителями, которых только можно пожелать ребенку.

- Все позади, Кристабель, все закончилось! Теперь у тебя есть сын, муж, который

боготворит тебя, и этот чудесный дом! Забудь о том, что ты перенесла, чтобы достичь этого... Теперь ты здесь, и все будет иначе!

- Ты поймешь меня, Присцилла, я знаю, но дай мне исповедаться! Это облегчит мне душу! Во мне сидело страстное желание унижить тебя так, как унижали меня: ты была законной дочерью, я же - незаконнорожденной! Видишь, у меня очень неприятный характер! Я знала, что происходит между тобой и Джоселином, я знала, как вы невинны, я знала, что чувствуют люди в отчаянии! Мы собирались на остров, помнишь?.. И тогда я притворилась, будто у меня страшно болит голова, и не поехала! Я знала, что под вечер выпадет туман: один из садовников сказал мне об этом. Я специально все подстроила так, что вы поехали одни...

- Но зачем?

- Про себя я сочла, что все случится именно так, как случилось. Я тогда будто сошла с ума, злоба перевернула все мои мысли. Злоба и зависть - самые страшные из всех чувств! Вы находились в отчаянном положении, и было совершенно очевидно, что вы ухватитесь за возможность провести несколько часов вместе. Я не думала, что может родиться ребенок, но, конечно, это было возможно. Теперь ты понимаешь, что я тогда замыслила? Я - очень злобное создание, и я подстроила это тебе, которая всегда была так добра ко мне!

- Это вся твоя исповедь? - спросила я.

- А этого недостаточно? Я поцеловала ее.

- Пожалуйста, Кристабель, забудь об этом! Карлотта столько значит для меня, что я не могу думать о том, как все это произошло!

- Если бы ты вышла замуж за Ли: он любит тебя! Тогда бы ты имела детей, которые были бы с тобой всегда, и не понадобилось бы всех этих тайн!

- Кристабель, ты везде ищешь беду. Я заметила это с самого начала. Эдвин разочаровал тебя?

- Я никогда не любила Эдвина, теперь я это понимаю! Я просто искала путь, которым могла бы выбраться из нищеты. Эдвин слаб, а мне нравятся сильные мужчины!

- И теперь у тебя есть муж и ребенок! Будь счастлива, Кристабель, ты должна радоваться жизни и принимать ее дары! Если ты не научишься этому, ты можешь все потерять!

Она содрогнулась, и я обняла ее за плечи.

- Я ужасная женщина, Присцилла! - сказала она. - Если бы ты только знала... Я поцеловала ее.

- Хватит об этом! Могу я попросить, чтобы принесли маленького Томаса?

Она, в свою очередь, обняла меня и кивнула.

Когда мы вернулись в Эверсли, нас ждало огромное потрясение. Отец мерял шагами зал, находясь, по-видимому, в сильном волнении.

- Что случилось? - воскликнула мать.

- Король умер! - ответил он.

Мать прижала руку к сердцу и побледнела.

- Карлтон, что же теперь будет? - прошептала она. - О, Боже, не дай разразиться несчастьем! Но он был не так уж стар, пятьдесят пять - это не возраст для мужчины!

- Да, - добавил отец. - Правда, последние два года он не очень хорошо себя чувствовал и был уже не тем, что раньше, когда был полон здоровья. Но в последнее время он стал

раздражителен, что совсем не свойственно ему. Я предвидел, что так случится, но не думал, что все произойдет так внезапно! Может, он слишком хорошо жил? Его жизнь подходила к концу, хотя он смог уложиться в меньшее количество лет, нежели остальные!

И они заговорили о том, что волновало сейчас всех, - что предпримет теперь Монмут и как поступит мой отец.

Отец продолжал свой рассказ о смерти короля. Вечером, перед тем, как он почувствовал себя неважно, король был среди своих друзей и выглядел вполне здоровым. Он ужинал с любовницами - герцогинями Портлендской и Кливлендской и герцогиней Мазарини - и выказывал им много знаков своей привязанности. В тот вечер, как обычно, были игры и музыка, и всех очаровал своим пением маленький французский мальчик, которого любезно прислал король Франции.

Затем король посетил покои герцогини Портленд, после чего вернулся и шутил в своей обычной благожелательной манере. Камергеры, в чью обязанность входило спать в его комнате вместе с собаками - постоянными спутницами короля, говорили, что король стонал во сне, а когда проснулся, то почувствовал себя плохо. Он принял несколько капель лекарства, которое изобрел сам, "Королевские капли". Пятнадцать капель этого снадобья на бокал вина считались верным средством от всех болезней. Но, к сожалению, королю это не помогло, и во время бритья слуги с ужасом увидели, что лицо его вдруг покраснело, глаза выкатились и уставились в потолок, а тело грузно осело в кресле. Он попытался подняться и упал им на руки. Все поняли, что смерть близка.

Герцог Йорк - наследник трона - сразу прибежал к постели брата. Никто не понял, узнал его Карл или нет.

- Йорк! - сердито вскричал отец. - Какое печальное время наступит для нашей страны при таком короле! Карл знал, что народ не хочет видеть на троне Якова. Разве он сам не сказал как-то: "От меня никогда не избавятся, Яков, потому что иначе они получают тебя! Таким образом, корона твердо сидит у меня на голове!" Ну почему он не признал Монмута?

- Все равно бы нашлись те, кто выступил за Якова!

- Да, католики! - сердито ответил отец. Затем он продолжил свой рассказ о том, как пытались спасти жизнь короля. Были перепробованы все известные средства: горячее железо прикладывали ко лбу, в рот вливали снадобье из черепов. Короля терзали ужасные боли, однако он сохранял контроль над речью и даже пытался шутить.

- Нам показалось, что он еще будет жить, - сказал отец. - Вы бы видели радость, отразившуюся на лицах людей: хотели даже разжечь костры повсюду! Однако радоваться было рано: вскоре случился еще один приступ, и уже ни у кого не было сомнений в том, что король умирает. Перед смертью он продиктовал нам свою волю относительно любовниц и незаконнорожденных детей: он позаботился о них.

- А Монмут? - спросила мать.

- Он не называл его имени.

- Так значит, Яков II теперь король Англии?

- Да, спаси нас Господи!

- Карлтон, но ты останешься здесь, в деревне?

- Моя дорогая Арабелла, ты же меня хорошо знаешь!

- Но разве для тебя ничего не значат твой дом, твоя семья?..

- Они значат для меня так много, - сказал он. - что, если понадобится, я отдам ради них свою жизнь!

Они, казалось, совсем не замечали меня. Я повернулась и вышла из зала. Отец успокаивал мать, прижав к груди, но я хорошо его знала. Он принадлежал к тому типу людей, которые, если уж решали про себя, что дело праведное, никогда не отступали от него. Он был одним из тех, которые остались в Англии во время Республики, чтобы работать для возвращения короля, и он жил среди врагов, сльвя круглоголовым - он, самый преданный из роялистов! Он рисковал своей жизнью каждую минуту на протяжении долгого времени, и теперь он снова вставал на эту дорогу. Я почувствовала страх за него.

С тех пор жизнь нашу мирной назвать было никак нельзя. Мать ходила по дому, своим видом напоминая привидение, а отец часто уезжал в королевский дворец. Я заметила, насколько нервной стала мать: каждый раз, когда со двора до нашего слуха доносился стук подков, она вздрагивала.

Мы узнали, что новый король открыто выслушал католическую мессу в королевской часовне. Квакеры послали ему петицию, в которой они выражали свою искреннюю печаль по поводу кончины Карла и показывали свою лояльность новому королю, но весь смысл этого обращения скрывался в заключительных словах:

"До нас дошло, что ты не более сторонник английской церкви, чем мы, и мы надеемся, что ты облечешь нас той же степенью свободы, что позволяешь себе..."

В апреле новые король и королева были коронованы. Яков ясно показал всем свои симпатии, арестовав Титуса Оутса, и, хотя никто по этому поводу не печалился, это лишь еще раз доказывало то, что король не желает, чтобы католиков тревожили. Титуса Оутса заставили выплатить штраф в тысячу фунтов, лишили духовного сана и публично высекли. Кроме того, в течение всей жизни, согласно решению суда, он должен был пять раз в год вставать к позорному столбу. Это, наверное, явилось для него самой страшной карой, ибо он приобрел себе немало врагов во время своего ужасного правления.

Наступил май - месяц неземной красоты. Двадцать пять лет назад в это время Карл вернулся в страну, чтобы вновь вступить во власть над своим королевством, и все эти годы Англия почивала в спокойствии и благоденствии. Время пуритан прошло, и главным в жизни было удовольствие. Король показал всем пример, а страна была лишь рада следовать по его стопам. Его царствование омрачилось лишь заговорами папистов и "Ржаного дома", да и то затеянными глупыми и злыми людьми.

Однако теперь наше благоденствие подошло к концу: на престол взошел новый король-католик, и это в стране, которая в большинстве своем была протестантской! Поговаривали, что и Карл был католиком, но он обладал достаточным умом, чтобы скрывать это. Яков же был не так мудр, и в этот прекрасный месяц май над нашим домом нависли зловещие тучи.

- Герцог Монмут вышел из Тексея на фрегате и двух небольших судах, - как бы между прочим сказал отец, но я сразу поняла, какое волнение крылось за этими словами.

- Значит, - хмуро произнесла мать, - он направляется в Англию? Отец кивнул.

- Он не будет таким глупцом, чтобы... - начала было она.

- Он - сын короля! - прервал ее отец. - Многие утверждают, что король все-таки был женат на Люси Уолтер! И самое главное - он стоит за дело протестантов!

- Карлтон! - воскликнула мать. - Ты же не...

- Дорогая моя, - рассудительно ответил он, - можешь быть уверена, я поступлю так, как сочту необходимым для нашей семьи.

Больше он не мог сказать ничего, но он ждал, и мы знали, что в один прекрасный день его позовут. Прошло почти три недели, и вот, наконец, это случилось. Монмут высадился в Дорсете и призвал всех друзей присоединиться к нему. Он собирался силой отобрать трон у Якова.

В тот же день, как отец уехал, Парламент обвинил Монмута в государственной измене, где говорилось, что за голову герцога, живого или мертвого, назначена награда в пять сотен фунтов. Мать была безутешна.

- Ну почему он должен был сделать это?! - рыдала она. - Ведь разразится гражданская война! Почему мы должны вставать на чью-то сторону? Какое мне дело до того, какой король сидит на троне?

- Это имеет значение для отца, - сказала я.

- Неужели это значит для него больше, чем его дом, его семья?

- Он всегда защищал кого-то, - напомнила я ей. Она кивнула, и горькая улыбка тронула ее губы. Я знала, что она вспоминает, как впервые вошла в этот дом, когда она приехала сюда со своим первым мужем - отцом Эдвина, - и как встретила здесь с отцом, который тогда рисковал своей жизнью ради дела.

- У Монмута ничего не выйдет! - страстно произнесла она. - Я знаю это!

- А я знаю, - уверила я ее, - что отец выживет в любой ситуации!

Это немного успокоило ее, и нам оставалось только ждать. Тогда мать и дала мне прочитать наши семейные дневники, и я узнала много нового для себя. Теперь я испытывала к ним обоим новую, особую нежность.

Пришли очередные известия. Монмут взял Таунтон, и у всех создавалось впечатление, что весь запад страны готов присягнуть ему. Опыренный победой, он, в свою очередь, выпустил указ, прямо противоположный королевскому, где сам предлагал за голову короля Якова пятьсот фунтов и называл парламент бунтарским.

Как сказала мать, это было обычным хвастовством с его стороны. Он был молод и безрассуден. Вполне возможно, что он действительно являлся сыном короля, но он никогда не станет таким, каким был его отец.

- Но как же отец? Ведь Монмут обречен на поражение, оно у него на лице написано! Я молю Бога, чтобы Он защитил отца!

Вскоре пришло торжествующее письмо от отца: в Таунтоне Монмут был объявлен королем и теперь шел на Бристоль. Позднее мы услышали, что он так и не дошел до него, ибо приближалась армия короля, поэтому он отступил в Бригуотер и там готовился к большому сражению.

Отец написал нам накануне битвы и послал письмо с нарочным:

- "Возрадуйтесь, ибо вскоре будет на нашем троне новый король, и, хотя его и будут именовать Яковом, звать его будут не Яковом Стюартом. Это будет Яков Скотт, король всей Англии"

Прочитав это письмо, мать ужасно разозлилась.

- Как было глупо с его стороны - писать такое! Такой риск! О, Присцилла, я боюсь за него, я так боюсь!

Я снова упомянула о том, что отец выберется из любой беды.

Исход той роковой битвы хорошо известен всем. Да и что мог сделать Монмут против королевских сил, возглавляемых графом Фавершемом и Джоном Черчиллем? Армия же Монмута состояла из крестьян да еще из людей, подобных моему отцу, которые, несмотря на

свою храбрость и преданность, никогда не были профессиональными воинами.

Армия Монмута была с легкостью разгромлена, а сам Монмут, увидев, что все пропало, больше заботился о собственной жизни, нежели о жизнях тех, кто так преданно защищал его. Многих взяли в плен - среди них оказался и отец.

Мы были поражены до глубины души, хотя мать ожидала несчастья с той самой поры, как скончался король.

Новости становились все хуже. Отец находился в тюрьме, в Дорчестере, и, когда мать узнала, что на суде будет председательствовать сам Верховный судья - барон Джордж Джефффриз, ее охватил ужас.

- Он жестокий человек! - воскликнула она. - Он злобен и отвратителен! Я такие истории слышала о нем, а судьба твоего отца будет зависеть только от его милосердия! Когда его еще только назначили на этот пост, Карлтон сказал, что не понимает, почему именно ему предоставили эту должность. Король тоже не любил Джефффриза, однажды он даже сказал, что у того нет ни знаний, ни здравого смысла, ни манер, но зато он обладает большей наглостью, чем десять уличных проституток, вместе взятых. Это было знаком того, что король начинает слабеть, раз все-таки он уступил. О, я так боюсь! Джефффриз ненавидит таких, как твой отец: он завидует им, их добропорядочности, уму и твердости. Он никого не пощадит! Ничто не доставляет ему большего наслаждения, чем смертный приговор!

Я не могла выносить ее отчаяние. Я все время придумывала невероятные планы освобождения отца. Мысль о том, что его заточили в тюрьму, была сама по себе ужасной.

Томас и Кристабель приехали навестить нас сразу, как только услышали новости, - они были искренне опечалены. Томас даже попробовал нас успокоить.

- Джефффриз жаден, - сказал он. - Намекают, что в обмен на некоторую сумму он проявит снисходительность. Говорят, он надеется сделать себе состояние на этих разборательствах, так как в это дело вовлечены очень богатые люди!

- Тогда у нас есть надежда! - воскликнула мать.

- Но это надо проделать очень тактично, и тогда, думаю, он пойдет вам навстречу!

- Я отдам все, что у меня есть! - с жаром ответила она.

Приезд семейства Уиллерби немного развеял мрачное настроение матери, и той ночью она пришла ко мне в комнату. Она выглядела очень болезненно, под глазами у нее залегли темные тени. Мне так хотелось успокоить ее, я знала, что без отца жизнь для нее потеряет всякий смысл. Войдя в комнату, она остановилась у двери.

- Я решилась! - сказала она. - Завтра я уезжаю в Дорчестере!

- Я поеду с тобой! - ответила я.

- О, мое милое дитя! - воскликнула она. - Я знала, что ты так скажешь!

- Рано утром все соберем, - сказала я, - и сразу, как будем готовы, выедем.

События, что последовали вслед за этим, стали для меня настоящим кошмаром. По сей день я с ужасом вспоминаю то время.

Путешествие проходило в мрачной обстановке, и в гостинице, где мы остановились, только и говорили о так называемом восстании Монмута. Имя судьи Джефффриза, как правило, произносилось шепотом, и было очевидно, что все искренне сочувствуют его жертвам. Дело было не только в том, что он выносил самые жестокие приговоры, но и в том, что он делал это с огромным удовольствием и мог превратить невинного в закоренелого преступника.

Постепенно мы приближались к западу страны, и темные тучи все плотнее сгущались над нами. Армия Монмута действовала только в Дорсете и Соммерсете, поэтому пленников судили только в этих графствах. Джефффриз чувствовал себя там как рыба в воде. Он наслаждался своей мерзкой работой. Приговор приводился в действие сразу по вынесении, и никаких исключений не делалось: через двадцать четыре часа после суда виновный уже болтался на виселице.

- О, Боже, - взмолилась мать, - помоги нам прибыть туда вовремя!

Думаю, я больше жалела ее, чем отца. Если он будет приговорен к смертной казни, смерть наступит очень быстро. Ее же эта трагедия будет преследовать до конца жизни. Она чуть с ума не сходила от страха. "Мы спасем его!" - пообещала я ей. Это вполне возможно, и она должна надеяться. Мы приедем туда вовремя, мы пожертвуем всем, лишь бы спасти жизнь отца.

Но больше всего мать страдала, когда нам приходилось останавливаться на ночлег! Будь ее воля, она ехала бы и по ночам. Чем ближе мы подъезжали к месту заключения отца, тем сильнее охватывал нас смертельный ужас. Судья, о котором все говорили с таким отвращением, отдал приказ, чтобы все могли видеть, что происходит с предателями. По несколько раз за день мы проезжали мимо деревьев, на ветвях которых висели части человеческих тел или трупы повешенных. Воздух был пропитан запахом смерти.

- Что нам делать? - Мать была безутешна. - Что можем мы сделать, когда приедем?

В одной из гостиниц, где мы остановились на ночь, мы услышали рассказ о деле леди Лайл, все преступление которой заключалось в том, что она накормила двоих последователей Монмута, которые бежали с поля сражения. Джефффриз обошелся с бедной женщиной так жестоко, что этот случай обсуждался повсюду.

У этого судьи были способы запугать присяжных и заставить их вынести тот вердикт, который нужен был ему. Если же они вдруг склонялись к милосердию, он прожигал их таким взглядом, что они начинали дрожать в своих креслах. Даже присяжные были не уверены в своей судьбе - судья вполне мог возбудить дело и против них самих, если они не будут исполнять его приказов.

Эту бедную женщину обозвали предательницей, и она должна была умереть смертью предателя. Он приговорил ее к смерти на костре.

Чаша терпения постепенно переполнялась. Более того, пошли слухи, что жестокость, продемонстрированная по отношению к леди Лайл, исходила из высших кругов, ибо леди была вдовой Джона Лайла, одного из судей, приговоривших к смерти Карла.

Все выглядело так, будто король мстил за смерть своего отца, и друзья леди Лайл утверждали, что она виновна лишь в том, что, во-первых, накормила людей, которые, как оказалось, бежали из-под Седжмура, и, во-вторых, что была женой человека, который вместе с остальными приговорил к смерти Карла.

Якову надо было хорошо обдумать это дело. Как бы поступил его брат Карл? Он никогда бы не позволил, чтобы с женщиной так обращались. Якову не нравилось, когда его сравнивали с его братом, но у него хватило здравого смысла, чтобы понять, что если он обречет несчастную женщину на одну из самых варварских смертей, это не пойдет ему на пользу. И в то же самое время ему хотелось, чтобы все убедились в том, что поднимать оружие против него бесполезно. И леди Лайл была спасена от смерти на костре лишь затем, чтобы ей тут же отрубили голову на плахе.

С тех пор как мы уехали из дома, мать почти ничего не ела. Она очень побледнела и

похудела. Я начала опасаться за ее здоровье.

Затем до нас дошли новости. Монмут бежал в Нью-Форест еще до окончания сражения. Там он прятался несколько дней, но вскоре был схвачен и доставлен в Лондон, где обратился к королю с просьбой спасти его жизнь.

- Ради моего отца! - умолял он. - Вы - мой дядя, вспомните об этом!

Но Яков помнил лишь то, что Монмут пытался отобрать у него корону. "Нет никакого смысла откладывать казнь", - сказал он в ответ.

Мы уже добрались до самого Дорчестера, когда нам сообщили о смерти Монмута. Он бросил армию, он раболепствовал перед королем, но, как только его известили о приговоре, он встретил смерть лицом к лицу, подтвердив на эшафоте преданность английской церкви. Это, должно быть, была ужасная сцена, потому что палачу пришлось ударить пять раз, прежде чем удалось отделить голову от тела. Так погиб герцог Монмут - отважный, честолюбивый и не разборчивый в средствах человек. По крайней мере, он умер смертью храбрых.

Мы остановились в гостинице Дорчестера, города торгового и полного людей, ибо сквозь него проходила дорога на Девон и Корнуолл. Земляные укрепления города, известные как Замок Девственниц, - реликвия, возведенная еще четыре тысячелетия назад, когда все земля была покрыта лесами, - привлекали к себе множество людей, но нам было не до прогулок.

Мать, обезумевшая от беспокойства и расстроенная до глубины души, так как понятия не имела, каким образом можно договориться об освобождении отца, впала в отчаяние. Результатом всех ее волнений явилась страшная лихорадка, которая свалила ее, стоило нам приехать в город. Я перепугалась и утром побежала за доктором. Он пришел и сказал, что мать должна отдохнуть и что ни в коем случае ее нельзя беспокоить. Чтобы она заснула, он дал ей какого-то лекарства.

- Вы приехали сюда, потому что в тюрьме сидит кто-то из ваших родственников? - спросил он. Я кивнула в ответ.

Доктор печально покачал головой:

- Не будите ее как можно дольше. Причиной ее болезни были сильные переживания. Я уже достаточно навидался таких случаев с тех пор, как наш город превратили в место судилища и бойни.

Я была благодарна ему за сочувствие, но что же мне теперь делать? Как я справлюсь со столь щекотливым делом? К тому же я теперь должна была заботиться о больной матери! Меня терзали мрачные предчувствия.

Когда доктор ушел, я спустилась вниз, в общий зал. Я подумала, что, может, мне стоит поговорить с хозяином гостиницы? Здесь мог проживать кто-нибудь, может быть, из армии, кто помог бы мне?

Мой дедушка, отец матери, был генералом Толуорти, Эверсли тоже были связаны с армией. "Да, - решила я, - вполне возможно, что в этом городе найдется хоть один высокопоставленный военный, который будет готов помочь мне".

Я вошла в зал. Там сидел какой-то человек, одетый в военную форму. Мое сердце быстро забилося: мои молитвы были услышаны.

- Добрый день! - сказала я. Он повернулся. Я оказалась лицом к лицу с Бомонтом Гранвилем и содрогнулась от ужаса!

- Простите, - пробормотала я. - Мне показалось, что я знаю вас.

После чего я повернулась и бросилась вверх по лестнице. Я вся дрожала, кошмар становился все страшнее.

Я взглянула на мать, спящую глубоким сном. Лицо ее было бледно, а грудь почти не вздымалась. Я опустилась перед кроватью на колени и зарылась лицом в одеяло. Мной овладела тревога.

Спустя несколько минут я встала. "Он не мог узнать меня, - уверяла себя я. - Он ничего не сказал, но теперь мне надо быть очень осторожной. Я должна держаться от него подальше".

Что за злая судьба привела его в Дорчестер? Я не думала, что он может быть одним из людей короля.

Этот город был полон военных. Я посмотрела в зеркало. Я, должно быть, очень изменилась после Венеции? Нет, он не узнал меня: я выбежала из комнаты сразу, как он взглянул на меня.

Я опустилась в кресло, и снова мне вспомнились те дни в Венеции - ночь на балу, когда он чуть не похитил меня, рождение Карлотты. Я вспомнила Харриет такую милую, энергичную, находящую наслаждение в опасностях.

"Что мне делать?" - думала я. Я чувствовала, что с каждой минутой меня все больше и больше охватывает отчаяние.

Раздался стук в дверь. Я поднялась и крикнула:

- Кто там?

Это был хозяин гостиницы. Я открыла дверь. В его руке было зажато какое-то письмо.

- Один джентльмен просил меня передать вам вот это, - произнес он.

Я взяла конверт и спросила:

- Какой джентльмен?

- Он внизу, моя леди, и ждет ответа.

- Благодарю вас. - Я закрыла дверь и прислушалась к его шагам, удаляющимся вниз по лестнице.

Сначала я боялась распечатывать письмо, но потом поднесла его к окну, и вот что прочла:

"Я знаю, кто вы и зачем здесь. Я думаю, что смогу помочь вам. Не могли бы вы спуститься в зал, где мы бы обсудили этот вопрос?" Я с изумлением воззрилась на бумагу. Значит, он все-таки узнал меня? Что бы это могло значить? Он мог бы помочь мне? Первым моим желанием было порвать письмо.

Несколько секунд я стояла, не зная, что делать, но потом взглянула на лицо матери. По крайней мере, я не должна упускать эту возможность, но все мои чувства призывали не верить этому человеку. Я не знала, как поступить. В Эверсли легко было говорить: "Предложите взятку. Говорят, Джеффрис богатеет на этих кровавых делах". Но как предложить? И я поняла, что встречу с Бомонтом Гранвилем! Я должна была, другого выхода не было! Я спустилась в зал.

Когда я вошла, Гранвиль повернулся. Как мне показалось, по его губам скользнула победная ухмылка. Он поднялся и низко поклонился.

- Итак, - сказал он, - мы снова встретились?

- У вас есть что сказать мне?

- Разумеется! Не присядете? Я уже сказал хозяину, чтобы нас не тревожили.

Я опустила на один из стульев, нас разделял стол. Я посмотрела на него: Бо Гранвиль - это имя подходило ему. Он обладал такими взглядами на жизнь, из которых вывел, что весь мир принадлежит только ему. Я думаю, он очень гордился своей внешностью. От его одежды повеяло запахом, который я тут же узнала: смесь мускуса и сандалового дерева. Никогда я не любила этот запах!

- Я знаю, зачем вы приехали: ваш отец здесь в тюрьме! Суд состоится через два дня!

- Через два дня, - медленно повторила я. Он улыбнулся. У него были идеально ровные зубы, которые он явно любил показывать окружающим.

- Таким образом, у нас осталось мало времени! - сказал он.

- Да, - тихо ответила я.

- Знаете, я мог бы помочь вам!

- Но как?

Он пожал плечами.

- Мой замок располагается на окраине этого города. Я хорошо знаком с судьей: мы часто развлекались вместе. Думаю, моя просьба для него что-нибудь да значит!

- Мы заплатим! - страстно воскликнула я. Он прижал палец к губам.

- Не говорите так больше, - сказал он, - Это опасно!

- Я знаю, что это делается, я слышала...

- Моя милая юная леди, вы весьма опрометчивы! Раз такое существует, естественно, это делается, но вот говорить об этом считается преступлением!

- Пожалуйста, не смейтесь надо мной! Это очень важно для меня, для нас...

- Конечно. - В его голосе послышались участливые нотки. - Ваш отец умрет ужасной смертью: он как раз из тех людей, которых так ненавидит мой Друг.

- Пожалуйста, мы сделаем все, что угодно!

- Неужели?

- Мы отдадим вам все, - повторила я.

- Это будет зависеть только от вас!

- Что? - слабо переспросила я, но, конечно, уже все поняла. Я видела его глаза, похотливо оценивающие меня.

- Я восхищаюсь вами с того момента, как впервые увидел! - сказал он. - Как жаль, что мы так и не смогли познакомиться поближе еще в Венеции! Я просто мечтаю о том, чтобы исправить эту несправедливость!

- Скажите прямо, что вы имеете в виду?

- Я думал, что это и так ясно? Я поднялась.

- Не торопитесь! - предупредил он. - Вы будете жалеть об этом всю жизнь. Вспомните об отце, подумайте о матери!

Я закрыла глаза. Я думала: я должна спасти его, я должна спасти их обоих, и этот человек знает об этом. О, Ли, где ты?

- Подумайте хорошенько, - сказал он. - Присядьте и послушайте.

Я села. Я чувствовала, как эти жестокие золотые глаза с длинными, почти женскими ресницами и тонкими бровями гипнотизируют меня.

- Вам удалось сбежать от меня в Венеции, - продолжал он. - Это животное отобрало вас у меня! Если б вы поехали со мной, вы бы испытали такое неземное блаженство, что остались со мной навсегда! С тех пор я только и думаю о вас, а увидев сегодня, вспомнил, что ваш отец здесь и я могу спасти его! Я могу осыпать людей многими милостями, моя

семья очень влиятельна. Я действительно спасу вашего отца, обещаю, но мне требуется вознаграждение!

- А вашей наградой...

- Станете вы! - Он наклонился вперед и снова заговорил:

- Я пришлю за вами карету на закате, вас привезут ко мне домой, и вы останетесь со мной до восхода солнца! Все это время вы будете моей возлюбленной, рабыней, вы целиком и полностью будете принадлежать мне, ни в чем не отказывая, думая лишь об одном - чтобы услужить мне!

- Вы достойны презрения! Как вы сами только что сказали, вы способны спасти человеку жизнь и просите за это плату?!

- Вы - девушка, которая слишком горда, чтобы снизойти до благотворительности, но вы же не откажетесь оплатить свои долги, не правда ли?

- Я ненавижу вас!

- Очень может быть, но вам надо расплатиться со мной!

- Это невозможно! - сказала я.

Гранвиль пожал плечами.

- Значит вы хотите, чтобы ваш отец умер? Я жалобно посмотрела на него.

- Неужели нет другого выхода?.. Мы могли бы заплатить!

- Мне нужны деньги, мне всегда нужны деньги! Говорят, что я весьма расточителен в своих привычках, но на этот раз существует нечто другое, что более желанно мне, и боюсь, что цена за эту услугу торгу не подлежит!

- Но как вы сделаете это? Я имею в виду, как вы освободите моего отца - Он придет в эту гостиницу на следующий же день!

- Но могу ли я быть уверена в этом?

- Это риск! - ответил он.

- Я найду какой-нибудь другой способ!

- Вы намереваетесь отыскать судью и сказать:

"Милый сэр, я предлагаю вам то.., или это.., за жизнь моего отца"? Предупреждаю вас, его цена может оказаться той же, что назначил и я!

Я почувствовала слабость. Я снова подумала об отце и представила себе его тело, раскачивающееся в петле. Я вспомнила мать и поняла, насколько дороги они мне и что я желала любви со стороны отца всю свою жизнь. Я хотела блистать в его глазах, хотела, чтобы он мог гордиться мной, а его безразличие совсем не изменило моих чувств к нему, скорее, оно заставило меня еще больше искать его одобрения.

- Почему я должна верить вам?

- Вы не можете быть уверенной, но вам придется попробовать! Как вы могли заметить, я не славлюсь добродетелью, но всегда плачу свои долги! Я считаю это делом своей чести!

- Честь? Вы говорите о чести?

- Относительной чести! У всех свое определение этого. Ну, что вы решили?

Я молчала. Я не могла даже взглянуть на него, но знала, что обязана спасти отца.

- В сумерки я пришлю за вами карету, - сказал он. - На следующее утро вы вернетесь домой, а через день уже уедете домой со своими родителями!

Я оцепенела. Да, я молилась, чтобы Бог послал мне решение этой проблемы, и оно было мне предложено, но какой ценой!

Он смотрел на меня своими блестящими глазами. Я вспомнила тот первый раз, когда

встретилась с ним на площади Святого Марка, потом мои мысли перекинулись на Джоселина, когда я обнаружила его в нашем саду... Я встала и опрометью бросилась вон из комнаты.

Мать по-прежнему лихорадило, и доктор пришел снова.

- Как она? - спросила я. - Неужели ничего нельзя сделать?

- Все, что ей надо, это присутствие мужа рядом с ней.

"Все говорит мне, что я должна сделать это, - подумала я тогда. - Я могу спасти их обоих. Что бы там со мной ни произошло - все это и в сравнение не идет с их будущим счастьем. Я должна спасти их, чего бы мне это ни стоило!"

Я испытывала к Гранвилю настоящую ненависть. В его силах было спасти моих родителей, но ради этого он настаивал на моем горьком унижении. О, как бы я хотела никогда не знать его, но тогда я не смогла бы спасти отца.

Я подумала о хитросплетениях моей жизни, о том, как тесно одно событие в ней связано с другим. Я старалась забыть о приближающейся ночи. Лишь одному я была благодарна: ничего не надо было объяснять матери. Всю ночь она будет спать глубоким сном, а если ей что-то понадобится, то у изголовья ее постели был шнурок, и с помощью колокольчика она могла вызвать прислугу. Я искренне надеялась, что она все-таки не проснется и не увидит, что меня нет, хотя этого можно было не опасаться: доктор дал ей снотворного, ибо, по его словам, ей сейчас было необходимо забыть обо всем.

Первые тени упали на пол комнаты. Я надела плащ и спустилась вниз.

Ждать мне пришлось недолго. Вскоре в гостиницу вошел слуга в ливрее и спросил меня. У дверей стояла карета, которой суждено было увезти меня навстречу моей судьбе.

Мы ехали по улицам города, построенного еще задолго до того, как римляне пришли в Британию. Улицы были полны странных людей, и повсюду мелькали солдатские мундиры. Это был город бесчинств и трагедий, ибо многим дорсетским мужчинам в течение следующих нескольких дней предстояло умереть. Мы проехали мимо богадельни, известной под именем "Сонный удел", мимо школы, основанной королевой Елизаветой, и старой церкви с башней, которой было уже более двух веков.

Я видела все это, как в полусне. "Если я спасу его, - думала я, - мне никогда не захочется снова побывать здесь". И я молча помолилась, чтобы Бог помог мне пережить эту ночь.

На окраине города стоял большой замок. Мы въехали в ворота и по дорожке из гравия направились к дверям. Здание мрачно встречало нас, от него веяло таким злом, что казалось, будто это не жилой Дом, а развалины, которые избрали своей обителью злые духи. Я собралась с духом, вышла из кареты и поднялась по ступенькам.

Я вошла в холл - высокая сводчатая крыша, длинный трапезный стол с оловянной посудой на нем, на стенах мечи и алебарды - замок барона.

Вышла женщина. Она была полной, уже в годах, но сильно накрашенная, с мушками на щеке и виске. - Мы ждем вас, госпожа, - сказала она. Пожалуйста, следуйте за мной.

Сердце мое гулко забилось, и, приготовившись к самому худшему, я последовала за ней вверх по лестнице, украшенной портретами.

Пройдя по галерее, мы подошли к одной из дверей. Меня провели в комнату, в дальнем конце которой было какое-то возвышение, полузадернутое занавесями.

Чья-то рука отодвинула занавески, и я увидела служанку, по-видимому, ожидающую меня. На помосте была установлена ванна и два оловянных кувшина, в которых кружились

розовые лепестки. Как я догадалась, в них была горячая вода.

- Я готова, госпожа, - произнесла служанка. Женщина, которая привела меня, кивнула.

- Наполний ванну, - сказала она и тут же повернулась ко мне:

- Раздевайтесь.

- Я не понимаю... - начала было я.

- Ты здесь, чтобы повиноваться приказам, - с улыбкой произнесла женщина, и это явилось первым из тех унижений, которые мне суждено было пережить этой ночью. Я поняла, кто она на самом деле, - сводница, поставщица девушек, я уже слышала о таких.

Служанка наполнила ванну и, хихикнув, повернулась ко мне. Меня охватило желание бежать прочь из этого дома, но потом ужасные видения пронеслись у меня в голове: отец, мать... И тогда я осознала: я должна все безропотно снести, потому что лишь так можно было спасти их от верной смерти.

"Время идет, все закончится, - пообещала я сама себе. - Что бы там меня ни ожидало, я все снесу".

- Давай, моя дорогая! - сказала женщина. Голос ее был глубоким и хриплым, как у мужчины. - Мы не можем сидеть с тобой всю ночь.

Она и служанка громко рассмеялись.

- Мне не нужна ванна, - сказала я. - Я чистая!

- Таково было желание нашего господина. Или, может, ты стыдишься раздеваться при нас? У тебя какие-нибудь увечья? Ну, давай, ты мне кажешься очень симпатичной. Давай мы тебе расстегнем эти пуговицы, спокойно, все хорошо! Мы же не хотим, чтобы они оторвались!

Вскоре я была раздета.

- Похвально, - заметила женщина. Служанка снова хихикнула.

Я вступила в ванну и начала мыться. Служанка стояла рядом с большим полотенцем, которым потом вытерла меня. Когда я обсохла, она вытащила флакон с лосьоном и начала втирать его в мою кожу. Лосьон пах мускусом, сандаловым деревом, что напомнило мне о Бомонте Гранвиле, и еще там был запах роз.

- Это, - сказала полная женщина, которая с каждым мгновением вызывала у меня все большее отвращение, - специально для тебя! Господин сам выбрал этот розовый лосьон: он любит, когда разные женщины пахнут по-разному!

- Вот, - шептала она, - это непременно понравится. - Она повернулась к служанке. - Одевание!

Его накинули на меня, своим видом оно напоминало плащ, сделанный из прекрасного шелка, - бледно-розового с вышитыми черными розами.

- А теперь пора идти: мой господин в нетерпении!

Я почувствовала себя так, будто очутилась в восточном гареме. Такого отвращения я не испытывала никогда в жизни и тщетно пыталась не думать о том, что меня ожидает впереди.

Мы поднялись еще по одной лестнице. Женщина постучала в дверь, открыла ее и провела меня в комнату. Там она меня оставила, плотно притворив за собой двери.

Гранвиль шагнул вперед. На нем тоже был плащ, чем-то напоминающий мой. В комнате чувствовался сильный аромат мускуса и сандалового дерева. Он взял мою руку и поцеловал ее.

- Я знал, что вы приедете! С вами хорошо обращались?

- Меня унижали!

Он громко расхохотался.

- Вам просто так показалось! Вам не причинили никакого вреда?

- Всего лишь оскорбили, но это было сделано по вашему приказу, не так ли?

- Я большой поклонник ванн, - сказал он, - и у меня есть определенный набор духов.

Знаете ли, я даже изобрел свои собственные духи. Вам нравятся розы?

- Мне здесь ничего не нравится!

- И все-таки кое-что вам следует запомнить: вы должны ублажать меня, именно поэтому вы сюда и приехали! Вы не должны расстраиваться из-за пустяков - вы приняли ванну, и вас умастили лосьонами. Эту ночь вы никогда не забудете!

- В этом я абсолютно уверена, хотя я приложу все усилия, чтобы позабыть ее сразу, как только она подойдет к концу!

- Не говорите о конце - ночь только началась!

- Вы можете поклясться мне, что спасете отца?

- Я дал вам слово! Разве я не говорил, что всегда плачу свои долги? Я обещаю вам, что, если вы дадите мне то, что я захочу, я исполню любую вашу просьбу! Могу сказать, что ваше дело у меня в руках: вашего отца уже перевели в отдельную камеру, там он проведет ночь, а утром, если вы будете добры со мной, дверь камеры откроется и он выйдет оттуда уже свободным человеком! Так что, видите, я уже привел наш план в действие!

- Вы, должно быть, обладаете большим влиянием на этого человека, который убивает людей просто потому, что они поддерживали проигравшую сторону?

Он мягко закрыл мне рот своей рукой.

- Вы говорите слишком вольные вещи! Надо быть осторожнее! Ведь мы же хотим, чтобы вы и ваши родители через пару дней спокойно уехали домой?

- Да, - ответила я. - Я хочу этого больше всего на свете!

- Очень хорошо! Вы пришли сюда ко мне, я ценю это. Добродетель в леди достойна восхищения, но есть в женщинах кое-что еще, что ценится гораздо выше, да? Эта ночь принадлежит мне, сегодня вы станете моей, целиком и полностью!

- В обмен на жизнь отца - да!

- Не бойтесь, ваши услуги будут достойно оплачены! Подойдите ко мне. Какой приятный запах! Для вас я избрал розу пополам с мускусом. Так вас зовут, это имя чопорности, а Чопорность может быть очень привлекательной, если владелица ее чувствует, когда ее нужно отбросить в сторону. А я уверен, вы это хорошо знаете! Сначала я покажу вам кое-что. Можете себе представить, я - человек больших талантов! Не родился я джентльменом и не будь у меня лени, я бы мог многое сотворить! Я умею готовить духи, я мог бы открыть лавку и снабжать ими весь королевский двор: запахи для услаждения дам в их будуарах, запахи, чтобы перебивать дурные ароматы, а на улицах их предостаточно, запахи для пробуждения чувств и возбуждения страстей пресытившихся джентльменов! Кроме того, я - художник! Сейчас я покажу вам мои картины, пойдете!

Вечер принимал неожиданный оборот, к такому я готова не была. Хотя я ощущала в Гранвиле вожделение и страсть и знала, каков будет конец, но я никак не могла понять, к чему все эти прелюдии.

В конце комнаты виднелась дверь, и он повел меня к ней. За дверью скрывалась еще одна маленькая комнатка, стены которой были разрисованы картинами. Он зажег свечи и подвел меня к стене. На ней были изображены неизвестные мне женщины, обнаженные и в разных позах.

- Леди, которых я любил! - сказал он. - Я сделал наброски с них. Вы должны признать,

что во мне продал неплохой художник!

- Не сомневаюсь, - сказала я, отворачиваясь.

- Вы были удивлены, если б узнали, как хорошо эти рисунки умеют хранить воспоминания! Я часто прихожу в эту комнату и вновь переживаю те часы, что провел с каждой из них!

- Занятие, которое, вне всяких сомнений, доставляет вам огромное удовольствие!

- Это верно. Видите это пустое место на стене? Я почувствовала, как меня охватывает ужас, ибо я догадалась, что меня ждет.

- Оно предназначено для вас, - улыбнувшись, сказал он.

- Нет! - с гневом воскликнула я.

- Вы уже забыли условия нашей сделки?

- Зачем это вам? Мы ничего не говорили об этом, это не входило в наши условия!

- Вам объяснили, что вы должны повиноваться каждому моему желанию! Я оказываю вам большую помощь: в такие времена, как сейчас, не так легко вытащить человека из петли виселицы!

- Я должна уйти!

- Хорошо, я не буду препятствовать вам! Позвать служанку? Она отдаст вам одежду, и карета отвезет вас обратно в гостиницу!

Он с насмешкой смотрел на меня.

- Моя бедная Присцилла! Через два дня все будет кончено, и вы вернетесь домой, без отца, но сохранив добродетель! Видите ли, я ни в коем случае не буду удерживать вас! Никакой силы, хотя вы сейчас так уязвимы, что это было бы легко! Но нет, я пообещал себе - она будет действовать только по своей воле! Это честная сделка, и мы должны придерживаться своих обещаний!

- Где вы будете..., рисовать это?

- Я покажу вам.

За картинной галереей оказалась еще одна комнатка, где стояла кровать, застланная черным бархатом.

- Цвет кожи очень хорошо контрастирует с черным бархатом! - сказал он. Ну, ваше облачение, моя дорогая!

Гранвиль взял мое платье и обвел меня жадным взглядом. Я подумала, что сейчас он накинется на меня, но он сдержался. Он просто провел по моему телу рукой и, глубоко вздохнув, произнес:

- Попозже, сначала это!

Он уложил меня на кровать. В другом конце комнаты располагался мольберт.

Это напоминало какой-то невероятный сон - я, обнаженная, лежу на кровати, а этот странный человек, который, я была абсолютно уверена, сошел с ума, сидел у мольберта и в свете мерцающих свечей делал с меня наброски. Я подумала: что еще ждет меня этой ночью?

Что бы там ни было, сказала я себе, я вынесу это. Правда ли то, что отца уже перевели из этой ужасной тюрьмы? Облегчила ли я хоть немного его страдания? Как ни странно, я верила, что этот человек сдержит свое слово. Я должна, я не могу упустить эту возможность спасти отца. Я продолжала убеждать себя, что все получится.

Я слышала его слова:

- Это лишь грубый набросок, я довершу его потом, когда мы познакомимся друг с

другом поближе. Это очень важно для художника!

Я не просила его показывать рисунок мне. Я не хотела видеть его, а он и не предлагал.

- А теперь мы поужинаем, - сказал он. - Вы, должно быть, проголодались?

- Никогда не чувствовала такого отвращения к еде!

- Вы не должны допускать, чтобы ваша неприязнь портила вам аппетит!

Мы вернулись в спальню. В очаге, несмотря на то, что стояло лето, полыхал огонь. Я невидящим взглядом посмотрела на голубые язычки пламени. В комнате горело несколько свечей, и стол был уже накрыт. По скатерти со вкусом были расставлены всевозможные блюда, а посередине стояла бутылка вина.

Он указал мне на место напротив.

- Это большая честь для меня! - сказал он. - Я никогда не забуду этой ночи! Вы выглядели такой юной, такой невинной там, на площади Святого Марка... Вы так отличались от всех женщин, которые часто встречаются в подобных местах, и, когда я увидел вас в лавке, мною овладело желание стать вашим любовником!

- Это не удивительно: по-моему, подобное желание овладевало вами не раз и не с одной женщиной!

- Признаю, я испытываю страсть к женщинам, особенно меня привлекают девственницы: они так возбуждают! Во всех нас присутствует некое желание учить, а уж если вы поистине мастер какого-нибудь дела, то это желание побороть невозможно. Я занимался любовью с женщинами с десяти лет, когда меня соблазнила одна из служанок, и я открыл свое призвание в жизни!

- Быть любовником? - спросила я.

- Можете называть это так, но я стал таким мастером в искусстве любви, что вскоре отказался от роли ученика и стал учителем!

- И совратителем?

- Когда это необходимо! Но, как вы себе, наверное, представляете, очаровательные мужчины, так сказать, всегда нужны!

- Не представляю: я к вам никакой тяги не ощущаю!

- Вижу, мне придется постараться! Кто знает, может, вы еще влюбитесь в меня, и уже не я буду вам навязывать свои желания, а вы - мне!

- Этого никогда не случится!

- Вы думали, что я схвачу вас, изнасилую и все?

Я молчала.

- Но я человек хороших вкусов, - продолжал он. - Вы и я разделим этой благословенной ночью ложе, но наша встреча будет совсем не грубой, а изысканной!

- Прошу вас, - ответила я, - если вы такой утонченный и приличный человек, отпустите меня!

Покажите свою галантность, ваше великодушие, ваши идеальные манеры и предстаньте джентльменом! Подарите моему отцу жизнь и не просите ничего взамен!

Он поднялся и стал прохаживаться по комнате.

Мною овладела дикая надежда. Я подумала: "Он странен, вполне вероятно, что он сошел с ума. Может, я коснулась его слабого места?"

Он снял свой золотой парик. Без него, как и Джоселин, он был гораздо красивее. Его волосы рассыпались по плечам, и он выглядел более молодым и не таким испорченным. Но когда он вновь подошел к столу и я взглянула на его лицо, меня поразил фанатичный блеск

его глаз.

- Взгляните на меня! - сказал он. - Взгляните поближе!

Он дотронулся пальцем до брови, и я увидела тонкий шрам, протянувшийся от края волос почти до самого глаза. Раньше его скрывали кудри парика.

- Видите? - спросил он меня. - Я получил это в Венеции, в ночь после бала у герцогини! Может, вы его помните?

Я со страхом смотрела на него. Я поняла, что мои надежды выйти из этого дома невредимой не оправдались. Он хотел большего, нежели просто моего тела! Он жаждал мести!

- Это была обыкновенная шалость, - сказал он, - небольшое приключение: юная дева, созданная для любви, непробужденная, подумал я тогда, божественно невинная! Я посвящу ее в таинства любви! В этом не было бы ничего грязного!

- Ничего грязного?! - воскликнула я. - Вы утащили меня с бала! Я вся была покрыта синяками! И вы говорите, ничего грязного?

- Я был бы нежен к вам! Вы влюбились бы в меня, едва б успела кончиться ночь!

- Вы слишком высокого мнения о себе и абсолютно не знаете меня!

- Я многое разузнал о вас, моя очаровательная Присцилла! Этот мужчина пришел вам на помощь, он вырвал вас и сбросил меня в канал. Но это было не все: ночью он вернулся! Ненавижу таких! Он застал меня врасплох, и этот шрам не единственный! Он нес какую-то чепуху о невинных девушках, о его маленькой сестричке, которая еще ходит в школу, о девственницах и так далее!

- Вы пытались совершить зло!

- И ценой этого стали мои шрамы! А затем я узнал правду!

- Какую правду?

- Вы сами знаете! Наша невинная девственница-школьница находилась в Венеции неспроста: она совершила один неблагоприятный поступок! В наше время юные леди частенько повинны в этом и вынуждены расплачиваться за свою неосторожность. И тогда, если девушка родом из хорошей семьи, все начинают ломать голову, как бы сохранить это в секрете, и "Венецианская девственница" как раз попала в такую неприятность. В общем, пока я получал шрамы из-за этого святого создания, оказалось, что оно приехало в Венецию, чтобы выносить маленького ублюдка, явившегося результатом одного любовного приключения, а может, даже и не одного...

Я поднялась со своего места.

- Да как вы смеете?! - вскричала я. - Грязная ложь!

- Моя маленькая так называемая девственница, эта ночь принадлежит мне! Здесь бал правлю я! Вы помните об этом?

- Откуда вы все узнали?

- Это неважно, факт то, что я знаю! Но глаза мои раскрылись, уже когда все свершилось, а тогда я принимал свое наказание, лишь догадываясь о том, что, возможно, оно несправедливо. Разъяренный брат или близкий родственник, несомненно, сам когда-то развлекавшийся подобным образом, воспылал гневом, потому что кто-то осмелился точно так же развлечься с его сестричкой: мы все поняли! Но потом узнать, что девушка эта не что иное, как обыкновенная шлюха, да еще в ее возрасте!

- Это не правда!

- Правда, моя милая, я узнал все, что мне было нужно! О, у меня был очень хороший

источник сведений!

- Кто это?

- Это совсем другая история! В общем, ребенок родился, а ваша подруга, леди Стивенс, притворилась, что он принадлежит ей. Какая драма! Но это уже меня не касается, меня больше волнует наша маленькая шлюха, выставившая себя невинной юной девой!

Это становилось настоящим кошмаром. Я, словно сквозь сон, услышала свой ответ:

- Я должна была выйти замуж, а он погиб...

- Ну да, - ответил он, - как всегда! Как это опрометчиво со стороны женихов! Им надо бы обождать брачной церемонии: не будет тогда столько неприятностей!

- Насколько я понимаю, с вами бесполезно говорить!

- Время разговоров прошло! Позвольте мне наполнить ваш бокал. Давайте выпьем за эту ночь! Я ни о чем не жалею, я уверен, мы много подарим друг другу.

- Я подарю вам лишь ненависть и презрение!

- Ну что ж, это может оказаться интересным! Как вы рассердились! Но вы и удивлены! Ваши щеки порозовели, словно розы, чьим запахом вы сейчас благоухаете. Эти розы прибыли сюда из Болгарии, где они великолепны. Если б у меня было время, я показал бы вам свою лабораторию. Бывший король и я увлекались подобными делами, правда, его больше интересовала лекарственная сторона вопроса. У нас вообще было много общих интересов, и самым главным из них было наслаждение любовью! Карл был настоящим знатоком, упокой Господи его душу! Но я мало чем отличаюсь от него, в этом вы еще сможете убедиться! Вы дрожите? Это от отвращения? Обещаю вам, вскоре вы будете дрожать от страсти!

- Я никогда не смогу полюбить вас! С первой нашей встречи вы лишь оскорбляли меня!

- Вы же, в свою очередь, обманывали меня, во всяком случае, сначала. Испорченная маленькая девчонка, беременная к тому же корчащая из себя невинного ребенка! Кто бы мог поверить этому! За вами долг, кроме того, вы должны мне еще вот за это... - он указал на свой шрам - и за остальные рубцы, которые я продемонстрирую вам немного позже! Но хватит, вот прекрасная оленина, олень еще вчера бегал в моих лесах. И пейте же!

- Меня тошнит от всего этого!

- Я думаю, вы боитесь того, что скоро произойдет!

- Я приехала сюда только ради отца!

- Вы поймете, что никогда у вас не было такого любовника, как я!

- Я бы предпочла остаться в неведении!

- Я сделал все, чтобы облегчить вашу участь: вас выкупали в ванне, натерли духами. Вам нравится мускус? Он обладает очень своеобразными качествами, говорят, он пробуждает чувства и желание! Вы знали это?

- Нет, и ничего подобного я не ощущаю!

- Я уже говорил вам, у меня есть своя лаборатория. Вам известно, что есть мускус? Он из мускусного оленя, это выделения его желез. Этот олень был пойман в горах Индии. Аромат исходит от него особенно сильно во время брачного сезона, и самки не в силах устоять перед ним. Как видите, у него действительно имеются особые свойства! Но, естественно, мы его перерабатываем: женщины - это ведь не самки оленя, но ими движут те же желания, и, подобно самкам оленя, их можно пробудить! Внутри тела животного есть такой маленький мешочек. В коже делается небольшая дырочка, чтобы туда можно было просунуть палец, и этот мешочек извлекается. Не надо смотреть на меня с таким

отвращением: оленю это не причиняет ни малейшего вреда! Он продолжает скакать по лесам, правда, наверное, порой изумляется, почему ему теперь трудно найти себе подругу? А его мускус используют для того, чтобы создавать прекрасные ароматы, способные совратить леди с тропы добродетели!

- Как это отвратительно! Теперь я нахожу этот запах еще более отталкивающим, чем раньше!

- Это вы так говорите, а вы ведь не всегда говорите правду? Но какое изумительное мастерство - так правдоподобно разыграть из себя девственницу! Но вы мне нравитесь, коварная Присцилла! Я думаю, вы мне доставите больше удовольствия как искушенная женщина, нежели в качестве неопытной девственницы. Вы хитры, о да, очень хитры, но я получаю удовольствие от вас и начинаю терять терпение! Давайте выпьем немного вина!

Я покачала головой.

- Оно тоже обладает свойствами Афродиты, как и мускус! Если вам действительно так неприятна эта ночь, оно может помочь вам!

Я снова покачала головой.

- Пейте! - сказал он, и вся его манерность мигом исчезла. - Я сказал пейте! Вы здесь, чтобы повиноваться моим приказам! Это часть нашей сделки!

Внезапно я поняла, что бесполезно оттягивать события. Я приехала сюда с определенной целью и должна была выполнять свои обязательства. На этот раз меня уже никто не спасет, да я и сама не хотела этого: я должна была спасти отца!

Я глотнула вина. Я ничего не ела и поэтому сразу почувствовала легкое головокружение. Гранвиль был прав: вино поможет мне забыть о том, что должно вскоре произойти.

Я услышала, как он рассмеялся.

- Пойдемте, - сказал он. - Я уже готов! Я поднялась. Я почувствовала его руки на своем одеянии. Плащ скользнул на пол. Он снял свое платье и встал передо мной. Коснувшись красного рубца на своей груди, он произнес:

- Оставлено вашим защитником. Вы за это мне хорошо заплатите!

В голосе его прозвучали яростные нотки. Я повернулась и кинулась прочь, но он схватил меня и бросил на постель.

Даже сейчас я все еще не могу вспоминать о той ночи. Он был полон решимости заставить меня расплатиться за ту взбучку, что устроил ему Ли, и за то, что его, который так гордился своим знанием женщин, обманули, заставив поверить, что беременная девушка - невинная девственница. За это я и расплачивалась, хотя настоящим выкупом здесь была жизнь моего отца.

Этот человек был аморален: он не знал меры в своих извращениях. Снова и снова он напоминал мне о том, что я должна исполнять его волю, - и каждый раз я не осмеливалась протестовать.

Я пыталась сделать вид, будто это не я, а кто-то другой в моем теле занимается с ним любовью. Я знала, что он пытается, равно как и тело, покорить мой дух, и его страшно раздражало - хотя в то же самое время и вызывало у него восхищение, - что все его попытки провалились. Он был очень странный человек, но я верила, он выполнит свою часть договора, хотя, исходя из того, что я знала о нем, казалось глупостью надеяться на это. Как он сам сказал, у него был весьма изысканный вкус, и его умашенное благовониями чистое

тело доказывало это. По крайней мере, мне не пришлось терпеть грязного развратника, но я чувствовала, как душа моя и тело покрываются ранами, хотя я повторяла себе, что вскоре все это закончится.

Когда я увидела в небе первый луч восходящего солнца, я поняла, что мое тяжелое испытание подошло к концу. Он не пытался помешать моему отъезду. Я завернулась в свое одеяние и позвонила в колокольчик. В комнату вошла женщина, которая встречала меня прошлой ночью. Без накладных ресниц, парика и мушек она выглядела по-другому. Тело ее сияло белизной. Думаю, что все, кто окружал его, должны были хранить свое тело в идеальной чистоте.

Не говоря ни слова, она проводила меня в ту комнату, где вечером я принимала ванну. Там лежала моя одежда. Я оделась, и она вывела меня к карете. Вскоре я вернулась в гостиницу.

Там я прямоком кинулась в комнату матери и, к своему величайшему облегчению, увидела, что та все еще спит. Я молилась Богу, чтобы она не заметила, что этой ночью я куда-то отлучалась.

Я сняла накидку и опустилась рядом с постелью матери. Глаза мои сами собой закрылись, и видения прошлой ночи вновь завертелись у меня в голове.

"Сегодня вернется мой отец, - говорила я себе, - а значит, я не зря так страдала. Да, не зря. Что такое мочь унижений по сравнению с жизнью, а тем более, жизнью отца?"

Мои мысли обратились к нему. Он тоже порой был довольно странным человеком: до того, как он женился на моей матери, он познал немало женщин. Кристабель была его дочерью, и он признал это. Может быть, у него есть и другие дети?

Думы об отце полностью вытеснили картины ночи. Красивое похотливое лицо Бомонта Гранвиля, которое - я была уверена в этом - будет преследовать меня до конца жизни, теперь сменилось образом отца. И тогда я подумала, что я люблю его. Люблю его нежно, может, даже больше, чем мать. Я всегда хотела произвести на него впечатление, заставить его заметить меня, сделать так, чтобы он, возвратившись домой после долгих отлучек, искал меня. Но он никогда не замечал меня и никогда не будет обращать на меня внимание. Я была всего лишь дочерью, а такому мужчине, как он, сыновья были важнее.

Но потом вдруг я приободрилась, потому что, когда он войдет в дверь, я смогу сказать: "Я спасла тебя, я помогла тебе вернуться домой. Дочь, которой ты никогда не придавал особого значения, оказалась тем человеком, который спас тебе жизнь!"

В тот момент я абсолютно не задумывалась о том, что пришлось мне перенести, я просто радовалась.

Ради отца я перенесла унижение, но я снова и снова бы так поступила.

Все утро мать беспокойно ворочалась. Я сидела рядом с ней, и сердце мое щемило от тревоги. Сдержит ли Гранвиль свое слово? Как я могла довериться такому человеку? Может быть, он смеется сейчас, потому что обманул меня, как обманула его в Венеции я? Но он поклялся, что всегда платит свои долги, и я верила ему, я должна была верить. Постепенно мною стали овладевать мрачные мысли. С гневом я подумала, что, если он обманет меня, я убью его!

Вскоре после того, как часы пробили полдень, в комнату вошел отец. Он был грязен, волосы его превратились в спутанные лохмы, от него пахло тюрьмой. Лицо его было бледным, и он заметно похудел, но он был здесь, и теперь его жизнь была вне опасности.

- Отец! - воскликнула я. - Ты вернулся!

Он кивнул.

- Твоя мать...

Я взглянула в сторону постели. Он подошел и опустился перед ней на колени. Мать открыла глаза. Я никогда не забуду улыбку, которой озарилось в тот момент ее лицо. Она снова помолодела и стала такой же красивой, как раньше. Они кинулись друг другу в объятия.

Я стояла и смотрела на них, но они не замечали меня.

ШКАФ КАРЛОТТЫ

С той поры мать быстро пошла на поправку. Доктор был прав, сказав, что ей требуется только увидеть отца целым и невредимым.

Потом мы начали торопливо собираться к отъезду, так как мать сказала, что не успокоится, пока мы не вернемся в Эверсли. Вокруг ее рта появились решительные морщинки: теперь она твердо решила, что больше не позволит отцу участвовать в восстаниях. На троне сидел король Яков II, он был католиком, а мой отец, как и большинство англичан, не хотел видеть у власти короля-католика, но мать настояла на том, что раз уж тот завладел престолом, то мы должны с этим примириться: хватит рисковать жизнью.

Думаю, что ее похудевшее, изнуренное болезнью и страданиями лицо сильно подействовало на отца. Все последующие дни они глаз друг с друга не сводили. Это было очень трогательное зрелище, и, несмотря на то, что тело мое было покрыто синяками после той унижительной ночи, я внутренне ликовала, ибо, если бы не я, все могло кончиться совсем иначе.

Мы сели в первую же почтовую карету, следующую в направлении нашего поместья. Отец счел, что нам надо ехать так, чтобы нас легко можно было найти на тот случай, если произошла какая-то ошибка.

Когда мы вернулись в Эверсли, они, наконец, смогли вздохнуть свободнее.

- Даже представить себе не могу, кто мог быть мой благодетель? - сказал отец. - Это произошло так внезапно. Меня перевели в комнату, где я в полном одиночестве провел ночь. Это было таким облегчением! Условия были ужасные, никогда мне не забыть тот запах. Просто выбраться оттуда уже было само по себе благословением Божьим, а на следующий день меня освободили!

Он был убежден, что мать дала кому-то большую взятку, но она уверила его, что ничего такого не делала: ведь с тех пор, как мы прибыли в Дорчестер, она слегла в страшной лихорадке и даже не понимала, где находится.

- Кто бы это мог быть? - размышлял отец. - Я непременно должен найти этого человека: где-то у меня есть хороший друг!

- Может, это был человек, которому ты когда-то оказал большую услугу? предположила мать.

- Я бы вспомнил, но я и подумать ни на кого не могу! В этом случае моя услуга должна была быть очень большой! Джефффриз, этот дьявол, богатеет на своих судилищах!

Никто из них не обращал на меня никакого внимания, но мне казалось, что после той ночи во мне будто что-то перевернулось. Я чувствовала, что никогда уже не стану прежней Присциллой. Я помнила это полное подчинение человеку, который смешал свои любовные мечты с жадной мести. Я никогда не забуду его злорадный смех и знала, что думал он тогда о Ли и о своем собственном унижении. Как вообще могло это иметь что-либо общее с тем,

что он называл "утонченным вкусом"?! Какое же лекарство ему понадобилось бы, чтобы залечить свои раны?! Я думаю, после того, что Гранвиль сделал со мной, ненависть его немного поутихла.

Но любовь моих родителей друг к другу и их радость нового воссоединения наполняли меня неземным счастьем, потому что, если бы не я, вся их жизнь была бы разрушена. Я спасла отцу жизнь, спасла мать от смертной тоски, поэтому я ничуть не жалела о происшедшем.

Мать настаивала на том, чтобы мы отпраздновали возвращение отца. Должна была приехать Харриет с девочкой.

- Я знаю, как ты радуешься каждой встрече с ними, - сказала моя мать. Моя дорогая Присцилла, для тебя тоже это было таким страшным испытанием!

- Но теперь отец вне опасности! - сказала я.

- Мое милое дитя, мне хотелось бы упасть на колени перед тем, кто сделал это для нас! Это настоящая загадка, но думаю, когда-нибудь тайна раскроется нам.

- Я уверена, этому..., человеку было бы достаточно видеть ваше счастье!

- Твой отец и я - словно один человек! - призналась она. - Погибни кто-нибудь из нас, жизнь для оставшегося потеряла бы всякий смысл!

Я была слишком взволнована, чтобы говорить что-то.

- И ты, моя дорогая, - продолжала она, - мы забыли о тебе! Нам обоим пришлось пережить ужасные времена. Ты так ухаживала за мной, мне так повезло, что рядом оказалась ты!

"Если бы вы только знали!" - подумала я про себя, но я никогда не смогу рассказать им об этом. Интересно, какой была бы их реакция, если б я во всем призналась? Но никому бы я не смогла поверить то, что произошло: ни Харриет, ни Кристабель, никому! Как я хотела забыть об этом, стереть из своей памяти, но до конца своей жизни мне так и не удалось справиться с воспоминаниями той ночи. Каждый раз, когда я ощущала запах этого отвратительного мускуса, я вспоминала Гранвиля, как блестели его глаза, когда он говорил об оленях.

Как отлична была та ночь от ночи любви и нежности, проведенной с Джоселином, после которой на свет появилась Карлотта! Внезапно, словно удар молнии, меня пронзил страх. А что если после этой ужасной ночи тоже родится ребенок?! Что тогда мне делать?

Но этого быть не могло, это было бы слишком! Я уже расплатилась за жизнь отца, и расплатилась сполна.

Временами я буду выходить в сад, подходить к той клумбе красных роз, думать о том, как впервые встретилась с Джоселином, и говорить себе: "Что я могу сделать, раз этому суждено было случиться?"

Однако эта беда меня обошла: от той позорной ночи ребенка не будет, а теперь, приказала я себе, я должна постараться забыть.

Однако по поводу возвращения отца праздника решили не устраивать.

- С нынешнего момента, - сказала мать, - мы должны жить потише: никаких поездок ко двору: там мы вышли из фавора.

Мы никому не должны были напоминать о том, что поддерживали дело Монмута. Теперь на троне сидел новый король, и, даже если он нам не нравился, мы должны были смириться с ним.

Мой отец был очень своенравен. Это было его натурой, и я уверена, что, если бы не мать, он бы снова вмешался в какой-нибудь заговор. За смертью легкомысленного Карла последовали весьма нелегкие времена. Карл был популярен в стране с самых первых дней своего правления, как только вернулся из изгнания, но Яков даром привлекать людей на свою сторону явно не обладал.

- Это не наше дело, - твердо сказала мать, и каждый раз, когда видела в глазах отца авантюрные искорки, сразу притворялась больной, а он тут же отказывался от всех своих планов. Он нежно любил ее. В этом сомнений не возникало. Так что его возвращение мы отмечали в узком семейном кругу. Правда, мы все-таки пригласили наших близких друзей. Приехали Харриет с Грегори, Бенджи с Карлоттой, и они гостили у нас несколько недель. Рядом с дочерью я забывала о всех перенесенных бедах. Ей было уже почти четыре года, и она росла настоящей красавицей. У нее, как и у Харриет, были голубые глаза, правда, не того фиолетового оттенка, которым так гордилась Харриет, - они были чисто-голубые, как васильки. Волосы Карлотты были темного цвета, который очень гармонировал с цветом глаз, а носик - маленьким и нахально вздернутым. Кожа ее была нежная, как лепестки цветка, одним словом, она была просто очаровательна. Но особенно притягивала она всех своим жизнелюбием. Она была такой живой и любознательной, что Салли Нулленс сказала, что она за ней "только гоняется и с ног валится". Эмили Филпотс следила за тем, чтобы она всегда была великолепно одета, и уже начала учить ее читать. Карлотта делала большие успехи, Эмили сказала, что никогда не видела, чтобы ребенок так быстро учился. Для этих двух женщин Карлотта была всем на свете: ей они были обязаны новой работой, она вытащила их из пучины вечного недовольства.

Будучи ребенком с пытливым и хитрым умом, Карлотта очень быстро поняла свою значимость. Она могла быть высокомерной - и любить всех подряд; она могла топтать ногами, чтобы ее желание исполнилось, и в то же самое время могла разрыдаться, увидев, что с кем-то случилась неприятность. Ее настроение менялось так быстро, что невозможно было определить, какая она на самом деле.

Бенджи, который безумно любил Карлотту, учил ее верховой езде. Грегори относился к ней так, будто, и в самом деле, она была его дочерью, и купил ей красивого пони, на котором, как ему казалось, она будет вне опасности. Харриет же обращалась с ней с оттенком терпимости, она никогда не изменяла себе, как бы там ни возвеличивали Карлотту остальные, но я думаю, что больше всех Карлотта любила все-таки Харриет. Почтительное отношение со стороны других она принимала как должное, но несколько раз я сама видела, как она пытается задобрить Харриет.

Когда гости приехали, я спустилась во двор навстречу. Сразу мой взгляд метнулся к дочери - она была так прекрасна в красном плаще, щечки порозовели от езды, голубые глазки озорно блестели, а темные кудряшки волос рассыпались по плечам в легком беспорядке, когда она откинула капюшон. Завидев меня, она кинулась ко мне и крепко обняла. Мои чувства пришли в смятение, я даже испугалась, что не смогу сдержать подступившие к горлу слезы. Она всегда на меня так действовала, будто знала, что между нами существует нечто большее, чем просто привязанность. Она вложила свою ладошку в мою руку, и мы пошли к дому.

Мать тепло поздоровалась с ними, отец же выказал чуть меньше радости. Он всегда несколько враждебно относился к Харриет. Она знала это, и я увидела, как уголки ее рта несколько изогнулись, как бы сдерживая усмешку.

- Это счастливый день! - сказала Харриет. - Мы все так беспокоились!

- Не будем вспоминать об этом, - сказала мать. - Все прошло и забыто!

- Ты вернулся домой, Карлтон, - добавила Харриет, - и здесь должен остаться.

Бенджи рассказал моему отцу, как далеко он стреляет из лука, и предложил устроить соревнования по стрельбе из лука на одной из лужаек. Он был уверен, что легко сможет

победить Карла. Тот немедленно ответил на его вызов, и они удалились, обсуждая условия.

- Ты возьмешь к себе в комнату Карлотту, Присцилла? - спросила меня Харриет. - Ей это очень нравится, да, Карлотта?

Карлотта взглянула на меня и согласно кивнула - Это неудобно, - сказала моя мать. - Кровать Присциллы может легко перевернуться.

- Мы уже спали с ней вместе, - уверила я ее. Карлотта подбежала ко мне, ухватилась за юбку и улыбнулась так, будто между нами существовали какие-то секреты. Я почувствовала, как счастье волной захлестывает меня. Как я любила это дитя!

- Я считал, что Карлотте уже достаточно лет, чтобы спать в своей детской, - вступил в беседу отец. - Уверен, и Салли так думает.

Карлотта сердито посмотрела на него и сказала:

- Не люблю тебя!

Отец громко расхохотался.

- Ну и что мне теперь делать? - спросил он. - Пойти и прыгнуть в море?

- Да! - восторженно воскликнула Карлотта. - Да, ты пойдешь и прыгнешь в море, и тогда ты утонешь!

Харриет прыснула, а мать сказала:

- Ну, нельзя так разговаривать с дядюшкой Карлтоном!

- Я разговариваю, как хочу, - с вызовом ответила Карлотта и показала отцу язык.

Я было испугалась, что он может наказать ее, но заметила, что он с трудом сдерживается, чтобы снова не рассмеяться. Даже он, который не особенно любил детей, не говоря уж о девочках, не мог удержаться от восхищения моей дочкой.

- Этот ребенок ужасно избалован, - сказала мать. - Ее надо хорошо проучить!

- С ней все в порядке, - ответила Харриет. - Она говорит то, что думает, потому что еще не научилась лицемерить!

Теперь я испугалась, что мать может придумать какое-нибудь наказание для Карлотты. Я не могла этого позволить, поэтому взяла Карлотту на руки, она же, в свою очередь, обвила ручонками мою шею.

- А что такое "проучить"? - прошептала она.

- Потом скажу, - сказала я.

- Но ты не дашь тому человеку и ей сделать это, да?

- Нет, - шепнула я.

Она рассмеялась и зарылась лицом в мои волосы.

Харриет наблюдала за нами с весьма растроганным видом.

Я опустила Карлотту на землю, и она взяла меня за руку, торжествующе поглядев через плечо на моих родителей.

Как я была счастлива с ней! Прыгая на моей кровати она сказала:

- Я буду спать здесь, да?

И я знала, что все будет, как всегда в таких случаях. Салли Нулленс будет баюкать ее, но, когда я приду, она все равно будет не спать, а ждать меня. Она посмотрит, как я раздеваюсь, а когда лягу в постель, подползет ко мне поближе. Я расскажу ей сказку, а тем временем она будет тихонько дремать, а я - лежать и сжимать ее в своих объятиях, и любовь к ней будет переполнять меня.

Конечно, Салли Нулленс сказала, что "все это не дело". Есть детская, и ребенок должен спать там, где она - Салли - может приглядеть за ним, но вскоре она смягчилась. Она

помнила, что именно я посоветовала Харриет воспользоваться ее услугами, помнила это и Эмили Филпотс, поэтому они смирились с таким положением дел и больше не протестовали.

В те недели Карлотта и показала в полной мере свое умение очаровывать. Увидев, что мой отец безразличен к ней, она почувствовала, что непременно должна добиться того, чтобы он ее заметил.

Я видела, что Карлотта частенько подглядывает за отцом, и, если ей казалось, что он не смотрит, она показывала ему язык. Я предупредила ее, чтобы она не делала этого, что наказание будет неминуемо. Я знала, что Салли, как хорошая нянька, может легонько шлепнуть ребенка, и на долю Карлотты нередко выпадало подобное наказание. Я видела, как Салли перекидывает ее через колено и вознаграждает легким шлепком, а Карлотта тем временем визжит от гнева, но я заметила также, что вскоре после этого Салли безо всякой обиды жалуется поцелуй на ночь, из чего я вывела, что от Салли Карлотта принимает наказания весьма спокойно и их привязанность друг к другу ничуть от этого не страдает. Но отец мой был другой закалки. Я с ужасом думала о том, как он может наказать Карлотту за ее дерзость, потому что вряд ли воспримет этот жест языком как проявление любви.

Но Карлотта не боялась ничего. В тот раз мы гуляли по саду, и она бегала вокруг, забавляясь с воланом. Отец сидел на стуле у пруда и, когда она слишком расшумелась, велел ей вести себя потише.

Некоторое время она молча смотрела на него, после чего продолжила свою игру, но уже не произнося ни слова.

Он, казалось, заснул, когда я увидела, что она тихонько подкрадывается к нему. Я было хотела окликнуть ее, но передумала. Ничего особенного она не сделает, если посмотрит на него. Она подобралась поближе, и я заметила, как она тронула его за колено, после чего, к моему великому удивлению, вскарабкалась на него и обвила ручонками его шею - не для того, чтобы показать свою любовь и привязанность, а просто чтобы удержаться. Потом она подождала еще несколько секунд, внимательно вглядываясь в его лицо, как будто изучая каждую его черту. После чего до меня донесся ее громкий крик:

"Ты - противный старикашка!" Тут же она попыталась спрыгнуть на землю. Но его руки вовремя подхватили ее. Я не знала, чего ожидать, но потом услышала его слова:

- Что это было? Что ты сказала? Она молчала, в упор глядя ему в глаза.

- Ты смелая девочка, - сказал он, - когда думаешь, что старый великан-людоед не видит тебя. Ты думала, что он спит и ты можешь сказать ему все, что о нем думаешь? А теперь все стало по-другому, да?

- Не по-другому! - крикнула она.

- Тогда скажи это еще раз.

- Ты - противный старикашка! - выкрикнула она.

- Значит, ты не боишься меня"? Она заколебалась.

- Боишься! - торжествующе воскликнул он, - Ты боишься, что я высеку тебя до крови, да? Вот что ты думаешь и все-таки говоришь!

)Г - Ты - противный старикашка, - повторила она, но уже более спокойным голосом.

- И ты меня не боишься?!

Я представила, как эти прекрасные голубые глазенки смотрят на него. Она боялась его, но одновременно с тем он ее притягивал: он один считал, что Карлотту не следует так лелеять.

- Ты боишься меня?! - настаивал он. Она кивнула.

- И все-таки ты подошла прямо ко мне и сказала, что я противный старикашка? Она снова кивнула. Он расхохотался.

- Тогда я тебе кое-что скажу, - проговорил он сквозь смех. - Ты права, это действительно так!

Тогда рассмеялась и она, и их смех радостью отозвался в моей душе. Я поняла, что она покорила его, чего никогда не удавалось сделать мне.

Я тихо ушла. Полчаса спустя она все еще сидела у него на коленях и рассказывала ему историю о злых круглоголовых, которые отрубили голову королю.

Этот визит запомнился еще тем, что домой приехал Эдвин. В семье устроили большое торжество. Мать всегда очень радовалась, когда приезжал Эдвин. Его отпустили, потому что знали, что случилось с очном. Эдвин считал, что отец последовал чьему-то дурному совету, присоединившись к армии Монмута потому что, как солдат, твердо знал, что герцог не имел ни малейшей надежды. Да, это правда, страна не в восторге от нового короля, но восстание, подобное восстанию Монмута, который, по словам многих, был не лучше Якова, ничего бы не изменило.

Но Эдвин никогда не навязывал своего мнения Другим. Служба в армии не изменила его: он остался таким же мягким, скромным и уступчивым. Я беспокоилась, что будет, когда он встретится с Кристабель, потому что, будучи близкими соседями, мы часто виделись друг с другом. Но встреча их прошла очень мирно: ему доставило большое удовольствие видеть Кристабель такой счастливой. Что касается ее, она жила настоящим и забыла разочарования прошлых лет.

Томас-младший рос как на дрожжах и, судя по отзывам Кристабель, был самым чудесным ребенком, когда-либо рождавшимся на этой земле.

Естественно, она знала, что отец участвовал в восстании Монмута и о тех страданиях, что потерпели мы в то время.

- Это было чуду подобно, - сказала она, - когда все вы в целости и сохранности вернулись домой. Томас едва мог поверить в это. Мы так переживали за вас, но это лишь доказывает, что все-таки чудеса случаются!

Кристабель больше стала заботиться о себе и своей внешности, и я даже не узнала ее сначала - она стала настоящей красавицей. Я еще подумала, что вот с ней случилось настоящее чудо.

Мать хотела, чтобы Эдвин побыстрее женился. Его возраст уже приближался к тридцати - как, впрочем, и Ли, - но ни один из них так и не был женат. Она начала присматривать подходящую пару и для меня, так как мне уже исполнилось девятнадцать. Теперь, когда она могла удержать дома отца, она начала планировать наши вечера с таким расчетом, чтобы мы могли встречаться с семьями, подобными нашей, где можно было подыскать мужа мне и жену Эдвину. Ее любимицей была Джейн Мерридю. Джейн было примерно двадцать пять - она была довольно красивая девушка, серьезная и практичная, как раз под стать Эдвину.

Мерридю приехали погостить. Они были твердыми протестантами и, как и мой отец, с беспокойством встретили нового правителя, поэтому у них было много общего, и через пару недель Джейн и Эдвин обручились.

- Не следует откладывать дело в долгий ящик, - сказала мать. - Солдаты должны жениться быстро: ведь большую часть своей жизни они проводят вдалеке от жен, так что

должны заботиться о своем времени.

Мерридю также были совсем не против того, чтобы справить свадьбу побыстрее: Джейн была уже не так молода, чтобы раздумывать.

- Через два месяца все будет готово, - объявила мать, когда Эдвин сказал, что ему надо будет еще уехать да и Ли следует пригласить на свадьбу.

Харриет вышла со мной в сад.

- Вскоре придет твоя очередь, - сказала она. - Ты больше не дитя, Присцилла, и ты не можешь всю жизнь убиваться по погибшему возлюбленному!

Я не ответила.

- Когда-нибудь ты снова влюбишься, мое милое дитя, и снова ощутишь себя счастливой! Я это твердо могу тебе сказать. Есть один человек, за которого я бы хотела, чтобы ты вышла замуж. Думаю, ты знаешь, кого я имею в виду, но вы должны сами открыть друг друга! Ты не должна позволять, чтобы случившееся с тобой омрачило будущее.

- Но, Харриет, - ответила я, - ведь то, что происходит, так или иначе всегда влияет на наше будущее, мы так и живем!

Я подумала о совпадениях, которые привели меня к тому источающему мускусным ароматом ложу и горькому унижению, что я претерпела от грязных рук Бомонта Гранвиля. Встреча с Джоселином, наша любовь, его смерть, Венеция - все это сложилось вместе, и объявился он, злой гений. Он сделал со мной то, что я никогда не смогу забыть и что, несмотря на все уверения Харриет, все-таки повлияет на мою жизнь и будет висеть надо мной до самой могилы.

- Если мы совершаем ошибки, - сказала Харриет, - ни в коем случае не должны тяготиться ими!

Мы должны воспринять их как опыт!

"Опыт!" - подумала я. Ложе с ароматом мускуса и мужчина, который требовал, чтобы я исполняла его приказы, который так унижил меня, что лишь во сне я обретаю покой и могу забыть обо всем.

Я уже было хотела признаться во всем Харриет, но вовремя опомнилась. Это был мой позорный секрет. Лучше наглухо запереть его у себя в душе, никогда не должен он выйти на свет Божий! Я не позволю случиться этому, я бы этого вынести не смогла!

Харриет думала, что меня беспокоит любовь к Джоселину, но ее-то как раз я забывать не хотела.

- У твоей матери горят глаза, - продолжала Харриет. - Сегодня Эдвин, завтра - Присцилла! Ей хочется, чтобы у ее ног побыстрее начали копошиться внуки. Дорогая Арабелла, она всегда была такой сентиментальной! Я всегда могу с точностью сказать, что она думает или чувствует. Я нежно люблю ее, ты знаешь об этом. Она многое значила в моей жизни, но теперь есть ты и наш маленький ангелочек - Карлотта. Вот чья жизнь будет насыщенной и яркой! Надеюсь, я доживу до того времени.

Конечно, Харриет была права насчет матери: она была до безумия рада обручению Эдвина. Однажды вечером она сказала мне:

- Присцилла, я так счастлива за Эдвина! Я уверена, из Джейн получится прекрасная жена!

- Ты всегда ему прочила Джейн, - напомнила я ей. - Ты же помешала его браку с Кристабель!

- И была права! Кристабель нашла свое счастье с Томасом. Он очень подходит ей, и у

них уже есть маленький Томас. Вот что называется счастливой семьей!

- Но она очень расстроилась, когда Эдвин позволил тебе убедить себя!

- Милое дитя мое, если бы он действительно любил ее, никакие уговоры не помогли бы!

А если бы любила его она, то не была бы сейчас так счастлива с Томасом! Все обернулось к лучшему!

Она задумчиво посмотрела на меня.

- Надо бы тебе замуж, Присцилла, - сказала она. - Теперь твоя очередь! Ты и эта крошка Карлотта.., она настоящая шалунья, она очаровала даже твоего отца! Когда я вижу тебя с ней, я начинаю думать, что и твоя свадьба не за горами. Сегодня утром, когда я наблюдала за тобой и Карлоттой, я подумала, что из тебя получится изумительная мать!

Я улыбнулась ей. "Милая мама, - подумала я, - интересно, что бы ты сказала, если бы узнала, что Карлотта - моя дочь и что я в обмен на жизнь отца отдалась - так горько, так позорно - негодяю?"

В апреле следующего года Эдвин и Джейн поженились. Мерридюю жили в пяти милях от нас, и в их доме было устроено большое торжество.

Эдвин, казалось, был счастлив, и Джейн радовалась, естественно, не меньше. А мать просто лучилась счастьем: она и Джейн очень сдружились, что было очень кстати, так как после окончания торжеств Джейн должна была вернуться с нами в Эверсли, который с этих пор станет ее домом. Хотя мой отец и управлял всю жизнь нашим поместьем и, я уверена, считал его своим, все-таки Эверсли-корт принадлежал Эдвину, но Эдвин был такого склада характера, что никогда и не разубеждал отца в этом.

Мерридюю сделали хороший выбор, учитывая, конечно, что участие моего отца в восстании Монмута никаких неприятностей не принесло: за такое лишались состояний и имений в один миг.

Мерридюю, как и мы, в то время держались от королевского дворца подальше, живя у себя в замке неподалеку от Лондона. Они надеялись, что недавние события вскоре забудутся, хотя до нас доходили слухи, что беда все-таки надвигается.

- Что бы там ни было, - твердо заявила мать, - мы будем держаться в стороне!

И я думаю, что из-за недавних приключений отца ее слова теперь обладали значительным весом.

В то время мысли всех были заняты приближающейся свадьбой, и на венчание мы поехали к Мерридюю - вся церемония должна была проходить в их домашней часовне. Затем последовал пир, и множество тостов было произнесено в честь новобрачных, после чего они вернулись обратно в Эверсли, так как по традиции должны были провести свою первую брачную ночь в особых свадебных покоях, которые для них приготовила мать.

Мы же остались в Мерридюю-корте еще на два дня, и на обратном пути мать подъехала ко мне и сказала:

- Я так рада видеть, что Эдвин счастлив в браке! Джейн - такое милое создание! Я уверена, они будут счастливы всегда!

- Да, - согласилась я, - они подходят друг другу. Им даже и в голову не может прийти, что они могут чувствовать что-либо еще, кроме радости.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Ну, я думаю, они всегда поступали так, как от них требовалось, а сейчас все ждут от них радости.

- Но это не так уж и плохо?

- Да, но не со всеми это проходит. Я тут же пожалела о сказанном, ибо это дало ей повод сказать:

- Моя дорогая Присцилла, как бы мне хотелось видеть и тебя счастливой! Я молчала.

- Я знаю, - продолжала она, - что ты чувствовала романтическое влечение к тому бедному юноше, но это было так давно и ты тогда была еще совсем ребенком!

Я упорно продолжала отмалчиваться.

- Это было детское увлечение, моя дорогая, оно не должно омрачать тебе жизнь! Ты кажешься порой такой серьезной, как будто что-то тяготит тебя, и ты стала такой с тех пор, как мы вернулись из Дорчестера.

Как легко было тогда выкрикнуть в лицо ей всю правду, сказать, что я сделала, объяснить загадочное освобождение моего отца! Мне хотелось насмешливо расхохотаться над ее словами, будто я еще ребенок! Маленькая девочка, которая уже имеет собственного ребенка и которая пережила ночь с Бомонтом Гранвилем! Это она была святой невинностью по сравнению со мной. Я же была уже опытной, достаточно познавшей на своем веку женщиной.

Спустя два дня, как мы вернулись в Эверсли, приехал Ли: он не смог вовремя выбраться на свадьбу. Встреча с ним очень обрадовала меня. Он изменился: в его манерах появилось какое-то беспокойство. Позднее он объяснил нам его причины: в воздухе носилась беда, король всячески ублажал католиков, а значительному большинству это совсем не нравилось. Ли боялся того, что в стране вновь вспыхнет восстание.

- Еще одна гражданская война будет означать катастрофу, - сказал он, когда мы сели обедать. - Англичане против англичан, как это было недавно. Другое дело, когда одна страна воюет с другой, а я не хочу сражаться с земляками, каким бы ни был предлог. Сейчас я так жалею о том, что служу в армии, может, я подам в отставку и осяду где-нибудь.

- Это совсем неплохая мысль, - возбужденно произнесла мать. - Но если Якова свергнут, кто сядет на трон?

Ли понизил голос до шепота.

- У короля есть зять - Вильгельм Оранский.

- Вильгельм Оранский? - воскликнула мать.

- А почему нет? Он женат на Мэри, а она старшая дочь короля. Кроме того, у него есть свои законные претензии на престол. Разве его мать не была старшей дочерью Карла I? Он протестант, твердый и смелый человек, хотя и не очень привлекателен. Но красота для правителя не самое главное?

- Все это очень странно, - воскликнул отец, - но, клянусь Богом, в Англии снова наступят счастливые времена, если все случится так, как вы говорите!

- Правда, перед этим будут стычки, - охладил наш пыл Ли, - а мне это ничуть не нравится. Если бы Карл пожил еще...

- Такого мнения придерживаются все до единого, - сказал отец.

Несмотря на такой счастливый повод, как свадьба, в дом закралась печаль. Я думаю, родители вспоминали дни гражданской войны, когда никто не знал точно, где враг, а где друг, и отец рисковал своей жизнью, изображая из себя круглоголового, на деле служа делу короля. Я много слышала историй о тех временах.

Однажды Ли и я поехали на прогулку к морю, привязали лошадей, а сами спустились на пляж, и тут он внезапно сказал:

- Присцилла, ты выйдешь за меня замуж?

Мне кажется, я всегда верила в то, что когда-нибудь он попросит меня об этом. Так было до того, как я встретила Джоселина. Я надеялась, я сделала из него мифического героя и даже поклонялась ему, когда была совсем девочкой. Он для меня всегда был первым и лучшим. И пока я не знала Джоселина, я была твердо убеждена в том, что только с Ли я разделю свою жизнь.

Но теперь я была уже не той невинной девочкой. Я влюбилась в Джоселина, а потом.., потом был Бомонт Гранвиль. Никогда я не смогу выбросить его из головы: ночь, проведенная с ним, отвратила меня от мыслей о замужестве.

Но все же оставался Ли, а ч любила Ли, доверяла ему Он был моим защитником, он был тем человеком, который избил Бомонта Гранвиля, когда тот попытался похитить меня.

Несколько минут я молчала, чувствуя волнение Ли - Я ждал, пока ты подрастешь, - сказал он, - но меня столько времени не было дома. Присцилла, ты же любишь меня?

- Конечно, я всегда тебя любила. Он остановился и, радостно схватив мои ладони, заглянул мне в глаза.

- Тогда - да? - спросил он.

- Я не уверена... - ответила я.

- Не уверена? Но ты же сказала, что любишь меня! Ты всегда меня любила! Когда ты была крошкой, ты приходила ко мне, поверяя все свои тайны, тебе нужен был лишь я один!

- Да, ты был мне как брат.

- Как брат, да, но было еще что-то? Ведь Эдвин тоже твой брат!

- Нет, это не совсем так! Ли, ты был героем, тем, кто спасал меня, когда я попадала в затруднительное положение, рыцарь в сияющих доспехах!

- Теперь ты ушла в поэзию, Присцилла, почему ты колеблешься? Ведь у тебя никого больше нет, я не ошибаюсь?

Я покачала головой. Лучше бы мы не приходили на этот пляж! На меня нахлынули воспоминания. Пещера, где мы сидели рядом с Джоселином, человек с собаками и смертельный страх, который завладел тогда мною...

- Тогда в чем дело? - спросил Ли.

- Есть кое-что, что ты должен знать, Ли!

- Тогда расскажи, - сказал он.

- Боюсь, это будет большим потрясением для тебя... Карлотта - моя дочь!

Он замер и внимательно посмотрел на меня.

- Видишь, Ли, - сказала я, - теперь, когда тебе все известно, ты можешь жениться на мне?

- Джоселин... - медленно проговорил он. - Я думал, что это было просто детское восхищение красивым юным героем!

- Ты слишком долго делал из меня ребенка, а я была молода, влюбилась в него, и, когда на Эйоте нас застал туман, мы стали любовниками! На следующий день его схватили и вскоре, как ты знаешь, казнили... Но у меня есть Карлотта - она напоминает мне о нем!

- Но, по мнению остальных, Карлотта приходится дочерью моей матери! Я покачала головой:

- Харриет помогла мне. Не знаю, что бы я делала без нее!

- Значит, вы поехали в Венецию, и именно там должен был родиться ребенок?

- Для нее это было игрой, и она сыграла великолепно! Харриет с пониманием отнеслась

ко мне, я никогда не забуду этого!

- Карлотта... - прошептал Ли. - Я не могу поверить в это!

- Это - идея Харриет! Она твердо решила привести свой план в действие, что и сделала.

- И поэтому ты не хочешь выходить за меня замуж? Ты все еще любишь Джоселина?

- Я люблю тебя, Ли, ничто не могло изменить мои чувства к тебе: я всегда тебя любила!

И если мне придется выйти за кого-нибудь замуж, мне хотелось бы, чтоб это был ты! Но то, что случилось, все меняет...

- Но мои чувства к тебе остались прежними!

- О, Ли! - сказала я. Я склонила голову ему на грудь, а он крепко обнял меня. Я ощутила полный покой. Я прислушивалась к шуму волн и грустным крикам морских чаек. Этими звуками сопровождалась обычно мои свидания с Джоселином, но тогда было по-другому. А рядом был Ли - сильный мужчина, защитник. В тот момент я поняла, что любила Джоселина лишь потому, что чувствовала потребность защитить его. Я поняла, что, если рядом со мной будет Ли, я всегда смогу опереться на него и, возможно, спустя какое-то время позабуду свои страхи. Теперь он знал тайну рождения Карлотты, и это было для меня большим облегчением.

Я любила Ли, конечно же, я любила его. Наше будущее будет построено на крепком фундаменте, сделанном из любви и веры, которые жили во мне с самого детства. Меня охватило безбрежное счастье, такое, какого я не ощущала уже очень давно, и мне захотелось рассказать ему все. Я хотела объяснить ему наш страх за отца, болезнь матери, порожденную тревогой, то, что я сделала, чтобы спасти отца. Если бы я могла рассказать ему это, мои воспоминания утратили бы свою силу и я снова стала бы счастливой! Вот что для меня значил Ли!

Но я не могла признаться ему: я представила себе его ярость! Это был бы тот же холодный гнев, который привел его тогда в дом Бомонта Гранвиля. А сейчас, если бы он обо всем узнал, он бы убил Гранвиля! И я не осмелилась ничего сказать ему: это должно было остаться моей тайной.

- Тебе следовало бы рассказать мне это раньше! - сказал он.

- Ты меня понимаешь, Ли?

- Да, понимаю: это было романтическим приключением: Джоселин был в опасности, а мы все помогали ему. И результатом была... Карлотта! Это действительно все меняет, мы должны подумать, как поступить с ней!

- Но что здесь можно сделать?

- Я знаю, что ты чувствуешь к этому ребенку. Может, нам удастся забрать ее? Ей нужен отец!

- У нее есть Грегори, он боготворит ее.

- Ей нужна мать: Харриет никогда не отличалась материнскими чувствами.

- Все равно Карлотта нежно любит ее. Но если б я могла взять ее себе...

- Посмотрим, что можно сделать!

- О, Ли! - воскликнула я. - Я не была такой счастливой с тех пор, как... Он обнял меня и сказал:

- Все закончилось, Присцилла, и теперь ты всегда будешь такой. Ты и я.., я всегда знал это!

Он торжественно поцеловал меня, а потом мы вернулись к нашим лошадям.

Мать была счастлива до безумия. Она поцеловала меня, а потом Ли.

- Я всегда на это надеялась! - сказала она. - Ты все время следил за ней, Ли. Я помню тебя еще совсем мальчишкой, но как настоящий мужчина ты чувствовал, что должен защищать девочек, хотя порой Присцилла доставляла тебе много хлопот.

- Все верно, - согласился Ли. - Присцилла была необычной девочкой!

Даже отец выказал энтузиазм: ему нравился Ли, который чем-то был похож на него самого и тем отличался от Эдвина, о котором отец был невысокого мнения. Я с горечью подумала, что, должно быть, он рад, что наконец-то избавляется от дочери.

- Никаких отсрочек! - сказала мать. - Может, тебя скоро снова призовут, Ли!

Ли согласился, что это вполне вероятно, и приготовления к свадьбе закипели полным ходом. Из Грассленд Мэйнора приехала Кристабель поздравить меня. Томаса-младшего она поручила заботам няньки. Она не любила уезжать куда-либо без него, но просто обязана была приехать и пожелать мне счастья.

Она зашла ко мне в комнату. Ли всегда любил меня, сказала она. Она завидовала, потому что он никогда не глядел на нее. Потом она потупилась и спросила:

- Присцилла, а как же Карлотта?

- Он знает: я рассказала ему. Я бы не вышла за него замуж, если бы он ничего не знал!

- И он.., понял?

- Да, понял! Он сказал.., о, Кристабель, я так счастлива! Он сказал, что мы должны что-то придумать, чтобы забрать ее к нам, так чтобы она могла быть рядом со своей настоящей матерью!

- Он будет тебе хорошим мужем, Присцилла, и нет в жизни ничего прекраснее, чем счастливая свадьба!

- Ты должна это уже знать, - сказала я. - Ты одна из тех счастливиц, которые достигли этого!

- Но я не заслуживаю этого, в этом-то все и дело!

- Чепуха! Спроси лучше об этом Томаса: ты сделала из него очень счастливого человека!

- Да, он счастлив! По крайней мере, ему я принесла радость!

- Хватит тебе винить себя во всем, Кристабель! Ты никак не можешь успокоиться!

- Я была отвратительной! Злоба - это смертный грех, Присцилла!

- Ну, теперь ты от него избавилась и пожелай мне такого же счастья, как твое!

- Я желаю тебе этого, - ответила она, - от всего сердца!

За несколько дней до венчания приехала Харриет, сопровождаемая Грегори, Бенджи и Карлоттой. Радость Харриет была очевидной.

- Вот чего я хотела для тебя и Ли! - сказала она мне. - Я даже описать не могу тебе, как я теперь счастлива! Когда-то я была Эверсли - когда вышла замуж за Тони, и очень гордилась этим! Теперь моя невестка - Эверсли, и могу сказать тебе - все мои мечты сбылись!

- Ты всегда была так добра ко мне, Харриет! Знаешь, я рассказала Ли о Карлотте! Она кивнула.

- Это ничего не изменило: он также хочет жениться на мне!

- Невысокого я была бы о нем мнения, если бы это помешало ему!

- Он говорит, что через какое-то время она должна переехать к нам.

Она взяла меня за руку и пожала ее.

- Он прав! О, какой прекрасный конец получился у нашей драматической истории! Свадебные колокола! Это всегда было таким сказочным концом. "И после того зажили они

душа в душу!" Это было моей самой любимой строчкой!

- Конец, как в сказке, - сказала я, - но жизнь отнюдь не сказка!

Она пристально посмотрела на меня, и снова меня охватило желание рассказать ей о Бомонте Гранвиле. Нет, не могу, никто не должен знать об этом! Я пообещала себе, что постараюсь забыть о его существовании и навсегда избавиться от воспоминаний о той ночи.

Ли пришлось съездить в Лондон. В королевский дворец он был не вхож, но был завсегдатаем кофейен, где можно было услышать самые свежие новости, так как там собирались королевские слуги, солдаты и политики, остряки и сплетники и говорили обо всем совершенно открыто.

Я не хотела, чтобы он ехал: я боялась, что что-нибудь случится с ним. С каждым днем я все больше понимала, как много он для меня значил. Я даже начала понимать, что мои отношения с Джоселином ни в коей мере нельзя было назвать страстью, как я себе это представляла. Джоселин был просто красивым юношей, оказавшимся в опасности. Мы были одни на острове - двое молодых людей, - и мы любили друг друга. Все произошло так быстро! Мы были влюблены и знали, что вскоре нас разлучат, поэтому воспользовались теми минутами. Мы говорили о свадьбе, и на одну ночь мы стали новобрачными. А теперь я начала думать, как бы пошло все дальше, если бы он бежал и мы поженились? Я понимала, что та растущая страсть, которую я испытываю к Ли, сильна и непоколебима, как любовь, которая связывала моих мать и отца. Это была настоящая любовь, любовь стойкая, которую ничто не в силах изменить, а совсем не легкий роман.

Только Ли я любила! Вот почему я боялась за него, когда он уехал в Лондон, вот почему я старалась побольше разузнать о том, что происходит, вот почему я начала бояться очередной гражданской войны или восстания, совсем как моя мать. И это было вовсе не потому, что мы как патриотки боялись за судьбу страны, а потому, что мы были женщинами, которые хотели уберечь своих мужей!

Это было как откровение Господне: я любила Ли, и мы должны были пожениться, он знал о Карлотте, и он все понял! Он собирался помочь мне, он будет ей прекрасным отцом! Давно я не чувствовала себя такой счастливой, но вскоре меня снова начали одолевать воспоминания о Бомонте Гранвиле: он приходил ко мне во сне. Сначала это был Ли, но, когда он подходил ближе, его лицо превращалось в лицо Бомонта Гранвиля. Я начала испытывать смутные опасения.

Приближался день нашей свадьбы. Дом весь кипел от приготовлений. Из кухни доносились запахи жареного мяса и пирогов. Моя мать пребывала в полном блаженстве. Она выбросила из головы все мысли о том, что в стране может разразиться беда. Ее семья была вокруг нее, Эдвин женился на девушке, которую она сама ему подыскала, и, по ее словам, она всегда хотела, чтобы мне достался Ли.

- Ли - настоящий мужчина, как твой отец, и ты будешь счастлива с ним. Он позаботится о тебе, к он уже давно тебя любит. Я так рада, дитя мое, что наконец-то и ты устроила свою жизнь!

Карлотта спала в моей комнате. Ей были очень любопытны все эти приготовления, и она большую часть времени проводила на кухне, наблюдая за поварами, а когда никто не видел, незаметно окунала в горшочки пальчик, чтобы попробовать на вкус. Они баловали ее там, но я знала, Элен без ума от того, что Карлотта рядом с ней, - она даже научила ее, как вынимать косточки из изюма.

Джаспера, естественно, ее очарование не коснулось. По-моему, он считал ее отпрыском

самого дьявола - ее яркие одежды и очевидную красоту он совсем не одобрял. Ей тоже не нравился Джаспер, и она этого не скрывала. Она сказала ему, что сомневается, любит ли его сам Бог, что, думаю, было для Джаспера самым большим потрясением за многие годы.

Ночью она забиралась ко мне в кровать и разговаривала. "Когда я выйду замуж, - сказала я ей, - тебе больше нельзя будет спать со мной. Я буду спать в свадебных покоях, как все остальные невесты".

Она с вниманием выслушала мой рассказ.

- А когда я выйду замуж? - поинтересовалась она.

- Ну, до этого еще далеко, - сказала я.

- А у тебя будет ребенок? - спросила она.

- Не знаю.

- Обещай!

- Обещать что?

- Что когда у тебя появится ребенок, ты все равно будешь больше любить меня!

- Я всегда буду любить тебя, Карлотта!

- Нет, больше всех, - сказала она. - Я хочу, чтобы ты больше всех любила меня!

- Ну, нельзя такого обещать. Тебе придется подождать и убедиться самой.

Она задумалась и вскоре, продолжая размышлять на эту тему, заснула.

Мне подарили много подарков. Кристабель сшила несколько прелестных наволочек с изумительной вышивкой - она это хорошо умела делать. Вышитое белье я получила от Эмили Филпотс и Салли Нулленс, которые были вне себя от счастья, предвкушая появление новых детишек. Моя мать подарила мне рулон прекрасного шелка, из которого можно было сделать чудесные платья.

Один подарок привез мне домой какой-то нарочный, который не стал ждать ответа и не сказал, кто послал его. Это был плоский квадратный пакет. Буквально сгорая от любопытства, я отнесла его к себе в комнату и открыла.

Внутри находилась картина, написанная нежными красками и изображающая площадь Святого Марка в Венеции и ту лавку, где я купила себе туфли. Я сразу догадалась, кто послал ее, но даже если бы я сомневалась, то в углу стояли инициалы, при виде которых вновь ожили старые страхи, - Б. Г.

Я чуть не упала в обморок. Что бы это значило? Ясно, что это напоминание. Гранвиль говорил мне, что он все еще вхож в мою жизнь и что я еще не избавилась от него.

Картина лежала на моей кровати. Я отвернулась от нее: я не могла на нее смотреть. С каждой минутой меня все больше охватывали мрачные мысли.

Что еще он может мне сделать? Тогда я подумала, в какую ярость пришел бы Ли, если бы узнал об этом. Уверена, он убил бы Бомонта Гранвиля. Один раз он это почти сделал, и за меньшую обиду.

Но Ли никогда не узнает об этом. Я подумала, видел ли кто-нибудь из нашей семьи нарочного? Мать могла бы спросить, что он привез. Можно ли мне показывать картину? "Это от одного человека, с которым мы познакомились в Венеции", - могла бы ответить я. И тогда бы ее увидел Ли, и он заметил бы эти инициалы.

Первым моим желанием было уничтожить картину, но я решила пока этого не делать. Я положила ее в ящик и закрыла сверху одеждой. Через несколько дней я избавлюсь от нее, и, если до тех пор никто не поинтересуется посыльным, значит, никто ничего не заметил.

Я постаралась успокоиться, прежде чем спуститься вниз. Мне удалось совладать с

собой, но ужасная тень нависла над моим будущим.

Нарочного никто не заметил, и о том, что он привез, никаких вопросов не возникло. Несколько дней спустя я разорвала картину и сожгла ее в очаге. Как только я сделала это, то сразу почувствовала себя лучше.

"Это было сделано просто, чтобы позлить меня", - уверяла я себя, но ощущала беспокойство, оттого что Гранвиль знает о моей приближающейся свадьбе. Ли ездил в Лондон, и не было никаких причин держать свадьбу в секрете. Его знали многие, и, естественно, все интересовались, на ком он женится. Я была внучкой генерала Толуорти, хорошо известного воина, который облек себя славой на службе делу короля. Моим отцом был Карлтон Эверсли, близкий друг бывшего короля. Мы очень надеялись, что его имя не будет упоминаться в связи с восстанием Монмута, но, как я поняла, большая часть народа совершенно разочаровалась в нынешнем короле, поэтому мало кто питал к моему отцу враждебные чувства.

Как бы то ни было, на душе у меня полегчало, когда я уничтожила картину, и я попыталась выкинуть ее из головы.

Венчались мы в часовне Эверсли, но, даже когда мы вышли оттуда - моя рука в руке Ли, - я ощущала, что тайна эта, подобно камню, лежит между нами, и мне очень захотелось рассказать Ли о той страшной ночи. Но я знала, что, если я сделаю это, он не успокоится, пока не отомстит Бомонту Гранвилю, а это означает смерть кого-либо из них двоих.

Мысли о Бомонте Гранвиле постоянно терзали меня. Я любила Ли, я сгорала от страсти к нему, но все время рядом незримо присутствовал Бомонт Гранвиль. Ли чувствовал, что что-то происходит. Он никак не мог понять, в чем дело, и поэтому терзался. Вероятно, он считал, что я все еще горюю по Джоселину, но я не могла объяснить, что я люблю его, что я хочу его одного. Мне постоянно мешало, что я никак не могла забыть о той ночи в Дорчестере.

Даже несмотря на то, что у меня уже был ребенок, Ли все равно продолжал считать меня не вполне взрослой. Он был не уверен во мне и, как я догадывалась, был расстроен. Я понимала, что он места себе находить не будет, когда нам придется расстаться. Он много говорил о будущем: что очень плохо, когда муж и жена часто живут в разлуке, что неизбежно, когда муж военный, и, когда ситуация станет более стабильной, он, наверное, подаст в отставку. Мы не могли прожить всю жизнь в Эверсли-кorte, так как он принадлежал Эдвину, его жене и детям, которые у них еще родятся, моим родителям и брату Карлу. Но был еще старенький Довер-хаус. Он очень был похож на Эверсли-корт, правда, чуть меньше, но с той же планировкой и построенный в те же елизаветинские времена. Ли мог выкупить его у Эверсли, и мы могли бы поселиться там. Он уже начал строить планы, как нам достроить его и как возделывать землю: в его распоряжении находился хороший кусок плодородных земель.

- Я никуда не буду от тебя уезжать! - сказал он.

Я почувствовала его недоверие, и вновь мне захотелось признаться и рассказать ему о той ужасной ночи, которая навсегда изранила мою душу. Я хотела, чтобы он понял, что дело вовсе не в том, что я не люблю его, что все случившееся со мной доказало мне, что никогда и никого не смогу я полюбить так, как его. Но когда я опять подумала о возможных последствиях, я решила промолчать.

Харриет еще гостила у нас вместе с Карлоттой, Бенджи и Грегори. Она сказала, что

хочет как можно больше побыть со своим сыном, а я этому была только рада: не только потому, что рядом будет Харриет, которая всегда была хорошей советчицей, но потому, что и Карлотта останется со мной еще немного.

Карлу к тому времени исполнилось шестнадцать, Бенджи был годом старше, так что они действительно уже совсем выросли и осенью уезжали в университет.

Ли без перерыва говорил о Довер-хаусе: за последние дни это стало его любимой темой разговора, но мой отец указал ему на то, что значительная часть тамошней земли потребует обработки и заботы, прежде чем начнет давать хорошие урожаи. Но тут Карл внезапно сказал:

- А почему бы вам не поселиться в Эндерби-холле, Ли? Хороший дом.., был, во всяком случае...

- Эндерби-холл... - задумчиво проговорил Ли. - А разве его еще никто не занял?

- Нет, - ответила мать, - и вроде не собирается. Говорят, будто там водятся привидения!

- Чушь какая! - воскликнул Ли. - Когда там жил Эндерби, все было в порядке!

- О, это была большая трагедия для всех нас! - сказала мать.

- Он вместе с Хилтоном из Грассленд Мэйнора участвовал в заговоре "Ржаного дома", - добавил отец, - и их поместья конфисковали.

- Сначала, конечно, - вставила мать, - забрали оттуда семьи. У несчастной Грэйс Эндерби сердце разрывалось от горя. Она даже попыталась повеситься. Это произошло в главном зале, но веревка оказалась слишком длинной, и, вместо того чтобы повеситься, как она рассчитывала, она ударилась об пол. Она умерла не сразу.. Слуги говорят, что перед смертью она прокляла это место, и ее крики слышны до сих пор, когда вы проезжаете мимо дома ночью!

- Значит, вот откуда пошли слухи, что в этом месте водятся привидения? спросил Ли.

- Никто никаких воплей не слышал, - сказал мой отец. - Как всегда, это только слухи! Я думаю, их часто выдумывают - эти дома с привидениями!

- Но мы, например, всегда считали это место странным и загадочным, заметила моя мать. - Это была семья убежденных католиков, и поговаривали, что там есть даже тайник, где они прятали своих священников.

- Какая грустная история, - сказала Джейн, - но все равно не хотелось бы мне оказаться там после наступления темноты.

- Ерунда, не может же вас испугать подобная чушь? - проворчал отец.

- Конечно, днем хорошо храбриться, - сказала мать. - А сейчас дом превратился в старое и мрачное здание, сад зарос, однако он продается. Хотя кто захочет покупать дом, где случилось что-либо подобное?

- Думаю, он перешел в руки какого-нибудь дальнего родственника Эндерби, а тот хочет побыстрее от него избавиться. Но ничего у него не получится, пока он не приведет в порядок сад - тогда, кстати, и весь этот мрачный вид исчезнет и пока не позаботится о том, чтобы положить конец всем этим слухам.

- А я бы хотел пойти туда и посмотреть, - сказал Бенджи.

- Струсишь! - подстрекающе сказал Карл.

- Не правда, - возразил Бенджи, - вот увидишь, схожу туда!

- Но, - сказала я, - он долгое время пустовал. Если бы кто-нибудь взялся за него да вычистил, был бы совершенно нормальный дом!

После этого разговор обратился на события внутри страны, которые всегда для нас были

первостепенными, и дом с привидениями, и семейство Эндерби мигом были забыты.

На следующий день, ближе к вечеру, в сад, где мы наслаждались теплыми солнечными лучами, вбежала Салли Нулленс и сообщила ужасную новость - Карлотты нигде не было.

Меня охватил страх. Я повернулась к Салли и крикнула:

- Но где она может быть?

- Она лежала в своей кроватке и дремала - так, по крайней мере, я думала! Потом я пошла будить ее, а ее там нет!

После того как я вышла замуж, Карлотта вернулась в детскую. Она обиделась на это и во всем склонна была винить Ли, который, как она считала, отнял меня у нее.

- Наверное, она где-нибудь в саду, - предположила мать.

- Пойду посмотрю, - сказала я.

- И я с тобой, - поднялся Ли.

Мы обыскали сад, но нигде не было и следа Карлотты. Тогда мы пошли в дом и осмотрели все комнаты до единой. Теперь я по-настоящему встревожилась.

- Но куда она могла запропасться?! - вне себя от тревоги воскликнула я.

- Вот чертенок! - пробормотала Салли Нулленс. - Она не хотела ложиться в кровать, мне пришлось долго уговаривать ее. Она очень злилась, сказала, что хочет пойти с Карлом и Бенджи, но такие мальчишки, как они, не любят, когда за ними увязываются дети.

- Где Карл и Бенджи? - спросила я.

- Не знаю, - ответила Салли. - Часа в два они куда-то вместе ушли, с тех пор я их не видела! Я облегченно вздохнула:

- Она, наверное, с ними.

- Она приставала к ним, но они сказали, что не возьмут ее, а потом подошла я и велела ей идти в кровать.

- Я думаю, она пошла с ними, Салли, - с легким беспокойством сказала я. Может, они смягчились и взяли ее?

- Не знаю, но попомните мои слова: у меня будет к ней одно дельце, когда она вернется!

Я видела, что Салли вне себя от беспокойства. Мы вернулись в сад.

- Ну что, нашли это вредное создание? - спросила Харриет.

- Нет, - ответила я, - Салли думает, что она увязалась за Карлом и Бенджи.

- А, ну да, она всегда за ними по пятам бродит!

- Она совсем, как ты, Присцилла, - сказала мать. - Ты всегда хотела быть только вместе с Эдвином и Ли!

- Салли не знает, что и думать: она должна была быть в постели!

- У Карлотты тяга к приключениям, - вставила Харриет. - Вокруг нее постоянно будут какие-то события!

- Она - испорченный ребенок! - сказал отец, но в голосе его промелькнули мягкие нотки.

Мы немного поговорили о других делах: о том, что происходит при дворе и на континенте. Естественно, как это часто случалось в те дни, было упомянуто и имя Вильгельма Оранского.

Через час вернулись Карл и Бенджи. Я кинулась им навстречу.

- Где Карлотта? - закричала я.

Они с недоумением воззрились на меня.

- Разве ее не было с вами? Они покачали головами. Вот тогда я действительно испугалась.

- Надо приниматься за поиски! - сказал Ли.

- Она не могла уйти далеко, - в раздумье заметила Харриет.

Я подумала о том, что, возможно, она пошла в лес и заблудилась. Я с ужасом подумала о том, что с ней там может случиться. Как раз в то время в лесу остановился табор цыган. Я неоднократно слышала о том, что они похищают детей. При мысли об этом я чуть не упала в обморок.

- Мы вскоре найдем ее, - сказал отец. - Разделимся на две группы и обыщем все по соседству: она не могла уйти далеко.

Я, Ли, Карл и Бенджи пошли в одну сторону, мой отец возглавил другую группу.

- Бьюсь об заклад, - сказал Ли, - она забралась куда-нибудь и заснула.

- Либо она потерялась, - хмуро сказала я. Если на нее наткнутся цыгане, они снимут с нее все, что можно. Золотая цепочка, подаренная ей Грегори, которую она всегда носила на шее, дорого стоила, а ее красота могла привлечь их внимание. Я представила, как они толпятся вокруг моей милой девочки. Что они могут сделать с ней? Я подумала о том, как она, грязная и неухоженная, будет продавать вещи и предсказывать будущее. С этим ее властная натура не смирится никогда, она будет бунтовать! И все-таки что они могут с ней сделать?

Ли успокаивал меня:

- Мы скоро ее найдем. Она где-то тут, рядом, не могла же она уйти далеко?

Мы обыскали все вокруг дома. Я предположила, что, может быть, она убежала к морю: она говорила об этом вчера.

- Она хотела пойти с нами, - сказал Карл, - но она была здесь, когда мы уходили. Я сказал, что мы идем в дом с привидениями. Она продолжала настаивать на своем, поэтому мы повернулись и ушли без нее.

- А как ты думаешь... - начала было я.

- До дома почти миля, - сказал Ли.

- Она знает дорогу, - ответил Карл. - Несколько дней назад мы проезжали мимо, и она сказала, что хочет увидеть настоящего призрака.

- Наслушалась всяких сплетен! - сказала я. - Вот туда-то она и пошла, я уверена в этом! Все, идем в Эндерби!

Ли сказал, что туда можно доехать на лошадях, что значительно сэкономит нам время, поэтому мы побежали к конюшне и спустя несколько минут уже скакали по направлению к Эндерби.

У дома мы спрыгнули на землю и стреножили лошадей. Дорожка так заросла травой, что нам пришлось ехать очень осторожно, чтобы не наткнуться на что-нибудь. Должна признаться, что, когда мы проезжали сквозь ворота, я содрогнулась. Было что-то сверхъестественное в этом месте. Пред нами вырос дом - красный кирпич, центральный зал с западным и восточным крыльями, стены покрыты ползучими растениями, некоторые из которых полностью затянули окна. Нетрудно было себе представить, почему здесь появляются призраки.

Даже несмотря на то, что я была полна решимости обыскать дом, я почувствовала отвращение при мысли, что должна войти в него.

- Мрачный вид! - сказал Бенджи.

- Ты спокойно можешь войти туда, - сказал Карл. - Просто отодвинуть засов у двери, и все... А никаких привидений мы не видели, - добавил он.

- Точно, - добавил Бенджи, - но чувствуется, что они там есть и наблюдают за тобой.

- Мы должны войти, - настаивала я, - надо обыскать комнаты!

И вдруг я похолодела: в одном из окон мелькнул огонек, тут же исчезнувший.

- Там кто-то есть! - задохнулась я от волнения.

- Я пошел, - сказал Ли.

Мы открыли дверь и ступили в холл. С громким стуком дверь за нами захлопнулась. Пыльный свет проникал внутрь сквозь грязные окна. Я перевела глаза на высокий сводчатый потолок, потом на стены - камень был влажный. Неподалеку начиналась большая лестница, когда-то, должно быть, очень красивая, на которой пыталась повеситься хозяйка этого дома.

Да, тут наверняка водились привидения. Дом вызывал у меня отвращение. В нем было что-то враждебное, что-то предупреждало держаться подальше.

И тут мы услышали шум над нами: открылась и закрылась дверь. Кто-то там был!

- Карлотта! - громко крикнул Ли. - Где ты? Иди сюда! Мы пришли за тобой!

Его голос эхом пронесся по пустым залам дома.

- Карлотта! Карлотта! - чуть не плача, закричала я.

Неужели она действительно осмелилась прийти сюда одна? Мною овладело ужасное предчувствие, что сейчас мы столкнемся с чем-то страшным.

- Тихо! - сказал Ли.

Мы прислушались: над нами кто-то ходил, и шаги принадлежали отнюдь не ребенку.

- Кто там? - окликнул Ли.

На балконе кто-то шевельнулся, и мы увидели мужчину, перегнувшегося через перила, через те самые перила, сквозь которые когда-то была пропущена роковая веревка.

- Вы тоже зашли посмотреть дом? - спросил он и начал спускаться по лестнице. Ничего от призрака в нем не было. Мужчина был уже немолод и одет в скромный, отделанный сутажем камзол и серые бархатные панталоны. Его платье было выдержано в спокойных тонах, прекрасно скроено и хорошего качества.

- У нас ребенок потерялся, - сказал Ли. - Мы подумали, что девочка может быть здесь.

- Девочка? - повторил он. - Нет, я никого не видел!

Меня охватило горькое разочарование.

- Мы знаем, что она могла прийти сюда, - сказал Ли.

- Да, - продолжил за него Карл. Он повернулся к Бенджи:

- Помнишь, я сказал тебе, что мне что-то послышалось? Ты еще сказал, что это, должно быть, привидение.

Бенджи медленно кивнул.

- Мы должны поискать ее, - настаивала я. - Хватит терять время, она же испугается.

- Я ходил по дому, - сказал мужчина. - В некоторых комнатах совсем темно, но у меня есть лампа, я оставил ее там, наверху. - Он махнул рукой в сторону лестницы. - Я не видел никакого ребенка, хотя, конечно, здесь столько комнат... Сомневаюсь, что я успел осмотреть все.

- Мы обыщем каждый уголок, - сказал Ли.

- Я пойду с вами, - поддержал его мужчина.

- Давайте держаться все вместе, - предложил Ли, - и осмотрим здесь все от крыши до подвала. Она, может быть, заперта где-нибудь, нельзя терять ни секунды!

Мы обыскали залы и кухни, потом прошли во флигель, и там, в прачечной, я и нашла на полу пуговицу от платья Карлотты!

Я, как ворон, налетела на нее. Это был знак, что она может быть здесь. Теперь я была уверена, что Карлотта где-то в доме, и, пока я не найду ее, я не уеду.

- Это ее пуговица! Она была здесь! - воскликнула я. - Она, наверное, и сейчас здесь!

Мы поднялись по лестнице. Она печально поскрипывала, как будто протестуя, у нас под ногами. Наверху оказался балкон, на котором когда-то играли менестрели. В те дни здесь царили счастье и радость, беда даже и не снилась.

По обе стороны от балкона висели тяжелые занавеси, а в глубине находился небольшой альков, где раньше хранились музыкальные инструменты. Туда вела маленькая дверца. Я открыла ее и увидела крепко спящую Карлотту.

Я кинулась к ней и обняла. Она открыла глаза.

- Привет, Цилла! - сказала она. Я взяла ее на руки и вышла на балкон. При виде нас все радостно вздохнули. Карлотта с удивлением оглядела собравшихся.

- Вы все пришли посмотреть на дом с привидениями? - спросила она. Потом перевела взгляд на незнакомца.

- А это кто? - поинтересовалась она.

- Карлотта, мы искали тебя! - сказала я. - Ты очень плохо поступила: ты же должна была спать дома!

Она рассмеялась. Она была так прелестна, когда улыбалась, а меня настолько переполняла радость, что с ней ничего плохого не случилось, что я не смогла удержаться и рассмеялась вместе с ней.

- Я хотела посмотреть на дом с привидениями, - объяснила она. - Они вот пошли, - она показала на Карла и Бенджи, - а меня с собой не взяли.

- Ну, теперь быстро домой! - сказал Ли. - Ты понимаешь, как там волнуются? Тебе предстоит долгая беседа с Салли, могу тебя уверить.

Карлотта моментально примолкла.

- Счастливый конец ваших поисков! - сказал незнакомец.

- Простите, что помешали вам, - ответила я. - И спасибо за помощь!

- Это было очень интересное знакомство: я навсегда запомню очаровательную юную леди, которая спала в шкафу. Если я куплю этот дом, я назову этот шкаф "Шкафом Карлотты"!

- Так вы хотите купить дом?! - воскликнула Карлотта. - Я хочу, чтобы здесь был мой шкаф! Ведь вы же купите его, да?

- Конечно, джентльмен сделает это ради того, чтобы доставить тебе удовольствие - ответил Ли.

- Меня зовут Фринтон, - произнес мужчина. - Роберт Фринтон.

Мои мысли смешались. Фринтон! Джоселин тоже был Фринтоном. Это было не такое уж редкое имя, но, с другой стороны, и не такое уж распространенное.

- Я Ли Мэйн, это моя жена, ее брат и мой брат. Вообще-то, в нашей семье родственные связи очень запутанны. Пойдемте с нами, мы угостим вас обедом, если у вас есть время, конечно. Мы должны спешить, потому что все с ума сходят от беспокойства, куда могла запропасться эта девчонка.

- А что такое "запропасться"? - спросила Карлотта.

- Это как раз то, что ты сделала, - нежно ответила я.

Роберт Фринтон ответил, что с огромной радостью принимает наше приглашение. Он уже почти решился на покупку дома, раз у него будут такие приятные соседи. Его конь пасся за домом, поэтому мы его не увидели, когда подъезжали, и через несколько минут мы скакали обратно в Эверсли.

Все обрадовались нашему благополучному возвращению. Салли Нулленс и Эмили Филпотс ждали нас во дворе, и, лишь завидев Карлотту, Салли накинулась на нее и принялась отчитывать. Как это она, такая плохая, испорченная девчонка, могла так поступить, напугав нас до смерти?

- И посмотри на свое платье! - присоединилась к ней Эмили. - Грязное, и вышивка вся в зацепках, с ней уже ничего не сделать!

Харриет мягко улыбнулась девочке, моя мать вся лучилась от счастья, и даже мой отец, который отчаянно пытался сохранить неприступный вид, в конце концов, сдался. Карлотта улыбнулась нам и сказала:

- А он назовет шкаф "Шкафом Карлотты" в честь меня, потому что я забралась туда поспать!

- Дети, которые так убегают и причиняют окружающим уйму волнений, не заслуживают того, чтобы их именами называли шкафы! - объявила Салли.

Я не выдержала и громко рассмеялась, но к моему смеху примешивались нервные нотки, поэтому Ли успокаивающее обнял меня и сказал:

- Мы забыли представиться.

И он представил всех Роберту Фринтону, в ответ на что мать сказала, что она будет очень рада, если он останется пообедать с нами, и с удовольствием выслушает, что он думает о том доме.

Карлотта, получив нагоняй от Салли и Эмили, снова была уложена в постель. После того как я подготовилась к обеду, я зашла проведать ее. К тому времени она почти заснула. Я думаю, прогулка в Эндерби утомила ее, поэтому она там и заснула, как, впрочем, поступают все дети, когда очень устают. Интересно, что она думала, когда в одиночку бродила по дому? Вероятно, просто искала Карла и Бенджи, а так как о привидениях она знала очень мало, ничто ее не пугало.

Это приключение окончилось хорошо для нее, но я поняла, что она растет не по дням, а по часам и нам внимательнее надо приглядывать за ней. Она будет очень своенравной девочкой, я это всегда знала.

Я поцеловала ее, а она в полусне радостно улыбнулась мне. Я так любила ее, а что я буду чувствовать, когда у меня родится ребенок от Ли? Я не могла поверить, что смогу полюбить другое дитя так, как ее.

За обедом мы узнали, что Роберт Фринтон действительно приходится родственником Джоселину.

- В нашей семье было большое горе, - сказал он. - Такая трагедия! Мой брат и племянник пали жертвами этого отъявленного негодяя Титуса Оутса.

- Да, - сказал отец, - я помню это дело.

- Они конфисковали почти все имущество брата. Мой брат был старше меня, поэтому владел семейным поместьем, и мы потеряли его. Конечно, сейчас мне возместили его стоимость, но я никогда уже не смогу вернуться в старый дом. Я думал об Эндерби-холле: возможно, я решусь купить его.

- Когда-то он был очень приятным местом, - сказала мать, - но, думаю, если вычистить

сад и отремонтировать дом, он без труда обретет свой первоначальный вид.

- Я тоже придерживаюсь такого мнения, - ответил Роберт Фринтон. - Меня притягивают здешние места. - Он смущенно обвел нас взглядом. - Мы познакомились сегодня при весьма необычных обстоятельствах, но дело в том, что я так или иначе надеялся в недалеком будущем встретиться с вами: я хотел поблагодарить вас за то, что вы сделали для моего племянника!

Он посмотрел на отца, а тот сказал:

- Благодарите не меня: я ничего не знал об этом, пока все не закончилось.

- Это были Ли, мой муж, мой брат Эдвин и, конечно, леди Стивенс, которая очень много для нас сделала. Мы могли бы спасти его, но обстоятельства были против нас!

- Я знаю: его схватили и убили. Да, это было настоящее убийство, иначе это нельзя назвать. Оутс заслуживает самого страшного наказания, как и все, кто побоялся восстать против него, но я действительно хотел бы поблагодарить вас за то, что вы сделали.

Я этого никогда не забуду!

- Он был очаровательным юношей! - вставила Харриет. - Мы все любили его, но мы сделали для него так мало! Если бы только нам удалось спасти его!

- Моя леди, вы заслужили мою вечную признательность!

- Значит, вы должны отблагодарить нас тем, что купите Эндерби-холл и станете нашим хорошим соседом! - заявила Харриет.

- Так я и намереваюсь поступить!

- А мы за это выпьем, - сказал мой отец. - Наполните бокалы!

Мы выпили за дом, а вскоре дядя Джоселина купил Эндерби-холл.

Следующие два года, по-моему, были самыми бурными в истории Англии, и я никогда не переставала удивляться, как нам удалось спокойно пережить их. Ли все еще служил в армии под руководством герцога Мальборо, которого мой отец знал под именем Джона Черчилля еще в те времена, когда тот соперничал с самим королем за знаки внимания со стороны Барбары Каслмэйн. Ли очень восхищался им как военным, и в те дни вопроса об отставке даже не стояло.

Но вскоре стало очевидно, что беда приближается, ибо король расходился во мнениях с многими своими подданными.

Вера в божественное право короля, которая привела его отца прямо на эшафот, была крепка в Якове, и мой отец сказал, что несчастье неотвратимо приближается. Яков не мог поверить, что его могут свергнуть с престола, хотя то, что произошло с его отцом, должно было послужить ему хорошим уроком. Бедный Яков! В отличие от своего брата он не только был глуп и некрасив, но еще и страдал отсутствием здравого смысла.

Ходило много слухов о католиках, которых он назначил на важные посты, а когда он выпустил Декларацию о свободе вероисповедания, этот шаг был расценен как попытка ввести в Англии верховную власть папы римского.

У нас эта тема обсуждалась непрерывно. Томас Уиллерби, Грегори и мой отец тщетно гадали и вопрошали друг друга, во что же это может вылиться. Порой к ним присоединялся Роберт Фринтон, и, несмотря на то, что он происходил из католической семьи и приветствовал равенство всех вер, он хорошо понимал, что католицизм в Англии никогда не примут, ибо люди достаточно натерпелись от него в правление Кровавой Марии. Они еще помнят Смитфилдские костры, когда многие протестанты были приговорены к сожжению заживо. Это произошло более сотни лет назад, но воспоминания остаются.

Королю следовало бы заметить приближение угрозы, но он все так же упорно не замечал волю народа, и, когда семеро епископов, отказавшихся принимать Декларацию, были взяты под арест и заточены в Тауэр, по стране прокатился грозный ропот.

В день суда мать слезно умоляла отца не ехать в Лондон, и, чтобы успокоить ее, ему пришлось остаться, хотя это и было против его натуры. Он был рожден для борьбы и боролся всегда до конца. Можно было подумать, что горький опыт восстания Монмута послужил ему уроком, но не тот он был человек, чтобы принимать к сведению подобные промахи. Когда он поддерживал какую-то сторону, он делал это от всего сердца и был по-настоящему предан делу.

Вскоре стал известен исход того суда: вердикт был: "Не виновны". Люди в зале охрипли, приветствуя справедливое решение суден, огромные толпы ждали на улицах, чтобы выразить поддержку епископам.

Яков был так глуп, что не заметил этого, но он, и в самом деле, так верил в свое право на трон, что и предположить не мог, что его могут свергнуть с престола. Королева только что подарила ему сына, и, вне всяких сомнений, страна должна была радоваться законному наследнику, но теперь даже это не могло спасти его.

В это время я начала беспокоиться о Ли, потому что слишком много слухов бродило насчет Вильгельма Оранского и его жены Марии, и намекали даже, что их собираются пригласить в Англию занять трон. Прошло уже три года с тех пор, как Якова короновали, и за столь короткое время его действия привели Англию к тому, что во всей стране не было человека, более ненавистного, чем король.

- Вся его беда в том, - сказал отец, - что он не хочет довольствоваться тем, что он католик, - что, может быть, страна бы и приняла. Он хочет править католической страной! Я знаю, что некоторые из министров уже связались с Вильгельмом Оранским.

- Пока не начнется бойня, - сказала мать, - мне все равно, кто у нас король.

- А тебе следовало бы побеспокоиться, - ответил отец. - Яков попытается сделать из всех нас католиков, сначала уговорами да лестью, а потом силой. Я знаком с этими методами, но англичане не потерпят этого. У Якова были все возможности править мирно, но его не удовлетворяет личное католичество, он непременно хочет ввести его по всей стране!

Наконец, настал день, когда группа дворян, возглавляемая лордами Дэнби, Шрусбером и Девонширом вместе с епископом Лондонским, послала письмо Вильгельму, в котором приглашала его приехать в страну. Вскоре Вильгельм прибыл в Торбэй, куда его отнесло морскими штормами, а над его судном реял флаг со словами "Протестанство и освобождение Англии", под которыми был вышит девиз дома Оранских: "Я сохраню".

В сентябре 1689 года у меня родилась дочь. Я назвала ее Дамарис - просто мне понравилось это имя.

Жена Эдвина, Джейн, тоже родила ребенка - мальчика, которого она назвала Карлтоном в честь моего отца. Последний очень привязался к мальчику и выказывал куда больший интерес к нему, нежели к моей Дамарис.

Салли Нулленис пребывала в некотором волнении по поводу рождения детей, потому что и думать не могла о том, что в доме появится новая нянька несмотря на то, что сейчас она жила в Эйот Аббасе вместе с Карлоттой. Она стояла на том, что Карлтон-младший и Дамарис - ее дети, и ничьи другие.

- Что же делать? - стонала она. - Ведь я же не могу разорваться на две части!

Эмили Филпотс давала уроки Карлотте и одновременно шила одежду для детишек. Как и Салли, ее захватил ураган эмоций, потому что так же, как и для Салли, дети для Эмили значили все.

Харриет вся эта суэта ужасно забавляла. Однажды она подстерегла меня в саду и с улыбкой произнесла:

- Ну, настало время приводить наш план в действие!

- Каким образом? - спросила я. Она уперла руки в бока, тем самым очень хорошо передразнив манеру Салли:

- "Ведь не могу же я разорваться на две части!" Печально, но факт! продолжила она. - Ну, раз такое невозможно и Салли не может оказаться в двух местах одновременно, значит, все дети должны жить в одном доме!

Я вместе с ней рассмеялась, почувствовав радость в душе.

- Ты имеешь в виду, чтобы Карлотта переехала к нам? Это изумительная мысль!

- Конечно же, она должна будет почаще навещать свою так называемую мамочку! Я, как ни странно, буду скучать по ней!

- О, Харриет, ну разве она не самая прекрасная девочка на свете?

- Она одно из самых хитроумных и эгоистичных маленьких созданий, что я когда-либо видела! Она полна коварства и уже понимает свою привлекательность, которая, должна признать, действительно замечательна. И, кроме того, она уже научилась искусству обольщать мужчин! Ты посмотри, как она раскидывает свои сети вокруг Роберта Фринтона, - она его одурманивает: назвать шкаф ее именем! А все это остается у нее в головке!

- Но она очень незаурядна, ты должна признать это, Харриет!

- За ней надо внимательно следить, иначе не миновать бед: она рано созреет. Знаешь, она удивительно похожа на меня! Иногда я думаю, что судьба сыграла со мной шутку: она больше подходит на роль моей дочери!

- Думаю, это от того, что она живет рядом с тобой!

- Но ведь у нее есть и Салли, но никакого сходства между ними я не наблюдаю, и слава Богу. Но разве эта возможность не послана самим Господом?

- Ты имеешь в виду, что она может переехать к нам, в детскую, а Салли и Эмили, вернувшись, смогут заботиться сразу обо всех детях?

- Все устраивается просто прекрасно! И тогда, моя дорогая Присцилла, ты сможешь полностью посвятить себя своей дочурке!

- О, Харриет, ты так добра!

- Господи Боже, дитя мое, ты, должно быть, совсем ослепла! Я становлюсь доброй только тогда, когда это не доставляет мне никаких хлопот! Я немного устала от роли матери: я никогда не считала это своей ролью, хотя очень хорошо сыграла, когда изображала беременность. Но все это постепенно надоедает! Я поговорю с твоей матерью о Карлотте, а потом сообщу Салли. Она будет вне себя от счастья! Вот жадная старуха: никогда не уступит своих детишек какой-нибудь бедной нуждающейся няне!

Она сдержала свое слово и действительно поговорила с моей матерью, и та сразу пришла ко мне, чтобы сообщить о том, что происходит.

- Это, действительно, прекрасная идея! - сказала я. - Салли будет в восторге, да и Эмили тоже!

- Мы сможем обойтись одной няней вместо того, чтобы нанимать еще. И я уверена, Салли бы нам покою не дала, критикуя все, что будет делать в детской новая нянька. Но ты

рада, я вижу? Теперь твоя Карлотта может находиться подле тебя все дни напролет!

Я рассмеялась.

- Она замечательный ребенок! - сказала я.

- Да, она красавица, но ужасно испорченная: с ней надо бы построже! Я поговорю с Салли, но, когда дело касается этой девчонки, Салли ничем не отличается от всех остальных.

- Салли любит ее.

- Салли всех детей любит, но, должна сказать, Харриет не может быть нормальной матерью. Впрочем, это не удивительно: когда я вспоминаю, как она бросила Ли... Ему было всего несколько месяцев!

- Но Харриет - хороший друг!

Мать пожала плечами. Хотя она и согласилась, что это очень хорошо, когда дети все под одной крышей, но не одобрила поступка Харриет.

Вот почему тот год выдался для меня весьма счастливым. То, о чем я мечтала, сбылось само собой: теперь у меня была моя маленькая дочурка и Карлотта, и я проводила с ними целые дни. Ли долго отсутствовал, и я начала беспокоиться за него, но меня успокаивали мои дети, и я не ощущала себя такой счастливой с тех пор, как погиб Джоселин.

Затем вновь на наш дом обрушились несчастья. Мать знала, что, если будет война, она не сможет удержать отца от участия в ней. В один прекрасный день он долго не появлялся из своей комнаты, а потом мать обнаружила, что он уехал, оставив ей записку. Она присела у окна, сжав в руке письмо, и невидящим взглядом уставилась в пространство. Там я и нашла ее.

- Он уехал! - сказала она. - Я догадывалась, что он замышляет! Я знала, что удерживаю его против его воли.

Я взяла у нее письмо и прочитала следующее:

"Моя дорогая!

Я не мог сказать тебе об этом. Я знал, что ты бы нашла способ заставить меня остаться, а я не могу. Я должен поехать: слишком много поставлено на кон. От этого зависит наше будущее, будущее наших внуков. Пойми, дорогая Белла, я должен уехать. Каждую минуту я буду вспоминать о тебе. Да благословит тебя Господь!

Карлтон."

- Все повторяется, будто напасть какая-то, - прошептала она. - О, Боже, если его снова схватят, как тогда...

- Скорее всего, это скоро закончится. Говорят, у короля нет никаких шансов.

- Он разбил Монмута!

- Это было до того, как он проявил себя плохим королем.

Но затем ужасная мысль пришла мне в голову:

Ли тоже будет вовлечен в это! Он ведь служит в армии короля, и мой отец будет сражаться с моим мужем! Я знала, что Ли не любит короля, но он у того на службе, а первая обязанность солдата - сохранять верность! Я даже представить себе не могла, что из этого получится. Что же касается матери, я боялась, что она снова может слечь, как это с ней случилось в Дорчестере.

Приезд Вильгельма Оранского заставил Якова попытаться вновь собрать народ под свои знамена. Назревала война, но люди еще не успели забыть ту, другую, что была совсем недавно. Меньше всего они хотели гражданской войны, когда англичане сражаются против англичан. Победа была бы не велика, а вот печали хватит на всех. "Войны не будет!" - заявил

народ.

Я воспряла духом, когда услышала, что герцог Мальборо покинул короля и перешел на сторону Вильгельма. Это означало, что Ли и мой отец не будут сражаться на противоположных сторонах. Все бежали из стана короля. Мне даже было жаль его, хотя он сам навлек на себя это упрямством и глупостью. Его дочь была женой человека, которого он мог бы назвать узурпатором, а его вторая дочь, Анна, с ее мужем, принцем Датским, повернула против своего отца и поддерживала сестру и Вильгельма.

Это, должно быть, сильно задело Якова, тогда он и понял, что все потеряно.

Наше настроение поднималось, когда до нас доходили вести, что поражение его все ближе. Все выглядело так, будто война подошла к концу. Яков бежал в Ирландию, где по причине религиозных симпатий к нему присоединились ирландцы, но Вильгельм был прекрасным генералом, и у Якова было мало шансов против него.

И Ли, и Эдвин принимали участие в битве при Бойне, которая имела решающее значение. Война закончилась, революция победила. Лишь немногие короли были свергнуты с престола с такой легкостью. Теперь мы вступали в новую эру: Яков был свергнут и бежал, в Англии воцарились Вильгельм и Мария.

ПОЕЗДКА В ЛОНДОН

Вновь мы зажили по-старому. Ли продолжал свою службу в Англии, а мы с нетерпением ждали, когда сможем быть вместе. Дети подрастали: Дама-рис было уже шесть, Карлотте - тринадцать, а мне недавно исполнилось двадцать восемь.

- Времени еще много, можно завести целую кучу детей, - говорила моя мать.

Она была довольна жизнью: отец был дома, и она радовалась, что он стареет.

- Слишком стар ты для приключений! - с насмешкой говорила она.

Но отец принадлежал к тем мужчинам, которые всегда готовы броситься в очередную авантюру, как, впрочем, и Ли. Мать и я сблизилась друг с другом больше, чем когда-либо. Мы делились нашими тревогами, она рассказывала мне, каким утешением я всегда ей служила.

- Хотя, когда ты родилась, - сказала она, - я очень расстроилась, что ты не мальчик, но это, конечно, из-за отца: он всегда хотел только мальчиков.

- Я знаю, - с легкой горечью ответила я, - это всегда было ясно.

- Есть такие мужчины, - подтвердила моя мать. - Они думают, что мир устроен только для них одних, хотя во многом это действительно так. Но некоторые из них не могут жить без нас!

Я испытывала к ней огромную нежность. Рядом с ней я чувствовала себя сильной. Она потеряла своего первого мужа, когда он был еще совсем молод, и оплакивала его долгие годы, убедив себя в том, что он был совершенным рыцарем, хотя, признаваясь ей в вечной любви, он одновременно с тем был любовником Харриет. Однако она пересилила себя и на всю оставшуюся жизнь полюбила моего отца. В некотором роде жизнь была милостива к ней, чего нельзя сказать о моей судьбе. Я любила и родила ребенка вне брака; меня затянуло в интригу, и я провела ночь с человеком, который казался мне настоящим воплощением зла; а сейчас я жила спокойной деревенской жизнью, подобно почтенной матери семейства, никогда не отступавшей от жизненных устоев. Очень многого я не могла объяснить моей матери.

Но сейчас нас обеих терзали страхи за мужчин, которых мы любили, и это объединяло нас. Бывали моменты, когда я хотела все рассказать ей, но, к счастью, вовремя сдерживала

себя.

Временами в отпуск приезжал Ли, и мы принимались строить планы на будущее. Но как бы я ни скучала по нему, пока он находился в отлучке, когда мы были вместе, мы так и не могли достигнуть того блаженного согласия, которое, я знала, по праву принадлежало нам. Между нами вставало воспоминание о Бомонте Гранвиле, издеваясь и насмехаясь надо мной, служа вечным напоминанием об унижении, которому я подверглась. Если бы я могла скрыть это от Ли, я была бы гораздо более счастливой, но он чувствовал, что что-то разделяет нас, и это глубоко ранило его. Я начала бояться, что со временем это может вытравить нашу любовь и разрушить брак Дамарис росла тихой, отзывчивой девочкой Она проявляла на занятиях незаурядный ум и была любимицей Эмили. Я была рада за нее. Привязанность же Эмили к Карлотте слегка угасла, чему причиной являлось поведение Карлотты.

Она была настоящей дикаркой - импульсивной, подверженной вспышкам гнева, когда она могла наговорить все, что ей придет в голову. Дамарис же была мягкой и никогда никого не обижала. Я помню, однажды жарким летним днем она прибежала ко мне в огромном горе и сказала, что наш бедный мир разваливается на куски. Она увидела трещины в иссушенной зноем почве, и это очень расстроило ее, потому что она считала, что, если что-то трескается, ему должно быть очень больно. Она любила животных и неоднократно приносила мне раненых птичек, чтобы я их вылечила. Однажды она принесла чайку, которую нашла на пляже.

- У нее сломано крыло, - всхлипывая, шептала она, - а остальные клевали ее!

Она была очень милой девочкой, но после Карлотты любой ребенок показался бы незаметным. Не было сомнений, что Карлотта вырастет настоящей красавицей, но она никогда не проходила через несколько стадий, как обычно случается с остальными, в будущем красивыми девушками: невероятное очарование всегда присутствовало в ней. У нее были мягкие, вьющиеся темные волосы и светящиеся голубые глаза. Она была не такой темной, как Харриет, а глаза были более светлого голубого оттенка. За свою жизнь я лишь однажды видела женщину с фиолетовыми глазами и почти черными волосами, и этой женщиной была сама Харриет, но Карлотта была красива той же красотой, и многие отмечали, что Карлотта "пошла в мать", над чем Харриет не уставала шутить.

В тринадцать лет у Карлотты уже сформировалась хорошая фигура, в отличие от остальных девушек ее возраста. Она родилась, как будто уже познав искусство обольщения людей, и я вынуждена была признать, что это дало мне немало поводов для тревоги. Она была чем-то похожа на мою бабушку, Берсабу Толуорти. В них обеих, кроме красоты, было что-то, привлекающее к ним внимание всех мужчин. Харриет до сих пор сохранила это искусство, хотя и немного располнела, моя же бабушка всю жизнь пользовалась этим очарованием.

Карлотта часто бывала в Эйот Аббасе. Она души не чаяла в Харриет и все еще думала, что та - ее мать, но их сблизало не столько это так называемое родство, сколько то, что обе они были одного типа. Харриет устраивала в своем доме развлечения и частенько ставила пьесы, а Карлотта всегда настаивала на главных ролях в них, и Харриет рада была уступить ей.

- Не ради самой пьесы, - говаривала она, - Карлотта рождена для сцены! Конечно, здесь в основном играет ее красота: она привлекает к себе все взгляды. Будь жив король Карл, он бы небеса и землю перевернул, только бы заполучить эту крошку к себе в кровать. - Увидев мою реакцию, она рассмеялась. - Сейчас ты становишься чопорной, Присцилла, а у этой девочки будет уйма любовников, запомни мои слова! Нам остается только следить, чтобы это произошло не так быстро и с кем надо!

Карлотта вышла из подчинения Эмили Филпотс, и мы наняли ей воспитательницу - приятную молодую женщину, которая, как и Кристабель в свое время, приехала из семьи викария.

- И как всегда - лучшая подготовка! - сказала моя мать. Так в наш дом вошла Амелия Гарстон, и Карлотте, хоть и неохотно, а пришлось проводить часть своего времени в классной зале. Эмили не жалела об этом, ибо давно поняла, что с Карлоттой ей не совладать, и, кроме того, у нее была моя дорогая, нежная Дамарис, которая училась с желанием и была очень умна и способна.

Карлотта не любила подолгу сидеть на одном месте: она то и дело ездила к Кристабель. Томас-младший боготворил ее, как, впрочем, и другие представители его пола. Мне тоже нравилось посещать Грассленд Мэйноу: это был такой счастливый дом! Никогда не думала, что человек может так разительно измениться, как это произошло с Кристабель, и перемены в ней не переставали радовать меня. Злоба и зависть отравили ее жизнь, но сейчас они совсем исчезли, она искренне наслаждалась жизнью.

Однажды она призналась мне, что больше ей ничего не нужно, но тут же поправились:

- Кроме одного: мне хотелось бы еще одного ребенка, да и Томасу тоже. Конечно, нам повезло, что у нас есть Томас-младший - самый прекрасный ребенок в мире, хотя думаю, что ты не согласишься со мной в этом, - но мне хотелось бы подарить Томасу еще пару детей.

- Может, так оно и будет, - сказала я.

- Нет, - покачала головой она. - Ты же знаешь, что я чуть не умерла при родах Томаса, и доктор сказал, что рожать еще очень опасно! Но мой дорогой муж предпочитает меня любому ребенку, даже если бы я и могла иметь его!

Карлотта была частым гостем и в Эндерби-холле. Она совершенно очаровала Роберта Фринтона, но я была рада, что она ездит навещать его: он был одиноким старым человеком. Я часто думала, что бы он сказал, если бы узнал о своем родстве с Карлоттой? Уверена, что это ему бы доставило большое удовольствие.

Эндерби-холл он превратил в нормальный жилой дом, хотя ему так и не удалось разогнать его гнетущую атмосферу. В тот зал я всегда входила с какими-то мрачными мыслями, и в редких случаях, когда меня никто не сопровождал, я ловила себя на том, что оглядываюсь украдкой через плечо, как будто за мной кто-то наблюдает.

С собой Роберт Фринтон привез несколько слуг и с тех пор жил совсем простой жизнью. Он часто заезжал к нам, так как мать постоянно приглашала его. Я заметила, что, как только он входил в дом, он сразу начинал искать взглядом Карлотту, а в тех случаях, если ее не было - так как она очень часто жила у Харриет, - он не мог скрыть своего

разочарования.

Карлотта была очень своенравной и всегда настаивала на том, чтобы все было так, как хочет она, но стоило ей улыбнуться, как все моментально становились ее рабами, все, за исключением Харриет, которая совсем не пыталась убажывать ее, однако каким-то образом умудрялась привлекать ее к себе.

Был июньский вечер 1695 года, когда Харриет и я сидели в саду Эйот Аббаса и глядели на море. Появился туман, и, когда он осел и проступили контуры того самого острова, мне сразу вспомнилась - как бывало всегда в таких случаях ночь, что я провела там с отцом Карлотты. Я подумала о моей юности, невинности и нежности, о нашей любви, такой прекрасной, послужившей началом всего, что потом последовало, и повлекшей за собой другую, ужасную ночь, которая до сих пор появлялась в моих кошмарных снах и даже сейчас омрачала мою жизнь. Она была подобна черному, едва заметному облачку, набегавшему порой на небосклон моего счастья.

Конечно, Ли и я были счастливы друг с другом, но полного доверия, о котором так мечталось, мы достигнуть не смогли. Это было загадкой для Ли, но я-то знала, в чем причина: никогда я не смогу чувствовать себя совершенно спокойной, пока существуют воспоминания о той ночи.

Я хорошо знала Ли - он был добрейшим человеком, когда дело касалось тех, кого он любил, но он был способен на вспышки безжалостной ярости, когда речь заходила о том, что он считал несправедливостью. Он легко перешел на сторону Вильгельма, потому что, хоть и принес присягу на верность королю, он не уважал его. Всем сердцем он поддерживал своего командующего Черчилля, а раз тот перешел к Вильгельму, решил, что и у него есть моральное право на такой поступок. Я часто вспоминала о том, как Ли доставил меня обратно в палаццо, а ночью ушел и хладнокровно до полусмерти избил Бомонта Гранвиля. Я была уверена, узнай он все, ни о каких полумерах речи бы не было:

Бомонту Гранвилю пришел бы конец.

- Ты о чем-то думаешь? - обратилась ко мне Харриет, внимательно наблюдая за мной. - Возвращаешься в прошлое? Не надо горевать о том, что было, Присцилла! Ты должна глядеть в будущее! Я хочу поговорить о Карлотте.

- Да?

- Я чувствую, что ответственна за ее судьбу не меньше, чем ты: ведь как-никак я где-то ее мать. Ты можешь этому не верить, но я чувствую свой долг перед ней.

- Конечно, я верю. Ты всегда была добра к ней, а она любит тебя.

- Она восхищается мной, это верно. Мы чем-то похожи, Карлотта и я. Я думаю о ее будущем: она рано выйдет замуж!

- Но она еще ребенок!

- Некоторые из нас рано взрослеют.

- Ей тринадцать лет!

- Милая Присцилла, а сколько было тебе, когда ты провела на острове со своим любимым целую ночь?

- Это были необычные обстоятельства!

- Порой необычное превращается в совершенно заурядное! Это - парадокс, но, как ни странно, это - факт! Они возникают, эти необычные обстоятельства, и застают нас врасплох. Я уверена, такая девушка, как Карлотта, будет притягивать к себе все подобные случайности, как она притягивает любого мужчину, появившись он в нескольких ярдах от нее.

- Я согласна, нам придется быть очень осторожными с ней. - Харриет рассмеялась. - Чем больше мы осторожничаем, тем безрассуднее она становится! Я знаю таких, как она, - здесь ничего не поможет!

- Но что нам тогда делать?

- Мы будем управлять ею..., невидимыми руками!

- Харриет, что ты имеешь в виду?

- У меня есть жених для нее, я присмотрела его уже давно!

- Харриет!

- Да, мой сын Бенджи! Он боготворит ее, но даже сам еще не понимает, как далеко это зашло. Кроме того, он думает, что она - его сестра! Он должен будет узнать, что она вообще не родственница ему. Это напоминает мне тебя и Ли, хотя тот знал, что он не брат тебе, но вырос с тобой как брат! Видишь ли, получается очень сложная и запутанная ситуация. Предположим, Ли не принимал бы тебя все эти долгие годы за свою маленькую сестренку, но тогда бы вы с самого начала были вместе. Ведь именно Ли ты любила на самом деле, я всегда знала это! Та идиллия на Эйоте была пробуждением, ты понимаешь, что я имею в виду?

- Конечно, понимаю, но это не совсем так.

- Все именно так и было! Тогда бы ты и Ли стали любовниками, еще когда тебе исполнилось четырнадцать, - ведь он-то тогда был уже совсем мужчиной - и тогда бы не случилось всего этого. Но все это уже закончилось, и теперь на первый план выступает Карлотта. Я хочу, чтобы Бенджи узнал о том, что она не сестра ему! Ли ведь знает, не правда ли?

- Конечно, я не смогла бы выйти за него замуж, не рассказав об этом!

- Хорошо, что он все понимает. Кроме того, он мой сын. Я очень счастлива, Присцилла, что ты и Ли вместе! Это значит, что в некотором роде ты мне дочь! Но о чем я сейчас действительно беспокоюсь, так это о будущем Карлотты.

- Я не могу заставить себя признаться моим родителям!

- А почему нет? Твой отец тоже не всегда жил жизнью монаха-затворника!

- Я знаю, но он всегда вел себя со мной высокомерно и презрительно.

- И это глубоко ранило тебя? Порой мне хочется устроить твоему отцу хорошую взбучку! Он самый упрямый из всех мужчин, что я когда-либо видела. Мне он никогда не нравился...

- Тебе он не нравился, потому что принадлежит к тем нескольким, на которых не действуют твои чары!

- А ты хорошо это подметила! Ты более проницательна, чем твоя мать!

- Может быть, я обязана этим тому, что произошло со мной.

- Милое дитя, то, что случилось с тобой, просто банально! Как ты думаешь, сколько девушек уступали своим чувствам с результатом, подобным твоему? Единственным отличием было то, как мы преподнесли дитя нашему миру, и тебе очень повезло, дитя мое, что у тебя под рукой оказалась я!

- Я знаю, Харриет, и никогда не забуду, что ты сделала для меня: ты и Грегори!

- Он очень мил и хорошо сыграл свою роль, ради меня он пошел бы на все, но сейчас мы обсуждаем Карлотту! Ты можешь не беспокоиться насчет того, говорить родителям или нет... Пока не беспокоиться, но есть кое-кто, кто просто обязан знать это!

- Ты имеешь в виду Бенджи?

- Нет, это попозже. Я подразумевала Роберта Фринтона!

- Роберта Фринтона?! - воскликнула я. - Но ему-то зачем знать?

- Потому что отец ребенка был его племянником.

- Но...

- Ты лишаешь человека семьи! Он любит Карлотту, он одинок и стар, с его семьей произошла ужасная трагедия. Только представь себе, что будет, когда откроется, что у него еще есть родственница в лице этой прелестной девочки!

- Не думаю, что это будет разумно.

- Почему?

- Мы так долго хранили секрет: ты, Ли, Грегори, Кристабель и я - кроме нас, никто больше...

Внезапно я в ужасе замолчала. Был еще один человек, знающий эту тайну. Я снова увидела эти злобные, насмешливые глаза: "...Корчила из себя девственницу, тогда как приехала туда, чтобы произвести на свет своего маленького ублюдка!"

Харриет поднялась с места и обняла меня за плечи.

- Наша тайна так и останется тайной, - сказала она. - Только он и будет знать. Представь, как он обрадуется этому! Ты непременно должна сделать это, Присцилла!

- Нет! - воскликнула я. - Чем меньше людей посвящено в наш секрет - тем лучше! Харриет пожала плечами.

- Ну, тогда я должна признаться тебе кое в чем: он знает! Я с удивлением поглядела на нее. - Ты ему сказала?! Харриет, как ты могла?! - Равно как и твоя, это была моя тайна!

- Я решила, что лучше будет сказать ему, - ответила она и быстро продолжила:

- То, что я сделала, будет лучшим выходом для всех. Он скоро будет здесь я просила его приехать, он хочет увидеться с тобой и поговорить.

Я была ошеломлена. Не было смысла упрекать Харриет: это было очень похоже на нее - сначала сделать так, как ей захочется, а после поставить в известность остальных. Мне хотелось наорать на нее, сказать, что это мое личное дело, но это было не так: она тоже участвовала во всем.

Примерно час спустя до нас донесся звук копыт со двора. Харриет и я спустились, чтобы приветствовать Роберта Фринтона. Увидев меня, он протянул руки. Нас обоих переполняли чувства, поэтому я кинулась ему в объятия, и мы крепко обняли друг Друга. Немного спустя он отодвинулся и посмотрел мне в глаза.

- Ты сделала меня таким счастливым, - сказал он, - таким счастливым! Для меня это равноценно чуду! Случилось нечто, о чем я никогда даже и не мечтал! Я ведь сразу полюбил эту девочку, я даже выразить не могу, что это означает для меня!

И когда я увидела его радость, я почувствовала, что простила Харриет.

Весь тот день мы провели вместе, и он, не переставая, говорил о Карлотте. Он привез ей в подарок золотую цепочку с алмазным кулоном. Она была очень рада ей: Карлотта любила подарки, и у нее была страсть к драгоценным камням.

Роберт Фринтон и я вместе вернулись в Эверсли. Все время он рассказывал мне о той радости, которая охватила его, когда узнал, что Карлотта - дочь Джоселина.

- Теперь, благодаря тому, что я знаю о ребенке Джоселина - и о каком ребенке! - я меньше тоскую по нему, - сказал он. - Как бы мне хотелось, чтобы все обернулось иначе! Ему вовек не найти бы лучшей пары, и Карлотта восхищает меня. Мне хочется все время смотреть на нее, я хочу слышать ее голосок. Она самый прелестный ребенок, что я когда-либо видел! Я чувствую себя так, будто обрел вторую жизнь. Как я благодарен судьбе, что

привела меня в Эндерби-холл! Ведь это действительно судьба, не правда ли? А в доме была она, в "Шкафу Карлотты". О, как я счастлив! Присцилла, не бойся, это будет нашей тайной до тех пор, пока ты сама не решишь открыть ее. Я ни в коем случае не буду заставлять тебя сделать это, тебя, подарившую мне такие прекрасные моменты счастья!

Так он говорил, и я подумала, что ничего плохого не случилось. Он был очень хорошим человеком, и не было сомнений, что это откровение доставило ему огромную радость.

Но когда я вскоре после этого поехала навестить его в Эндерби-холле, то, войдя в дом, я опять ощутила какие-то странные опасения. Этот дом принадлежал теньям, и, несмотря на богатую мебель и запахи благовоний, которых слуги не жалели, в воздухе его все равно витало какое-то зло.

Когда же вышел Роберт, то настроение, казалось, мигом изменилось, но, пока я стояла в том зале одна, я чувствовала нечто зловещее. Я подумала, не была ли это тень прошлой трагедии, разыгравшейся здесь, однако что-то мне упорно твердило, что приближается новое несчастье.

После нашего с Харриет признания я все больше и больше открывала для себя Роберта. Мы очень сблизились, он стал частым гостем в Эверсли-корте, а я навещала Эндерби-холл. Каждый раз при виде меня он буквально лучился радостью. Порой со мной приезжала и Карлотта, и эти дни, разумеется, были для него настоящими праздниками.

Я была рада тому, что Карлотта искренне любит его и перестала кокетничать с ним, но это не имело никакого значения: кокетство и умение очаровывать людей были у нее в крови. Такой была ее природа, и чем больше он радовался ее появлению, тем больше она любила его. Он даже пробудил в ней нежность, которой раньше я не замечала. Она обожала угощать нас кофе и шоколадом, что в последнее время стало очень модным в лондонских кофейнях. Карлотта занималась столом, а мы с гордостью наблюдали за тем, как она подносит нам разные напитки.

- Мои родители, когда были в Лондоне, пили чай, - говорила она нам. - Это какая-то странная заморская трава, как они говорят. Особенно она им не понравилась, но сейчас ее пьют все известные люди.

Ее глаза блестели. Я знала, как она хочет поехать в Лондон и встретиться со знаменитостями.

- Моя мать говорит, что, когда мне исполнится четырнадцать - то есть уже в этом году, - она повезет меня в Лондон!

Я никак не могла привыкнуть к тому, что она называет Харриет матерью, хотя времени уже прошло немало.

- А что ты будешь делать в Лондоне? - снисходительно спросил Роберт.

- Я хочу поездить по балам и чтобы меня представили королю! Жаль, что бедняжка королева умерла: это означает, что в королевском дворце все горюют. А на трон нет наследника, кроме принцессы Анны, и поэтому они тоже горюют. Но ведь на балах должно быть веселье, да? Я так хотела бы побывать там! Бенджи сказал, что еще очень весело ходить по кофейням: там встречаются важные люди и говорят, говорят... А потом есть еще лавки! О, как бы мне хотелось побывать в Лондоне!

- А что бы ты купила в лавках? - спросил Роберт.

- Я бы купила прекрасных тканей, чтобы сшить из них бальные платья, купила бы амазонку жемчужно-серого цвета с серой шляпкой, на которой бы качалось перо с

оттенками голубого цвета, но чтобы не очень много голубого.., скорее, голубовато-серого цвета! А потом я бы купила бриллиантовую брошь!

- Кажется, - прервала я ее, - за несколько часов ты бы потратила целое состояние! Может, для начала тебе следовало бы остановиться на чем-нибудь одном?

Я заметила, что Роберт про себя подсчитывает стоимость всего этого, и догадалась, каков будет итог. Скоро мы увидим Карлотту, щеголяющую в серой амазонке, в дом придут шелка, а там не заставит себя ждать и бриллиантовая брошь. Я долго спорила с ним.

- Вы делаете ей слишком много подарков, - протестовала я. - Она может задуматься - почему?

- Карлотте никогда не приходит на ум вопрос, почему люди стараются исполнить ее малейшие прихоти. Я никогда не видел такой восхитительной девушки!

Вскоре настал ее четырнадцатый день рождения - хмурый октябрьский день. Когда я проснулась, то, как всегда в это время года, вспомнила этот день в Венеции, когда я впервые услышала крик моей малютки.

Моя мать обожала праздновать наши дни рождения и всякие другие годовщины. Она была очень сентиментальна и пыталась сохранить дружбу семьи. День рождения Карлотты был особым, ибо та считала, что с этого дня она станет взрослой. Справляли его в Эйот Аббасе, так как, несмотря на то, что большую часть своего времени она проводила в Эверсли, там был ее настоящий дом. К списку ее почитателей и почитательниц добавилась и Амелия Гарстон, и между ними завязалась тесная дружба, которая когда-то связывала и нас с Кристабель. Харриет сказала, что хорошо бы, чтобы у нее появилась подруга примерно такого же возраста, может, чуть постарше, и тогда на сцене появилась Амелия.

Главный зал Эйот Аббаса был украшен всеми цветами и ветками, которые только можно было набрать в это время года. Приехали я с Дамарис, мои родители, Джейн с сыном и Салли Нулленс, которая искренне уверовала в то, что ей ни в коем случае нельзя отлучаться от детей.

Естественно, там был и Роберт Фринтон. Он ждал этого события уже многие недели, как он поделился со мной, и, вероятно, приготовил для Карлотты множество дорогих подарков. Карлотта, в чем я была абсолютно уверена, очаровательно улыбнувшись, поблагодарит его и пообещает, как она сама это называла, "всегда присматривать за ним". Ее чувства к нему никогда не переставали удивлять меня, так как она была постоянно занята своими собственными делами, но, кажется, находила его преданность особенно трогательной.

Я никогда не видела Карлотту такой красавицей, и, конечно, она была в центре внимания, ведь все-таки этот день принадлежал ей. Был приготовлен большой праздничный торт, который Карлотта торжественно разрезала. Она была в платье темно-синего цвета, сделанном из шелка, что прислал ей Роберт, а на ее груди переливалась бриллиантовая брошь - также его подарок. В волосы она вплела нитку жемчуга - подарок Харриет и Грегори, а на пальце сияло кольцо с сапфиром, подаренное мной и Ли. Может, слишком много драгоценностей для ее возраста, но это ее день рождения, и она должна была порадовать всех дарителей, надев на себя их подарки.

Она была очень счастлива, а когда радовалась, то старалась сделать так, чтобы все вокруг тоже были счастливы. Она долго танцевала с Бенджи, которому к тому времени исполнилось почти двадцать. Я была согласна с Харриет, что, несмотря на то, что она была

намного моложе его, они бы хорошо смотрелись как семейная чета. Бенджи, когда был рядом с Карлоттой, действительно всегда выглядел слегка смущенным. Я задумчиво поглядела на него. Правда ли то, что он влюблен в нее, хоть и думает, что она его сестра? Каким сложным становится все, когда человек отступает от общепринятых правил! Интересно, какой была бы его реакция, если бы он внезапно узнал, что Карлотта не сестра ему?

Постепенно я начинала понимать, что рано или поздно мне придется открыть правду. Я могла бы рассказать ее матери - я была уверена, что она поймет меня, но мне очень не хотелось, чтобы узнал отец. Хотя почему он должен плохо думать обо мне, если он вообще никогда обо мне не задумывался? Ответа на этот вопрос я не знала, но чувствовала, что отец очень критически отнесется к случившемуся. Сам он неоднократно и с легким сердцем вступал в случайные связи, в этом я была уверена. Было, по крайней мере, одно доказательство этого - моя сестра Кристабель. Так как он может судить меня? Но все равно я бы не вынесла, если б он узнал. Он властвовал надо мной, его образ, как всегда, занимал мои мысли. Тот факт, что я спасла ему жизнь, мог бы что-то изменить.., если б он знал! Порой я думала о том, что бы было, если б я ему рассказала; я, как наяву, слышала мои слова: "Карлотта - моя дочь! Да, у меня так же, как и у тебя, есть незаконнорожденная дочь! Я бы вышла замуж за ее отца, останься он в живых, твоя же связь была абсолютно другой: ты вступил в нее ради удовлетворения своей страсти, так как ты можешь критиковать меня? И я скажу тебе еще кое-что, тебе, который никогда не хотел дочери, а когда она случайно родилась, никогда не обращал на нее внимания, - я скажу тебе, что, не будь ее, ты бы сейчас был мертв и умер бы в ужасных муках! Я дорого заплатила за твою жизнь, и то, что случилось со мной тогда, оставило в душе шрамы навсегда!"

Я часто думала о том, что бы он ответил, если бы узнал об этом, но не переставала говорить себе, что такого никогда не должно случиться.

А теперь надо было подумать о Карлотте и Бенджи. Я заметила, что Харриет наблюдает за ними. Потом ее взгляд переместился на меня, и я поняла, что Харриет расскажет все Бенджи так же, как рассказала Роберту Фринтону. Может, она была права? Если кто-то оступися, почему от этого должны страдать другие?

В танцах наступил перерыв. Карлотта поднесла Роберту Фринтону бокал вина и присела рядом с ним. На его лице появилась счастливая улыбка, когда она прикоснулась к брошке на груди. Я поняла, что она говорит ему, как ей понравилась брошь, и благодарит от всего сердца. Она наклонилась и поцеловала Роберта. Он взял ее руку и нежно пожал. Она не отдернула ее, и я подумала, что она действительно любит его.

Вновь зазвучала музыка. Карлотта взяла у Роберта бокал и поставила его на стол. Затем она заставила его подняться с места и вышла на середину зала, чтобы начать танец. Он двигался с заметным трудом, и я подумала, каким же старым он выглядит, но, может, таким он казался на фоне яркой молодости Карлотты. Они прошли в танце вокруг зала, и к ним присоединились остальные. Вдруг Роберт Фринтон заметно побледнел и, пошатнувшись, упал. По залу пронесся общий вздох, музыканты резко оборвали мелодию, и на несколько секунд воцарилась полная тишина. Карлотта опустилась перед ним на колени и стала развязывать галстук. Из толпы выбрался мой отец.

- Доктора, быстро! - сказал он Харриет.

Так закончился четырнадцатый день рождения Карлотты. Роберта Фринтона сразу перенесли в постель, а вечером он умер. Лишь на пару минут пришел он в сознание, чтобы

увидеть Карлотту, сидевшую у его кровати. Он нежно погладил ее по руке, а она опустилась перед ним на колени. По щекам ее катились слезы.

Я расслышала, как он прошептал:

- Милое дитя! Ты сделала меня таким счастливым!

Потом его отвезли в Эндерби-холл и похоронили на кладбище Эверсли. И тогда мы узнали, что он был очень богатым человеком и все, чем обладал, он завещал Карлотте. Она вступала в право владения, когда ей исполнится восемнадцать лет или когда выйдет замуж, если это произойдет раньше. В этот день она станет одной из самых богатых женщин страны.

Харриет была довольна. На следующий день после похорон мы с ней пошли к могиле Роберта, чтобы положить на нее букет цветов.

- Милый Роберт! - сказала она. - Он так любил Карлотту! Она была для него символом, означающим, что его род будет жить! Как видишь, я правильно сделала, что рассказала ему, кто она на самом деле!

- Харриет, - спросила я, - ты знала, что он богат?

- Ну, конечно, этого утверждать никто не мог...

- Но ты - знала?

- Можно было предположить, что он не из бедных! Я знала, что он получил компенсацию за владения, отобранные у его семьи, но он и сам был довольно богат!

- И ты подумала, что все может произойти именно таким образом?

- Это кажется вполне естественным исходом!

- Понимаю, это был один из твоих планов?

- Моя дорогая Присцилла, не надо читать мне мораль! Если есть хорошее состояние, а наследница имеет на него право, было бы глупостью не воспользоваться!

- Харриет, - сказала я, - с того момента, как ты вступила в замок, где жила во время изгнания моя мать, ты начала играть нашими жизнями и продолжаешь это делать и по сей день!

Она задумалась.

- В твоих словах что-то есть, - признала она, - но этот поворот событий пришелся в пору всем, кто в нем замешан! Красавица Карлотта, которая не располагала особыми деньгами, теперь - наследница значительного состояния! Что ж в этом плохого?

- Не знаю, - ответила я. - Подождем - увидим!

Милый Роберт Фринтон! Если б он мог предвидеть, какие последствия повлечет за собой его завещание, наверняка бы поступил иначе. Я никогда не забуду реакцию Карлотты, когда она узнала о завещании. На ее лице было написано огромное изумление. Она сказала:

- Он, должно быть, очень любил меня?

Никто не произнес ни слова, и на несколько секунд ее лицо смягчилось, когда она задумалась о том, как этот старик, который ей так нравился, любил ее. Но затем она осознала, что все это значит: она стала богатой, перед ней был открыт весь мир! Ей надо было подождать всего лишь четыре года, а потом это огромное состояние станет принадлежать ей одной!

Я могла видеть, как в ее голове зарождаются безумные планы: она поедет в Лондон, она объедет весь мир, у нее будет свой дом, и никто не посмеет ей указывать.

- Не забывай, ты должна подождать, пока тебе не исполнится восемнадцать, сказала я, - а до тех пор все будет по-старому, и к тому времени ты решишь точно, что сделаешь с этими деньгами.

- Четыре года! - воскликнула она.

- На самом деле это совсем немного, - заметила Харриет.

Она разделяла восторг Карлотты. Харриет обожала строить всякие планы, и почти всегда ее замыслы исполнялись в ее пользу. Она хотела, чтобы состояние Роберта Фринтона перешло к Карлотте отчасти и потому, что, как она считала, потом оно достанется ее сыну Бенджи. Мне следовало бы понять это: Харриет всю жизнь занималась интригами, это вошло у нее в привычку. В душе я боялась этих денег, я чувствовала, что добра они не принесут.

Карлотта захотела съездить в Лондон.

- Здесь стало так грустно, после того как умер Роберт! - сказала она. - Он наверняка бы и сам захотел, чтобы мы поехали.

Харриет сочла это хорошей идеей, и все сошлись на том, что она, Грегори, я и Карлотта вместе на несколько дней поедem в Лондон.

- Говорю вам, - сказала Харриет, - во дворце сейчас ужасно скучно. Как это отличается от того, что творилось там во времена Карла! Какие тогда были развлечения! И как милостив был Карл! Между нами, Вильгельм просто грубиян, голландский мужлан. Ходят слухи, что он вообще не умеет говорить!

- Но народ восхищается им, ибо он хороший король, - ответил Грегори, - а это то, что нам нужно.

- Если бы королева не умерла или если б он женился снова...

Грегори покачал головой:

- Никогда, так что за ним на престол взойдет Анна или, может, ее сын Вильгельм, хотя он очень мягок.

- Будем надеяться, что при Анне во дворце будет веселее, чем сейчас, сказала Харриет. - Не люблю я этих суровых правителей, Карл был совсем другим! Никогда не перестану жалеть о том, что времена его уже давно позади!

Выехали мы в середине декабря. Харриет сказала, что лучше съездить до того, как наступят холода, что бывает обычно сразу после Рождества. Карлотта очень волновалась по поводу предстоящей поездки, хотя то и дело вспоминала о Роберте, и мимолетное облачко грусти касалось ее лица. Прекрасно зная ее, я понимала, что она чувствует за собой некую вину в том, что может радоваться, несмотря на его смерть. Я рада была подметить в ней эту чувствительность. Она была не так уж эгоистична - просто молода и полна энергии, благодаря которой она никогда не сидела на месте, и, если она и принимала восхищение как само собой разумеющееся, это было только потому, что ей это нравилось.

Мы намеревались остановиться в городском доме Эверсли, который находился неподалеку от Уайтхолла. Не в первый раз Карлотта ехала в Лондон, но, казалось, теперь она воспринимает его совсем по-другому: теперь она была наследницей большого состояния. В ее глазах плясали довольные искорки! Она была уверена, что к тому времени, как ей стукнет восемнадцать, у нее будет подробный план того, что предстоит сделать.

Трудно было устоять пред лондонской суетой. Мы, живущие тихой жизнью в деревне, не могли не изумиться при виде этой кипучей энергии, суматохи и радости существования, что бурлили на улицах города.

По словам Харриет, с тех пор, как случился Великий пожар, вид города заметно улучшился, и некоторые здания, построенные Кристофером Вреном, были очень приятны глазу, но совладать с этим шумом и красками не смогли ни чума, ни пожар.

- Какая красота! - вскричала Карлотта, когда мы проезжали по Странду мимо громадных домов с садами, спускающимися к реке. У ступенек покачивались маленькие лодочки, а все пространство реки было заполнено судами всех видов. До нас донеслась песня паромщика, но тут же потонула в потоке уличного шума.

Харриет показала нам несколько новых кофеен, которые были разбросаны по улицам и наводняли весь город.

- Кстати, - сказала она, - здесь подаются напитки и покрепче кофе, и к ночи гулянье становится неуправляемым.

- А мы пойдем в какую-нибудь кофейню? - спросила Карлотта.

- Не думаю, что это подходящее место для нас, - сказала я.

Карлотта скорчила гримаску.

- Милая Присцилла, - сказала она, - со мной ты будешь в полной безопасности! - Она посмотрела на Грегори. - Ведь вы возьмете меня, да?

Грегори усмехнулся и пробурчал:

- Посмотрим.

Он никогда не мог прямо отказать Карлотте. Мы въехали на Мэлл ", и Харриет вновь принялась вздыхать о днях правления Карла, когда его часто можно было видеть здесь и наблюдать за его игрой в мячи, от которой и пошло название этой улицы.

- Ты бы видела его! - сказала Харриет. - Никто не мог так далеко послать мяч, как он! Я слышала от одного старого солдата, что один раз мяч пролетел даже до середины улицы. "Как будто из мушкета пальнули". Да, нынешний король на такие подвиги не способен!

- Зачем вздыхать по старым временам? - сказала я. - Надо быть благодарными, что у нас есть король, который вроде бы знает, как обращаться со страной.

- Пусть даже его двор самый умный в Европе?

- Эти парки прелестны! - вздохнула Карлотта.

- Да, - подтвердил Грегори. - Мне всегда они нравились, да и все без исключения души в них не чают. Я думаю, народ поднял был восстание, попытайся кто-нибудь лишить его этих парков. Да, как ты правильно заметила, парк Святого Якова просто изумителен, есть, правда, еще Гайд-парк, Спринг-гарден и Малбери-гарден.

- Но после наступления темноты туда лучше не ходить, - предупредила Харриет. - Даже если ты переоденешься, могут заподозрить, что пришла ты туда неспроста, но хватит об этом.

В толпе сновали цветочницы, то там, то здесь можно было видеть молочниц, бредущих со своим товаром, мимо проезжали кареты с накрашенными и напудренными дамами. Один раз мы заметили, как какой-то мужчина открыл окно в своем доме и ведет беседу с одной из дам в коляске.

Мы подъехали к центру сразу после полудня, который всегда слыл самым шумным временем суток. В два часа улицы угомонятся и воцарится тишина: в это время у большинства обед, а в четыре город вновь заполнится людьми, идущими в театры и на приемы.

Карлотта не могла оторваться от ярких соцветий лент и кружев, выставленных на прилавках и в витринах. Харриет пришлось пообещать ей, что позже мы обойдем все лавки

Вскоре мы подъехали к дому, где все уже было готово к нашему приезду. После обеда Карлотта сразу же собралась на прогулку. Я напомнила ей, что скоро стемнеет и что, по моему, можно подождать и до утра. Она расстроилась и села у окна, глядя на город.

На следующий день мы пошли за покупками на Новый рынок, что находился на Странде. Он был очень похож на базар, а верхняя его галерея была заполнена лавками, демонстрирующими самые изумительные товары. Карлотта даже вскрикнула от восторга, когда увидела все эти шелка, ленты и кружева, и мы купили ткани на новые платья.

Леди, некоторые из которых, как я была абсолютно уверена, вряд ли славились своей добродетелью, гуляли взад-вперед по рынку. Они внимательно оглядывались по сторонам и явно искали себе кавалеров. Последние же гордо щеголяли в своих бархатных плащах, шелковых панталонах, шляпах с перьями и зачастую с толедскими клинками на боку. Многих из них сопровождали пажи, и смотрелись они, разумеется, очень впечатляюще. Как я заметила, многие оглядывались на Карлотту, и была очень рада тому, что она слишком занята своими покупками, чтобы замечать пылкие взоры.

Мы подошли к палатке, в которой были выставлены веера. Там мы задержались, так как Карлотте захотелось приобрести один из них. Веер был очень красив, весь усыпан бриллиантами. Она открыла его и начала обмахиваться.

- Я непременно должна купить его! - сказала она. - Он прелестен и так подойдет к новому шелку, что я купила!

И тут я почувствовала, как вся похолодела, будто кто-то выплеснул на меня ведро ледяной воды. У соседнего ларька стоял человек, чье лицо я не забуду никогда, даже если проживу еще сотню лет. Это было лицо, которое до сих пор являлось мне в кошмарных снах, наполняя ужасом. У следующей лавки покупал шарфы Бомонт Гранвиль.

- Ну, что ты об этом думаешь? - донесся до меня далекий голос Карлотты. Время, казалось, замерло. Услышав голос Карлотты, Бомонт Гранвиль повернулся и увидел нас.

Я заметила, как по его губам скользнула легкая улыбка - он узнал меня. Потом его взгляд перешел с Харриет на Карлотту и там остановился. Она, прижав к губам веер, вопросительно смотрела на меня.

- Я пойду домой, я чувствую... - начала было я. Я ощутила их взгляды, скрестившиеся на мне: выражающие любопытство темно-голубые глаза Харриет, и Карлотта, с беспокойством всматривающаяся в меня. Я резко развернулась: я должна была уйти от насмешливого взора глаз, которые для меня навсегда останутся самыми жестокими в мире. Но тут нога моя попала в щель между булыжниками, и я бы упала, не подхвати меня Харриет. Острая боль пронзила мою лодыжку.

- Что случилось? - спросила Харриет.

Я не ответила, наклонилась и потрогала ногу.

- Мы сейчас же возвращаемся! - сказала Харриет, подбирая пакеты, которые я уронила.

Затем я услышала голос, который так хорошо помнила - мелодичный, мягкий, лживый, - и почувствовала, будто очутилась в одном из тех кошмаров, которые снились мне с тех пор, как я провела эту отвратительную ночь в его доме.

- Если я могу чем-нибудь помочь вам... Он поклонился Харриет, Карлотте, мне.

- Спасибо, все уже в порядке! - быстро проговорила я.

- О, как это мило с вашей стороны! - раздался преувеличенно вежливый голос Харриет, и я поняла, что Гранвиль все так же красив, как и прежде. Харриет всегда резко менялась при виде мужчины, причем не имело особого значения, стар он или некрасив, - это была

Харриет!

- Со мной все чудесно! - поспешно отвергла я его помощь.

- Ты повредила ногу! - сказала Карлотта.

- У меня здесь поблизости есть знакомый аптекарь, - сказал Бомонт Гранвиль. - Он мог бы взглянуть на ногу и посоветовать что-нибудь, потому что, если треснула кость, вам нельзя ходить.

- Я ничего не чувствую!

- Ты очень побледнела! - сказала Карлотта. Ее миленькое личико выражало тревогу. Я была слишком обеспокоена, чтобы размышлять разумно. Я напредила себе, что, как бы все ни обернулось, я ни в коем случае не должна показывать своей тревоги, но как я могу быть спокойной, если так боюсь его?

- Вы должны позволить помочь вам, - продолжал он. - Мой друг-аптекарь здесь, прямо на рынке. Разрешите? - И он взял меня под руку, а глаза его насмешливо блеснули. - Даже если это просто растяжение, не помешает наложить повязку.

- Вы очень добры, сэр! - сказала Карлотта.

- Я к вашим услугам.

- Было бы неблагодарно отказываться от такого побуждения помочь, добавила Харриет.

- Да, Присцилла, - сказала Карлотта, - ты должна сходить к этому аптекарю! У тебя болит нога, это видно!

- Значит, - подвел итог Бомонт Гранвиль, - договорились? Разрешите мне показать вам дорогу?

Я страшно хромала. Я подвернула лодыжку, но даже не чувствовала боли. Я могла лишь спрашивать себя, какая злая шутка судьбы снова ввела его в мою жизнь?

Я ни на секунду не верила ему. Я хотела сказать ему, чтобы он оставил нас, и объяснить им, что из собственного опыта знаю, что этот человек неподходящая компания для честных людей.

Карлотта взяла меня под руку:

- Больно, Присцилла?

- Нет, нет, ерунда! Я пойду домой!

С другой стороны стоял Бомонт Гранвиль.

- Обопритесь на меня, - заботливо промолвил он.

- Нет, благодарю вас, в этом нет необходимости!

- Ну, здесь всего пара шагов, - сказал он и повел нас.

В аптеке стоял запах духов и мазей. Мы ступили в ее мрачное помещение, и тут же нам навстречу поспешил какой-то человек в желтом камзоле. Увидев Бомонта Гранвиля, он низко поклонился и его лицо приняло чрезвычайно услужливый вид. Ясно было, что Бомонт Гранвиль - один из самых уважаемых клиентов здесь.

- Мой господин, - проговорил аптекарь, - чем могу быть вам полезен?

Бомонт Гранвиль объяснил, что я подвернула ногу и он хочет, чтобы аптекарь взглянул на нее и в случае необходимости выписал бы какую-нибудь мазь и наложил повязку.

Аптекарь огляделся по сторонам и подвинул стул, на который меня усадили. Затем он опустился передо мной на колени и потрогал лодыжку. У меня даже дыхание перехватило от боли. Он перевел взгляд на Бомонта Гранвиля, который пристально наблюдал за мной.

- Переломов нет, - сказал он. - Небольшой вывих, ничего особенного, через пару дней все пройдет!

- У вас есть какая-нибудь мазь или лекарство от этого? - спросила Харриет.

- Есть одна просто прекрасная вещь! Я намажу ногу, а потом лежи надо полежать день или два, и все будет в полном порядке!

- Так делай же! - сказал Бомонт Гранвиль. Он повернулся к Харриет. - Вы ходили по лавкам? Почему бы нам не оставить нашу пациентку здесь на время, пока ей делают перевязку, и не продолжить это увлекательное занятие? Как только она будет готова, мы вернемся. У вас есть карета? Ей не следует ходить.

- Мы не собирались далеко отходить от Уайтхолла, поэтому пришли пешком, объяснила Харриет.

- Но она не может ходить! Впрочем, предоставьте это мне: я отвезу вас назад в своей коляске!

- Вы так добры к нам, сэр! - воскликнула Харриет.

- Я всегда к вашим услугам, - ответил он.

- Кажется, это хорошая мысль, Присцилла, - сказала Харриет.

Я не ответила: мной овладело беспокойство. Аптекарь взбалтывал что-то в одной из бутылочек. Я подумала: "Пока что Гранвиль не делает нам ничего плохого, но что все это значит?"

- Тогда мы зайдем за тобой чуть позже, - сказала Харриет. - Через полчаса, ладно?

Аптекарь ответил, что к этому времени я уже буду готова.

- Это прекрасный выход из положения, - сказала Карлотта, - а потом мы отвезем тебя домой.

Я проводила их взглядом. У дверей Гранвиль повернулся и еще раз взглянул на меня. Я не могла понять, что у него на уме, но чувствовала эту его вечную усмешку.

От запахов аптеки меня начало тошнить. Я наклонилась и стянула чулок: моя нога страшно опухла. Аптекарь склонился над ней и помазал поврежденное место чем-то прохладным. Боль в ноге слегка успокоилась, но ничто не могло успокоить боль в моей душе.

Что это могло значить? Ну почему я подвернула ногу именно в этот момент? Вероятно, потому, что при виде его мои руки и ноги сковал необъяснимый ужас!

Так домой он отвезет нас в своей коляске! Мне следовало бы отказаться от этого, потому что потом его пригласят в дом, угостят вином, предложат перекусить. На Харриет он произвел большое впечатление, это было видно невооруженным глазом.

Я должна напомнить ей, кто он такой. Может, она вспомнит, когда услышит его имя? То, как избил его Ли в Венеции, вызвало толки, но это было пятнадцать лет назад. Как только смогу, я сразу напомню Харриет о нем, ибо в его знакомстве мы совсем не нуждались!

Аптекарь без перерыва расхваливал свои мази и лосьоны. Он пытался продать мне что-нибудь из своего товара: мыло для лица, которое делало кожу нежной, как у ребенка, специальные лосьоны, чтобы красить седые волосы. В его распоряжении имелись и изысканные духи для джентльменов, а для женщин его аптека была настоящей сокровищницей.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза: мои мысли были далеко от аптеки.

Через полчаса Бомонт Гранвиль, Харриет и Карлотта вернулись. Последняя была в полном восторге: их провели по чудеснейшим лавкам, их добрый друг знал все самое лучшее на рынке и позаботился о том, чтобы они покупали товары только прекрасного качества.

- Вы можете ходить? - Голос его был мягок и заботлив, хотя в глазах по-прежнему играла насмешка.

- Я хотела бы поехать домой! - ответила я.

- Моя карета уже здесь, вам надо всего лишь выйти из аптеки.

- Но сначала, - напомнила я ему, - мы должны расплатиться с аптекарем, который так помог мне. Он пренебрежительно махнул рукой:

- У него есть мой счет, это уже мои проблемы.

- Я и слышать об этом ничего не хочу! - ответила я.

- Да ничего, пустяки.

- Прошу вас, скажите, сколько я вам должна? - обратилась я к аптекарю.

- Я запрещаю! - приказал Гранвиль. Аптекарь виновато посмотрел на меня и развел руками.

- Я не могу позволить этого! - настаивала я.

- Значит, вы лишите меня этого удовольствия?

Я достала из кошелька несколько монеток и положила их на прилавок. Аптекарь беспомощно взглянул на них. Я поняла, что он очень боится Бомонта Гранвиля.

- Ну тогда хоть не отказывайтесь от удобств моей кареты.

- В этом нет нужды, - ответила я. - Мы можем подождать, пока прибудет наша, надо только послать за ней.

- Да что на тебя нашло? - рассмеявшись, спросила Харриет. - Очень невежливо с твоей стороны отказываться от столь любезно предложенной помощи!

Он помог мне сесть в карету. Карлотта села рядом со мной, а он и Харриет расположились на противоположном сиденье.

- Какое приключение! - воскликнула Карлотта. - Как твоя нога, Присцилла?

- Гораздо лучше, спасибо.

- Это было такое изумительное утро! Сначала все эти прекрасные шелка, а теперь вот это... О, я же не купила веер! Я совсем про него забыла!

- Ничего, - сказала Харриет. - У тебя и так было очень интересное утро! А как же бедная Присцилла? Моя дорогая, я надеюсь, что сейчас боль утихла немножко?

Я сказала, что после того, как аптекарь перевязал мне ногу, стало значительно лучше.

- О, прости меня! - тут же воскликнула Карлотта. - Я совсем не хотела сказать, что хорошо, что ты подвернула ногу!

- Я поняла, - ответила я, и она подарила мне одну из своих ослепительных улыбок.

Мы подъехали к дому, и Бомонт Гранвиль соскочил, чтобы помочь нам выйти.

- Вы непременно должны зайти и выпить с нами бокал вина! - сказала Харриет.

Он заколебался и посмотрел на меня. К сожалению, я не нашла, что сказать для отказа.

- Да, пожалуйста! - попросила Карлотта. - Вы обязательно должны зайти! Он повернулся к ней:

- Вы уверены, что я не вторгаюсь в вашу жизнь?

- Вторгаетесь?! И это после того, что вы для нас сделали?! Мы у вас в большом долгу!

Так Бомонт Гранвиль снова вошел в мою жизнь, и вновь начался кошмар.

- Ты знаешь, кто этот человек? - сказала я Харриет. - Это Бомонт Гранвиль!

- Да, так его зовут.

- Ты что, забыла Венецию? Она наморщила лоб.

- Разве ты не помнишь? Он пытался похитить меня с бала, а на следующий день к нему в

дом пришел Ли и избил его до полусмерти!

Она вспомнила и громко рассмеялась.

- Здесь не над чем смеяться, Харриет! Это все очень серьезно!

- Но уже пятнадцать лет прошло с тех пор!

- Такое никогда не забывается!

- Моя дорогая Присцилла, ты отстала от жизни! Мужчины дерутся на дуэлях, а через неделю забывают о них. В нем просто слегка разыгралась кровь!

- Но он почти похитил меня, а еще бы чуть-чуть и...

- Но там же был Ли! Это было так романтично! Ли спас тебя, потом вернулся, и произошла драка! Да, я действительно хорошо помню! Вся Венеция говорила об этом деле!

- Я знать его не хочу!

- Так вот почему ты так холодна и, по-моему, даже слишком невежлива! Ведь он все-таки предлагал нам помощь!

- Харриет, мне не нравится этот человек! Я не хочу, чтобы он появлялся у нас в доме!

- Но после того, что он сделал, мы были просто вынуждены пригласить его к нам!

- Значит, будем надеяться, что на этом все и закончится, и больше мы его не увидим!

- Но он так хотел помочь нам, и, ты должна признать, он действительно очень помог нам с тем аптекарем!

- Мы бы обошлись и без него!

- О, Присцилла, неужели ты никогда не простишь ему ту шалость?

Мне хотелось закричать: "Если бы ты знала все, ты бы сразу поняла!" Я почти призналась ей, но опять не смогла заставить себя говорить.

Наш разговор прервала Карлотта. Она несла веер, который увидела на рынке. Подойдя поближе, она помахала им перед нами.

- Ты выходила, чтобы купить его?! - воскликнула я. - Карлотта, ни в коем случае нельзя выходить одной!

Она покачала головой.

- Даю вам две попытки! Итак, как ко мне попал этот прекрасный веер?

- Грегори пошел и купил его, - сказала Харриет. - Этот мужчина портит тебя!

- Не правильно! - возразила она. - Попробуй еще раз: не Грегори, а...

Тут Карлотта показала нам записку. Харриет взяла ее, и вот что она прочитала:

"Мне очень не хотелось, чтобы вы упустили этот веер, поэтому я вернулся и купил его. Прошу вас, умоляю, примите его.

Мне хотелось кричать, что веер непременно нужно отослать обратно, что нам ничего не надо от этого человека, даже более скромных подарков!

- Какой прелестный поступок! - сказала Харриет.

- Это так заботливо с его стороны, - добавила Карлотта.

- Я думаю, он очень очаровательный мужчина, - сказала Харриет почти вызывающе. Меня переполняла тревога.

ТАЙНОЕ БЕГСТВО

В течение нескольких дней я никуда не выходила. На следующее утро после посещения рынка моя нога очень распухла, и Грегори сказал, что надо бы позвать доктора. Вскоре приехал доктор, но ничего нового он нам не сказал: я должна отлежаться, а через несколько дней смогу ходить.

Я очень расстраивалась. О, как мне хотелось, чтобы мы не приезжали в Лондон!

Грегори и Харриет тем временем свозили Карлотту в Малбери-гарден, а однажды вечером они поехали в Спринг-гарден, где и поужинали. Когда Карлотта зашла ко мне, чтобы поделиться впечатлениями, ее глаза сияли от восхищения. Они гуляли по садам, они ели рыбу и пирог из оленины, на сладкое были торт и взбитые сливки с сахаром, а запивали они все это великолепным мускатным вином! Они наблюдали за леди в масках, гуляющими по тропинкам, и за кавалерами, которые всячески обхаживали их. Харриет сказала, что это ничто по сравнению с тем, что здесь было во времена Карла, - тогда люди знали цену наслаждениям! Карлотта была в полном восторге от этого вечера.

Я, затаив дыхание, ждала упоминания о Бомонте Гранвиле, ибо у меня было предчувствие, что он не позволит, чтобы Карлотта ускользнула из его рук. Я была абсолютно уверена, что он замыслил какое-то зло, и все дни, когда я лежала в постели или сидела у окна, наблюдая за проходящими мимо, были наполнены страхом и отчаянием.

Дни шли, и постепенно я начала думать, что, может быть, придала слишком большое значение этому происшествию? Ведь в том, что произошло, не было его вины? Может, он тоже хотел забыть о прошлом?

Однако, когда он посмотрел на меня с этой коварной улыбкой, в душе у меня зародился страх. Но я должна была надеяться, что он все-таки забыл, и хотела предложить вернуться в Эверсли раньше, чем мы намеревались.

Наконец, я смогла кое-как ходить, правда, осторожно. Харриет сочла, что посещение театра будет для меня не слишком утомительно, и мы заказали билеты.

Мне показалось это хорошей мыслью, и я обрадовалась, что смогу немного развеяться. Больше о Бомонте Гранвиле я не заговаривала, и вроде бы тот случай все уже забыли.

Как это всегда волнующе - побывать в театре, особенно с Харриет, которая так много знала о нем и когда-то сама играла на сцене. Ставили пьесу Томаса Уичерли "Деревенская жена". Даже сама Харриет никогда ее не видела, и я почувствовала, что мое настроение постепенно начинает подниматься.

Мы заказали ложу рядом со сценой. Карлотта трещала без умолку, то и дело спрашивая Харриет обо всем. Харриет это нравилось, хотя она призналась, что слишком засиделась в деревне.

- Мы должны почаще навещать город, Грегори! - сказала она.

- Да, да, пожалуйста! - воскликнула Карлотта. В воздухе стоял аромат апельсинов. Он смешивался с ароматами духов и гораздо менее приятными запахами человеческого тела. Все это было частью невероятного, но очень увлекательного мира театра. Девушки, разносящие фрукты, предлагали их молодым мужчинам, сидящим в партере, которые, очевидно, пытались изображать из себя знатоков, хотя и не очень успешно, и которые, несомненно, пришли сюда, чтобы завести новые знакомства. Из зала доносились хихиканье и другой шум, характерный для подобных мест, пока в одну из лож не вошла элегантная леди в маске, сопровождаемая щегольски одетым джентльменом. На некоторое время воцарилась тишина: все с любопытством изучали ее.

Вскоре началась пьеса. Она была очень забавной и немного развеяла мое мрачное настроение, в котором я пребывала после встречи с Бомонтом Гранвилем. "Может, я все преувеличила?" - сказала я себе. Я уже была не той маленькой девочкой, на которую он когда-то "положил глаз". Более того, он не сделал ни одной попытки вновь завязать знакомство. Виноват был первый шок, который расстроил меня и из-за которого - и все по глупой случайности - я решила, что нам грозит несчастье.

Но вдруг я заметила, что внимание Карлотты приковано вовсе не к сцене: она глядела на ложу напротив, которая незадолго до этого еще пустовала. Теперь она была занята. Сначала я решила, что это мне кажется: ведь я постоянно думала о нем. Но нет, потом не осталось никаких сомнений: конечно же, это был Бомонт Гранвиль! Он опоздал на пьесу, а теперь улыбался Карлотте! Мои страхи разом усилились. Выглядел он поразительно красиво, одетый по самой последней моде. Его камзол, сшитый из плотного шелка, спереди был вышит тесьмой, а пуговицы были похожи на маленькие рубины. Он носил один из самых модных париков: сейчас в них ходили все знатные люди Лондона. Парик был тщательно завит и напудрен, локоны тяжело падали на плечи, почти закрывая собой элегантный белый шелковый шарф. Его светский вид и тонкое лицо показывали всем, что у этого мужчины мало найдется соперников в благосклонности дам, но я бы предпочла самого уродливого человека в мире этому утонченному джентльмену! Я взглянула на Харриет. Она тоже его заметила, на губах у нее играла легкая улыбка. И внезапно я все поняла: они сообщили Гранвилю, что мы едем в театр, и он приехал сюда специально, чтобы немного помучить меня - он прекрасно знал об этом - и чтобы позабавиться этой, как ему казалось, весьма пикантной ситуацией!

Я заставила себя вновь обратиться к сцене, но замечала тайные взгляды, которые "летали" между нашими ложами. Я не подала и виду - по крайней мере, я так надеялась, - что заметила Гранвиля. Я старалась смотреть только на сцену и притворялась, что мое внимание полностью поглощено пьесой, но, спроси у меня кто-нибудь, о чем там идет речь, я бы не смогла ответить.

После первого акта он зашел к нам.

- Какой приятный сюрприз! - Гранвиль склонился к нашим рукам: его манеры очень подходили его внешности.

По взгляду, которым он обменялся с Карлоттой, я поняла, что это не такая уж и неожиданность - между ними существовал сговор! "О, Боже, - подумала я, что же это означает?"

- Я надеюсь, - говорил он тем временем, - что вы поужинаете со мной после пьесы?

- Какая замечательная идея! - воскликнула Карлотта.

- Да, это было бы очень хорошо, - согласилась Харриет. - Как это мило с вашей стороны! Но после пьесы человек всегда должен ужинать в хорошей компании: одно из главных удовольствий театра - это потом обсудить пьесу! Вы согласны?

- Всем сердцем! - ответил Бомонт Гранвиль. - Мы поужинаем у меня, или вы предпочтете другое место?

- К сожалению, думаю, нам придется отклонить это любезное предложение! сказала я.

Они разом посмотрели на меня. Он выглядел искренне огорченным, хотя я видела, что он от всей души забавляется происходящим.

- Это мой первый выезд, - настаивала я, - и я в самом деле чувствую...

Это звучало ужасно эгоистично: я мешала их празднику только потому, что мне захотелось поехать домой! Грегори, как всегда милый и обходительный, сказал:

- Присцилла, если хочешь, я могу отвезти тебя! Они снова посмотрели на меня, а я подумала:

"Нет, если они собираются провести вечер с ним, я останусь, чтобы посмотреть, что будет дальше". Я чувствовала, что ситуация становится все более опасной.

- Мы развеселим вас, - просительным тоном сказал Бомонт Гранвиль. - У меня есть

изумительное вино из мальвазии, которое вы непременно должны попробовать! Прошу вас, поедem! Мы будем скучать без вас!

- Но ты же не можешь отказаться, когда тебя приглашают столь настойчиво? сказала Харриет.

- Присцилла, поедem! - умоляюще воскликнула Карлотта.

- И так, - вставил Бомонт Гранвиль, - мне кажется, леди начала сомневаться?

- Как это мило, что вы все так беспокоитесь, поеду я или нет!

- Тогда решено! - сказал Бомонт Гранвиль. Он присел на один из стульев и начал обсуждать пьесу.

Когда перерыв закончился, он вернулся в свою ложу, но я все время ощущала, как он наблюдает за нами. Какой-то адский замысел созрел в его голове.

Он вывел нас из театра и проводил через толпу народа к нашей карете. Свою он отослал домой и спросил, не разрешим ли мы ему присоединиться к нам. Я заметила, что люди почтительно расступаются перед ним, некоторые здороваются. Его явно знали многие, а многие боялись. В нем была какая-то важность, которая, как я поняла, еще больше усилила восхищение Карлотты. Я начала понимать, что Карлотта искренне увлекается им, а это ему очень нравится.

Его дом оказался рядом с нашим.

- Видите, мы, оказывается, близкие соседи! - сказал он. - Дом в городе просто необходим. У меня есть фамильный замок в Дорсете, но должен вам признаться, что больше времени я провожу в Лондоне, чем в деревне.

- Я никогда не была в Дорсете! - сказала Карлотта.

- Надеюсь, когда-нибудь мы это исправим, - ответил он.

Дом был обставлен в той манере, которую можно было ожидать от человека со столь элегантным вкусом, и он явно гордился своим жилищем.

Ужин для всех был уже готов, что лишь доказывало, как он был уверен в том, что мы примем его приглашение. Слуги в почтительном молчании обслуживали нас. Разумеется, мальвазия оказалась великолепной, как и остальная еда, и я заметила, что он от души наслаждается ролью хозяина. Он со знанием дела рассуждал о пьесе и об актерах, а вскоре он и Харриет возбужденно начали обсуждать театральные дела.

Карлотта слушала, не сводя с него глаз. То и дело он поглядывал на нее и нежно улыбался. Я не могла в это поверить: она принимала его за героя, как это часто бывает, когда молоденькие девушки увлекаются мужчинами, которые значительно старше их! Об этом я даже не подумала. Он же на двадцать лет старше ее! Мои мысли метались, как в лихорадке. Это была какая-то галлюцинация!

- У вас здесь очень хороший дом, - сказала я. - А ваша жена сейчас в деревне?

Он повернулся и подарил мне одну из своих фальшивых улыбок.

- У меня нет жены! Да, я никогда не был женат: я был слишком большим романтиком в юности!

- Неужели? А я считала, что романтические идеалы всегда приводят к свадьбам!

- Я всегда искал именно идеальную женщину, ничто другое меня не устраивало!

- Тогда не удивительно, что ваши поиски не увенчались успехом, - заметила Харриет.

- Но меня не волнует, что молодость уже прошла, - сказал он и посмотрел на Карлотту. - Я считаю, что меня охранял добрый ангел! Знаете ли, я верю, что если вы чего-то хотите и поставили себе цель непременно добиться этого, через какое-то время ваше желание

сбудется! Я еще не стар, я чувствую себя моложе и энергичнее, чем в ранней юности. Нет, леди, я не отчаиваюсь!

- Вы много путешествовали? - спросила я.

- Да, повидал я немало, но теперь хочется осесть здесь, в Англии, и разделить свою жизнь между Лондоном и Дорсетом. Деревня порой очень нужна: там вы понимаете, насколько сложна городская жизнь!

- О, я полностью с вами согласна! - сказала Карлотта. - Если бы только мы почаще приезжали в Лондон!

- Может, так и будет теперь, когда вы стали такой модницей! Она рассмеялась:

- О, вы действительно меня такой считаете?!

- В самом лучшем смысле этого слова! Я осуждаю тех людей, которые слепо следуют моде, тем более если она глупа или не идет им. - Он в восхищении вновь посмотрел на Карлотту. - Вы слишком молоды, чтобы помнить ту ужасную прическу, которую носили женщины во времена Карла! Никогда не понимал, как они могли выносить эти бесчисленные ряды кудряшек! Они называли их "сердцеедками". По крайней мере, думаю, они именно это обозначали, но не так уж сильно они затрагивали сердца мужчин. Мне нравится, когда леди придерживается своего собственного стиля, как вы, например, и не становится рабыней моды, которая так мимолетна!

- Та женщина, которую мы видели в Малбери-гарден., вы помните? улыбнулась ему Карлотта. - Она действительно выглядела очень глупо!

- На ней было столько мушек, что она была похожа на звездное небо! ответил он.

В Малбери-гарден! Карлотта выдала себя: в те дни, когда я была прикована к своей комнате, они встречались!

Я не знаю, как я смогла выдержать тот вечер. Я пыталась прятать свои страхи, старалась быть такой же веселой, как они, но все время гадала, сколько они виделись друг с другом и как далеко зашло это знакомство? Если бы мы не приезжали в Лондон!

Домой мы вернулись уже поздно. Он усадил нас в карету и с бесподобной грацией и очарованием поцеловал наши руки. Пока мы ехали к своему дому, мои мысли пребывали в полном смятении.

Когда мы вышли из кареты, Карлотта нежно взяла меня под руку.

- Как нога? - спросила она. Я совсем забыла о ней. Я не могла думать ни о чем, кроме того ужаса, что навис над нами.

- Почти ничего не чувствую, - ответила я.

- Я подумала, что она опять разболелась: ты была такой тихой весь вечер!

- Ну, я чувствовала себя немного.., лишней. Пока я лежала в кровати, вы неоднократно встречались с этим человеком?

- О, это было раз или два! Он всегда оказывался там, куда ехали мы!

- Это было специально подстроено? - спросила я.

Она слегка вспыхнула.

- Ну, например, - сказала я, - ведь он же знал, что сегодня мы поедем в театр?

- Я сказала ему об этом. А почему нет? Или это тайна?

- Ты, кажется, уже близко сошлась с ним!

- А что в этом такого? Он так добр! И, я думаю, он самый красивый мужчина из тех, что я когда-либо видела!

- Ты имеешь в виду своих взрослых знакомых?

- Взрослых? О, когда видишь Бо, о возрасте не думаешь!

"Боже, помоги мне!" - взмолилась я. Это зашло куда дальше, чем я думала!

- И он намного интереснее всей этой молодежи! - сказала Карлотта. - У него есть жизненный опыт, чего нельзя сказать о них. Почему ты настроена против него? Он был так добр с тобой на рынке! Я думаю, ты неблагодарна!

- Значит, ты виделась с ним, когда выезжала на прогулки с Харриет? А наедине ты с ним встречалась?

Она повернулась ко мне почти в ярости. - А когда вы меня отпускали от себя? Вы все считаете, что я еще дитя! Так вот, я уже вышла из детского возраста и не потерплю такого обращения со мной!

Я почувствовала, как мои страхи возрождаются с новой силой. Все было гораздо хуже, чем я думала!

Я должна встретиться с ним наедине, я обязана узнать, что он собирается сделать, а то, что он что-то замышляет, я знала наверняка!

Карлотта! Неужели это ее он обольщает? Как он там говорил? У него страсть к юным девственницам! Я знала, он циничен до предела! О да, он что-то замышляет, я чувствовала это! Когда он смотрел на меня, в его глазах светился триумф. Он вспоминал ту ночь, когда он заставил меня подчиниться его воле, когда он так унизил меня. Не будь тогда столько поставлено на кон, я бы никогда не согласилась на подобную сделку!

Я думаю, его жизнь пестрела подобными авантюрами, он упивался ими. Внутри его сидело желание подчинять как духовно, так и физически. Он был гордым, самоуверенным, тщеславным и злым. На себя же он смотрел как на единственного человека, имеющего в этом мире какое-то значение. Его мечты должны сбываться, и, если ему приходилось изобретать для этого особые способы, он был только рад: он жил интригой.

"О, Боже, помоги мне! - взмолилась я. - Если он попытается разрушить жизнь Карлотты, то ему суждено проиграть: я сделаю все, что угодно, чтобы помешать ему!"

Я подумала, что сначала надо поговорить с Харриет и послушать, что она посоветует. Она была опытной женщиной и могла подсказать, что у него на уме.

Было позднее утро. Харриет еще не вставала, но наверняка уже проснулась и лежала в постели, прихлебывая шоколад, который принесла ей служанка.

- Присцилла! - воскликнула она. - Так рано! И прыгаешь, как молоденький ягненок! Это хороший знак: твоя нога ведет себя именно так, как ведут себя все порядочные ноги.

У нее было хорошее настроение, и только было она собралась опять обсуждать пьесу Уичерли, как я сказала:

- Я беспокоюсь за Карлотту!

- Беспокоишься? Но почему, девочка прекрасно проводит время?!

- Этот человек, Бомонт Гранвиль...

- Он просто очарователен! Должна признать, он оживил наше пребывание здесь!

- Сколько раз он встречался с Карлоттой?

- Так дело в Карлотте?

- Харриет, ты, кажется, не понимаешь, с каким человеком мы столкнулись! Ты же помнишь, что произошло в Венеции?

- Милая моя Присцилла, это было столько лет тому назад! У многих из нас были приключения в юности, которые сейчас сочли бы шокирующими. Мы вырастаем и, если

достаточно мудры, забываем о них!

- Карлотта еще молода, я не хочу, чтобы она встречалась с этим человеком! Он уже стар и долгие годы творит беззакония! Я хочу, чтобы ее отдалили от него!

- Она восхищается им! Ее глаза так забавно загораются, когда она видит его!

- Меня это совсем не забавляет!

- В последнее время тебя вообще мало что забавляет. Смотри, не старей раньше времени, Присцилла!

- Я беспокоюсь за Карлотту! Я хочу, чтобы она вернулась домой! Она моя дочь, и я хочу, чтобы ты помогла мне, как раньше!

- Конечно, я помогу тебе! Но в самом деле, Присцилла, ты похожа на этих богобоязненных пуритан! Карлотте не повредит маленький флирт, так она готовится к жизни!

- Я не хочу, чтобы она готовилась к жизни с этим человеком: он опасен, он мне не нравится! И потом, мне казалось, что ты прочишь Карлотту Бенджи?

- Естественно, она получит Бенджи, но сначала ей надо немного подрасти! Хватит дрожать, Присцилла, все будет хорошо!

Я поняла, что Харриет поможет мне, но что-то надо было делать прямо сейчас. Что?

Внезапно мне пришла на ум идея. Я непременно должна была узнать, что Гранвиль замышляет насчет Карлотты, и подумала, что он может сказать мне это просто из бравады: он так уверен в себе, и он уже начал отрывать ее от меня! Я всегда была порывистой, и, как только мне пришла на ум эта мысль, я сразу начала готовиться к разговору.

Я вышла из комнаты Харриет и, надев плащ и капюшон, вскоре шла к его дому. Встретил меня один из тех слуг, что я видела прошлым вечером. При виде меня он не выказал ни малейшего удивления. Я думаю, он привык, что к его хозяину часто заходят разные женщины.

Меня провели в маленькую комнатку рядом с залом и попросили подождать. Гранвиль пришел почти сразу, как всегда, одетый со вкусом. Темно-красный камзол, сшитый из бархата, был распахнут на груди, открывая роскошный жилет. Панталоны, доходившие до колен, были того же багрового цвета, а туфли имели высокие красные каблуки, которые делали его выше, чем он был на самом деле. Кроме того, в руке у него была украшенная бриллиантами табакерка. Не знаю, почему тогда я обратила внимание на его одежду, но то, с какой гордостью он носил ее, не могло не броситься в глаза. Он был одним из первых в моде, и этим был хорошо известен при дворе.

Он поклонился, переложил табакерку в другую руку и, взяв мою руку, поцеловал ее. Я заметно вздрогнула.

- Какая честь! - прошептал он. - Однажды вы приехали ко мне в Дорчестере, теперь вы в моем лондонском доме, и оба раза только по собственному желанию!

- Я пришла, чтобы поговорить с вами! - сказала я.

- Милая леди, я не настолько безрассуден, чтобы предполагать, что на этот раз вы пожаловали сюда за чем-то другим!

- Почему вы так стараетесь понравиться моей семье?

- Я всегда стараюсь нравиться людям, - ответил он. - А цель у меня одна и та же - получать от жизни столько удовольствия, сколько она мне предлагает!

- И что входит в эти так называемые удовольствия?

- Прошу вас, садитесь. - Он положил табакерку на стол и подвинул мне позолоченное

кресло. Сам же опустился в другое, у стола.

- Очень интересная ситуация, - продолжал он, - но мне все ясно! Значит, очаровательная Карлотта и есть тот самый результат вашего греха? И какой восхитительный результат, должен заметить! А ее отцом был Джоселин Фринтон? Это самое интересное! Бедняга погиб от руки этого низкородного монстра Титуса Оутса, но незадолго до того он все-таки сумел подарить нам это привлекательное существо!

- Нам? - переспросила я.

Тогда-то я и почувствовала злобу в нем. Он знал, как я мучилась, и злорадствовал, как тогда над моим стыдом и унижением.

- Нельзя же быть такой жадной, милая леди! Вы хотите приберечь эту красоту для себя? Я нахожу, что она обворожительна!

- Она ребенок!

- Некоторые из нас любят детей!

- Вы имеете в виду таких извращенцев, как вы?

- Можно сказать и так!

- Тогда вам следует поискать в другом месте!

- Моя милая Присцилла! Мне всегда нравилось это имя: оно звучит так чопорно! Помните, во время той волнующей ночи, что мы провели вместе, я говорил вам об этом? Вы не забыли? Я, например, не забуду этого никогда! Как часто мне хотелось напомнить вам о ней! Кстати, у меня есть ваше прекрасное изображение: вы тогда видели его еще в незаконченном виде! Как-нибудь вам следует приехать ко мне в Дорчестер: такую картину мог нарисовать только влюбленный! А теперь слушайте меня: я испытываю большое влечение к вашей дочери и мои намерения абсолютно честны!

- Господи Боже! Вы хотите жениться на ней? Но это просто глупо!

- Наоборот, очень даже разумно! Весь Лондон судачит о наследстве Фринтона! Наша восхитительная, желанная красавица Карлотта обладает не только красотой, она еще наследница большого состояния!

- Вы отвратительны!

- Я наслаждаюсь тем, что раскрываю пред вами себя, как в ту ночь, в ту памятную ночь! Я сдержал слово, не правда ли? Разве вы не были удивлены? Но как вы рисковали! Вы должны быть мне и в самом деле благодарны: если бы не я, ваш отец был бы уже давно мертв! Соблазнить женщину - грех простительный, а вот спасти человеческую жизнь - большая добродетель! За то, что я совершил той ночью, я, несомненно, получу местечко на небесах!

- Могу поспорить, что местечко вы получите в аду!

- Но, говорят, там находятся все интересные люди. Но мы отклонились от темы нашей беседы. Вам больше надо заботиться не о будущем: настоящее для вас куда важнее!

- Вы оставите мою дочь в покое?

- Нет, - твердо ответил он, - я увлекся ею! Вы же сами сказали, что я должен жениться, а я всегда собирался сделать это, как только встречу леди, которая обладает всеми необходимыми достоинствами!

- И состояние Карлотты сразу ставит ее в эту категорию?

- Именно! Вам кажется, что я богат? Да, в некотором роде, но я в долгу у всего Лондона, и когда-нибудь по счетам придется платить! А их у меня много, и стиль моей жизни очень дорог. Видите ли, все ожидают от меня, чтобы я изобретал новую моду. Мои счета у

портного так длинны, что полдня уйдет только на то, чтобы прочитать их. Мне нужны деньги! Мне крайне необходимо хорошее состояние, и тут судьба предоставила мне приятную возможность!

- Ей нет еще и пятнадцати!

- Прелестный возраст! Более того, она уже взрослая для своих лет: у нее горячее сердце, и она с нетерпением жаждет любви!

- Как, вы думаете, она отреагирует на ваши циничные речи, если я расскажу ей об этом разговоре?

- Она никогда вам не поверит: она думает, что вы ревнуете!

- Она не так глупа! А если я расскажу ей о вас еще кое-что?

- Она ответит вам, что всегда знала, что я человек с большим жизненным опытом! Этим она и восхищается: человек, который познал столько женщин, а выбрал в жены именно ее! Лучшего комплимента для девушки не придумать!

- Этот комплимент не поможет, если она узнает, что вы охотитесь за ее состоянием!

- Я докажу ей, что мне не нужно это состояние и что это грязное предположение исходит только от тех, кто завидует ее молодости и счастью!

Он взял из своей табакерки понюшку табаку, широко улыбнулся мне и вздохнул. Я встала.

- Значит, - сказал он, тоже поднимаясь со своего места, - наше маленькое свидание подошло к концу?

- У вас ничего не выйдет! - заявила я. - Я сделаю все, чтобы помешать этому!

- Моя дорогая Присцилла, вы так оторваны от мира! Пусть дитя будет счастливо! Кроме того, сколько вам было лет, когда вы так весело погуляли?

- Да как вы смеете...

- Я много чего смею, моя будущая теща! Разве это не восхитительно? Вы, моя будущая теща, ответьте мне, кто в возрасте пятнадцати лет - как раз возраст Карлотты! - тайком ускользнул в Венецию, чтобы родить там своего ребенка? Все, о чем я вас прошу, - не поднимать такую панику при виде человека, имевшего в свое время несколько любовных интриг, которые, кстати, сейчас наше общество сочло бы совершенно заурядными!

- В последний раз спрашиваю - оставите ли вы нас в покое? Вы обещаете никогда больше не встречаться с моей дочерью?

- Я обещаю вам две вещи: во-первых, я не отступлю, а во-вторых, я снова увижусь с вашей дочерью!

Я подошла вплотную к нему и сказала:

- Если вы попытаетесь привести этот адский план в действие, я не остановлюсь ни перед чем, чтобы помешать вам! Я убью вас!

Его губы раздвинулись в улыбке.

- Какая пикантная ситуация! - сказал он. Я повернулась и вышла.

Не замечая никого и ничего, я шла по улицам. Вернувшись домой, я прошла сразу в свою комнату, все это время спрашивая себя, что же делать? К кому я могла обратиться за советом? Харриет не понимает всего ужаса ситуации, да и откуда ей знать? Ей же неизвестно, что произошло той ночью в Дорчестере, а то похищение в Венеции она расценила как безвредную шалость. Грегори был добр, он сделал бы все, что в его силах, чтобы помочь, но он был не самый сильный из мужчин, и я чувствовала, что с этой

ситуацией ему не справиться.

Карлотта? Предположим, я поговорю с ней. Я подумала о Бенджи, о милом Бенджи, в котором так много было от его отца. Я согласна с Харриет, что он и вправду тот, кто сделает Карлотту счастливой: он был верен и честен, и он будет всю жизнь предан ей и любить до смерти. Мне хотелось, чтобы она хоть немного побыла маленькой девочкой и продолжила свои занятия с Амелией Гарстон, чтобы она постепенно созрела для любви и замужества. Но если этот ужас, что угрожает ей, действительно случится, ее вечно будет терзать отчаяние. Я даже подумать не могла, что когда-нибудь она, как в свое время я, подчинится похоти Бомонта Гранвиля.

Я прошла в комнату Карлотты. Она обернулась и посмотрела на меня.

- Что-то случилось? - спросила она. - Ты так бледна, и в глазах ужас! Ты выглядишь так, будто только что увидела привидение!

- Карлотта, - сказала я, - я хочу тебе кое-что сказать!

Она подошла ко мне и ласково поцеловала. Потом она усадила меня на стул, взяла себе табуретку и расположилась у моих ног, прижавшись головой к коленям. Несмотря на ее самоуверенность, у нее действительно были способы внушать людям любовь.

- Я давно подозревала, что ты мне хочешь что-то рассказать, - сказала она. - Ты то и дело порывалась мне в чем-то признаться. Это очень важно?

- Карлотта, я - твоя мать!

Она в удивлении уставилась на меня.

- Что.., что ты сказала? - запинаясь, проговорила она.

- Твоя мать - я, а не Харриет! Мне часто хотелось признаться в этом! И я думаю, тебе следовало бы знать, что твоим отцом был Джоселин Фришон!

Карлотта с удивлением продолжала смотреть на меня, а потом постепенно начала понимать.

- Так вот почему...

- Роберт знал, - перебила я. - Ему рассказала Харриет!

- погоди минутку! - воскликнула она. - Это ошеломляет! Расскажи мне все с самого начала!

И я рассказала ей о том, как Джоселин попал к нам, как мы укрыли его и как мы с ним стали любовниками.

- Мы должны были пожениться, - говорила я ей, - но его схватили, как только мы уехали с острова!

- О, бедняжка Присцилла! Мама.., думаю, теперь я должна называть тебя так? Странно: я никогда не звала так Харриет! Ей нравится, когда к ней обращаются по имени, что всегда было странным, но Харриет не похожа на остальных людей.

- Она была добра ко мне, и это был ее план. Тогда он казался безумным, но он состоялся!

- Харриет обожает всякие интриги и игры, она все время этим занимается. А ты - моя мать! Я всегда любила тебя, думаю, и ты тоже любила меня?

- О, мое милое дитя! Как часто мне хотелось забрать тебя к себе! Я мечтала об этом многие годы!

Она обняла меня и крепко прижалась к моей груди.

- Я так счастлива! - сказала она. - Да, счастлива: я - дитя любви, так, кажется? Это очень красивое выражение - зачатый в любви.., в любви безоглядной, вот что оно означает, в

любви, когда не думают о цене. - Она помедлила немного, а потом внезапно сказала:

- Так значит, Бенджи не брат мне?

- Нет! - радостно ответила я.

- Значит, он больше не будет задира́ть меня?

- Он всегда так любил тебя!

- Что же теперь будет? Ты все расскажешь?

- Я расскажу моей матери, а она, думаю, расскажет отцу. Конечно, Грегори уже все знает.

- Милый Грегори, он всегда был таким хорошим отцом!

- Он хороший человек! Знает и Кристабель: она была с нами в Венеции.

- Кристабель! Я никогда не задумывалась о ней. Она просто.., была, и думает она только о своем мальчике!

- Она заботилась обо мне в Венеции.

- Да, я родилась в Венеции и всегда считала это весьма романтичным! Наверное, такая суматоха была вокруг моего рождения!

- Ты всегда любила суматоху, Карлотта, разве не так?

- Ну.., это мое появление на свет... Она снова поцеловала меня, и, я заметила, новость обрадовала ее. По крайней мере, она не была в шоке от того, что рождена незаконно. Она считала все это очень романтичным и волнующим, а тот факт, что я была ее матерью, доставил ей большое удовольствие.

- Да, - сказала она, - я действительно рада! Ты - та мать, которую я всегда хотела! Это, конечно, несправедливо по отношению к Харриет. Она самая замечательная мать на свете, но в то же время она ведет себя не как мать. Человек хочет, чтобы его мать вела себя немного суетливо, постоянно заботилась о тебе, порой даже раздражая... Ты должна чувствовать, что она все время будет рядом, что бы ты ни сделала, что она отдаст за тебя свою жизнь...

- О, Карлотта! - сказала я. - Ради тебя и Дамарис я готова на все!

- Дамарис - моя сестра по одному из родителей! Все переворачивается вверх головой!

Ли - мой отчим! Он знает?

- Да, он знает.

- Я так и думала! Ты ему рассказала?

- Да, перед свадьбой.

- Долг?

- Можешь назвать это так.

- А кто еще знает?

Я поколебалась и сказала:

- Бомонт Гранвиль!

Она с изумлением уставилась на меня:

- Бо знает?

- Карлотта, поэтому я и решила, что ты немедленно должна все узнать. Я не хочу, чтобы ты встречалась с этим человеком!

- Что ты имеешь в виду? Тебе не нравится наша дружба?

- Он нехороший человек, он очень зол и испорчен!

Я увидела, что лицо ее принимает жесткое выражение. Нежность, что была на нем несколько мгновений назад, быстро испарилась.

- Ты возненавидела его с того самого момента, как увидела на рынке, сказала она.

- Я возненавидела его задолго до этого: я встречалась с ним раньше! Он был в Венеции во время твоего рождения!

- Но почему?

- Он искал приключения, я думаю, занимался тем же, чем всю свою бесполезную жизнь!

- Как ты можешь говорить о нем так? Он сделал множество полезных дел, когда-то он служил в армии!

- Уверена, он просто очарователен в военной форме!

- Пожалуйста, не надо смеяться над ним!

- Он очень плохой человек: он пытался похитить меня в Венеции! Ли тогда избил его, и у него до сих пор остались шрамы. Это его жизнь: он соблазняет девушек, в большинстве своем молодых и невинных!

- Я понимаю его! - призналась Карлотта. - Он столько рассказывал мне о своей жизни! О да, у него были любовные интриги, было множество женщин! Понимаешь, они сами увивались вокруг него и он не мог отказать им, боясь ранить их чувства! Ведь они так настаивали! Но теперь он с этим покончил!

- С каких это пор?

- С тех пор, как мы встретились!

- Ты пытаешься сказать мне...

- Я хочу сказать тебе, - перебила она, - что люблю его, а он влюблен в меня!

- Он влюблен в твое состояние, об этом ты не думала?

- Он никогда не заговаривал о моем богатстве.

- Зато со мной он поделился своими планами! Она непонимающе посмотрела на меня.

- Он..., говорил с тобой?

- Да, - ответила я. - Ему нужно твое состояние! Он только кажется богатым, а на самом деле ему очень нужны деньги, и ты в этом ему очень понадобишься!

- Это глупо!

- Да, с твоей стороны, с его же это весьма умно!

- Как ты ненавидишь его! Это потому, что я люблю его?

- Нет, моя ненависть гораздо старше'.

- Потому что он когда-то любил тебя?

- Карлотта, он не любит никого на свете, кроме себя самого! И любит себя он так сильно, что все остальное просто теряет значение!

- Значит, ты виделась с ним и, подумав, что он может рассказать мне о Венеции, решила опередить его? Когда ты была в Венеции, ты сказала ему, что вскоре у тебя появлюсь я?..

- Я не говорила ему этого, я вообще не говорила с ним..., в Венеции. Меня похитили с бала-маскарада, к счастью, рядом оказался Ли, который спас меня.

- Тогда кто ему рассказал об этом?

- Он узнал как-то, но не знаю, как. Может, у него были люди, которые работали на него? Я так этого и не выяснила.

- И ты ненавидишь его за то, что ему все известно?

- Не за это..., за многое другое!

- Тогда тебе лучше примириться с ним, потому что я собираюсь выйти за него замуж!

- Нет, Карлотта! Это невозможно! Ты слишком молода для замужества! Боже мой, дитя, да тебе нет еще и пятнадцати!

- Многие выходят замуж в пятнадцать лет: принцессы, королевы...

- Здесь совсем другое дело!

- Почему? Ты любила моего отца, а я люблю Бо!

- Но он старше тебя! Он, по меньшей мере, на двадцать лет тебя старше!

- Да хоть на сорок! Он самый прекрасный мужчина, что я когда-либо видела, и я выйду за него замуж!

- Нет, Карлотта! Ты не можешь выйти замуж без родительского согласия!

- Очень шаткий аргумент, учитывая, что я только сейчас узнала, кто мои родители! Ты

только что призналась, что ты - моя мать!

Это глубоко ранило меня, будто все эти годы я совсем не обращала внимания на нее!

- Карлотта, пойми меня: все, что я делаю, только ради твоего же блага! Ты не можешь выйти замуж за этого человека... - я ухватилась за первую попавшуюся возможность. - .., пока что!

- И сколько ты хочешь, чтобы я ждала? - сразу спросила она.

- Пока тебе не исполнится шестнадцать!

- Это слишком долго!

- По меньшей мере, шесть месяцев, - уступила я.

Это она вроде бы приняла. "Время, - подумала я. - Время нам поможет! Есть еще надежда!"

- Хорошо, - сказала она. - Шесть месяцев мы, может, сможем подождать!

Я ужасно устала и была глубоко несчастна: случилось то, чего я больше всего опасалась. Но хоть она теперь знала все! Как будто камень упал с моих плеч!

Я пошла к Харриет и сказала:

- Я все рассказала Карлотте, и теперь она знает! Харриет кивнула.

- Это хорошо! - сказала она.

- А теперь, Харриет, я хочу вернуться в Эверсли, я больше не могу оставаться здесь и дня!

Она с пониманием взглянула на меня, что бывало очень редко.

- Мы уезжаем завтра же, - сказала она.

На следующий день мы отправились в Эверсли. Карлотта хмурилась и почти не разговаривала со мной. "Во всяком случае, - подумала я, - какое-то время она не будет с ним встречаться. Естественно, Харриет не приглашала его в Эйот Аббас, а я уж прослежу, чтобы в Эверсли он не появился".

Сначала мы заехали в Эйот Аббас, и меня очень опечалило, когда Карлотта сказала, что пока она побудет там, а в Эверсли приедет попозже. Я одна вернулась в наш замок.

Теперь мне придется рассказать матери о рождении Карлотты. Тайна уже была раскрыта, и я хотела, чтобы она услышала рассказ сначала от меня.

Увидев меня, мать встревожилась. Она сказала, что я не очень хорошо выгляжу: не засиживалась ли я в Лондоне допоздна? Я сказала ей, что я подвернула там ногу, и она решила позвать Салли Нулленс, чтобы та взглянула на нее.

Салли потыкала ногу, покачала головой и сказала, вот к чему приводят всякие поездки. Но, как ей кажется, с ногой все в порядке, и, чтобы успокоить ее и мать, я клятвенно пообещала, что не буду много ходить некоторое время.

Мать проводила меня в спальню, и это дало мне возможность остаться с ней наедине. Разговор я начала так, как и с Карлоттой.

- Я должна кое о чем с тобой поговорить! Она сразу взволновалась:

- В чем дело, моя дорогая? От ее нежного голоса на мои глаза навернулись слезы. Я поспешно смахнула их.

- Боюсь, это будет большим потрясением для тебя, - сказала я. - Мне было стыдно, что я храню все это от тебя в секрете, но я боялась признаться. Я боялась причинить тебе боль!

Она выглядела изумленной до глубины души:

- Моя дорогая, ты заболела? Прошу тебя, не тяни! Разве ты не видишь, что пугаешь меня?

- Нет, я не больна, но много лет назад со мной кое-что произошло: у меня родился ребенок! Она недоверчиво посмотрела на меня.

- Карлотта - моя дочь! - быстро промолвила я и рассказала ей все: как я любила Джоселина, как мы хотели пожениться и как его забрали от меня.

- О, мое милое дитя! - воскликнула она. - Тебе следовало бы обратиться ко мне, это я должна была присматривать за тобой!

- Харриет предлагала это.

- Харриет! - В глазах ее мелькнула вспышка гнева. - Вмешалась Харриет! Я и ты тихонько уехали бы в какую-нибудь маленькую деревушку, на север, туда, где нас не знают! Харриет! Венеция! Как это похоже на нее!

- Я очень благодарна ей! Она мне так помогла, когда притворилась, будто Карлотта - ее ребенок!

- Сумасшествие, типичная мелодрама!

- Это лучше, чем отдавать ребенка приемной матери, как часто поступают в таких случаях!

- Я бы что-нибудь придумала, мы бы удочерили ее! Я бы сделала так, чтобы она вошла в нашу семью!

- Я знаю, ты бы помогла мне, но мне казалось, что лучше будет поступить иначе. Я рассказала все Карлотте, когда мы были в Лондоне.

- А Ли?

- Ли знает. Он знал об этом еще до того, как мы поженились: я рассказала ему.

- Слава Богу! А я расскажу твоему отцу.

- Сомневаюсь, что это будет интересно ему!

- Конечно же, его порадует это: Карлотта - его внучка!

- Он никогда не проявлял ко мне особого интереса.

- Он проявлял, просто по-своему!

- Тогда скажи ему, если хочешь. Какое облегчение, что ты все знаешь!

- Так вот почему Карлотте досталось это наследство! Это от семьи ее отца?

Я кивнула. Она взяла мою руку и нежно пожала.

- О, Присцилла, когда ты была маленькой, мы были так близки друг другу!

- Потому что мой отец отвергал меня. Да, просто не обращал внимания: я была девочкой, а ему нужен был мальчик, который был бы похож на него. Я всегда это знала, и это очень повлияло на меня. Я любила навещать Харриет, где Грегори всегда был ко мне так внимателен. Он часто показывал мне всякие картинки и рассказывал разные истории. Однажды я сказала ему: "Как бы мне хотелось, чтобы ты был моим отцом". А он ответил: "Тише, ты не должна так говорить!" Я спросила: "Почему? Ведь это правда, а мы должны говорить правду". И, как ты думаешь, что он ответил на это? "Ты не должна говорить ту правду, которая причиняет людям боль!" Тогда я сказала: "Моему отцу не будет больно, потому что он не хотел меня".

Она обняла меня.

- Я не знала, что он для тебя столько значит! - сказала она.

- Мне все равно.

- Не правда, моя милая доченька, он тебе совсем безразличен! Тебе следовало обратиться к нам, когда ты попала в беду. О, если бы ты пришла ко мне!

- Мне показалось, что лучше довериться Харриет, и она сразу так заинтересовалась, и

Грегори тоже. - Сказав это, я рассмеялась, может, немного истерично. - Кажется, тебя больше заботит, что я пошла к Харриет, чем то, что в пятнадцать лет я родила ребенка, у которого не было отца?

- Все хорошо, - успокаивающе произнесла она. - Теперь все прошло! Я рада, что ты сказала мне:

Карлотта - моя внучка, как и маленькая Дамарис! Не будет больше страхов и тайн. Мы должны позабыть беды и научиться быть счастливыми. Это очень беспокоило тебя и беспокоит до сих пор: я вижу это по твоему лицу!

Но как я могла поведать ей настоящую причину моего беспокойства? Смогу ли я когда-либо рассказать ей, что произошло, когда она в лихорадке лежала в одной из гостиниц Дорчестера?

Тем же вечером она все рассказала отцу. Он ничего не сказал мне, но я заметила, что он задумчиво поглядывает на меня, так, будто теперь увидел в другом свете. Я могла представить, что он сейчас думает, - его дочь, которую он едва замечал, оказалась женщиной и, может быть, унаследовала что-то от своего отца: когда она еще училась, у нее появился возлюбленный и она родила ребенка!

Я воображала, что теперь он будет проявлять ко мне больше внимания, чем прежде, но он чуждался меня, как всегда.

Наступило Рождество, и, как обычно, Харриет и Грегори с Бенджи и Карлоттой проводили этот праздник с нами. Мне очень хотелось снова увидеть Карлотту, и меня обидело до глубины души ее холодное приветствие. Она винила меня в том, что я не поняла ее любовного увлечения.

Дом был украшен в обычной манере - падуб, плющ и некоторые другие зеленые растения. Приехали музыканты, а Харриет поставила пьесу, в которой мы все принимали участие.

О Бомонте Гранвиле даже не упоминалось, и, если бы не холодность Карлотты по отношению ко мне, я бы могла подумать, что все забыто. Я заметила, что отец наблюдает за Карлоттой, легонько улыбаясь. Я думаю, он был горд, что у него такая красивая внучка.

Я очень скучала по Ли, который в этот раз отсутствовал слишком долго. Он все еще был на континенте, где наш король участвовал в разделе испанского наследства, тогда как Людовик XIV отчаянно пытался сохранить корону Испании для своего внука. Это дело было очень важно как для Англии, так и для Европы, и Вильгельм в Голландии держал свои войска в боевой готовности: Ли командовал одной ротой, Эдвин - другой. Мы не знали, когда разразится война, но пока они были вне опасности.

Я долго думала о своем замужестве. Оно никогда не было идеальным, но я любила Ли, а Ли любил меня, и я знала, что винить во всем надо меня одну. Я не могла забыть Бомонта Гранвиля. Часто, когда Ли обнимал меня, передо мной вставало насмешливое лицо этого человека, и мне казалось, будто тело моего возлюбленного мужа преобразается в его тело. Бомонт Гранвиль не просто избил и унизил меня той ночью - он навеки оставил шрамы в моей душе. Это было той страшной ценой, которую я заплатила за жизнь отца.

Порой мне хотелось признаться Ли, объяснить ему мои чувства. Во мне не угасла страсть, как ему иногда казалось, просто я не могла забыть Гранвиля.

Я была уверена, что, если бы только я смогла заставить себя сказать ему, он бы понял. Он бы помог мне преодолеть этот барьер, который я сама воздвигла между нами. Он был

страстным человеком, и эти долгие разлуки были опасны. Ведь даже когда мы были вместе, наша связь была неполной и не приносила нам удовлетворения. Я опасалась, что в один прекрасный день он может отвернуться от меня. О, какую цену я заплатила за жизнь отца! А теперь... Карлотта!

Минуло Крещение. Мы, как всегда, сделали большой торт, а колечко в нем досталось Харриет, которая стала королевой той ночи, и она заставила нас разыгрывать всякие сценки под ее руководством. Я г тоской думала о том, как бы я наслаждалась этой ночью, если б со мной был Ли и если бы я никогда не встречалась с Бомонтом Гранвилем.

На следующий день после Крещения Карлотта исчезла. Я никогда не перестану благодарить Бога за то, что мы обнаружили ее отсутствие почти сразу после того, как она уехала. Эмили Филпотс пошла в ее комнату, чтобы забрать юбку, которую она вышивала для нее, и обнаружила, что Карлотты нет. Эмили обыскала весь дом и, к счастью, на лестнице столкнулась со мной.

- Я только что была в комнате у мисс Карлотты, - сказала она.

- Она еще спит?

- Нет, ее там нет! Интересно, где она может быть в такой ранний час?

Карлотта не любила вставать рано утром, поэтому мне показалось странным, что она уже поднялась. На завтрак мы спускались вниз, когда хотели, и сами брали из буфета все, что нужно, за исключением Харриет, которой приносили чашку с шоколадом прямо в постель. Я спустилась вниз в восемь, но Карлотты там не увидела!

Меня охватили мрачные предчувствия, и я решила подняться к ней в комнату. К моему облегчению, я увидела, что в кровати ночью спали, значит, она уехала рано утром.

Я вышла в сад. У "клумбы с привидениями" уже трудился Джаспер. Я остановилась, чтобы перекинуться с ним парой слов. Он сказал, что погода необычная, слишком уж тепло, а чтобы сохранить луковицы цветов, нужно немножко снега.

- И куда только мир катится? - печально покачал он головой.

- Ты имеешь в виду, что в январе нет снега?

- Испорченный это мир! - продолжал он. - Люди еще заплатят за свои грехи, всем воздается!

- Какие мрачные мысли! - ответила я. - Все мы не без греха, и даже за тобой, Джаспер, существует кое-что!

- Я служил Господу, как мог, - мрачно ответил он.

- А тебе не приходило в голову, что все остальные тоже так поступают? Вот только у нас с Богом могут быть разные понятия о праведности!

- Ты всегда любила извращать смысл слов: я помню тебя еще совсем маленькой.

- Что ж, Джаспер, мы такие, какими создал нас Господь, как, впрочем, ты и сам знаешь, и, если мы не нравимся ему такими, какие мы есть, что ж..., ему не следовало создавать нас такими!

- Я не слушаю богохульств, мисс! Грешно прислушиваться к тому, что может оскорбить Господа! Кроме того, у меня слишком много работы: здесь такое осталось после той кареты! Мокро ведь и сыро, прямо борозды прошли по траве!

- И когда это было?

- Ну, не вчера. Тогда не было дождя, но вот ночью был настоящий ливень!

Я дошла с ним до конца дорожки и увидела следы кареты. Внезапно меня охватил ужас. Этим утром, совсем рано, сюда подъезжала карета! Но за кем? За Карлоттой?

Я кинулась к Харриет. Она спала, а рядом с ее постелью стояла пустая чашка из-под шоколада.

- Харриет! - крикнула я. - Харриет, проснись! Она открыла глаза и уставилась на меня.

- Ты не знаешь, где может быть Карлотта? - спросила я.

Она непонимающе мотнула головой и зевнула.

- Она уехала! - воскликнула я. - Этим утром сюда приезжала карета! Ты видела Карлотту? Что она тебе сказала? Что происходит? Я должна знать!

Она села на постели.

- Понятия не имею, где она может быть, - сказала она. - Я ничего не знаю!

Я не сомневалась в том, что она говорит правду. Я впала в отчаяние: Карлотта сбежала, и я догадывалась, с кем!

Я расспросила слуг: никто не видел, как она выходила. Элен сказала, что примерно в семь часов ей послышался шум кареты, но она была не уверена в этом.

Подтвердила мои опасения Амелия Гарстон. Когда я спросила ее, не видела ли она Карлотту, в глазах ее промелькнула искорка. Я догадалась, что Карлотта доверилась ей, и я заставила ее все рассказать мне, несмотря на слова, что она обещала не делать этого.

Карлотта сбежала! Рано утром за ней приехал Бомонт Гранвиль: у ворот ее поджидала его карета. Они направлялись в Лондон, где собирались пожениться!

Я думала, что мы не успеем. Я настояла на том, чтобы ехать немедленно. Мы - мой отец, Грегори и я - взяли самых быстрых лошадей. Я была рада тому, что отец поехал, потому что знала: он сможет справиться с Бомонтом Гранвилем! Грегори, который всегда был Карлотте как отец, я - ее мать и ее дед обладали кое-каким влиянием. Кроме того, мой отец вновь стал вхож во дворец, и его присутствие могло значительно помочь нам. Я сомневалась, что такой человек, как Бомонт Гранвиль, очень уж симпатичен королю.

Вскоре на горизонте показался Лондон. Это был туманный день, в воздухе висела морось: торчали лишь башни да шпили города. Расстояние показалось мне длиннее, чем оно было на самом деле, и я уже начала испытывать безысходное отчаяние, когда внезапно на нас обрушилось счастье: посреди дороги, меньше чем в миле от Лондона, стояла карета Гранвиля. Одно ее колесо провалилось в яму, и кучер отчаянно пытался вытащить его.

- Слава Богу, - вскричала я, - мы успели! Отец взял переговоры на себя и подошел к карете.

- Добрый день, сэр! - сказал он. - Что вы здесь делаете в такое хмурое утро? Попали в яму? И это справедливо: вы, сэр, не имели никакого права увозить эту молодую леди из ее дома!

В окошке кареты появилась Карлотта. Я увидела отчаяние, написанное на ее лице. Она вспыхнула и выкрикнула:

- Никто меня не увозил! Я уехала по своей воле!

- Но ты вернешься вместе с нами, пусть даже не по своей воле! - сказал отец.

Она сжала кулачки, но я видела, что она колеблется. Она всегда боялась моего отца, хотя он был гораздо мягче с ней, чем со мной. Их влекло друг к другу: она обладала необузданным, пылким и своевольным нравом, он был таким же.

Выглянул Бомонт Гранвиль, как всегда, вежливый и невозмутимый.

- Я мог бы объяснить... - начал было он.

- В этом нет нужды, - перебил его мой отец. - Мне все и так ясно!

- Мои намерения абсолютно честны! Я предложил руку и сердце, на что был дан положительный ответ!

- Вы должны были подождать! - выкрикнула я. - Таково было наше соглашение!

- Вы обращаетесь со мной, будто я еще из колыбели не вылезла, - сказала Карлотта.

- А ты так себя ведешь, - буркнул мой отец. - Давай, залезай на мою лошадь! В ближайшей таверне мы подыщем тебе что-нибудь.

- Но это было желание молодой леди... - снова заговорил Бомонт Гранвиль.

- Сэр, вы знаете, каково наказание за похищение детей?

- Я уже не ребенок! - закричала Карлотта.

- Ты еще не достигла совершеннолетия, а значит, находишься под родительской опекой!

Я не шучу, я мог бы подать на вас в суд, сэр! У меня есть кое-какое влияние, и сейчас такие выходки совсем не поощряются!

Бомонт Гранвиль, казалось, смирился.

- Я останусь с тобой, Бо! - сказала Карлотта.

- Ты поедешь назад, в Эверсли, - возразил мой отец, - и хватит об этом!

Бомонт Гранвиль с сожалением посмотрел на карету.

- Нам не повезло! - сказал он Карлотте. - Не случись этого, мы бы сейчас уже были женаты, и тогда бы они ничего не смогли сделать!

Карлотта чуть не расплакалась, но я увидела, что мой отец подавил ее волю. Грегори не сказал ничего: в подобных случаях от его мягкости было мало пользы.

Бомонт Гранвиль пожал плечами и обратился к отцу:

- Прошу прощения, сэр, что причинил вам неудобства, но вы-то знаете, что это значит - любить!

Он повернулся к Карлотте. Она подошла и встала рядом с ним. Я почувствовала страх, меня вновь охватили ужасные воспоминания. Гранвиль что-то прошептал ей на ухо, и она покраснела. Он взял ее руку и поцеловал, потом она подошла к моему отцу.

Мы тронулись. Карлотта сидела на огромном черном коне отца. Бомонт Гранвиль стоял у обочины дороги, со злостью наблюдая за бесплодными попытками кучера вытащить карету из грязи.

УБИЙСТВО В ЭНДЕРБИ

Всю дорогу Карлотта молчала, погруженная в свои думы, а когда я заговаривала с ней, отвечала односложно. Я чувствовала, что она винит меня в том, что ее счастье теперь разбито.

Когда мы приехали в Эверсли, Харриет ждала нас на пороге. Карлотта подбежала к ней и бросилась в ее объятия. Я почувствовала, что волны ревности охватывают меня. Карлотта все время говорила мне, что Харриет - ее настоящая подруга, Харриет никогда бы не поступила так жестоко с ней.

Мне так хотелось сказать ей, что я очень люблю ее, что более всего на свете я хочу спасти ее из сетей этого человека, который доказал свою жестокость на мне и нагло признал, что охотится лишь за ее наследством. Но как я могла раскрыть ей глаза? Я могла сделать это, только рассказав о той ночи, последствия которой я буду ощущать всю жизнь.

Моя бедная, невинная, обманутая Карлотта! Она считала, что знает так много, а на самом деле понимала так мало! Она избегала меня. Мое сердце разрывалось от горя, я не могла ни есть, ни спать. Мать наблюдала за мной с растущим беспокойством.

- Моя милая Присцилла! - сказала она. - Ты не должна принимать это близко к сердцу!

Она еще молода и простит тебе все. Конечно, он не пара ей, и она забудет его через пару недель, так всегда бывает с девушками. Если бы здесь был Ли, - добавила мать, - он бы успокоил тебя! Мне никогда не нравились его долгие отлучки: так счастливой семьи не построишь!

- Он собирается покинуть армию. Мы уже говорили о том, чтобы взять Довер-хаус и подкупить земли.

- Прекрасная мысль! Я попрошу отца написать ему и сказать, чтобы он уходил из армии как можно быстрее!

- Он уйдет, я знаю, как только его срок подойдет к концу.

- А теперь ты должна перестать бояться за Карлотту! Отец сказал, что этот человек - охотник за богатыми девицами и уже участвовал в одной или двух скандальных историях!

- Он прав, естественно, Гранвиль не пара Карлотте!

- Я понимаю твои чувства! Но как он настоял на том, чтобы она сбежала?

- Она так упорна в своих решениях, я боюсь за нее!

- Но ты вернула ее! Она поймет, что должна подождать! Ожидание в таких случаях очень полезно: когда ты молода, пыл быстро утихает!

Я подумала, что мы ни в коем случае не должны позволять им встречаться, и она забудет его. Здесь Бенджи, и для них большая новость, что они не брат и сестра.

Я полюбила прогулки в одиночестве. Мне трудно было поддерживать легкие разговоры, я думала лишь об одном и почти не слышала того, что мне говорили. Я часто спускалась к морю или уезжала на лошади в лес, все время уверяя себя, что Карлотта обо всем забудет, что это было мимолетное увлечение.

Через несколько дней, когда я поехала на такую прогулку, то вдруг обнаружила, что очутилась неподалеку от Эндерби-холла, который пустовал с тех самых пор, как умер Роберт Фринтон. Теперь он принадлежал Карлотте, но после похорон Роберта он стоял запертым, и были даже разговоры о его продаже.

Мне никогда не нравился этот дом. В нем было что-то мрачное, но почему-то он притягивал меня. Глупо было утверждать, что он приносит несчастье. Дома не могут приносить несчастье, но в нем случилась смерть и в свое время разыгралась ужасная трагедия. Да и Роберт недолго наслаждался своим пребыванием здесь.

Следуя мимолетному желанию, я подъехала к дому по дорожке. Я заметила, что кусты заметно подросли и начали терять форму. Надо будет прислать сюда Джаспера, чтобы он поухаживал за садом.

Я приподнялась в стремени, посмотрела на дом и вдруг в одном из окон заметила какое-то движение, чью-то руку на занавеске. В доме кто-то был, и сейчас он выглядывал из окна.

Сначала я хотела развернуться и ускакать, но почему-то продолжала стоять и наблюдать за окнами. Занавеска снова опустилась на прежнее место. В доме явно кто-то был.

Я не верила в привидения и с тех пор, как со мной случились эти несчастья, меньше стала волноваться за себя. Мне пришло в голову, что там может прятаться какой-нибудь отчаявшийся человек или беглец от закона. Было бы разумно вернуться в Эверсли и привезти с собой кого-нибудь, чтобы осмотреть дом, но вместо этого я спешила, стреножила лошадь и пошла к дому.

Когда я толкнула дверь, та распахнулась, что было очень странно: ведь дом должен быть заперт! Я вошла в холл. Передо мной раскинулась лестница, на которой та бедная женщина

пыталась повеситься. Мрак и ужас этого дома сомкнулись вокруг меня, подобно туману. "Уходи, сейчас же уходи!" - призывал меня здравый смысл.

Но пока я стояла так, я услышала какой-то шум наверху, шаги, шорох, тихо открылась дверь. Сердце мое быстро забилося, я задрожала. Что меня ждет впереди? Я стояла посреди холла, готовая кинуться прочь.

На лестнице появилась чья-то фигура. Это был Бомонт Гранвиль!

- Вы! - воскликнула я.

- Добро пожаловать! - сказал он. - Я догадывался, что вы нанесете мне визит. Я увидел вас из окна.

- Значит, это были вы?

- Да, у меня обыкновение вторгаться в вашу жизнь, не правда ли?

- Я молюсь Богу, чтобы вы оставили меня в покое!

- Не так легко будет Богу справиться с этим, так как я все-таки собираюсь жениться на вашей дочери!

- Этого никогда не будет, мой отец ясно это показал!.

- Но вы же не думаете, что я так быстро отступлю от своего?

- Вы должны уехать отсюда!

- Чуть попозже и с Карлоттой! Я подумал, а может, нам отправиться в Венецию? Это будет довольно пикантно, как вы считаете?

- Вы помните те шрамы, что остались у вас после прошлого посещения Венеции? Как бы у вас их не прибавилось!

- Я подам в суд на всякого, кто нападет на меня за то, что я женился на своей жене!

- Она никогда не будет вашей женой!

- Вот здесь вы ошибаетесь, моя чопорная Присцилла! У девочки страсть ко мне! Вы должны помнить, у меня к женщинам особый подход, передо мной невозможно устоять. Ведь вы же не смогли устоять, а? Это вам лучше быть поосторожнее! Я испытываю к вам чувство привязанности, потому что мы провели вместе такую прекрасную ночь, но я могу и рассердиться! Держитесь подальше от меня! Карлотта и я поженимся, и вы не сможете помешать мне!

- Что вы делаете здесь, в этом доме?

- Да, в ее доме, а вскоре это будет наш дом!

- Как и все состояние, по вашим расчетам?

- Но ведь именно мужчина в семье распоряжается деньгами, вы и сами это прекрасно знаете.

- Пожалуйста, прошу вас, уезжайте! Она еще так молода, а вы уже в возрасте, вы стары!

- Я опытен, - поправил он меня, - и ей это нравится!

- Неужели вы не обладаете ни малейшим чувством стыда?

- Нет, - ответил он. - Нисколько!

- Что вы собираетесь делать?

- Вы приехали сюда, чтобы выведать наши тайны? Я с ума схожу от любви к Карлотте!

- И к ее богатству!

- Это тоже входит в секрет ее очарования! Я схожу с ума по всему этому, но притом я в весьма здравом рассудке!

Я почувствовала отчаяние при виде своего бессилия. Что я могла сделать? Чего я не могла делать - так это выносить его присутствие, стоять здесь, разговаривать и смотреть на

его насмешливое лицо. Я повернулась и направилась к лошади.

Домой я ехала в полуобмороке. Я должна была что-то предпринять, но что?

Выход был один: ничто не могло спасти Карлотту, кроме смерти Бомонта Гранвиля. Что бы ни случилось, он всегда будет виться вокруг нее, он не отступит. Он околдовал ее и должен умереть!

Странно, но, когда я так решила, я сразу почувствовала себя лучше. Я прошла в оружейную. Я часто смотрела, как Карл и Бенджи тренируются в стрельбе из ружей, и иногда сама присоединялась к ним.

- Неплохой выстрел для девочки! - удивился однажды Ли.

"Это единственный способ", - твердила я себе. Я выбрала маленький пистолет: раньше я им уже пользовалась, он был моим старым другом. Я отнесла пистолет в мою комнату и спрятала в ящик.

Смогу ли я сделать это? Смогу ли совершить убийство? Я думаю, при определенных обстоятельствах каждый смог бы убить человека, если это единственный выход из ситуации.

Скоро все будет кончено. Я пойду в дом, позову его, и он будет стоять на лестнице. Все, что мне надо сделать, это поднять пистолет и выстрелить в него. Это будет конец всему, и только так можно спасти Карлотту от будущего отчаяния!

У меня был долг перед ней: она не принадлежала мне, когда родилась, я позволила другой женщине забрать ее у меня. Теперь я должна спасти ее от этого насильника и негодяя, ибо мне нетрудно было представить, что он сделает с ней.

То, что он сделал со мной, навсегда ранило меня. Тогда я пошла к нему ради моего отца, а теперь пойду - ради Карлотты.

Теперь я чувствовала себя значительно лучше, но надо было прожить еще целый день. Он казался мне таким долгим.

Днем я столкнулась на лестнице с отцом. Он проводил меня внимательным взглядом, будто что-то заинтересовало его. Если и так, то это было впервые.

- Ты плохо выглядишь, - сказал он.

- Я удивлена, что ты заметил это, - ответила я.

- Заметил: ты боишься за свою девочку? Я не ответила. Отец взял меня за руку и повел в комнату, которая была его кабинетом, где он обычно занимался вопросами наших владений. Он с доброй улыбкой посмотрел на меня.

- Она может постоять за себя, - сказал он. - У нее есть воля. Если она хочет выйти замуж за этого человека, она выйдет, и ты ничего с этим не сможешь поделать!

- Кое-что смогу! Я могу помешать этой свадьбе и сделаю это!

- Мы можем разлучить их на время, но это может и не помочь. Карлотта очень решительная девушка!

- А Гранвиль твердо решил завладеть ее деньгами!

- У него неважная репутация, но порой все меняется. Иногда человек отбрасывает старое и живет нормальной жизнью!

"Это он о себе!" - подумала я, но сказала:

- Только не этот человек! Мне известно кое-что про него.

- Слухи многое преувеличивают.

- Ты сказал, что мы разлучим их. Так вот, ничего не вышло: он в Эндерби-холле! Я видела его там сегодня утром!

Отец расхохотался.

- Конечно, в ее доме! Что ж, если он находится там, значит у него есть на это право! Ты всегда жила замкнутой жизнью, наслышалась о нем всяких россказней и навела переполох в доме! Но если уж Карлотта остановила свой выбор на нем, а он на ней.., что ж, пусть женятся! Это будет для нее уроком, она попробует жизнь!

- Ты не знаешь, какой он человек!

- Послушай, дочь! В юности у всех мужчин бывают приключения! Не думаешь ли ты, что они ведут себя, как монахи?

Но тут я не выдержала и закричала:

- Я знаю этого человека! Ты помнишь, как тебя бросили в грязную тюрьму в Дорчестере? А помнишь, как тебя потом отвели в отдельную камеру, а на следующее утро освободили?

Он с удивлением посмотрел на меня.

- Конечно, помню! Этого я никогда не забуду, но как это связано?..

- Так! - выкрикнула я, - Как, ты думаешь, купили твою свободу? Я заплатила за нее этому человеку! Я, твоя дочь, которую ты всегда презирал! Я пошла просить за тебя, а там был он... Гранвиль был другом Джеффриза и согласился помочь освободить тебя, если я... - Я закрыла лицо руками. - Ты даже представить себе не можешь, на что это было похоже! Этот человек... Как я могу описать тебе все это? Ты видишь в нем нормального человека, я же говорю тебе, что он способен на любое зло!

Он отнял руки от моего лица.

- Ты... - сказал он. - Ты пошла на это ради меня? О, Боже! Так вот, почему.. Все это время я искал моего благодетеля, а им оказалась моя собственная дочь!

- Да, - ответила я, - дочь, которой не придавалось ровно никакого значения.., дочь, которая не смогла быть сыном!

Он молчал. Я увидела, как исказилось его лицо. Это было раскаяние.., да, раскаяние за все прошлые годы!

- Присцилла... - нежно промолвил он. Я не ответила, я чувствовала, что с меня довольно. Я исчерпала себя и думала только о пистолете, что лежал у меня в ящике.

Это был день множества событий. Вернулся домой Ли. Я бросилась в его объятия, и он поцеловал меня, внимательно оглядев.

- Прошло столько времени! - сказала я.

- Я приехал, как только смог. Все кончено, с этого дня я буду дома! Но, моя дорогая, ты похудела.., и так бледна! Ты болела?

- Ничего, скоро все будет в порядке. Мать была очень обрадована его приездом.

- Ли, как это прекрасно! - воскликнула она. - Я так ждала, когда же ты, наконец, вернешься. Присцилла рассказывала нам о твоих планах насчет Довер-хауса!

И она помчалась на кухню: должен быть приготовлен стол! Она, должно быть, думала, что теперь, когда Ли дома, все уладится.

Я пребывала в расстроенных чувствах, продолжая думать о пистолете в ящике. Что же мне теперь делать? В конце концов, я выдала свою тайну, мой отец знал, и с тех пор, как я убежала из его комнаты, я не видела его.

Ли сразу догадался, что что-то случилось. Я не слушала его, я не могла думать ни о чем другом, кроме Бомонта Гранвиля. Разговор с отцом вновь вернул меня к тем временам. Но

теперь тайна была раскрыта, она вышла на поверхность, и когда я осталась наедине с Ли, когда он обнял меня и напомнил, как долго мы не виделись, сказал, что думал только обо мне, - даже тогда я почти не слышала его. Я не могла ответить ему: тень Бомонта Гранвиля часто вставала между нами, но никогда я не ощущала его присутствие так, как сейчас.

- Ты должна рассказать мне, что происходит, Присцилла! - сказал он мне. Ты встретила кого-то другого? Ты любишь другого? Ведь здесь кто-то есть, да?

- Да, Ли, ты прав, - ответила я и увидела, что в глазах его промелькнула боль.

- Я знал это! - воскликнул он. - Я с самого начала подозревал это! Он стоял между нами!

- Это не любовь, Ли, - сказала я. - А ненависть... Я поняла, что должна признаться ему во всем.

Может быть, мне раньше надо было сказать ему, как только мы поженились.

- Я должна все рассказать тебе, Ли, - сказала я. - Сегодня я уже говорила с отцом. Все эти годы я хранила тайну, она казалась мне такой постыдной!

- Присцилла, дорогая моя, я люблю тебя! Что бы там ни было, это не имеет никакого значения! Расскажи, и мы забудем, и тогда ничто уже не будет стоять между нами!

Так я рассказала ему все, что до этого рассказала моему отцу. Я увидела, как его лицо омрачила ярость.

- Этот человек! Этот человек из Венеции!

- Он не забыл., и не простил! У него остались шрамы после той встречи с тобой. О, Ли, если бы ты знал!

- Ты вела себя так отважно! - сказал он, - Ты была такой смелой, моя дорогая!

- Я спасла жизнь моему отцу: они отпустили его на следующий день.

- Это было благородно! Ты пожертвовала собой ради него!

- Но той ночью не кончилось: с тех пор это осталось со мной. Переживания той ночи вставали между нами... А теперь - Карлотта! О, Ли, это медленно убивает меня!

- Он не женится на Карлотте, мы остановим его!

- Как? Каким образом?

- Мы расскажем ей об этом!

- Я не переживу этого, она никогда не поймет! Он нежно поцеловал меня.

- Моя дорогая, - сказал он, - ты перенервничала! Это было ужасное испытание!

- Но как мы остановим его? Он сейчас здесь, в Эндерби, в ее доме! О, неужели ты не понимаешь? Он убедит ее бежать с ним! А как только они поженятся...

- Этого не будет! Теперь я буду заботиться о тебе! Наконец-то мы вместе, как и должно было быть с самого начала! Теперь тебе не придется в одиночку выносить это!

- Я так рада, что ты все знаешь! Это была ужасная ноша! Я не могла забыть это, даже когда мы были вместе.

- Я знаю.

- Я боялась, что ты отвернешься от меня!

- Никто в этом мире не в силах отнять тебя у меня! Ты была мне послана судьбой!

Я позволила немного успокоить себя, но все время думала о пистолете в ящике. Я хотела рассказать Ли, но чувствовала, что он отберет его у меня, если узнает.

Ли был сама нежность, но что-то он замышлял. Меня всегда пугали мысли о том, что он сделает, если узнает. Он не должен был пострадать от этого.

- Ли, я так устала! - сказала я. - Я вся измотана.

- Моя милая, - мягко ответил он, - тебе столько всего пришлось перенести, но сегодня

твоим мукам придет конец! Тайна вышла наружу, и твой отец и я решим, как нам следует поступить!

Я не ответила.

- Ложись в постель, - сказал он. - Тебе надо отдохнуть, мы поговорим позже.

Я послушалась его, чувствуя желание остаться наедине со своими мыслями.

- Куда ты собираешься, Ли? - спросила я.

- Хочу поговорить с твоим отцом. Я кивнула, а он поцеловал меня.

- Ты так устала! Постарайся поспать, отдыхай, моя любимая. Ты почувствуешь себя лучше!

Я отпустила его и действительно прилегла. В комнату начали пробираться тени. Дом, казалось, погрузился в полную тишину. "Затишье перед бурей", подумала я, но тут же очнулась. Что я здесь лежу? Мой отец и Ли - суровые мужчины. Они заставят Бомонта Гранвиля заплатить за все страдания, что он причинил мне. Они пойдут к нему с кнутами и избьют его, как когда-то Ли, до полусмерти. А Карлотта возненавидит их и не поверит ни единому слову!

Но пока Бомонт Гранвиль жив, Карлотта обречена. Я решилась. И то, что теперь отец и Ли знают мою тайну, ни в коей мере не могло повлиять на мое решение.

Я поднялась, накинула плащ, достала пистолет и положила в карман. Спустившись вниз, к конюшням, я оседлала лошадь и поскакала к Эндерби-холлу. Вскоре я подъезжала к дому. В одной из комнат горел свет. Я радостно вскрикнула - он был там.

Я чувствовала себя так, будто сплю и какие-то неведомые силы управляют мной. Лишь одно было сейчас важно - я должна была убить Бомонта Гранвиля. Голос внутри меня твердил: "Это единственный выход!"

Я распахнула двери и вошла в дом. В сумерках главный зал выглядел невероятно мрачно. Я почувствовала большое желание убежать прочь отсюда. Во мне заговорил здравый смысл: "Расскажи Карлотте правду, покажи ей, какой он, а если она не слушает твоего предупреждения, ей пожинать плоды своих поступков. Возвращайся! - твердил мой здравый смысл. - Возвращайся!" Но я не могла вернуться.

До сих пор я не знаю, выстрелила бы я, когда бы пришло время, действительно ли я решилась на убийство? Я так до конца и не уверена в этом.

В доме царила какая-то неземная тишина - не доносилось ни звука. Я поднялась по лестнице. Я должна была найти комнату, где горел свет. Но, когда я вышла на галерею, я сразу натолкнулась на Гранвиля. Он лежал на полу, на вышитом жилете застывала кровь. Он не двигался. Я посмотрела на его лицо и мгновенно все поняла. Я пришла слишком поздно: кто-то все сделал за меня!

Я выбежала из дома. Вскочив на лошадь, я поскакала как можно быстрее. К тому времени уже совсем стемнело. Резко похолодало, и в воздухе висел легкий туман. Над моей головой россыпью бриллиантов сияли звезды, и мягко светил ломтик луны.

Я твердила себе: "Этого не может быть! Ты все выдумала! Это порождение твоего мозга! Ты выжила из ума!" Я лишь раз взглянула на него и сразу убежала. Может, он вовсе не был мертв? Может быть, я вообще его там не видела? В руке у меня был зажат пистолет со взведенным курком. Мысли мои были в полном беспорядке, так что я не была уверена в том, что произошло. Я даже не помнила, как мне удалось отвязать лошадь и уехать.

Очувтившись в своей комнате, я села на стул и посмотрела на свое отражение в зеркале.

Я с трудом узнала себя - безумные глаза, побелевшее, как мел, лицо. Я была как во сне - все казалось мне призрачным. Я начала сомневаться, что действительно видела тело Гранвиля.

И тогда мне в голову пришла безумная идея - отправиться назад и посмотреть, не пригрезилось ли мне все это? Я взвинтила себя до предела, я замышляла убийство. "Лежал ли он там? - продолжала я спрашивать себя. - Или это была просто игра воображения, ужасная галлюцинация, порожденная измученным сознанием?"

Я должна съездить туда еще раз, я не могу оставаться в этой комнате, я должна убедиться! Поэтому я вернулась в конюшню, взяла лошадь и снова поскакала в Эндербихолл.

У дорожки, ведущей к дому, я стреножила лошадь и пошла к зданию. Дом мрачным силуэтом возвышался передо мной. Казалось, он живет своей собственной жизнью - злобной, коварной. Заходи, казалось, говорил он. Заходи и прими свою судьбу!

Я открыла дверь. Она все еще была не заперта. Я вступила в холл. Призрачный лунный свет падал на пол сквозь пыльные окна. Вокруг царила ужасная тишина, будто все в доме замерло, следя за мной, затаилось в ожидании.

Меня охватил безумный страх. В самый первый раз, как я очутилась здесь, я поняла, что какое-то зло прячется здесь. "Беги! Беги, пока еще есть возможность! - говорил мне внутренний голос. - Не смотри на это!" Но я должна была посмотреть, я должна была убедиться! Это был не сон: я видела, как он лежал там, видела запекшуюся кровь на его жилете.

Я подошла к подножию лестницы и начала медленно подниматься. Какая тишина стоит в этом доме! Тишина, сопутствующая смерти! Мои шаги по деревянным ступенькам эхом разносились по всему зданию.

Я поднялась на галерею и опустила глаза. Ничего. Но я же видела его! Сколько с тех пор прошло времени? Сколько отсюда до дома и обратно? Он лежал здесь, я видела его! Я не могла поверить, что все это мне пригрезилось. Я видела его искаженное лицо, видела кровь на его одежде!

Происходящее все больше и больше напоминало безумный кошмар. Я пригляделась: на досках темнела какая-то полоска. Кровь! Нет, я не ошиблась! Я действительно видела его здесь, а теперь кто-то оттащил его в сторону.

Я повернулась и сбежала вниз по лестнице. Вырвавшись из дома на холодный ночной воздух, я подошла к лошади и вскочила на нее. И тогда я увидела мерцающий огонек среди деревьев. Там кто-то был. Кто? И что этот человек там делает?

Я снова спешила: я должна была все узнать. Я привязала лошадь и направилась обратно к воротам. Обойдя дом стороной, я подошла к зарослям кустарника и там, в самой глубине кустов, вновь заметила тот самый мерцающий огонек.

Там кто-то был, он копал землю. Я поняла, что он рыл яму под могилу. Кто бы там ни убил Бомонта Гранвиля, сейчас он копал ему могилу. Меня охватил страх. Я пригнулась. Меня не должны заметить. Я сказала себе: "Не смотри, ты и так знаешь!"

Я закрыла лицо руками. Зря я выдала свою тайну. Я так долго хранила ее в себе, потому что боялась того, что может произойти, если события той страшной ночи выплывут наружу. Этого я боялась больше всего, не надо было мне говорить. Я узнала того, кто копал могилу. Конечно же, я знала его лучше всех на свете. В лунном свете я увидела лицо Ли.

Я хотела было подойти к нему, но что-то остановило меня. Если тело хорошо спрячут, а следы убийства уберут, вполне может быть, что никто и не узнает, что Бомонта Гранвиля

убили в Эндерби-холле.

Я вернулась к лошади. Вскочив на нее, я поехала домой. Когда я добралась, наконец, до дома, я была изнурена до предела. Я поднялась к себе в комнату и упала на кровать. Немного спустя вошла мать.

- Присцилла, ты выглядишь больной, - сказала она. - Что случилось?

- Меня мучает ужасная головная боль, - ответила я. - Я просто хочу побыть одна и полежать в темноте.

- Бедная моя! Ли так радовался возвращению домой! Кстати, где он? Я подумала, что вы вместе. Мне надо снова накрывать стол?

- Я не выйду сегодня, - вымолвила я. - Я плохо себя чувствую.

- Завтра у нас небольшой праздник по случаю возвращения Ли, и, если ты себя плохо чувствуешь, я позову доктора!

- Милая мамочка, - сказала я, - я так виновата перед тобой!

Она поцеловала меня.

- Ничего, дитя мое! Будет еще завтра, и все будет в порядке, а теперь отдохни.

Я полежала во тьме, потом встала и разделась. Я должна была притвориться, будто сплю, потому что не могла ни с кем говорить.

Через два часа вернулся Ли. Он тихо вошел, а я притворилась спящей. Он подошел к кровати, держа в руке зажженную свечу, и посмотрел на меня. Я плотно сжала глаза, а когда он отвернулся, я взглянула на него. Его одежда была в грязи, и я почувствовала страх.

Долго он смывал со своего тела грязь.

Той ночью мы спали рядом, но не вместе. Я не говорила с ним, притворяясь спящей. Он, казалось, тоже совсем не хотел говорить. Так пролежали мы всю ночь, делая вид, будто крепко спим, но я чувствовала, что он так и не сомкнул глаз до самого утра.

ОТКРОВЕНИЕ

Сейчас, оглядываясь назад на те недели, что последовали вслед за этими событиями, я не могу понять, как же все-таки мне удалось пережить их? Тень Бомонта Гранвиля преследовала нас.

На следующий день я поехала на то место, где видела прошлой ночью Ли. Было заметно, что землю кто-то рыл, и я поняла, что здесь лежит тело Гранвиля. Я была вне себя от горя и беспокойства. Не знаю, почему, но я всегда была уверена, что той ночью, которую провели мы с Гранвилем, дело не закончится. Это было только начало ужасной трагедии масок, которая разыгралась потом, и подобный конец был неизбежен. Из-за того, что я натворила, Ли стал убийцей! Я всегда знала, что он убьет Бомонта Гранвиля, если узнает, что случилось. Он был импульсивным и страстным человеком. А потому он вырыл могилу и похоронил его.

Убийство - страшная вещь. Думаю, никто, кому когда-либо пришлось совершить его, не забудет об этом. Я сама чуть не пошла на этот шаг, но выстрелила бы я, когда очутилась лицом к лицу с моим мучителем? Я много думала об этом. Инстинктивно я чувствовала, что никогда бы не отважилась на это. Я никогда бы не смогла убить человека, каким бы отвратительным он ни был, но я желала того, чтобы сделала это я, а не Ли. Это было моей трагедией, это я решила спасти жизнь отцу, и это за мной должен был быть последний шаг.

Но я никогда бы не смогла это сделать. Сейчас я понимала это. А теперь что будет дальше? Я была уверена, что все еще далеко не закончено.

Целую неделю ничего не происходило. Ли и я вели себя как два совершенно

незнакомых человека. Мы даже не пытались жить нормальной семейной жизнью. Казалось, он не хотел даже подходить ко мне, однако я чувствовала, что он тоскует по мне. Я же отговаривалась тем, что плохо себя чувствую, это было нетрудно.

Мать послала за доктором, который сказал, что я должна отдыхать и есть питательную пищу, иначе наступит ухудшение.

Приехала навестить меня и Карлотта. Я думаю, ее заставили это сделать. Она держалась замкнуто. Приехала и Харриет.

- Боже, что происходит с тобой? - спросила она. - Ты выглядишь ужасно! Ты не приходишь в себя уже долгое время. В чем дело?

Я повторила, что сказал доктор.

- Карлотта беспокоится, - сказала она. - Она давно не получала от нашего романтического героя никаких вестей.

- Да? - слабо переспросила я.

- Недавно еще он был в Эндерби, а сейчас куда-то исчез.

- В Эндерби?

- Да, в пустом доме. Он приехал туда, чтобы быть поближе к Карлотте, чтобы она могла приезжать и встречаться с ним, а потом куда-то пропал. Карлотта подумала, что ему срочно пришлось уехать в Лондон и у него не было времени, чтобы известить ее, и сейчас она хочет ехать в Лондон!

Я ничего не ответила.

- Она твердо намерена выйти за него замуж, - продолжала Харриет, - и, думаю, она так и сделает. Если она решила, она не успокоится, пока не добьется своего. Тебе придется смириться, Присцилла!

Я равнодушно отвернулась.

- Что ж, - сказала Харриет, - такова жизнь! Если он и негодяй, она привыкнет к этому. Сама знаешь, молодые живут только ради себя! Бесплезно наставлять их на путь истинный, пока они сами не испытают окольные тропинки!

Мне захотелось закричать на нее, чтобы она уходила, что я больше не могу этого выносить.

Приехала навестить меня Кристабель. Она успокоила меня немного: ни словом не обмолвилась насчет Бомонта Гранвиля, а говорила только о себе. Она решила, что ей нужно родить еще одного ребенка. Она знала, что Томасу хочется этого больше всего на свете.

- Я думала, что ты опасешься делать это? - сказала я.

- Говорят, что это опасно, но, я думаю, Томасу-младшему нужен брат или сестра.

- Не будь глупой! - увещевала ее я. - Ты ему нужна больше!

- Я тоже так думаю, - ответила она. - Настоящее чудо, что теперь меня любят мои два Томаса! Меня, которую никогда никто не любил, лишь некоторые относились ко мне хорошо.

- Ты всегда забивала себе голову подобной ерундой, Кристабель!

Несколько недель спустя она снова приехала ко мне и сказала, что беременна.

- Все будет хорошо, - сказала она. - Я знаю, что поступаю правильно.

Мать сказала, что опасно повторять то, что произошло с ней, когда родился Томас-младший. Томас Уиллерби очень беспокоился, но Кристабель пребывала в безмятежном расположении духа и продолжала настаивать, что все будет хорошо.

Мы все начали верить ей. Да и я с большой радостью слушала рассказы о будущем

ребенке, отвлекаясь от своих мрачных мыслей, которые то и дело возвращались к тому, что произошло в Энлерби-холле.

В нашем доме царило какое-то странное настроение. Отец изменился по отношению ко мне: я часто ловила на себе его взгляды, а когда он это замечал, то застенчиво улыбался мне. Когда он говорил со мной, его голос смягчался. Наконец-то он стал уделять мне внимание! Мне хотелось сказать ему, что уже слишком поздно что-либо менять. Карлотта..., но какой ценой!

Отношения между мной и Ли тоже изменились. Если с самого начала и было какое-то напряжение между нами и оно исходило от меня, то теперь оно значительно усилилось. Он себя чувствовал так же неловко, как и я. Мой муж был убийцей. Может, это было и праведное убийство, но оно все равно оставалось убийством. Он убил Бомонта Гранвиля и закопал его тело. Дни проходили в ожидании, что кто-то может узнать тайну, и ожидание было невыносимо.

Харриет держала нас в курсе событий.

- Очень странно! - говорила она. - Наш Бо, кажется, просто испарился! Уже несколько месяцев в Лондоне о нем никто ничего не знает!

- Его ищут? - спросила я.

- Думают, что он уехал за границу. Он должен был порядочную сумму, и его кредиторы скрипят зубами. Он как раз занял еще денег под предлогом приближающейся свадьбы, а потом..., он просто исчез! Все сходятся на том, что он уехал за границу, он ведь всегда много ездил! Поговаривают, что наследница обманула его, и ему пришлось уехать, так как он не мог уже смотреть своим кредиторам в глаза.

- Вполне возможно!

- Но мы-то знаем, наследница не обманывала его!

- Значит, была еще какая-то причина.

- У Карлотты сердце разрывается, она ничего не может понять! А у меня есть одна мысль!

- Какая? - спросила я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно более равнодушно.

- Он почуял большие деньги... Нашел, наверное, еще какую-нибудь наследницу в другой стране!

- Очень вероятно!

- Я сказала это Карлотте! Сначала она пришла в ярость, но, думаю, сейчас она начинает думать, что я оказалась права!

- Она так редко навещает меня, - печально сказала я.

- Она винит тебя в том, что ты помешала их любви, но я пришла к решению, что ты действовала мудро! Он слишком уж вызывающе себя вел! И уехать вот так, не сказав ни слова! Ему следовало бы остаться и выполнить свои обещания. По крайней мере, он мог бы извиниться перед ней! Уверена, он смог бы придумать что-нибудь правдоподобное, но уехать просто так...

- Ты считаешь, она переживет это?

- Да, она не так уж и печалится. Кроме того, есть еще Бенджи. - Она загадочно улыбнулась. - Они всегда были большими друзьями, и так до сих пор ими и остались.

Я закрыла глаза.

- По крайней мере, она спасена от большой беды, - сказала я.

И горько подумала про себя: "Но какой ценой!"

Порой я приходила на то место, где обнаружила зарытую яму. Трава уже закрыла ее, и теперь почти ничего было не видно. Никто даже не подумал искать там Бомонта Гранвиля.

В нашем доме уже не упоминали его имени. Я подумала, что там, в Лондоне, наверное, тоже только пожали плечами, а близких родственников у него не было. Наверное, подумали, что он уехал за границу, как он часто поступал. Может, когда пройдут годы, его сочтут мертвым и его наследство перейдет какому-нибудь дальнему родственнику.

С тех пор прошли месяцы. Наступило лето. Я думала, сколько еще мы с Ли выдержим такую жизнь? Иногда я спрашивала себя, не легче ли сказать ему, что я знаю, что произошло? Что я видела окровавленное тело Бомонта Гранвиля и как он рыл для него могилу? Не лучше ли было вызвать его на откровенность?

Мне казалось, что бы ни случилось, память о Бомонте Гранвиле всегда будет разделять нас. Наша свадьба должна была принести столько счастья нам обоим! Мы любили друг друга, в этом не было никаких сомнений. Я знала, что никого я не любила так, как Ли, и что совершил он это убийство только из любви ко мне. Но мы будто блуждали в тумане, искали друг друга, но не находили, потому что тяжкая ноша вины лежала на нас обоих. Ли был моим возлюбленным мужем, но в то же время он был убийцей, а я делила вину, потому что убийство совершилось из-за меня. Более того, если б Ли не опередил меня в Эндерби, то именно на меня несмываемым пятном легло бы это преступление.

И так мы прожили это лето. Не было мира ни для кого из нас, будущее мне казалось беспросветно мрачным. Лишь одна мысль поддерживала меня:

Карлотта была спасена!

Мы выкупили Довер-хаус, приобрели землю, и на той земле находилась могила Бомонта Гранвиля: Ли настаивал, чтобы мы непременно приобрели тот клочок земли.

Я подумала, что теперь мы в безопасности: никто и никогда не найдет тело, но и я никогда не смогу забыть об этом. Я думала, будет ли его призрак приходить к нам по ночам? Но он и так уже был с нами, и не было никакой нужды в странных звуках и ужасных картинах. Он будет мучить меня до конца моих дней! Сможем ли мы когда-нибудь снова стать счастливыми? О да, он был мертв, он лежал там, в могиле, убитый, но все-таки он не оставлял нас.

Пришел ноябрь - сумрачный сезон туманов. У Кристабель родилась дочь. Это была здоровая девочка, и все мы радовались этому событию. Но вновь повторилась та же история: сразу после родов Кристабель тяжело заболела. Доктора качали головами и говорили, что ей не следовало рисковать и рожать второго ребенка.

Я поехала навестить Кристабель. Она лучилась счастьем и очень гордилась своей дочкой.

- Теперь у Томаса есть дочь! - сказала она. - Это все, что я могла сделать для него! У него двое очаровательных детишек, и это я подарила их ему!

"Она выздоровеет, - подумала я. - Она обязана! Она так довольна собой!"

Но на следующий же день, как я уехала от нее, в Эверсли появился Томас.

- Кристабель срочно хочет повидаться с тобой! - сказал он. - Она хочет, чтобы приехали вместе ты и Ли, обязательно! Только вы двое, и немедленно!

- Ей уже лучше? - сказала я.

- Она кажется очень счастливой, - ответил Томас, - но она просила вас вдвоем приехать как можно быстрее. Вы поедете со мной?

Я ответила "да" и побежала на поиски Ли. Вскоре мы были уже в Грасленде и напрямик прошли в комнату Кристабель.

Она лежала, опираясь на подушки, и что-то в ней было странное: на лице ее было написано неземное блаженство.

- Присцилла! - воскликнула она. - Ли! Как я рада, что вы приехали! Я боялась, что вы не поспеете вовремя!

- Конечно, мы приехали, - ответила я. - Но что за срочность, Кристабель? Ты выглядишь лучше! Ты выглядишь... Ну, ты будто бы светишься изнутри... Ты выглядишь абсолютно счастливой!

- Я должна кое-что сказать вам, кое-что важное! Это нелегко, но я не успокоюсь, пока не расскажу вам с самого начала, тогда вы поймете. Ты знаешь мою натуру, Присцилла: злоба и зависть правили мною всю жизнь.

- Это из-за твоего рождения, Кристабель, я понимаю. Но ты изменилась, когда вышла замуж! Она кивнула.

- Я так ревновала тебя.., тебя особенно.., потому что ты родилась там, где нужно.

- Я знаю, но можно уже отбросить эти мысли!

- Люди должны думать перед тем, как ввести ребенка в этот мир: краткий миг удовольствия, и вот еще одна жизнь, чья-то жизнь! Когда я подумала, что, может быть, Эдвин любит меня, я была очень счастлива: не то чтобы я любила его - я жаждала того, что принесло бы мне это замужество! А затем мы поехали в Венецию, я была твоей доверенной подругой, и я была рада этому, Присцилла. Я радовалась твоей беде.., и всему тому, что случилось!

И я любила тебя, вот почему так сложно понять все! Но я не могла не радоваться твоим бедам!

- Это уже неважно, - сказала я. - Пожалуйста, Кристабель, не расстраивай себя!

- Но это действительно важно, послушайте! В Венеции, когда Карлотта должна была родиться, ко мне пришел Бомонт Гранвиль. Он разыскал меня... - Голос ее прервался, и несколько секунд она, казалось, не могла продолжать свой рассказ. - Он мог быть таким очаровательным! Он знал, как обращаться с такой женщиной, как я: он быстро понял, что всю жизнь мне не хватало любви, и знал, как я жажду ее! Ты можешь догадаться, что случилось потом...

- О, Кристабель, нет! - вскричала я. - Только не ты!

- Да, он делал со мной, что хотел! Была и картина, он заставил меня позировать ему!

Я опустила взгляд: я не могла смотреть Ли в глаза.

- И он заставил меня рассказать ему все о тебе, Джоселине, Карлотте. Он знал, что это твой ребенок, а не Харриет.

- Я начинаю многое понимать! - сказала я.

- Потом он вернулся, пришел прямо сюда: ему нужны были деньги. Он знал, что я вышла замуж за богатого человека, и, Присцилла, я дала ему денег, чтобы он молчал и не рассказал все Томасу! Я бы не вынесла, если б Томас узнал! У него был мой портрет, он угрожал. О, но ты можешь понять, я не могла позволить, чтобы это случилось... Не могла! Я была так счастлива! У меня было все, чего я так хотела всю свою жизнь, а теперь он пришел и стал угрожать моему благополучию!

- О, Кристабель! - прошептала я. - Я понимаю! Он был ужасным человеком!

- Но мне было все равно, что я делаю, пока я могла остановить его. Он рассказал мне о

той ночи с тобой. Он так гордился тем, как умно он вертит нашими жизнями, как он это называл, заставляя нас танцевать под его дудку. Мы были его рабынями! Я должна была что-то предпринять, я должна была удержать то, чего я, наконец, добилась! И путь был один: я взяла ружье и застрелила его. Да, Присцилла, я убила его!

Ли с удивлением воззрился на меня. Наконец-то мы начали все понимать.

- Я вышла из дома, ошеломленная сделанным: я стала убийцей! Я не могла поверить, что такая обыкновенная женщина, как я, когда-нибудь сможет совершить убийство! Чудовищность того, что я сделала, внезапно дошла до меня. Я боялась идти домой, я затаилась там. Потом я заметила, как из дома вышел Ли с телом. Я увидела, как он начал копать землю, и поняла, что он собирается похоронить его. И тебя, Присцилла, я тоже видела, и только тогда я осознала, насколько глубоко все мы увязли в этом! Но так как одна я знала, что в действительности произошло, я сразу все поняла: Ли хоронил тело, потому что считал, что это ты убила его! Я вздохнула с огромным облегчением: я сделала это, и никто не узнает. Томас никогда не узнает о том, что я была связана с Бомонтом Гранвилем! Но все вышло не совсем так, как я думала, ничто не проходит бесследно! Я всегда так любила тебя, Присцилла, мы сестры, настоящие сестры! Я увидела что ты и Ли отдаляетесь друг от друга, и понимала, почему это происходит. Ли думал, что этого человека убила ты, а ты думала то же самое про него. И тень Гранвиля всегда бы стояла между вами!

- Бедная Кристабель, - сказала я, - как ты, должно быть, настрадалась!

- Я поняла, что не будет в моей жизни счастья, если я не признаюсь во всем, но я бы не вынесла, если б об этом узнал Томас! Он так любил меня, он возвеличивал меня, я была так счастлива с ним! Вот почему я должна была убить этого человека, и после того, что сделала, одним лишь способом я могла загладить свои грехи: я могла подарить Томасу ребенка и умереть во время родов!

- Теперь Гранвиль мертв, - сказал Ли. - Он заслуживал смерти! Зачем кому-то знать об этом? Он лежит там, на нашей земле, и никто не будет горевать по нему.

- Убийство есть убийство, - сказала Кристабель. - "Так не убий". Я умираю, я знаю это и знаю, что так и должно было случиться! Но моя девочка остается жить, и вечно будет жить моя любовь к Томасу. Он будет навещать мою могилу, приносить цветы и говорить: "Она была мне хорошей женой!" А мои дети принесут успокоение ему, и вы двое должны примириться друг с другом!

Она улыбалась, и, хотя на лице ее уже проглядывала печать смерти, она была божественно красива, будто долгое время блуждала в потемках, а потом внезапно нашла свой путь к вечному покою.

В конце недели она умерла.

Ли и я вернулись в Довер-хаус. По дороге мы не обменялись ни словом: мы и так понимали друг друга и знали, что сейчас вступаем в совершенно новую жизнь и что она будет долгой и счастливой.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ, ПОВЛИЯВШИЕ НА СУДЬБЫ ГЕРОЕВ РОМАНА

После смерти Карла II английская корона перешла к Якову II.

Одним из первых действий, по восшествии на трон Якова II, было издание в 1685 году декларации о намерениях осуществлять управление и церковью и государством, что соответствовало закону. Общество доверяло Якову II, и в начале его правления парламент поддерживал все решения короля.

Позиция Якова еще более укрепили два неудавшихся восстания. Маркиз Арджилл,

живший в изгнании в Голландии, в 1685 году высадился на западном побережье Шотландии и призвал под знамена членов своего клана. Его небольшая армия была вскоре разбита, сам маркиз оказался в плену, его привезли в Эдинбург и казнили.

Восстание под предводительством герцога Монмута также потерпело поражение. Его армия была полностью разбита при Седжмуре в 1685 году.

Монмута схватили и казнили, его сторонники подверглись варварскому обращению со стороны солдат королевской армии и судьи Джефффриза, разбиравшего дело повстанцев. В результате так называемого "кровавого судилища" более трехсот человек были казнены, а сотни людей отправлены в Вест-Индию на каторжные работы на плантациях.

Главной целью Якова было восстановление в Англии католицизма. В нарушении закона он назначил католиков на правительственные должности и на командные посты в Англии и пытался сформировать послушный ему парламент.

Королевское окружение предпочитало поддерживать Якова, поскольку наследницами трона являлись дочери его первой жены, воспитанные в протестантском духе. Но, когда было объявлено, что вторая его жена-католичка родила сына, ситуация изменилась.

Уважаемые люди Англии обратились к принцу Оранскому с просьбой прийти и освободить страну от тирании Якова.

Вильгельм, принц Оранский, был сыном старшей сестры Якова II. В ранней молодости ему пришлось взять на себя ответственность защиты свобод Голландии от французского вмешательства. На поле битвы и в залах советов Вильгельм проявил себя хладнокровным, дальновидным и решительным человеком. За несколько лет до этих событий он женился на своей кузине Марии, дочери Якова II.

В ответ на обращение Вильгельм начал неспешно и тщательно готовиться к экспедиции в Англию. Он отправился с крупными силами и после удачного морского путешествия 5 ноября 1688 года высадился в Торби.

Сразу же после этого Вильгельм маршем отправился на Эксетер. В начале к нему присоединились немногие, поскольку еще слишком живы были воспоминания о неудачном восстании Монмута, но затем мелкопоместное дворянство начало приходить под его знамена. На севере тоже стали образовываться вооруженные соединения и через некоторое время во всех частях страны имелись войска, верные Вильгельму.

Лорд Джон Черчилль и старшие армейские офицеры, которым Яков особенно доверял, тоже перешли к Вильгельму, и даже его родная дочь Анна вместе со своим мужем принцем Георгом Датским оставила монарха. Король, который уже дошел до Солсбери, был вынужден отступить в Лондон. Делались попытки прийти к соглашению с принцем Оранским, но одновременно Яков отослал королеву и своего маленького сына подальше от опасности. Затем он и сам попытался бежать, но был задержан и возвращен в Лондон.

Обеспечив себе поддержку всех партий, Вильгельм начал наступление, занял Лондон, а Яков вновь бежал. На этот раз задержать его не удалось. Был созван парламент Согласия. После долгих дискуссий трон был признан свободным, и Вильгельм с Марией получили приглашение занять престол.